АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

16+

Приокские зори

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

4

2014

ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:

Орден Гаврилы Романовича Державина — знак литературно-общественной премии «Живи и жить давай другим...» (Г. Р. Державин «На рождение царицы Гремиславы» Л. А. Нарышкину)

Медаль «300 лет Михаилу Васильевичу Ломоносову» — в честь 300-летия со дня рождения великого русского ученого-энциклопедиста и основоположника современной русской поэзии

Медаль к 190-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова — знак лауреата Некрасовской литературной премии

Тульские зори

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ ЖУРНАЛ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ

2014 — 4(37)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
«Люблю отчизну я, но странною любовью!» Лермонтов и истоки нонконформизма в формировании русского критического реализма 3
К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПОЭТА МИХАИЛА ЮРЬЕВИЧА ЛЕРМОНТОВА (1814—1841)
Михаил Юрьевич Лермонтов. Смерть поэта. «Прощай, немытая Россия...» Дума. Поэт. И скучно и грустно. Журналист, читатель и писатель 17
Рисунки и картины М. Ю. Лермонтова 26
Ирина Николаева. Смерть и Лермонтов 29
Лариса Яшина. И любовью наполнился свет! 32
Алексей Скаредов. «Скитаясь по горам...» 36
Наталья Квасникова. Лермонтов в моей жизни 41
Анатолий Коновалов. Жертва жребия земного: Повесть 45
Маргарита Дзодзикова. Суадагская легенда 61
Виктор Пахомов. Поэты 70
НОВОРОССИЯ: ГЛОБАЛИЗМ В ДЕЙСТВИИ
Владимир Высоцкий. Солдаты группы «Центр» 72
Игорь Герасимов. Разная весна 74
Владимир Бояринов. Тягнибокские напевы 76
Владимир Резцов. Ополченцы (отрывок из поэмы «Песня о Гришке Отрепьеве») 84
Владимир Сапожников. Последний бой 86
Ирина Кедрова. Украинская война 92
Ярослав Брагин. Земля в дыму 109
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ
Геннадий Маркин. Вкус хлеба 110
Яков Шафран. Эстафета 120
Рудольф Артамонов. Визит к бабушке 124
Алексей Яшин. Дни и ночи триста шестой палаты 128
Николай Макаров. Сказки о паровозике 145
Сергей Норильский. Последняя встреча (глава из книги) 147
Федор Ошевнев. Первоисточник (солдатское письмо) 152
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ
Анатолий Пережогин. На него наставлен сумрак ночи 161
Сергей Лебедев. *Personalia* 168

Игорь Мельников. Холодным утром..... 174
Игорь Боронин. Басни..... 177
Галина Лялина. Ты, Россия, похожа на солнце..... 180
Владимир Зайцев. А солнце здесь — оно не просто светит..... 184
Любовь Самойленко. Строкой говоря..... 188
ПУБЛИЦИСТИКА И ПРАВДА ЖИЗНИ
Виктор Буланичев. Георгий Алексеевич и Виктория Викторовна Прибытковы. Люди Сибири..... 192
Зоя Алешникова (Краснова). Воспоминания о далеком и близком..... 205
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ
Материалы всероссийской и международной дискуссии «Герой нашего времени» в оцифрованном человейнике» (От редакции, Александр Субетто, Федор Ошевнев, Яков Шафран, Ирина Кедрова, Людмила Авдеева, Василий Василенко, Андрей Шендаков, Иосиф Рухович, Владимир Трусов, Рудольф Артамонов, заключение от редакции)..... 241
Евгений Трещев. Поэзия солнечного света..... 288
Александр Сорокин. Тайна Веры, злоключения Игоря Васильевича и все, все, все. Пристрастные размышления или чтение в сердцах..... 294
Слово — душа народа (интервью по просьбе читателей)..... 301
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ..... 304

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-RW-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы не принимаются (кроме поэзии: sensei419@yandex.ru).

Вниманию читателей: журнал распространяется бесплатно по библиотечной сети.
Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: *priok.zori@mail.ru*; (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Первый зам. главного редактора Виктор ПАХОМОВ (Тула)
Зам. главного редактора Наталья КВАСНИКОВА (Москва)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Вячеслав БОТЬ (Тула)
Тамара БУЛЕВИЧ (Красноярск), зав. отделом международных связей
Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель Правления Союза писателей России
Виктор ГРЕКОВ (Белев)
Ирина КЕДРОВА (Москва) — зав. отделом критики и литературоведения
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Сергей ЛЕБЕДЕВ (Тольятти) — зав. отделом литературы Поволжья
Игорь НЕХАМЕС (Москва)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Наталия ПАРЫГИНА (Тула)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав. отделом литературы Сибири
Владимир РЕЗЦОВ (Калининград) — зав. отделом поэзии
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), президент Академии российской литературы
Яков ШАФРАН (Тула) — отв. секретарь

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
Секретарь Игорь МЕЛЬНИКОВ (Тула)

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
— журнал «Голос эпохи» (Москва)
— «Литературная газета»
— газета «Российский писатель»
— «Общеписательская литературная газета» (Москва)
— газета «Слобода» (Тула)
— газета «Тульская правда»
— газета «День литературы» (Москва)
— журнал «Золотая Ока» (Калуга)

Журнал издается попечительством Тульского государственного университета (ректор М. В. Грязев) при организационной поддержке Академии российской литературы и Тульской писательской организации Союза писателей России.

Учредитель: ООО Издательство «Неография». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 71-00079 от 05.03.2009 Управления ФС по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Тульской области

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: www.pz.tula.ru (в PDF формате)
См. также на сайте «Русское поле»: priokskie.ruspole.info

© «Приокские зори», 2014

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

«ЛЮБЛЮ ОТЧИЗНУ Я, НО СТРАННОЮ ЛЮБОВЬЮ!» ЛЕРМОНТОВ И ИСТОКИ НОНКОНФОРМИЗМА В ФОРМИРОВАНИИ РУССКОГО КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

...Как-то у нас в нынешнее время, естественно, с подачи СМИ и демонического Интернета, русский язык обратился в этакий полуамериканский, даже некогда дарованная Петром Первым народу милость зваться по имени — отчеству мигом исчезла, даже самых что ни на есть первых лиц государства в печати и радиотелевидении, в обыденной речи лишили отчества (!?). Как говорится, в одночасье лишили всех нас и отчества, и отечества, которыми издавна привыкли гордиться... А ведь до появления ренегатов «первого призыва» — каиновопятнистых и иже с ними — без отчеств принято было называть несовершеннолетних и, но уже в качестве почести, деятелей искусства и литературы. Да еще во всех православных храмах пропевали анафему Стеньке Разину, Емельке Пугачеву, Ивашке Мазепе и другим татям и госизменникам — тоже без отчеств да еще с уничижительными именами. Сейчас же, по американской мове, все стали вроде как несовершеннолетними и анафематовыми... Но при этом не стали так же массово культуртрегерами в области искусства и литературы.

Это мы все к разъяснению сути подзаголовка настоящей «Колонки», посвященной 200-летию Михаила Юрьевича Лермонтова. Охотно воспринимая и даже несколько щеголяя американизмами «проблема», «вау!» с «ваучером» и пр. и пр., добрый наш народ в то же время с недоверием относится к словам с греко-латинскими корнями, вошедшими в русскую речь сотни лет тому назад. Так и при слове «нонконформист» морщатся как при произнесенной вслух непристойности, в лучшем случае — мысленно подыскивают синоним (фонетический) из числа американизмов-жаргонизмов. Все смешалось в доме Облонских, словом...

В советской средней, равно как и в высшей, школе учили добротно, без американизмов, русскому языку в том числе. И в нашей школе им. М. А. Погодина города Полярного, тогдашней «столицы» Краснознаменского Северного флота, где каждый директор чем-нибудь да был знаменит — один даже гимн КСФ «Прощайте, скалистые горы» написал,— говорили правильно и умно. И учительницы, сплошь ленинградки, прибывшие в Заполярье с мужьями офицерами — подводниками, и ученики — это почти все дети флотских офицеров.

Когда же автор этих строк в старшеклассном сочинении по заданной теме об образе Печорина поименовал Михаила Юрьевича «певцом нонконформизма», то строгая, но умнейшая наша учительница — словесница на последующем в классе разборе сочинений, дойдя, вернее, начав с моего, во-первых, предостерегала от излишней категоричности в употреблении греко-латинской терминологии; во-вторых, высказалась в том смысле, что быть тебе писателем...

Ну, писателем не писателем, сочинителем не сочинителем, но то, что Лермонтов стал первым и гениальным нонконформистом в русской поэзии, то есть певцом «потерянного поколения», что литературно благозвучнее, крепко запало в память.

Уже и не выпадет. Отдаленным синонимом это же латинского (non — нет + conformis — сходный) слова является народная присказка: все не в ногу идут, только я в ногу! Здесь, ради бога, не подумайте! — ничего обидного для нашего великого поэта нет, и даже подспудного намека. Тем более что от нонконформизма мы напрочь отсекаем религиозную и политическую трактовки этого термина, а оставляем в нашем контексте только и исключительно черту характера, завладевшую творческим самовыражением, тем более, давшим России и миру великую и самобытную поэзию. Прозу и драматургию тоже.

Еще несколько поясняющих intermezzo, касающихся отображения характера (психологического) писателя на его творчество и национального характера в его отображении на творческую доминанту.

В наше время, в которое в силу только что введенного в российский обиход закона об исключении непечатных выражений все приходится облекать в слова «удобные для печати», как говорили в XIX веке, так вот в это время СМИ всех видов технических носителей в ситуации «писатель пишет, читатель почитывает» все перевернули с головы на ноги. Если в тех же XIX—XX веках читатель и почитатель литературы, меломан, страстный театрал, любитель кино, даже обычный вечерний телезритель читали, слушали, смотрели собственно произведения литературы и искусства, особо, но обычно — и вовсе, не задумываясь о личности и личностном, бытовом так сказать, характере автора, исполнителя, актера и пр., то теперь СМИ и воспитанная им масс-медиа, электорат потребителей, так сказать, во главу ставит личностную жизнь автора произведения. Чего здесь растекаться мыслью по древу.— Включите телеящик вроде как на «интеллектуальнейшей» программе «Культура»: кто с кем спит в Голливуде, кто украл бриллианты Зыкиной, сколько бутылок водки (виски, джина, китайского «пейцзю» и «баландзю») в сутки выпивает писатель N ... И все в этом роде: мужском, женском и среднем — ныне трансвеститском в стиле «Кончиты Европы». Мигом приходит на память знаменитый «Закат Европы» Освальда Шпенглера...*

Понятно, что современные культуртрегеры от СМИ и Лермонтова не минуют, благо характер-то Михаила Юрьевича не из сахарно-медовых был. Понятно, что он не мог не отразиться на чертах героев его произведений, особенно прозаических. Это азы, так сказать, диалектики психофизиологии личностного характера. Но избави вас бог, впадать в детство и сколь-либо полно отождествлять характеры, психологический тип по Карлу Густаву Юнгу, писателя и героев его произведений! Да не только героев, но и вообще идеологию, композицию и колорит произведений: нравственный, морально-этический и пр. Часто, слишком часто, они суть сама противоположность: мрачный ипохондрик Александр Грин, создавший самые светлые образы в литературе; плеяда знаменитых французских писателей, вылепивших великолепные образы щедрых и бескорыстных героев, самих же бывшими предельными скупердяями, готовыми за сантим удавиться... Продолжение до бесконечности. Впрочем, здесь достаточно.

О втором intermezzo, об отображении национального характера писателя на его творчество сейчас и писать-то страшновато в век навязываемой всему миру пресловутой «толерантности» — великого идеологического оружия Тайного (пока) мирового правительства по превращению человека мыслящего, некогда гордого своей индивидуальностью, в винтик безликой биомассы. В данном аспекте национальность — враг номер один. Ладно, Америка, в смысле США, «перегонный куб», где понятие национальности с самого начала этой страны утрачено, но Европа-то? — с ее-то истовым историческим шовинизмом, само слово французское,

* Пиво и коньяк (кит.)

идиомой (это не от слова «идиот»...) национальной германской исключительности, «белокурой бестии» и Uebermensch'а, британским консерватизмом?

...И к нам все подбираются и подпираются втихую. Вот и в паспортах приснопамятную «пятую графу» без особого на то пояснения убрали. Правда, в части остальных, так сказать, мочеполовых, «оттенков толерантности» наши власти пока что твердо стоят на позициях традиционных ценностей. Это хоть радует.

Если — в контексте темы настоящей «Колонки» — манкировать понятием национальной самоидентификации, то почти на всем творчестве Лермонтова, на истоках его нонконформизма, особенностях личностного характера (см. выше), чего, вообще-то говоря, литературоведение, даже осторожное советское, никогда не отрицало, можно смело ставить жирный знак (?!), который означает в переводе на понятийный язык недоумение, не имеющие логического разрешения.

А вот и «контекст»: два величайших русских поэта в полной мере ощущали на себе, на своем творчестве эту национальную самоидентификацию: потомок эфиопских князей Пушкин и потомок же достаточно знатного рода Лермá (по другой версии — Лермóнт) из Шотландии. Переселившиеся в новое свое отечество шотландцы дали многое русской литературе, особенно — ведь Шотландия страна бардов, говоря словами Роберта Бернса — ее поэзии: потомки Лермонтов, Рылентов, Бальмонтов; последний и вовсе фамилию предков сохранил. И все они, тут же заметим, бунтари — конформисты. Также в науке и промышленности России они сыграли существенную роль. ... Выдающийся ученый Марр, тоже из шотландцев, создатель яфетической школы языкознания, даже «удостоился» критики самого Сталина в специально написанной Вождем работе «Марксизм и вопросы языкознания».[*]

Сам Михаил Юрьевич прямо соотносил себя, свое творчество с принадлежностью к потомкам шотландцев. С его картины «Предок Лерма» (масло, 1833, ИРЛИ) на нас смотрит воображаемый родоначальник Лермá — Лермóнтов: шотландский дворянин в средневековой одежде с воротником — жабо, поверх которого рыцарская цепь; тот тип бороды, что мы сейчас называем «шотландкой», а глаза предка М. Ю. Лермонтов соотнес со своими, родовыми, тревожно-грустными:

Грядущее тревожит грудь мою.
Как жизнь я кончу, где душа моя
Блуждать осуждена, в каком краю
Любезные предметы встречу я?
(1831-го Июня 11 дня)

Вся история Шотландии от Средневековья и едва ли не до наших дней[**] *— суть беспрестанная борьба и изгнание, отсюда и генофенотипически сложившийся национальный характер резкого неприятия почти что всего окружающего, что и есть нонконформизм. При населении в 10 % от общебританского, только в XIX — первой половине XX вв. свыше двух миллионов шотландцев вынуждены были уехать в США и в британские доминионы: Канаду, Австралию, Новую Зеландию. Но никем не сосчитано число покинувших родину, в основном, по религиозным соображениям и массовой нищете в века предшествующие.*

И русская историография здесь явно хромает, ибо даже искушенный в истории России, русской науки, литературы и искусства человек на вопрос о времени и при-

---

* Помните из диссидентского фольклора: «Товарищ Сталин, вы большой ученый, в языкознании, безусловно, корифей...» Можно различно относиться как к теории Марра, так и к степени компетенции Иосифа Виссарионовича, но лучше эту работу прочитать, например, в № 4, 2007 «Приокских зорь».

** Вспомните совсем недавний референдум за отделение Шотландии от Англии: всего 5 % голосов не хватило.

чинах появления в нашей стране шотландцев 100 %-но ответит: Петр Первый вместе с голландцами и немцами «выписал». А иной остроумный, забыв, что Лермонтов из шотландцев, даже его же и процитирует:

И что за диво?.. издалека,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока...

И такое бывает. Навряд ли Михаил Юрьевич смог бы так написать, если бы его предки были «выписаны» в Россию в качестве гастарбайтеров того, петровского времени... Нелюбопытны мы в своей истории, сказал Поэт, нелюбопытны. Не единицы, подавляемые числом немцев и голландцев, шотландцев приехали в Россию при Петре и в «женский» императорский XVIII век, но десять тысяч их были переселены в нашу страну в веке XVII указом царя Алексея Михайловича; Тишайшего — по вошедшему в историю прозвищу-характеристике.

Заодно напомним, родства не помнящим, что долгое правление второго царя романовской династии сделало Россию истинным Третьим Римом, «...а четвертому не бывать!». Полностью отгородившись от Запада границей завоеваний (и поражений!) Ивана Васильевича Грозного, закрывши Муравский шлях от набегов крымской татарвы тульскими, рязанскими, коломенскими и другими крепостями-кремлями и засеками, занявшись вплотную продвижением страны Сибирью до Тихого океана, Русское православное царство стало самодостаточным, автаркическим (это как СССР при Сталине), ни от кого не зависящим и ни в ком не нуждающимся. Как Первый и Второй Рим, то есть Древний Рим и Византия.

...Именно во времена царствования царя Алексея Михайловича в Шотландии кипение этнополитических и религиозных страстей дошло до предела. Всего через три десятка лет после объединения с Англией личной унией — после вступления на английский престол шотландской династии Стюартов — в Шотландии началось восстание против Англии. Истоки их противостояния, начиная с XI века, во-первых, этническая: англо-саксы и шотландцы, потомки ирландских кельтов и древних пиктов и гэлов; во-вторых, а скорее всего — в главных, сложное сочетание и борьба в самой Шотландии католичества и кальвинистской реформации в форме пресвитерианства. И, наконец, в XVII веке — пик буржуазной революции, где главным жертвами первоначального накопления в англо-шотландском королевстве стали именно потомки кельтов.

Все это вылилось в ситуацию, когда массовая эмиграция шотландцев оказалась единственным выходом из сложившейся громокипящей обстановки. Главной страной в Европе, заинтересованной в большом притоке переселенцев для заполнения «нескандальными», работящими людьми в XVII—XIX вв. своих огромных и пустоватых земель являлась Россия. Как веком позднее Екатерина переселила на Волгу религиозную общину немецких гернгутеров, а еще веком без малого позднее русские императоры заселяли пустынную доселе завоеванную Новороссию — из-под турок — балканскими народами, так и Алексей Михайлович инициировал переселение в Архангельскую губернию, в основном, в Каргопольский уезд, водным путем по Норвежскому, Баренцеву и Белому морям порядка десяти тысяч шотландцев: в массе своей крестьян и мастеровых, но наличествовали среди них и дворянские ряды.

Как повелось на Руси со времен распадающейся уже Золотой Орды, когда татарский «уездный князь» выходил из Орды и шел под руку московского государя, то ему давали «на прокормление» русский город — в основном за счет всегда подозри-

тельного Москве Рязанского княжества. Именно там расположены два города с полутатарским до сих пор населением: Касимов и Кадом, данные Москвой двум братьям — Касыму и Кадыму, «вовремя» ушедшими из Орды... от греха подальше.

...Так и с переселившимися шотландцами поступили. Основная масса новоприбывших поселилась в Поморье, никогда не знавшем ни татарского нашествия, ни «родного» крепостного права, а знати, тем же Лермонтам, Рылентам и Бальмонтам, выделяли поместья — наделы между Москвой и Уралом, в основном, В Нижегородской и Пензенской губерниях, зачислив их в ряд служилого русского дворянства. Как, мол, потопаешь, так и полопаешь!

Из новонародившегося русско-шотландского дворянства вышло в дальнейшем много талантливых поэтов, военачальников, ученых, о чем говорилось выше, а какова судьба основной массы архангельских переселенцев? — а замечательная судьба...

Помню, в совсем уж детские заполярные, маячные годы, только-только научившись читать, закреплял — по совету отца — эти навыки ежеутренне, отрывая очередной листочек настенного календаря. Великая кладезь необходимых знаний содержалась тогда на оборотных сторонах этих листочков: от способа приготовки щей и плова до высокой поэзии и знаменитых событий античного мира! Эта «энциклопедия» так и осталась для нынешних средне — и старших поколений базисом знания о вещах обыденных и не только...

К сожалению, память взрослого человека о своих детских годах более эмоционально-абрисная, нежели конкретно-словесная, потому и не могу вспомнить ни автора, ни связного содержания оборота одного такого листка из отрывного календаря, содержавшего стихотворение об истории архангельских шотландцев-переселенцев. Кажется, один из двух известных советских поэтов Марковых, даже возможно Сергей Марков. А может и Александр Яшин — оба из шотланских потомков. Но ведь это самое содержание — абрис хранится в подсознательной памяти, а суть его: прибыли из-за моря шотландцы, расселились по городам, деревням и погостам** Каргополья и Онеги, очень быстро растворились в русской среде, ассимилировались, как мы сейчас говорим, и уже ничем от коренного населения во втором — третьем поколениях не отличались. Даже религию свою, из-за которой покинули Шотландию, скоренько забыли, приняв православие:*

... Молились в Ивана — шири
На Пасху и в Рождество....
Четвериками и гарнцами мерили серебро.

(Заранее извиняюсь за неточный текст строфы). Россия всех принимает и ненавязчиво делает русскими, в первую очередь, по душе и общинному образу жизни. Тем более, что шотландцы, потомки кельтов, этнически близки славянству — из одной группы индоевропейского корня, а по национальному типу характера — и вовсе братья-близнецы.

...Пусть не морщатся наши думцы, занявшиеся — в очередной раз в совсем не давней русской истории — «истовой» борьбой с винопитием, но, поскольку основная зерновая культура и в Шотландии, и в нашем Поморье суть ячмень, то переселенцы очень скоро научили местных гнать высококачественную «ячменную», в этом деле

---

* См. книгу: Герасимов И. Г., Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Память, или воспоминание о будущем. Монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 11 / Предисл. В. П. Казначеева, В. Г. Зилова, А. И. Субетто: РАЕН, ПАНИ, НОАН.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2014.— 450 с.

** Погост (новгородск.) в архангельском Поморье — это вовсе не кладбище, но очень распространенное название маленькой деревушки, хутора об нескольких избах...

непревзойденными мастерами. Как сказал «самый шотландский» поэт Роберт Бернс: «Каждый шотландец умеет гнать виски, еще находясь в утробе матери». Но более всего переселенцы, знатных родов и тягловых крестьян, дали в своих потомках выдающихся русских поэтов. Часть имен уже была названа выше.

...И мать моя, все из тех же архангелоградских потомков переселенцев, вспоминала свою каргопольскую жизнь. Запомнилось из ее рассказов о local color тех мест: некоторые деревни звались в обиходных разговорах «кофейными» исстари; это в старой-то русской глубинке народ охоч был не до чая, но до кофе? А что поделаешь, как и виски,— тоже национальный шотландский напиток, правда, из того же ячменя. Помните из советских времен пачки с таким «кофе»: «Ячменный», «Народный» и еще что-то в этом роде. А производить такие крайне полезные, заметим, для здоровья напитки в фабричном масштабе начали в XIX веке купцы, все те же потомки переселившихся в Россию шотландцев. — Что бы там не злопыхали советские и нынешние диссиденты о народе (до которого им никакого дела не было и нет!), «измученном суррогатом».

Еще мать рассказывала в том ключе, что как только в их деревне и окрест кругом ребята вырастали и омужичивались, отпускали бороды, так все смотрелись под одну гребенку: на голове волосы обычные русые, а бородищи лопатой и ярко-красные... именно красные, не рыжие! — Это все от давешних шотландцев... Что ж, были и мы рысаками, носили лет двадцать такую роскошную бороду. К сожалению, даже у далеких кельтских потомков она быстро седеет.***

...Пусть читатель извинит нас за столь подробное intermezzo, но, во-первых, это по разряду исторического просвещения; во-вторых, все имеет самое полное отношение к отображению национального характера на творчество. А шотландские корни Лермонтова, как уже было сказано, в немалой степени способствовали развитию и поддержанию в его стихах и прозе, драматургии тоже, выраженного качества нонконформизма.

Несомненно, Лермонтов однозначно полагал о своем шотландском происхождении. Это не только его картина «Предок Лерма». Если читать письма его, то многие из них, не только семейственным тетушкам и кузинам, знакомым молодым женщинам и девушкам, но и хорошим друзьям навроде С. А. Раевского, подписаны кириллицей или латиницей: М. Лерма, M. Lerma.

Таким образом, уже генофенотипически (извините за научную терминологию) Лермонтов являлся выраженным протестантом-нонконформистом. Не в том, понятно, смысле, что он «один идет в ногу», но протестная черта его творчества доминирует над нейтрально-описательской, эстетической словесной и так далее. Очень часто преобладает, что называется, «с перехлестом».

Возьмем его «Смерть поэта», с которого собственно и стал Лермонтов всероссийски известным, с которого и личная, творческая судьба изменилась. Мощнейшая экспрессия небольшого по размерам стихотворения — ибо погиб его непререкаемый учитель в поэзии, прозе, драматургии, сочетанная с чувствами русского патриота... И вместе с тем именно этим великим произведением он заявил о своем полном неприятии всего и всея в окружающей его героев среде.

Конечно, строки:

---

* Генофенотипически именно цвет и, так сказать, вся фактура мужской (видите, уже приходится оговариваться в эпоху «Кончиты Европы»...) бороды являются наиболее устойчивым и неизменяемыми в чреде многих и многих поколений.

** Раннее поседение — это, говоря языком биологии, генетический фактор всех народов, основной пищей которых исторически являлась морская рыба.

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — все молчи!..

— величайший в русской, да и мировой, поэзии приговор почти любой власти, опирающейся на избранный круг своих клевретов. Это ведь вам не мандельштамовские «...У него что ни казнь, то малина, и широкая грудь осетина». Сам Сталин посмеялся и порекомендовал — через наркомвнудела — автору пожить пару лет в Воронеже, пообщаться с народом... Но — это к слову.

Но в целом, объективно оценивая это, повторимся, гениальное стихотворение Лермонтова, сразу отмечаем: здесь преобладает гнев, экспрессия, обличительство «надменных потомков» и «заброшенных к нам по воле рока», но в целом-то? — А в целом центральным местом являются строки:

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

То есть, подспудно, но в поэтических строках — явно, Лермонтов все страстное обличение, как бы точнее сказать — нивелирует до личностных причин гибели Поэта: доверчивость, вольнолюбие и неукротимый наследственный африканский темперамент и вспыльчивость.— О последней — первая строфа стихотворения.

А обличение «жадною толпой, стоящих у трона», «восстания против мнений свята» и так далее? Да, Пушкин понимал свой талант, гений, но зачем он в запальчивости своей был столь неосторожен, зачем осыпал злыми эпиграммами всех и вся? — Чего же он должен был ожидать от вечно завидующих талантливому человеку посредственных людишек, имя которым — легион? Да еще взбешенных явным и нескрываемым покровительством императора Николая Первого Пушкину, как поэту — государственнику и патриоту[*]*, автору «Клеветникам России», кстати, сейчас для России в очередной раз в ее непростой истории архиактуальному...*

И еще неизвестно, чем больше Пушкин раздражал и бесил своих недругов — людишек: признанием Пушкина первым поэтом России, своими эпиграммами и заметной поэтической и личностной вседозволенностью или царской милостью — опекой? Понятно, что как и всех, «жадною толпой стоящих у трона», более бесило недругов поэта как раз последнее — но неупомянутое даже полунамеком Лермонтовым в «Смерти поэта»... На этом-то они и сыграли свою смертную для поэта игру. Беспроигрышную.

Таким образом, Лермонтов с созданием «Смерти поэта» и последовавшей ссылкой на Кавказ вступил в фазу второго после Пушкина поэта России ярко выраженным экспрессивным нонконформистом, что и дальше явно прослеживается во всем его творчестве.

---

* См. «Колонку главного редактора» в № 2, 2014 «Приокских зорь»: «Пушкин и Толстой: государственник и пророк».

Прочитаем первые строки раннего, 1829 — го года, стихотворения Лермонтова «Посвящение N. N.»:

Вот, друг, плоды моей небрежной музы!
Оттенок чувств тебе несу я в дар.
Хоть ты презрел священной дружбы узы,
Хоть ты души моей отринул жар...

А не ранний ли это Пушкин? — совершенно верно. Даже самый неискушенный в литературоведении человек по этому и другим (многочисленным) стихам юного и уже взрослеющего поэта почувствует подражательный Пушкину их характер. Это азбука и серьезного лермонтоведения (Б. М. Эйхенбаум и др.). Поэтому в массовых изданиях собраний сочинений Лермонтова, в отличие от общепринятого, распределение текстов идет не в хронологическом порядке, но двухчастное в каждом томе: первая часть — наиболее значимые произведения 1837—1841 гг., вторая — юношеские, подражательные Пушкину, эпиграммы и неоконченные произведения, которых у него много как в поэтическом, так и в прозаических жанрах. И сам Лермонтов, прекрасно оценивая неравнозначность созданного им, при составлении первого и единственного прижизненного (1840 г.) сборника своих произведений включил в него всего двадцать шесть стихотворений и две поэмы.— Это из более чем трехсот написанных стихотворений и двадцати двух поэм.

Опять же из пяти драм он отдал для постановки только «Маскарад», а из прозы опубликовал лишь «Героя нашего времени».

...Это мы к тому сообщаем хорошо известное, что обилие в творчестве Лермонтова незаконченного, так сказать, недоработанного, подражательного Пушкину, массы планов, набросков, отрывков, заставляет вполне обоснованно полагать: слишком мало отпущено было ему жизни вообще и, в особенности, жизни творческой. Конечно, и Пушкин очень рано ушел из этого мира, но его стихийный гений-талант и генотип африканца, что называется, торопящий человека жить и творить, сделали свое дело: Александр Сергеевич почти все успел, к чему был назначен судьбой. Особенно, конечно, в поэзии: здесь он успел все свершить. Да и сам уже стал приговаривать в том смысле, что, дескать, староват стал для стихов, на прозу тянет... Что и начал преломлять в своем творчестве на четвертом десятке жизненных лет.

Вот этих-то десяти лет, как у Пушкина, не хватило Лермонтову, да еще не южанину по предкам, совсем наоборот, потомку почти северных народов, чтобы «устояться» как истинно великому поэту, прозаику и драматургу. А кто знает — чему бы он отдал в распоряжение свое перо на этом самом «пушкинском четвертом десятке»? Тем более, даже произвольно трактуя известную истину, что талантливый человек талантлив во всем, определенный вопрос вызывает одновременная работа Лермонтова «по трем фронтам»: та же поэзия, проза и драматургия. Даже при явной доминанте поэзии.

Здесь житейское определение «разбрасывался» явно не годится. Может, действительно торопился, предчувствуя малый отпущенный ему срок — это не только склонные к мистицизму литературоведы говорят, но и вариант пробы на уровне мастерства в избрании жанра заслуживает внимания. Но, скорее всего, здесь все проще и понятнее, учитывая, что Пушкин для него являлся непререкаемым кумиром и авторитетом. Лермонтов пришел в литературу серьезно, то есть, пройдя уже этап «юнкерских поэм», когда Александр Сергеевич уже покорил «трехглавую верхушку» русской литературы: поэзию, прозу и драму. К этому он пришел в известной

последовательности и, что называется, методом проб и отсечения неверных ходов. Но для Лермонтова-то эта «трехглавая вершина» являлась не только кавказскими видами, но живым и видимым уже в триединой целостности творчества своего Учителя! Впрочем, данная литературоведческая пролегомена (это по Канту) требует отдельного и аргументированного рассмотрения...

Итак, мало жил, но творчески развился высоко... но не хватило десяти «пушкинских лет». Отсюда вытекает и второй, кроме национальной предрасположенности, исток нонконформизма в творчестве Лермонтова: годы молодости с ее прямолинейной нетерпимостью всего негативного не успели перейти в лета объективной рассудочной мудрости, подавляющей фонтанирующие всплески эмоций. Что было характерно для Лермонтова при всей его, отмечавшейся его окружением, внешней холодности и той же внешней рассудительности.— Это проявление типичного «северного» характера.

Вот эту внешнюю холодность и безэмоциональность, явные черты нонконформизма, при внутреннем «кипении», что являлись доминантой характера Лермонтова, он в полной мере воплотил в главном своем прозаическом герое — Печорине, во многом alter ego * *автора.*

«Герой нашего времени» — это литературный мостик, связующий пушкинского Онегина с последующими героями всех русских писателей второй половины XIX века, прежде всего — с героями Тургенева:

И в нем души запас хранила
Блаженства, муки и страстей.
Он умер. Здесь его могила.
Он не был создан для людей.
(«Эпитафия», 1830)

*...Со школьных лет мы помним неукоснительно, что Печорин — байронический типаж. Как и Онегин, как и герои Тургенева etc.*** *Сам Лермонтов пишет в своих заметках: «1830. З а м е ч а н и е (выд. М. Ю. Лермонтовым — Авт.). Когда я начал марать стихи в 1828 году [в пансионе], я как бы по инстинкту переписывал и прибирал их, они еще теперь у меня. Ныне я прочел в жизни Байрона, что он делал то же,— это сходство меня поразило!»*

Из всех европейских и вообще мировых литератур Байрон оказал мощнейшее влияние именно на русскую словесность: поэзию и прозу. Семя пало на благодатную для его роста и созревания почву. Само формирование русского критического реализма в XIX веке во многом ориентировалось на байронизм, но в совершенно оригинальной русской «упаковке».

...В той же советской школе нас учили: Печорин — это Онегин в прозе, что несомненно и в русле мощнейшего «пушкинского следа» в творчестве Лермонтова. Здесь, впрочем, интересно сопоставить мнения о «Евгении Онегине» и «Герое нашего времени» очень хорошего знатока русской словесности, постоянно державшегося в курсе литературных новинок... императора Николая Первого (в чем они очень схожи со Сталиным). Если о пушкинском Онегине он отзывался, скажем так, нейтрально-положительно, то о «Герое нашего времени», как свидетельствуют литературоведческие источники, император высказался очень даже неодобрительно...

Хотя тема произведений и характеры Онегина и Печорина исполнены, что называется, в едином сюжетно-художественном и смысловом ключе, но большой

---

* Второе Я (лат).

** И так далее (лат).

знаток литературы и человеческих душ император Николай почувствовал в романе Лермонтова чуждый ему, как «рыцарю самодержавия» — название книги нынешнего ректора Литературного института им. А. М. Горького, писателя Б. Н. Тарасова,— протестный дух байронического нонконформизма (надеемся, читатель уже привык к этому термину...), что и сам Михаил Юрьевич не преминул четко обозначить в предисловии:

«Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен, а я вам скажу, что ежели вы верили возможности существования всех трагических и романтических злодеев, отчего же вы не веруете в действительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?..

Вы скажете, что нравственность от этого не выигрывает? Извините. Довольно людей кормили сластями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины. Но не думайте, однако, после этого, чтоб автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже его избави от такого невежества! Ему просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает и, к его и вашему несчастию, слишком часто встречал. Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить — это уж бог знает!»

Этим сам Лермонтов все и сказал. А имена Григория Александровича Печорина, Максим Максимовича, Грушницкого, Бэлы, Казбича, Азамата, таманских контрабандистов у всех в памяти со школьных лет, так что и разбирать подробно «Героя нашего времени» в интересующем нас аспекте вовсе не требуется. Два других более-менее крупных, но не завершенных, прозаических произведений — «Вадим» и «Княгиня Лиговская» во многом дополняют «Героя нашего времени», но и только. Особняком стоят «Кавказец» и «Ашик-Кериб» — короткие зарисовки ориентально-кавказской этнографии, но не color local, а опять же характеров.

Проза Лермонтова уникальна своей точностью (и краткостью) обрисовки характеров с их специфической чертой отстраненности от традиционного быта и межличностных взаимоотношений. Очень верно, опять же емко, сказал А. Н. Толстой, сам выдающийся мастер обрисовки характеров: «Лермонтов-прозаик — это чудо, это то, к чему мы сейчас, через сто лет, должны стремиться... Читаешь и чувствуешь: здесь все: — не больше и не меньше того, что нужно и как можно сказать. Это глубоко и человечно. Эту прозу мог создать только русский язык, вызванный гением к высшему творчеству. Из этой прозы — и Тургенев, и Гончаров, и Достоевский, и Лев Толстой, и Чехов. Вся великая река русского романа растекается из этого прозрачного источника».[*]

Имея в виду традиционный футуристический вопрос, обычно адресуемый к двум нашим великим поэтам: а что бы было, проживи они дольше своих немногих лет? — в отношении Лермонтова-прозаика литературоведы обычно указывают на слова Белинского: незадолго до своей гибели Михаил Юрьевич предполагал написать трилогию — из трех знаковых периодов жизни страны и ее, уже консолидирующегося общества: из времен Екатерины, Отечественной войны 1812 года — от Петербурга до Венского конгресса, и из кавказской жизни при Ермолове — до гибели Грибоедова.

Все три романа предполагались связанными как, отчасти, действующими пер-

---

* А. Н. Толстой, ПСС, Т. 13.— М., 1949, С. 428. Цит по книге: М. Ю. Лермонтов. Собр. Соч. в 4-х тт. Т. 4.— М.: ГИХЛ, 1958.— С 477.

сонажами, так — и особенно — идейно-литературной направленностью. Но — человек полагает, а Бог располагает...

Последние четыре года жизни Лермонтова — от его всероссийского признания и до гибели — неразрывно связаны, прежде всего, в творчестве, с Кавказом. Это тот удачный для него фон, что позволил — прежде всего, поэту — самовыразиться как сугубо индивидуальному характеру со своим местом в русской литературе, как неприемлющему существующие нормы быта и отношения людей в так называемом «обществе». — Все тот же нонконформизм, так характерный для кавказской (северокавказской) жизни. Словом, нашла коса на камень... Или из того же фольклора: рыбак рыбака видит издалека.

...Кавказ есть самое чудесное и чудно́е место,— что-то навроде этого сказал посетивший его Дюма-отец. И классик норвежской литературы Кнут Гамсун завершил свой очерк «В сказочной стране» о путешествии по Кавказу многозначительными словами: «День склоняется к вечеру. Я сижу у открытого окна и смотрю на голых людей, которые сидят верхом на лошадях и купают их в Черном море. Их темные тела выделяются на фоне синей воды. А солнце все еще озаряет своими последними лучами развалины замка Тамары, который возвышается над густым темным лесом.*

Завтра мы опять едем в Баку, а оттуда дальше на Восток. И так, мы скоро покидаем этот край. Но я всегда буду тосковать по нему и стремиться сюда. Ибо я пил воду из реки Куры».

Не буду, уважаемый читатель, агитировать вас, как раньше говорили, за советскую власть. Ибо сами хорошо знаете специфику Кавказа и его обитателей. И исторические истоки формирования кавказского характера. В том числе и своеобразное сочетание национальной родоплеменной общинности и замкнутости внутри этих общин — по отношению к соседним народностям и племенам. А внутри — межродовая кровная месть? Вряд ли кто усомнится, что в XIX веке Сибирь заселялась в равных пропорциях потомками сосланных в каторгу и на поселение русских разбойников и преступников, кавказских «кровников» и многих тысяч поляков, отправленных за Уральские горы после очередного варшавского восстания против царя...

Из первых, многократно описанных в литературе, это толстовская Катюша Маслова и бунинский гвардейский офицер, застреливший из ревности свою содержанку («В темном море»), и многие, многие другие. Из вторых, конечно, великолепная фигура Ибрагима-оглы из шишковской «Угрюм-реки». А вот из третьих — и ходить далеко не надо: член нашей редколлегии, старейшая писательница России, недавно отметившая свое 90-летие (см. № 2, 2014 «ПЗ»), Наталия Диомидовна Парыгина — потомок сосланного в Сибирь за участие в восстании польского дворянина Конопко.

Итак, мягко говоря, презрение к цареву закону, коль скоро тот противоречит положениям родового адата, неиссякаемое вольнолюбие и ... подозрительность, причина которой — постоянное ожидание врага внешнего; приведем отрывок из «Спора» Лермонтова:

... Видит странное движенье,
Слышит звон и шум.
От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,

---

* Кнут Гамсун. В сказочной стране. Переживания и мечты во время путешествия по Кавказу / ПСС, Т. 3.— СПб: Издание Т-ва А. Ф. Маркс. 1910.— С. 450—606.

Движутся полки;
Веют белые султаны,
Как степной ковыль,
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тесно в ряд идут,
Впереди несут знамена,
В барабаны бьют;
Батареи медным строем
Скачут и гремят,
И, дымясь, как перед боем,
Фитили горят.
И, испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.
Идут все полки могучи,
Шумны, как поток,
Страшно медленны, как тучи,
Прямо на восток...

Это о ермоловском покорении Северного Кавказа («генерал седой»). А вот за христианское Закавказье русские полки с седыми генералами долго и кровопролитно сражались с внешним врагом. Россия воевала, и неоднократно, учитывая и советский период, с Японией, тем более с европейскими странами: Польша, Германия, Франция, Англия, Швеция, Италия, Венгрия... даже Королевство Сардиния (это в Крымскую кампанию)! Но по числу войн России доминируют двенадцать войн с Турцией и пять войн с Персией, причем последние исключительно в защиту Грузии. В итоге Георгиевский трактат позволил ей благоденствовать «за гранью дружеских штыков». Настали, однако, новые времена и Грузия отплатила России недавней «пятидневной войной». Правда, при этом потеряла два своих клыка...

Истинно говорил самый русский (этнический немец) царь Александр-миротворец, что у России в мире только два союзника: ее армия и флот. Увы, сейчас, когда весь мировой империализм с примкнувшими к нему шавками ополчился на Россию, эти ее два союзника не в очень хорошем состоянии: нет сталинских танковых армад и господствующей в небе авиации, нет могучего океанского флота 60—80-х годов. Постарались многие — внешние враги и агенты внутреннего влияния. «Пиджачные» министры обороны и «болотные» горлопаны — это только верхушка айсберга...

Однако вернемся от скорбной нашей действительности к кавказской жизни и произведениям Лермонтова. Так сказать, поэт русского нонконформизма в соответствующей этому же среде Кавказа времен его покорения.

...Вот разговор о старине
В палатке ближней слышен мне;
Как при Ермолове ходили
В Чечню, в Аварию, к горам;
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалося и нам...
(«Валерик», 1840)

«Валерик» — это далеко (и не только) военная «этнография», как почему-то принято думать. В литературоведении в том числе. Это достаточно глубокое самовыражение Лермонтова-поэта; Кавказ здесь, хотя и сильный, колоритный, но все же фон. Из того же «Валерика»:

... Мой крест несу я без роптанья:
То иль другое наказанье?
Не все ль одно. Я жизнь постиг;
Судьбе, как турок иль татарин,
За все я ровно благодарен;
У бога счастья не прошу
И молча зло переношу...

Но своего рода лермонтовским катехизисом кавказского этапа его творчества является, вне всякого сомнения, поэма «Мцыри»:

Прощай, отец... дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,
Таяся, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожег свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Дает страданье и покой...
Но что мне в том? — пускай в раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдет себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

* * *

«И возвратится вновь к тому...» — То есть к началу настоящей «Колонки»: суть подзаголовка к ее названию. В ранее опубликованном в «Приокских зорях» проекте Манифеста нового русского критического реализма (№ 1, 2011), кстати, перепечатанного рядом российских периодических изданий, мы утверждаем о непрерываемом, последовательном развитии принципа русского критического реализма, включающего в себя реализм литературы XIX — начала XX вв. социалистический реализм советского периода истории страны, нарождающийся новый русский критический реализм.

В свою очередь, у истоков русского реализма стояли, а далее развивались и сейчас развиваются в неотъемлемом единстве, три составные его части: широко понимаемая народность литературы, общекритический, нигилистический ее аспект и конструктивная критика. Последняя суть преобладающе развитая в социалистическом реализме и вытекает из принципа: в той или иной степени содержанием и самой апологией существования литературы является ее определенная оппозиционность к любой форме власти, но высшим развитием этого принципа является кон-

структивная оппозиция, что мы и наблюдаем в творчестве классиков советской литературы. Того же стараются придерживаться и серьезные (не из пиарщиков!) современные литераторы.

Даже не обсуждаем: у истоков широко понимаемой моей народности стоит Пушкин. А вот Михаилу Юрьевичу, великому ученику Поэта, было суждено в названном триединстве дать источник сугубо критической составляющий русского критического реализма, то есть нонконформизма в творчестве:

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья...

* * *

По уже установившейся, надеемся — доброй, традиции «Колонка главного редактора» заключительного номера журнала текущего года задает тему дискуссии на страницах «Приокских зорь» года последующего. То есть приглашаем всех читателей и авторов нашего журнала принять самое а к т и в н о е участие в дискуссии 2015-го года по теме: «Лермонтов и истоки русского критического реализма: К 200-летию великого поэта».

...Еще раз призываем к активности. Мы вступили уже в третье десятилетие всеобщей апатии и литературного «разброда», но кто как не мы, подвижники отечественной словесности, можем преодолеть их? Собственно, сам факт регулярного проведения литературных дискуссий в «Приокских зорях» и был вызван к жизни данным насущным вопросом.

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПОЭТА МИХАИЛА ЮРЬЕВИЧА ЛЕРМОНТОВА (1814 — 1841)

Михаил Юрьевич Лермонтов

СМЕРТЬ ПОЭТА

Отмщенья, государь, отмщенья!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд
потомству возвестила,
*Чтоб видели злодеи в ней пример**.

Погиб поэт! — невольник чести, —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!
Убит!.. К чему теперь рыданья,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? Веселитесь... он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

* Эпиграф к «Смерти поэта» взят из трагедии французского драматурга Ж. Ротру «Венцеслав» (1648) в неопубликованном русском переводе А. А. Жандра (1789—1873).

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.

И что за диво?.. Издалека,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока.
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы,
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..

И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

И, прежний сняв венок, — они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него,
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело.
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шепотом насмешливых невежд,
И умер он — с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — все молчи!..

Но есть и божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он недоступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью —
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

* * *

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

ДУМА

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познанья и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно малодушны
И перед властию — презренные рабы.
Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час!

Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юных сил мы тем не сберегли;
Из каждой радости, боясь пресыщенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.

Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережем в груди остаток чувства —
Зарытый скупостью и бесполезный клад.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат;
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад.

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодовитой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

ПОЭТ

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал,—
Наследье бранного востока.

Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он страшный след
И не одну прорвал кольчугу.

Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резьба
Нарядом чуждым и постыдным.

Он взят за Тереком отважным казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.

Теперь родных ножон, избитых на войне,
Лишен героя спутник бедный;
Игрушкой золотой он блещет на стене —
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
Никто с усердьем не читает...

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?

Бывало, мерный звук твоих могучих слав
Воспламенял бойца для битвы;
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как божий дух, носился над толпой;
И отзыв мыслей благородных
Звучал, как колокол на башне вечевой,
Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый твой язык; —
Нас тешат блестки и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
Морщины прятать под румяны...

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк?
Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножон не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?

И СКУЧНО И ГРУСТНО

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..
А годы проходят — все лучшие годы!

Любить... но кого же?.. на время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и все там ничтожно...

Что страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг —
Такая пустая и глупая шутка...

ЖУРНАЛИСТ, ЧИТАТЕЛЬ И ПИСАТЕЛЬ

Les poètes ressemblent aux ours, qui se nourrissent en suçant leur patte.

Inédit.1

(Комната писателя; опущенные шторы. Он сидит в больших креслах перед камином. Читатель, с сигарой, стоит спиной к камину. Журналист входит.)

Журналист

Я очень рад, что вы больны:
В заботах жизни, в шуме света
Теряет скоро ум поэта
Свои божественные сны.
Среди различных впечатлений
На мелочь душу разменяв,
Он гибнет жертвой общих мнений.
Когда ему в пылу забав
Обдумать зрелое творенье?..
Зато, какая благодать,
Коль небо вздумает послать
Ему изгнанье, заточенье,
Иль даже долгую болезнь:
Тотчас в его уединеньи
Раздастся сладостная песнь!
Порой влюбляется он страстно
В свою нарядную печаль...
Ну, что́ вы пишете? нельзя ль
Узнать?

Писатель

Да ничего...

Журналист

Напрасно!

Писатель

О чем писать? Восток и юг
Давно описаны, воспеты;
Толпу ругали все поэты,
Хвалили все семейный круг;
Все в небеса неслись душою,
Взывали с тайною мольбою
К N. N., неведомой красе,—
И страшно надоели все.

Читатель

И я скажу — нужна отвага,
Чтобы открыть... хоть ваш журнал
(Он мне уж руки обломал):
Во-первых, серая бумага,
Она, быть может, и чиста;
Да как-то страшно без перчаток...
Читаешь — сотни опечаток!
Стихи — такая пустота;
Слова без смысла, чувства нету,
Натянут каждый оборот;
Притом — сказать ли по секрету?
И в рифмах часто недочет.
Возьмешь ли прозу? перевод.
А если вам и попадутся
Рассказы на родимый лад —
То верно над Москвой смеются
Или чиновников бранят.
С кого они портреты пишут?
Где разговоры эти слышат?
А если и случалось им,
Так мы их слышать не хотим...
Когда же на Руси бесплодной,
Расставшись с ложной мишурой,
Мысль обретет язык простой
И страсти голос благородный?

Журналист

Я точно то же говорю.
Как вы, открыто негодуя,
На музу русскую смотрю я.
Прочтите критику мою.

Читатель

Читал я. Мелкие нападки
На шрифт, виньетки, опечатки,
Намеки тонкие на то,
Чего не ведает никто.
Хотя б забавно было свету!..
В чернилах ваших, господа,
И желчи едкой даже нету —
А просто грязная вода.

Журналист

И с этим надо согласиться,
Но верьте мне, душевно рад

Я был бы вовсе не браниться —
Да как же быть?.. меня бранят!
Войдите в наше положенье!
Читает нас и низший круг:
Нагая резкость выраженья
Не всякий оскорбляет слух;
Приличье, вкус — все так условно;
А деньги все ведь платят ровно!
Поверьте мне: судьбою несть
Даны нам тяжкие вериги.
Скажите, каково прочесть
Весь этот вздор, все эти книги,—
И все зачем? чтоб вам сказать,
Что их не надобно читать!..

Читатель

Зато какое наслажденье,
Как отдыхает ум и грудь,
Коль попадется как-нибудь
Живое, свежее творенье!
Вот, например, приятель мой:
Владеет он изрядным слогом,
И чувств и мыслей полнотой
Он одарен всевышним богом.

Журналист

Все это так,— да вот беда:
Не пишут эти господа.

Писатель

О чем писать?.. Бывает время,
Когда забот спадает бремя,
Дни вдохновенного труда,
Когда и ум и сердце полны,
И рифмы дружные, как волны,
Журча, одна во след другой
Несутся вольной чередой.
Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва:
На мысли, дышащие силой,
Как жемчуг нижутся слова...
Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.
Но эти странные творенья
Читает дома он один,

И ими после без зазренья
Он затопляет свой камин.
Ужель ребяческие чувства,
Воздушный, безотчетный бред
Достойны строгого искусства?
Их осмеет, забудет свет...

Бывают тягостные ночи:
Без сна, горят и плачут очи,
На сердце — жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую объемлет;
Невольный страх власы подъемлет;
Болезненный, безумный крик
Из груди рвется — и язык
Лепечет громко, без сознанья,
Давно забытые названья;
Давно забытые черты
В сияньи прежней красоты
Рисует память своевольно:
В очах любовь, в устах обман —
И веришь снова им невольно,
И как-то весело и больно
Тревожить язвы старых ран...
Тогда пишу. Диктует совесть,
Пером сердитый водит ум:
То соблазнительная повесть
Сокрытых дел и тайных дум;
Картины хладные разврата,
Преданья глупых юных дней,
Давно без пользы и возврата
Погибших в омуте страстей,
Средь битв незримых, но упорных,
Среди обманщиц и невежд,
Среди сомнений ложно черных
И ложно радужных надежд.
Судья безвестный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьем скрашенный порок
Я смело предаю позору;
Неумолим я и жесток...
Но, право, этих горьких строк
Неприготовленному взору
Я не решуся показать...
Скажите ж мне, о чем писать?
К чему толпы неблагодарной
Мне злость и ненависть навлечь,
Чтоб бранью назвали коварной
Мою пророческую речь?
Чтоб тайный яд страницы знойной

Смутил ребенка сон покойный
И сердце слабое увлек
В свой необузданный поток?
О нет! преступною мечтою
Не ослепляя мысль мою,
Такой тяжелою ценою
Я вашей славы не куплю...

РИСУНКИ И КАРТИНЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

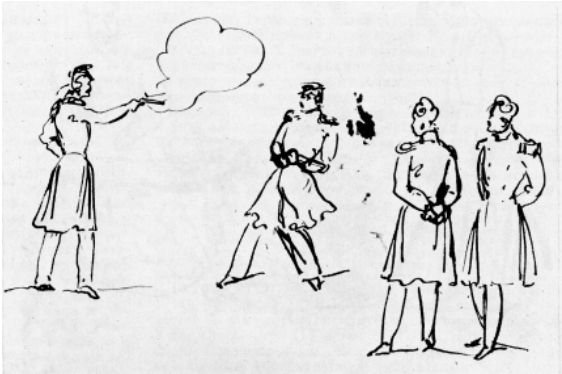
Лермонтов был не только поэтом и прозаиком, но и талантливым художником. Предлагаем вашему вниманию работы Лермонтова.

Тройка, выезжающая из деревни. Карандаш. 1832—1834 г.

Эмилия, героиня драмы «Испанцы» (В. А. Лопухина?). Акварель 1830—31 г.

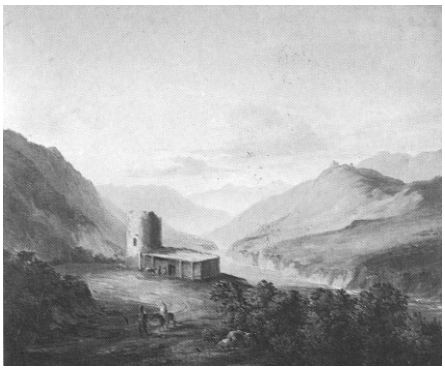
Юнкер Л. Н. Хомутов. Карандаш. 1832—34 г.

Скачущий всадник и наброски мужских голов. Перо, чернила. 1832—34 г.



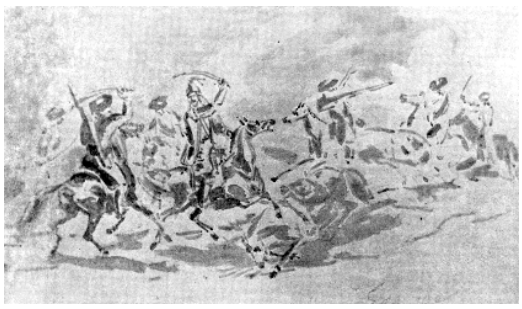
Дуэль. Перо, чернила. 1832—34 г.

Портрет офицера в шинели. Карандаш. 1832—34 г.



Военно-Грузинская дорога близ Мцхета. Масло. 1837 г.

Светская сцена. Перо, чернила. 1840—41 г.



Кавалерийская схватка. Сепия. 1830—32 г.

Офицер верхом и амазонка Карандаш. 1840—41 гг.

Перестрелка в горах Дагестана. Масло. 1840—41 г.

Черкес. Масло. 1838 г.

Ирина Николаева
(г. Москва)

СМЕРТЬ И ЛЕРМОНТОВ*

Прозаик и драматург. Член Союза писателей России, Академии российской литературы, Творческого клуба «Московский Парнас».

Смерть находилась рядом с поэтом с его малых лет, выполняя первое задание Вечных.

Благополучно увела в мир душ его мать, экзальтированную молодую женщину двадцати с лишним лет. Можно сказать, спасла бедняжку от изменника-мужа, при случае распускавшего руки, однажды с силой ударившего жену кулаком по лицу. Этот удар и помог Смерти быстро забрать болезную в мир душ. Та не сопротивлялась, разом сдавшись на уговоры внеземной попутчицы.

Мечтательный Миша остался без матери. Отец же, еще не нагулявшийся среди прелестей жизни, не спешил взваливать на себя тоскливо-тяжкий труд воспитания сына. Будущий гений слова рос в доме сильной и требовательной бабушки, всю себя отдавшей любимому внуку и приложившей огромные усилия, чтобы тот с отцом не встречался.

Никто из окружения, даже бабушка, не мог понять мальчика. Одинокий, он переживал чувство ненужности. Душа его металась внутри тщедушного тела, искала вовне родственную душу.

Лет в десять бабушка привезла Мишу на Кавказ. Там-то Смерть и задумала душу его забрать. В образе милой девочки предстала перед ним и вызвала в ранимом сердце глубочайшее чувство, которое под силу лишь взрослому человеку. Однако душой его тогда не завладела, жалость пробила. «Пусть поживет еще»,— решила.

За это решение Смерти пришлось отвечать на Совете Вечных.

Помнит она тот Совет.

Раскинулось огромное пространство, напоминавшее земной пейзаж: бесконечная долина, окруженная массивными горами. Высоко-высоко голубело небо, по которому медленно плыли облака. Вдали блестело и переливалось море. Солнца не видно, но оно проявлялось бьющей отовсюду яркостью. Никого вокруг. Лишь она — небольшой точкой — держалась, слегка вибрируя, в воздухе.

Поскольку Вечные могли принимать разные обличья, на Совете они показывались в облике тех, о ком шла речь. Говорили о землянах и выглядели как человеки.

Смерть из трепещущей точки обратилась в женщину, полагая, что ее судьи будут терпимее к женскому облику. Причем она отлично помнит свою неумелость превращения. Так увлеклась процессом, что не видела изменений, происходивших вокруг. Неожиданно для нее раздался оглушительный гром, по небу пронеслась молния, разрезавшая небесное пространство ломаной линией.

— Ты ослушалась Вечных,— услышала Смерть мощный голос с небес.— Тебе поручено вернуть душу во Вселенскую гавань.

---

* Отрывок из романа «Берегиня — душа избранная».— М.: Авторская книга, 2013.

— Ты нарушила путь мироздания,— раздалось с вершины самой высокой горы.— Этот шотландский отпрыск Лермонт способен изменить жизнь на Земле. Разве ты не ощутила его силу?

— Ты должна была завершить этот земной путь! — всколыхнулось море огромными волнами, бьющими в скалы.

Пространство вокруг энергично менялось. С неба спустился высокий крепкого телосложения викинг. Высокая гора, быстро уменьшаясь в размерах, приобрела образ светской властной дамы времен английской королевы Елизаветы. Одна из морских волн обернулась пехотным капитаном русской армии: красивый мужчина среднего роста, выразительного телосложения, похожий на изящного и чрезвычайно вспыльчивого Юрия Лермонтова, отца Михаила.

Дерево, стоявшее недалеко от поверженной малоопытной Посвященной, раскинуло и медленно подняло вверх густые ветви. Затем ветви стали также медленно опускаться, открывая образ Елизаветы Арсеньевой, бабушки Михаила. В это же время всколыхнулась земля, на месте колыхания появилась песочная башня, из которой решительным шагом вышла Мария Арсеньева-Лермонтова.

В тот же миг с неба скользнула яркая звезда, представшая в приземлении в облике известнейшего в России поэта Александра Пушкина, завершавшего земную службу.

Задул сильный ветер, переросший в ураган, образовалась воронка, в которой вырос огромных размеров мужчина, без каких-то особых отличий, но с решительным лицом и внушительными движениями. Постепенно великан уменьшился до человеческого роста и стал похож на первого русского императора Петра.

Набежала черная туча, плеснула ливнем. И из мощного ливня вышел император Николай Первый.

Вечные не просто приобретали образы землян. Ясно было, что мать и бабушка станут заступниками Смерти, не дерзнувшей прекратить земной путь еще не проявившего себя гения. Конечно, заступником стал и Пушкин, время от времени приговаривавший: «Ай, да Пушкин! Ай да сукин сын!» Этот Вечный не раз говорил: «Поэты рождаются только на Земле и нельзя оттуда прежде времени забирать того, в ком проявлены черты гениального поэтического взлета».

— Пусть он скажет свое слово! — резюмировал великий поэт, на века приобретший славу в человеческом мире.

Сомневался в принятии решения Юрий Лермонтов. Ему, с одной стороны, явно не хотелось усиления величия землянина, однако, с другой стороны, не зря Вечный облачил себя в образ отца поэта. Знал: на Земле нужны великие души, способные сохранить человечество.

— Этому жителю Земли уготован особый удел. Мы обязаны дать ему возможность сказать свету: «Погиб поэт, невольник чести... И на устах его печать».

— Да, Великий Совет,— поддержал эти слова Пушкин,— России нужны смелые и сильные люди. «России двинулись сыны... За Русь, за святость алтаря». Потомок Лермонта из таких будет!

— И я думаю, Великий Совет, что «для небесного могилы нет». Пусть отыграет свою лиру,— вступила в речь Мария Арсеньева-Лермонтова.

Ее сразу же поддержала Арсеньева-старшая:

— Великий Совет, мы сами послали эту душу на Землю. Нельзя забирать поэта прежде, чем выполнит он великую миссию.

Защитники Миши Лермонтова допускали доселе невиданное: они отошли от спокойного обсуждения, от медленных и весомых высказываний, в них горячилась кровь, перехлестывали эмоции.

Английская дама, император Николай и викинг молчали, и в этом молчании собиралась грозная сила. Посвященная, посланная в мир землян, не выполнила реше-

ние Вечных. Корнет гусарского полка задумал рассказать людям о Демоне, глубоко проник своей мыслью в Многовселенский мир и собирался преждевременно открыть этот мир людям. Он пристрастился к нумерологии, стараясь разгадать тайны Вечных, и активно в этом преуспевал. С этим не могли согласиться молчавшие Вечные.

В долго длившемся безмолвии каждый член Совета мучительно искал выход, который и душу поэта спасет, и незыблемость Вселенского мира сохранит. Море бурлило, ветер стонал, разметая редкие деревья, по небу неслись грозные тучи, с гор сыпались глыбы и мелкие камни, земля вспучивалась, образуя трещины и рвы. Смерть приникла к земле, стараясь укрыться от грозных глаз, проникавших в нее. Она была напугана и ждала, что ее скинут в адский круг.

Высказался царь Петр, и с ним члены Совета согласились.

— Михаил Лермонтов, пока идет Совет Вечных, выполнил земную миссию,— громогласно высказался Петр.— Ему пора уйти в мир душ. Иди, Посвященная, и выполни то, что ты обязана выполнить!

В несколько мгновений Смерть оказалась на Земле в небольшом городке Пятигорске, недавно основанном у горы Бештау. Название горы в переводе с одного из наречий кавказских народов означало «пять гор». Гора Машук оказалась в городской черте. В Пятигорске служил ее многострадальный и неудержимый клиент.

Первым делом Смерть занялась Николаем Мартыновым, красавцем, покорителем женских сердец, приятелем Лермонтова. Каких сил ей стоило убедить Мартынова, что ему чрезвычайно идет черкесский костюм, в котором он отличается от друзей-товарищей и создает ореол необычности. Люди высмеивали страсть Мартынова к национальным нарядам, однако Смерть его из странного для русского красавца костюма не выпускала. Она же настроила его на непримиримое решение — защитить свою честь от насмешек ядовитого на слово поручика Лермонтова.

Одновременно занялась и поручиком, нашептывая ему в уши без умолку язвительные колкости, остроты и насмешки, которые тот рассыпал вокруг себя, и более всего, конечно, доставалось Мартынову. Она изливалась черными искрами из глаз поэта, отчего его взгляд становился проницательным и жестким. Она выскакивала с его губ кривой усмешкой и злым словом.

Смерть привела Лермонтова и Мартынова на гору Машук, где и состоялась дуэль. Лермонтов выстрелил вверх. Что ж? Гений не может убить человека. Мартынов же, обозленный и обиженный, забывший о приятельских прежних отношениях, выстрелил в поэта.

На всякий случай Смерть привела на ту гору еще одного ненавистника молодого поэта, упрятала того в кусты, внушив ему: обязательно, в случае нерешительности Мартынова, добить Лермонтова своим выстрелом. Кто из них кинул в грудь поэта смертельную пулю, она так и не знает.

Как только дело землянами было сделано, Смерть заспешила — вытянула из горемычного жизненную нить. При этом с грустью думала: «Ах, какой человек! Не понятый миром землян. Оттого и ссорился со всеми. Сам не понимал людей, хоть и знал о них то, что те про себя не ведали. И талантлив до гениальности! Правы Вечные: таким нельзя долго оставаться на Земле». Потому, наверное, Жизни рядом с Лермонтовым в тот момент не оказалось, и Смерть легко справилась с первым своим серьезным делом.

Впрочем, она еще многого не знала, только-только на Земле объявилась. Молоденькая, ничего не умевшая и мало что понимавшая в человеческой жизни.

Жизнь-то чуть постарше — лет на двести по земным меркам. Помнится, она все время с нитью серебряной носилась — вязала судьбу человеческую, иногда нитка путалась, бывало, что и рвалась. В такую минуту Смерть получала неожиданный подарок — душу. Однако иной раз, устыдившись, помогала Жизни нитку связать, не торопясь душу уносить из тела. За то и Жизнь ее уважала.

Лариса Яшина
(г. Пенза)

Лариса Ивановна Яшина — член Союза журналистов, член Союза писателей, академик Международной академии информатизации (2001 г.), лауреат Премии пензенского комсомола (1981 г.), лауреат премии Министерства культуры Пензенской области (2007 г.), дважды лауреат Всероссийской литературной премии им. М. Ю. Лермонтова (2005 и 2007 г.), лауреат премии им. Константина Симонова с вручением золотой медали (2011 г.) Награждена орденом «Во имя жизни на Земле» (2009 г.), медалью «В память 350-летия Пензы (2013 г.) и высшей региональной наградой — серебряной медалью «Во славу Земли пензенской» (2011 г.).

И ЛЮБОВЬЮ НАПОЛНИЛСЯ СВЕТ!

Не объехать за жизнь все края, города,
Но нельзя не узнать землю эту:
Здесь любая тропинка, травинка горда,
Здесь и юность, и Вечность поэта!

Не в музейные дни,
Когда долг — господин,
А любой — экскурсант, и не боле,
Вы придите к поэту один на один
И к щемящей прислушайтесь боли!

Суетливость и зависть приняв за недуг,
Понимая: в покое жить рано,
Не тропою — дорогами люди идут
И в Михайловское и в Тарханы.

* * *

Винтовые крутые ступени...
Рано. Свечи еще не зажгли.
Над часовней рассветное пенье —
Просыпается голос Земли.

...Жить так мало,
Убийственно мало!
Но судьбой ли начертан конец?
Тонкой свечкой истаяла мама,
Стал отверженным бедный отец...

Ветры, годы, забвение — мимо!
Не уходит из жизни поэт.
Так он страстно мечтал
Быть любимым,
И любовью наполнился свет!

* * *

Какой-то безысходный дождь,
Осенний плач, пришедший в лето...
А ты Тарханами идешь,
Не забывавшими поэта.

В усадьбе тихо, ни души.
Дом барский, голосов лишенный,
Лишь кто-то в темном капюшоне
Из дома ключника спешит.

К пруду склонился старый вяз,
Хранят шаги аллеи эти,
И ты не знаешь: где сейчас,
В сегодня,
В прошлом ли столетье?

Чуть слышно звякнули ключи,
И занавеска колыхнулась,
Возможно, бабушка вернулась,
Поставив в церкви две свечи.

...Письмо б Мишелю написать.
Почто он ссорится со всеми?
Скорей настало бы опять
Свиданья радостное время!

Свинцово давят облака,
Деревья до земли пригнули.
Летит, летит через века
В сердца мартыновская пуля.

ВРУБЕЛЕВСКИЙ ЛЕРМОНТОВ

Сидит безмолвно маленький поручик,
На серый камень оперлась рука.
Ему Эпоха главное поручит:
Прожить года и пережить Века.

Задумался он, плечи чуть сутуля,
Так отрешенно глядя в облака,
О посланной рукой Дантеса пуле,
Но о своей не думает пока.

В России он.
И в нем живет Россия.
Народа стон,
Он и в его груди.
Сквозь серость туч
Он видит небо синим,
Но это все потом.
Все впереди.

От Бога дар пророческий получен,
Поэт он — такова его стезя...
Сидит безмолвно маленький поручик,
Горят и говорят его глаза.

* * *

Гроза в этот день
Не случайна,
Гроза —
Это неба слеза.
Приход Его — тайна,
Уход Его — тайна,
И непостижима стезя
Души,
Посвященной в такое!..
Другим не постичь,
Не понять.
Какое там
Чувство покоя? —
Там ноша —
Векам не поднять!

Лавина насмешек,
Гонений...
Что ж, он не такой,
Он — иной.
Чем ярче
И яростней Гений,
Короче
Его путь земной.
Сверкающим роем
Мгновений
Душа его здесь,
Надо мной!

* * *

За воротами резными —
Прошлый век,
Грядущий век.
Там — владельцы
Иже с ними,

Там живут
Душа и Имя,
И глазами здесь другими
На мир смотрит человек.

А попробуйте представить
(От того, Господь, спаси!):
Все забвенью предоставить,
И заботы все отставить.
Что Истории оставить?

Что же будет на Руси,
Если будут позабыты
Письмена и имена,
И героика, и битвы,
И великий, и убитый...
Перестанет БЫТЬ страна!

* * *

Поднимусь рано-рано...
Розовеет восход.
В тишине по Тарханам
Совершаю обход.

Воздух пряный и терпкий,
Пью его, не напьюсь!
И под куполом церкви
Постою, помолюсь.

Жаль, часовня закрыта,
В ней свечою — рассвет.
Там лежит и убитый,
И живущий поэт.

Длинной улицей сельской
Я пройду, не спеша,
Высоко светлой песней
Вьется чья-то душа.

За вратами усадьбы
Время движется вспять.
В век ушедший попасть бы
Да вернуться опять!

Песням ангелов внемлю
И любуюсь жнивьем...
Бог послал нас на Землю,
Что ж так плохо живем?!

Алексей Скаредов
(г. Тула)

* * *

Скитаясь по горам, среди кустов и трав,
Я вышел к роднику, что бил из узкой щели.
Смеркалось, жирные цикады громко пели,
И в зеркале воды мой лик был дик и брав.

«Но, коль дорвался, то напиться не спеши»,—
Припомнил я урок отца и выпил скупо.
И ты, поэт, не почитай, что это глупо —
Подумай не спеша, потом уже пиши.

Ты выпей стих, чтоб только жажду утолить,
И продолжай свой путь средь трав, и скал, и кручей,
Шепни: «привет!» судьбе фривольной и зыбучей,
И флягу не забудь, наполнив, прихватить.

УАСТЫРДЖИ

Сарматскую степь да аланские горы
Обходит дозором седой Уастырджи,
И путник взывает к нему: «Расскажи,
Как мне обрести хоть частицу опоры.
Брожу я как тень — без друзей, без семьи,
Дорога меня все уводит от дома.
Одна лишь она мне мила и знакома,
Но лучше уж в логово черной змеи
Ногою попасть, чем на пыльную ленту,
Что нас заставляет забыть про аул,
Про дедову башню...» Тут ветер подул,
И путник поверил в седую легенду —
Пред ним конь трехногий и старый седок
С сияющим ликом Христова святого:
«Тебе помогу я советом!» — И снова
Исчез покровитель. Лишь хрупкий ледок
На луже хранил отпечаток копыта...
И с неба раздался таинственный глас:
«Ищи и обрящешь! Иди и верь в Нас —

По воле Небес ты оторван от быта
Своих праотцов. Ты избранник пути.
Пусть жжет спину солнце и воют бураны —
Мы вечно с тобой, Мы излечим все раны
И посох дадим. Только помни: иди».

АШУГ

— О, вай, Алла,— пропел мудрец
И пригубил вина,—
Жаль, что всем радостям конец
Приходит, старина.
Ты все строчишь стихи в блокнот?
Попробуй — не пиши.
Пропой-ка в голос десять нот,
Но так, чтоб от души.
Что? Не выходит? Так-то, брат,
А я всю жизнь пою.
Пусть ерунду. Пусть невпопад.
Но песенку мою
Никто так больше не споет —
Один лишь я могу;
И встанут эти десять нот
Недешево врагу.
Что ж, радостям придет конец —
Прах, пепел и зола.
Но я певец, а не мудрец:
О, вай, Алла, Алла...

КАЗБЕК

Звук далеких валторн приглушен белоснежной сурдиною:
То ли лес, то ли парк, то ли рок, то ли джаз — не пойму.
А на пачке «Казбека» джигит с черногривой Мадиною
Все летят по горам голубым — знать, с войны. Мир ему!

«Ассалам ва алейкум! — кричу,— Подожди, уважаемый.
Где аул тут ближайший? Мне б тоже прибиться к огням!»
«Ах, отстань, урушаг! Там, в ауле, народ, унижаемый
Местным князем, на помощь зовет. Смерть его узденям!»

И понесся он дальше бесшумно. И тихим стенанием
Звук далекой зурны под сурдиной по кронам поплыл...
Из-под снега и листьев я выкопал с тихим старанием
Мокрой пачки комок — анашист, видать, летом забыл.

ВЕСЕННИЙ ДЕРВИШ

Нищий суфий с утра поджидал у угла —
Он схватил меня за руку, крикнув: «Салам»

Я увидел в глазах его, хитреньких в хлам,
Темный иконостас без лампадок. «Дела!» —

Я подумал, и дал ему чирик на хлеб,
Ну, а он, закатив черный глаз, мне сказал:
«И султан мне такого бы не оказал —
Будь навеки блажен, пусть же все восемь неб

Восхваляют тебя в краткий срок твоих дней.
Я теперь не помру — оттого, что ты спас.
Но опять попрошу я — чтоб свет не угас,
Дай мне чирик еще и прощай, Алексей».

И, как только я дал ему десять рублей,—
В миг руками взмахнул и к пивному ларьку
Полетел так, что дал бы он фору чирку...
За углом было солнце — светлей и светлей...

ЗИКР

Я помню, как Чечня кружилась в зикрах
В преддверьи непонятной всем войны —
Осколки разворованной страны
Хрустели костью, застревали в икрах,
Но танец было не остановить —
Он несся по намеченному кругу.
Прошу я, окажи одну услугу:
Не дай мне эти зикры позабыть —
Пусть вечно колобродит в голове
Молитва то ли, то ли приношенье
Кого-то в жертву — словно отрешенье
От жизни, от души. Как брешь в судьбе...

АКУШИНКА

Я никогда не взвешивал слова,
Но думал я — они не гири, а пушинки,
И, взгляд поймав задорной акушинки,
Я наплевал на то, что перетрет молва.

Она меня учила выживать,
А я твердил ей о высоком смысле чувства,
И, в акушинке углядев искусство,
Назло молве я начал ввысь слова кидать.

Но никудышный из меня жонглер —
Слова разбились об пол, весь я в мелких брызгах
Осколков букв и в центре катаклизма
Раздался смех молвы, смеялся весь фольклор:

«Тут главное нога танцорки, стиль, ужимки —
Впредь не смотри в глаза веселой акушинки!»

* * *

Поседела моя борода
За одну эту клятую зиму.
Мама, выдай авансом жизнь сыну,
Ну, а чай мне нальет Зубейда.

В чайхане, что зовется всегда
То ли рюмочной, то ли гаштетом,
Я дождусь окончательно лета —
Брешь в халате тогда не беда.

Перестанут гудеть провода,
Что колком натянули морозным,
Небо будет то синим, то звездным,
И чабан взгонит в горы стада.

На-гора вдруг повалит руда
Песен, присказок, строк недопетых,
И, влюбленный в мираж, словно пентюх
Я пройду... Мимо. В зиму. Сюда.

Где снежинок щекочет слюда,
Где по окна заметена хата,
Где сверкает, как плешь, брешь халата
И белеет моя борода...

ПЕСНЯ ОДИНОКОГО АБРЕКА

Когда дервиши пустятся в пляску с эмиром,
Когда в стылой Койсу потеплеет вода,
Когда Вера, Любовь и Надежда над миром
Воссияют навеки, пожалуй, тогда
Я припомню мотив этой старенькой песни,
Что в младенчестве слышал не раз и не два,
И она принесет мне надежные вести,
И я буду твердить вновь простые слова:

Не печалься, малыш,
Отчего ты не спишь?
Ведь давно уже спать всем пора.
Завтра будет светло,
На душе весело,
И продолжится Солнца игра.
Оно встанет в свой час,
Чтоб огонь не угас,
И теплом нас с тобой одарит.
А сейчас тихо спи

В тишине и любви —
Видишь, двор лунным светом залит?

И исчезнет навек старый демон тревоги,
Поселивший пожар в мою хилую грудь.
Я не стану искать у мудрейших подмоги,
Лишь под нос прошепчу: «Ты слова не забудь».
Не забудь, как они так загадочно пелись,
Успокоив боль раны и душу твою...
Пусть в горах зацветают душица и вереск,
Верю я, что когда-то кому-то спою:

Не печалься, малыш,
Отчего ты не спишь?..

Наталья Квасникова
(г. Москва)

ЛЕРМОНТОВ В МОЕЙ ЖИЗНИ

В наше время отнюдь не переходящее знамя гениальности водружают над именем почти любого известного человека. Образовалось своеобразное тождество: если известный, то и гений. Это касается любой сферы творческой деятельности, но чаще всего встречается в отношении поэтов и артистов. О последних я здесь говорить не планирую, а вот стихотворцев немного побеспокою, прежде чем перейти к герою данной статьи.

Скажем,— вечер памяти Владимира Семеновича Высоцкого. Все выступающие в один голос: гений, гений!

Дата со дня рождения Булата Шалвовича Окуджавы: без конца слышится та же оценка.

Юрий Визбор: до чего гениальная песня «Солнышко лесное»!

Вопрос — а что, быть талантом у нас уже немодно? Слишком мелко для известности?

И в чем, собственно, гениальность «Солнышка»? Милая, безыскусная и по этой вполне понятной причине очень популярная прикостровая песенка. Пусть таковой и остается, разве плохо? В российской культуре множество произведений, далеких от монументального понятия гениальности, и они всегда будут любимы немалым количеством людей. Некоторые из них настолько вросли в наши души, что в повседневной жизни вспоминаются, поются и цитируются гораздо чаще, нежели величественные творения патриархов искусства и литературы. К примеру,— «Катюша» Исаковского, «Подмосковные вечера» Матусовского, «Не жалею, не зову, не плачу» Есенина, то же визборовское «Солнышко лесное»... Зачем все это гениализировать,— если можно так выразиться,— разве не достаточно просто любви?

Гений — очень большое понятие, отличающееся и мощью, и фундаментальностью, и, в некоторых случаях, особой, я бы сказала,— скульптурной,— легкостью. Редко, кто, сидя у костра, выезжая за город на экскурсию, начнет читать «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» или «Погиб поэт, невольник чести...»

В числе гениев — из поэтов — я назову совсем немногих. Конечно, это Пушкин, это Некрасов, Твардовский и Лермонтов. Не в хронологическом порядке, но таким образом я переакцентирую внимание на героя данной статьи.

Михаил Юрьевич Лермонтов — прямой наследник Пушкина в великой русской Поэзии. Он всемогущий повелитель Слова не менее чем автор «Онегина». Вспомним, как бронзово и грозно прогремели в свое время строки вышеупомянутого стихотворения:

И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Здесь и пафос, и сила, и презрение, и отчаяние — гнев в его высочайшем проявлении.

А «Бородино» — явный предшественник «Василия Теркина». Осмелюсь утверждать, что именно на этом фундаменте Твардовский выстроил собственное, не менее уникальное и величественное, несмотря на внешнюю простоту конструкции, здание поэмы о Русском Воине-победителе следующей войны.

Прошу заметить — и там, и тут звучит речь простого солдата.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!

И — спустя век:

На войне себя забудь,
Помни честь, однако,
Рвись до дела — грудь на грудь,
Драка — значит, драка.
(А. Твардовский)

К слову,— несколько лет назад я в очередной раз побывала в музее «Бородинская панорама». Там присутствовала небольшая группа французов во главе с гидом, вещающем на соответствующем языке. Вдруг один из них обернулся в мою сторону, приосанился и по-русски, с ехидным акцентом, заявил: «В той войне победил Наполеон! Кутузов сдал ему Москву, а если завоеватель берет столицу государства, значит, это победа».

Гид — немолодая женщина — растерялась от его напористого тона и замолчала, как-то неуверенно и коротко кивнув головой.

— Прошу прощения! — не удержалась я, обращаясь к французу.— Вы, вероятно, не в курсе, что в то время официальной столицей России был Петербург, куда Наполеон, как завоеватель, никогда не входил. А Москва имела статус крупного, но провинциального города. При таком условии, особенно принимая во внимание последующие события, Наполеона никак нельзя считать победителем.

Французский гость проглотил лимон...

Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

Многие поэты «выбирают» определенную творческую тематику — сатиру, любовную лирику, философию, религию,— которой, в основном, и придерживаются. Лермонтов не ограничивает себя никакими рамками и практически нигде не теряет яркости словесной палитры.

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня...

Вся страсть узника к свободе врывается прямо в душу читателя освежающемощным горным потоком. Как от ледяной воды, резко ударившей в лицо, сразу захватывает дух. Это — гений.

Его лирическое слово обладает не меньшим могуществом воздействия.

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного...

Трудно представить себе такую «душу пустынную», в которой громоздился бы ураганный потенциал. А ведь основная часть этого потенциала не реализовалась! И Мартынов, подобно Дантесу, получил от судьбы долгую и обывательски-успешную жизнь... Возможно, мы, люди, не достойны видеть полный расцвет величайших человеческих умов?..

Иногда гениальность Лермонтова проявляет себя сопоставлениями, ударная сила которых чрезмерна для описываемого события. Приведу два примера, где довольно обычные любовные переживания сравниваются с эмоциональными трагедиями куда более высокого порядка:

Расстались мы, но твой портрет
Я на груди моей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.
И, новым преданный страстям,
Я разлюбить его не мог:
Так храм оставленный — все храм,
Кумир поверженный — все Бог!

Во втором примере, на мой взгляд, разница между сравнением и породившим его событием еще глубже:

У врат обители святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.
Куска лишь хлеба он просил
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

Дальше,— впечатление резко обрушивается,— и с немалой высоты:

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!

Даже в ранней юности, когда приоритетно властвуют мечты о любви, причем желательно необыкновенной и особо яркой, я испытывала в финале этого стихотворения нечто, очень похожее на разочарование. Пожалуй, ни у кого из поэтов и писателей я до сих пор не встречала подобных контрастов.

В чем же индивидуальность и несомненная, в данном конкретном случае, гениальность Лермонтова?

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

Михаил Юрьевич неоднократно именует себя странником, то прямо, как в приведенном четверостишии, то косвенно, в третьем лице:

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом.
Что ищет он в краю далеком?
Что кинул он в краю родном?

В отличие от пушкинского, в целом жизнеутверждающего, творчества, Муза Лермонтова философски трагична и устойчиво тяготеет к пессимизму. Его Узник не способен покинуть тюремные стены, лучшие герои стихов и поэм сгорают в огне страстей от безнадежности бытия. Таков Мцыри, таков Арбенин, не поверивший в искренность правды, но не усомнившийся в правдоподобии лжи. Таков и Демон, одиночество которого оказалось непреодолимым.

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно...

Поэт живет в сложном мире, и даже молодость не в силах отвлечь его от горечи противоречивых мыслей и настроений.

И тьмой, и холодом объята
Душа усталая моя...

Герои Лермонтова часто превосходят автора возрастом, и зрелость суждений, которую поэт придает им, абсолютно убедительна.

Очень люблю я также «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Самое, что ни на есть, русское произведение. Неподдельно былинная певучесть языка, почти древнегуслярская неспешность повествования. Кто прочтет — «как будто... увесистую чашу стоялого, хмельного меду выпил...» Несмотря на трагический по сюжету конец, поэма не оставляет столь горького осадка, как большинство других лермонтовских творений. Казнил грозный царь удалого купца Калашникова, но прежде успел Степан Парамонович постоять за справедливость и наказать своего обидчика. Не испугался гордо ответить самому Ивану Васильевичу:

Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольной волею,
А за что, про что — не скажу тебе,
Скажу только Богу единому...

И становится понятно, почему мимо его безымянной могилки «пройдет молодец — приосанится». Ох, немногим, даже великим, поэтам удается такое национально безупречное и гармоничное произведение. Вспоминается Толстой: «...дух и приемы эти были те самые, неподражаемые, неизучаемые, русские...»

Анатолий Коновалов
(г. Елец)

ЖЕРТВА ЖРЕБИЯ ЗЕМНОГО
(повесть)

Помощник ректора Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина, доцент кафедры журналистики, автор двадцати книг прозы и публицистики, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург), лауреат региональных премий: литературной — имени Е. И. Замятина, журналистской — имени А. А. Вермишева, член Союза российских писателей.

1

Шестнадцатилетний Сашка Худяков даже и подумать не мог своей юной головой, что ему придется вскрывать могилы. Да еще почти рядом с захоронением его бабушки Ани.

А произошло это совершенно неожиданно. В механическую мастерскую нагрянул заместитель председателя колхоза, в то же время секретарь партбюро этого хозяйства Николай Александрович Селиверстов. Механизаторы, что старше и авторитетнее, начали «откалывать» шуточки.

— Опять, Алексаныч, пришел кого-то уговаривать в партию вступить?

Селиверстов изобразил виновато-стеснительную улыбку:

— Это, мужики, дело сугубо добровольное, так что тянуть в КПСС за рукав никого не собираюсь...

— Неужели, Николай Александрович, премию нам за хорошую работу принес? — по мастерской пронесся дружный смех.

— А вот хорошая работа вам еще предстоит,— произнес он вполне серьезно.

— У нас и от этой рубахи хоть выжимай. Что-то ты, Николай Александрович, мудришь?

Селиверстова недавно избрали партийным руководителем. До этого он с этими мужиками гайки крутил, случалось, и руки до крови сшибал. Потому относились к нему колхозники с уважением, но на «ты» так и не перестали обращаться.

— Придется вам, мужички, гаечные ключи на лопаты и ломы поменять,— взгляды ремонтников полные удивления он обезоружил теплом сияющего лица.

— Вот те на-а-а...

— Александрович, у тебя случайно вчера никакого застолья не было? — с интонацией доброй шутки спросил один.

— Да нет — не похоже вроде. С виду свеж, как весенний дождичек,— подыграл шутке первого другой механизатор.

— А теперь, мужики, шутки в сторону. По распоряжению председателя колхоза вам предстоит выполнить не совсем приятную работу...

— Как будто работа в нашей грязи может быть приятной,— выпустил кто-то на волю остроту.

— Нет, мужики, я неверно выразился. Особая работа поджидает.

— Не томи, парторг, загадками.

— Могилу надо раскопать.

— Что, что-о-о?

— Могилу Юрия Петровича Лермонтова...

— Это, за какие же такие грехи его решили потревожить?

— По просьбе Пензенского облисполкома Липецкий облисполком разрешил его останки перенести в село Лермонтово, где находятся могилы его сына — Михаила Юрьевича и жены Марии Михайловны. К нам уже приехали представители музея-заповедника и член бюро нашего райкома партии. Так что, предстоит поработать на погосте.

— И кого же ты, Николай Александрович, забираешь? — поинтересовался заведующий мастерскими.

— Сколько людей сейчас занято на ремонте? — спросил Селиверстов.

— Двенадцать человек.

— Не будем никого обижать, задействуем всех,— решил заместитель председателя колхоза,— быстрее отделаемся.

— А как же быть с ремонтом? — теперь уже забеспокоился заведующий мастерскими.

— Такое распоряжение руководства колхоза и района.

— А помин души усопшего будет? — проявил голос остряк, который, все знали, из-за язвы желудка несколько лет вкус спиртного только во сне до дрожи в теле испытывает.

— А как же без этого,— обнадежил, улыбаясь, парторг.

Вот так Сашка Худяков и попал в группу «могильщиков». Он после окончания восьми классов местной Лукьяновской школы и курсов механизаторов работал в колхозе имени Лермонтова бульдозеристом. Когда не было в хозяйстве для его трактора фронта (а тогда почему-то «фронтом» считали и поля, и фермы) работ, молодого и смышленого парня использовали слесарем на ремонте сельхозтехники.

* * *

Возле церкви Успения Пресвятой Богородицы села Шипово появились люди. Они вышли из автобуса кто с лопатой, кто нес в руках лом, а кто-то вооружился топором.

Приход этой церкви имел два кладбища — старое и новое. Вышедшие из автобуса рабочие, остановились у старого. Их уже поджидали директор Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова «Тарханы» Пензенской области Валентин Павлович Арзамасцев, а так же член бюро, второй секретарь Становлянского райкома КПСС, бывший главный редактор Становлянской районной газеты «Звезда», далеко известный за пределами Липецкого региона литературный краевед Владимир Федорович Топорков. Будучи журналистом, да и потом, ступив на партийную стезю, он настойчиво изучал архивные и исторические материалы, из которых по крупицам собирал неизвестные доселе страницы или даже малые крохи из жизни Бунина, Пришвина, судьба которых оставила след на Становлянской земле. Владимир Федорович один из немногих в Липецком крае, а может, и в России, кого заинтересовала судьба не столько поэта Лермонтова — исследователей его творчества и жизни было немало и в СССР, и за границей, сколько его родителей, особенно отца, который нашел, казалось бы, вечный покой у стены церкви в селе Шипово. Но через 143 года после похорон Юрия Петровича оказалось не совсем так...

Появление людей вспугнуло дремавших в зарослях деревьев и кустарников сорок. Они громким стрекотом встретили гостей. Их базарный шум поддержала, закружившая низко над погостом, стайка галок. Для птиц каждый человек, появляющийся на старом или новом кладбищах, долгожданный благодетель. От него обычно им доставались зерна пшеницы или риса, печенья или конфеты с кладбищенских холмиков, которые тот приносил на помин душ усопших родственников.

Руководитель музея-заповедника из села Лермонтово, которое получило такое название в 1917 году от села Тарханы, пояснял:

— По данным Тульского краеведческого музея захоронение Юрия Петровича произошло у стены вот этой церкви юго-восточнее алтаря,— он как литературовед и кандидат исторических наук, казалось, всматривался в каждую неровность, чем-то напоминающую могильный холмик возле храма.

— Но тут нет ни единого надгробья или какого-то другого знака, что указывало бы хоть на как-то захоронение,— рассуждал Топорков, разглядывая место, на которое указал Арзамасцев.

— Что вы предлагаете? — спросил озабоченно представитель музея.

— Не знаю,— признался откровенно Владимир Федорович.

Арзамасцев достал из папки, которая была в его руках, листок бумаги.

— Я хочу вам, товарищи, зачитать выписку из церковной книги, которая сейчас хранится в Тульском краеведческом музее. В ней говорится: «В октябре первого числа 1831 года погребен на отведенном кладбище юго-восточнее алтаря корпус капитан Юрий (Евтихий) Петров Лермонтов, военнослужащий, вдовый. Умер от чахотки». Эту запись засвидетельствовал священник церкви Успения Пресвятой Богородицы Николай Корнильский-Соболев. Потому сомнения нет, что место захоронения отца великого поэта находится где-то здесь,— пензенский гость вновь неопределенно обвел рукой пространство вокруг себя.

Воцарилась тишина. Ее прервал один из механизаторов:

— Так, где рыть-то будем? — складывалось впечатление, что ему было все равно, где дать работу рукам и лопате, лишь бы расчет получить как можно быстрее. Вид у него был явно после «укуса» вчерашнего «зеленого змия».

Ему никто не ответил. Топорков поинтересовался:

— Валентин Павлович, но здесь, видимо, было погребение не только отца Михаила Юрьевича?

— Безусловно. По нашим сведениям тут захоронены отец, мать и сестры Юрия Петровича,— ответил уверенно Арзамасцев. Ему, как и Топоркову, на вид было чуть более тридцати лет, но он уже с 1966 года руководил музеем-заповедником, прекрасно знал родословную Лермонтовых.

— Тогда по каким приметам мы определим останки Юрия Петровича почти через полтора века после его смерти?

Топорков отличался тем, что ни в своей бывшей редакторской работе не упускал ни одну мелочь, если это касалось жизни его земляков-писателей. И хотя по образованию он биолог, но по призванию был фанатичным литературным краеведом. А что связано с селом Шипово, тем более. Ведь он собирал очень скупые сведения о жизни и творчестве еще одного замечательного писателя, которого почему-то крайне редко вспоминают на становлянской земле,— Николая Васильевича Успенского, творчество которого в свое время в журнале «Современник» высоко оценил Некрасов, назвав его «крестьянским трибуном». Лестные отзывы о рассказах Успенского написали Добролюбов, Тургенев, Толстой, Григорович. А вот в этой церкви, рядом с которой они стояли с Арзамасцевым и механизаторами, в сороковые годы XIX столетия проводил службы его отец — священник Василий Яковлевич, и куда в детские и юношеские годы, безусловно, заходил будущий прозаик.

— Есть у нас сведения из различных источников, что Лермонтова положили в гроб в костюме защитного цвета — скорее всего в военном мундире. На день смерти он был с бородой и усами. Знаем, в каком возрасте умер...

— И все? — не унимался Топорков.

— Других данных у нас, да и, наверное, у вас, нет...

— Конечно,— сухо подтвердил Владимир Федорович.

— Что будем делать? — уже нетерпение проявлял Арзамасцев.

— Копать, где вы показали,— сказал Топорков, он был ответственным представителем от области и района на процедуре вскрытия могилы.— Командуй своими орлами, Николай Александрович,— обратился он к Селеверстову.

Через некоторое время лопаты начали вгрызаться в землю.

Стояла погожая осень 1974 года...

2

Пехотный капитан Юрий Петрович Лермонтов, вышедший в отставку по болезни в 1811 году, приехал в свое имение, Кропотово, и сделался соседом помещиков Арсеньевых из села Васильевское. Он находился в приятельских отношениях с сыном хозяина имения — Николаем Васильевичем. В те времена было заведено, что помещики-соседи считали за правило наезжать друг к другу на чаепитие или балы-веселья.

Но чаще всего кропотовский землевладелец наведывался к знатному и богатому помещику Елецкого уезда. В шумном, веселом и безмерно гостеприимном арсеньевском доме этому кудрявому шутнику, с обворожительной ямочкой на подбородке и живыми темными глазами быстро нашлось место. Обнаружились в Лермонтове модные тогда в офицерской братии пристрастия: картежная игра, кутежи и бесчисленные романы с барышнями, жаждущими романтики и любовных приключений.

В доме статского советника Василия Васильевича Арсеньева всегда было много гостей. Не исключением оказался и тот вечер. Более того, появилась еще одна причина шумного бала. Из Тархан Пензенской губернии приехала в Васильевское жена старшего брата хозяина имения Елизавета Алексеевна Арсеньевна с дочкой Марией.

Машенька случайно, но с интересом заметила среди присутствующих молодого человека приятной и обворожительной наружности.

На нем был по меркам высшего общества, а именно таковым считалась семья Столыпиных, выходцем из которой являлась Елизавета Алексеевна — в замужестве Арсеньева, дешевый костюм. Но он отличался той приятной для глаз небрежностью, которая изобличала молодого человека, привыкшего хорошо одеваться и вращаться в светском обществе. Хотя в его одежде не замечалось никаких драгоценностей. Одет он был в черный фрак, в белую рубашку со стоячим воронкообразным воротником, упирающимся в подбородок и туго обнимающим шею. Нашейный платок, цвета рубашки, двумя косичками заигрывал с широкими лацканами. Чуть ниже нашейного платка повязан галстук — светло-серый, расшитый бисером.

Мария видела многих людей его возраста одетых гораздо богаче, но никого, кто умел бы с таким достоинством и грацией придавать значение своему платью.

Его прическа сделана с локонами в виде штопоров по обе стороны лба. Аккуратно подстриженные и вьющиеся, как и волосы на голове, бакенбарды смело опускались к подбородку.

Но больше всего поразили юную Арсеньеву его большие глаза. В них вроде бы и искрилось удовлетворение жизнью, но в то же время в их глубине прятались грустинки, от того они принимали чрезвычайно томный и, как показалось девушке, за-

гадочный вид. Потому выдавали в молодом человеке еле заметную усталость, а может, и признаки какого-то недуга.

Его черты лица представлялись Марии совершенными. Высокий лоб намекал, по-видимому, на природный ум. Небольшой рот с пухлыми губами, цвета не совсем вызревающей вишни, рисовали в ее воображении его сентиментальную, романтическую натуру. Широкий подбородок подчеркивал характер человека волевого. Прямой, симметричный лицу, нос дополнял приятную внешность. Брови от переносицы расправляли свои изящные крылья, как бы спрашивая, а вы нас не ждали? Лицо в меру полное, придававшее его хозяину добродушие.

В нем не было ни малейшего намека отчаянного фата. Ничем особенным он не отличался от других мужчин, но в нем было что-то такое, что заставило учащенно биться юное сердечко. Девушка очаровалась им.

В свои восемнадцать лет Машенька считала себя старой девой. Если мужчина в те времена задумывался серьезно о женитьбе к тридцати годам, то девушка созревала в невесты уже в четырнадцать-пятнадцать лет. Она уже по-взрослому танцевала на детских балах, куда приезжали молодые люди высматривать себе невест. А ей уже стукнуло целых восемнадцать! О, боже! И она еще ничья невеста. Хотя для этого была причина.

Машенька Арсеньева родилась ребенком слабым и болезненным.

И когда ее сверстницы из известных и богатых семей уже «невестились», она все еще выглядела хрупким созданием. Бог наградил девушку добротой, которая позволяла ей искренне, от души помогать в лечении крестьян их имения. Временами у нее случались нервные вспышки. Скорее всего, это было результатом зарождающейся в ее организме чахотки. Хроническое заболевание, как червь спелое и румяное яблоко, подтачивало ее легкие. И нервные срывы случались тогда, когда она еще и в кишечнике, и в почках чувствовала остро болезненные рези.

Юрий Петрович, увлеченный беседой с прибывшими из Петербурга и Москвы сыновьями Арсеньева о светских новостях двух столиц, о зарождении масонства в России, не обратил внимания на пензенскую барышню. И только тогда, когда она села за фортепьяно и запела детским грудным с дрожью голосом, Лермонтов повернул голову в ее сторону.

Его взгляд на какое-то мгновение заледенел. Уши перестали слышать слова собеседников. Внутри его что-то заколотилось.

Ее чудные уста выводили, как показалось капитану, колдовские звуки:

Мы друг друга любим, что ж нам в том с тобой?
Любим и страдаем всякий час.
Боремся напрасно со своей судьбою,
Нет на свете радостей для нас.

С каждым ее словом, с очередным звуком фортепьяно у него возникало желание подойти к ней и, презрев бестактность, познакомиться, искренне поблагодарить ее за то, что она засветила искорку в потемках его души.

А она продолжала петь и околдовывать его:

Зрю ль тебя, не зрю ли, равну грусть имею,
Равное мучение терплю...

Его душу действительно в последнее время беспокоили мучительные мысли. На взлете военной карьеры в возрасте двадцати четырех лет он по болезни вышел в от-

ставку. Его неспокойная и деятельная натура не позволила ему отлеживаться на диванах и быть спокойным, когда наполеоновские войска пересекли границу России. Корпуса капитан вступил в Тульское дворянское ополчение. В боях с французами получил ранение, и какое-то время находился на излечении в военном госпитале в Витебске. Но не рана беспокоила его. В глубинах молодого организма разбросала свои семена чахотка, которые дали первые всходы прогрессирующей болезни...

Девушка заканчивала романс словами:

О печально сердце! Где твои утехи!
Все прошло, и уж надежды нет.

В зале повисла тишина, которую затем взорвали аплодисменты. Они вывели Юрия Петровича из состояния задумчивости и растерянности. Он шагнул к фортепьяно.

Его заметили возле девушки только тогда, когда молодой человек сделал выразительный наклон головы, положил правую руку на левую сторону груди и произнес:

— Разрешите выразить вам восхищение от чудного романса. Он до глубины души взволновал меня.

Машенька смотрела на него так, словно кто-то в кромешной темноте зажег яркую свечу. Ее щеки залил малиновый сок. Застенчивость читалась в ее глазах.

— Вам понравились слова или музыка? — что-то мешало ей легко и ровно дышать.

— И то, и другое! У вас великолепный голос! — В эти мгновения ему почему-то самому хотелось петь.

— Вы преувеличиваете мои способности, но мне приятно это слышать.

Он смотрел на нее и не мог оторвать взгляд, понимал, что это неприлично — они же не были знакомы.

Видя замешательство приятеля, к нему на выручку поспешил Арсентьев-младший.

— Жорж, разреши представить тебе мою кузину. Это наша прелестная Машенька, точнее Мария Михайловна Арсеньева.

У Лермонтова в душе разлилось тепло, лицо расцвело от улыбки.

— Очень приятно!

— А это, Машенька, наш сосед по имению и мой приятель по учебе в кадетском корпусе Юрий Петрович Лермонтов.

— Мне приятно, Николя, что у вашего батюшки такие соседи, а у тебя такой приятель. Вы, как и кузен, военный?

— Я корпуса капитан, но два года как в отставке.

Арсеньев заметил, что двое молодых людей не сводят друг с друга глаз, с каким-то намеком улыбнулся:

— А теперь разрешите вас покинуть, меня ждет папенька.

Они оба ему в этом не возражали.

— Вы спели прекрасный романс, я его раньше не слышал. Чьи такие дивные слова и музыка?

Мария Михайловна не замедлила ответить:

— Стихотворение-песню написал Александр Петрович Сумароков. А музыку...— девушка замялась и зарделась,— сделала попытку сочинить... я...

— Вы?!

С детской непосредственностью она застенчиво прошептала, опустив глаза:

— Вам не понравилось?

— Да что вы такое говорите? Она глубоко тронула мою душу.

— Это вы не желаете меня обижать...

Перед ним стояла сама невинность. Ее чуть узкие глаза, смоляные волосы, такого же сочно-черного цвета серпы бровей, в меру скуластое лицо намекали на ее больше азиатское происхождение, чем европейско-русское. Такое у него было первое впечатление об этой замечательной девушке. Тогда он не знал, что не ошибся. Древний род Арсеньевых берет свое начало в России с 1389 года, когда к Великому князю владимирскому и московскому Дмитрию Донскому из Золотой Орды перешел на службу Аслан Мурза Челебей — один из представителей татарской знати. Впоследствии он принял православную христианскую веру и получил имя Прокопий. По родословной легенде «сам Великий князь был его восприемником и выдал за него дочь своего ближнего человека Житова — Марию». У Прокопа было три сына — Арсений, Яков и Лев. Старший сын Арсений (Юсуп) и являлся родоначальником Арсеньевых.

Видимо, от далеких татарских предков и унаследовала Мария Михайловна немного узкие глаза и чуть скуластое лицо.

Но в тот момент ему было все равно, какого рода-племени его новая знакомая. Жоржа, так Юрия Петровича называли приятели по кадетскому корпусу, еще с Петербурга влекли приключения в обществе хорошеньких барышень. Он, несмотря на болезнь, оставался азартным игроком не только в карты, но и в отношении юных особ, невзирая на их происхождение.

Когда Арсеньева и Лермонтов обменивались взглядами и словами, Елизавета Алексеевна поинтересовалась у брата покойного мужа:

— Василий Васильевич, с кем это моя Машенька так щебечет? — Она находила приятным собеседника дочери.

— Это сын небогатых помещиков из Кропотово.

— Из Кропотово? — вопрос прозвучал певуче и в какой-то мере недоуменно.

— Имение Юрия Петровича — так зовут этого молодого человека, находится в верстах сорока от нашего, правда, в Тульской губернии Ефремовского уезда.

— А какими судьбами он попал в гости к вам? — Ее лицо из ранее светло-радостного посерьезнело.

— Юрия Петровича пригласил Николя. Они вместе учились в Петербурге.

— Он тоже военный? — Ее глаза, словно рентгеном, впились в Лермонтова.

— Корпуса капитан. Но года два назад вышел в отставку, говорят, по состоянию здоровья...

— И чем он болен? — Напоминание о болезни разбудило в ее душе тревожные нотки. Ведь недуг так же преследует ее единственное и драгоценное чадо.

— Вот этого, Елизавета Алексеевна, знать не могу.

— А какое поприще он избрал после службы?

— Сказывают, занимается хозяйством в своем имении...— Василий Васильевич, не скрывая улыбки, спросил.— А что это вы, разлюбезная Елизавета Алексеевна, воспламенились интересом к нашему соседу? Неужели с ним планы какие-то связываете?

— Полноте, дорогой Василий Васильевич, о чем вы говорите?..

— Все о том же, Елизавета Алексеевна, что пора для Машеньки достойную партию выбрать. Или вы другого мнения? — В его глазах играло лукавство.

— Пора-то оно пора, только...

— Я вам скажу — Лермонтов положительный кавалер.

— Положительный — не значит достойный...— многозначительно ответила она, словно раз и навсегда потеряла интерес к разговору о Юрии Петровиче.

* * *

Объявили о начале танцев.

В доме Арсеньевых бал, как обычно, открывался менуэтом.

Лермонтов не замедлил обратиться к девушке:

— Мария Михайловна, разрешите пригласить вас на первый танец.

Она, казалось, только и ждала этой любезности с его стороны. Но на какое-то мгновение помедлила. Румянец на ее лице стал еще гуще.

— С удовольствием принимаю ваше приглашение.

Они начали танец, больше напоминающий торжественную прогулку.

— А знаете, Мария Михайловна, в обеих столицах балы уже не открывают менуэтом.

— Чем же, позвольте поинтересоваться?

— Обычно полонезом.

— Но он практически ничем не отличается от менуэта.

Юрий Петрович широко заулыбался:

— Вы совершенно правы. И тот, и другой нудный и скучный. А вы как на это смотрите?

Машенька многозначительно ответила:

— Все зависит от настроения. Иногда хочется спокойно проплыть под музыку, а порой непреодолимо желание быть непринужденной и шаловливой, как в котильоне,— ее лицо сияло чистотой, детской радостью.

Он вел ее по залу, словно парил с нею вместе где-то в бесконечной голубизне небес. Такое с ним редко случалось в обществе барышень. Ему неожиданно показалось, что Машенька именно тот человек, с которым хочется заглянуть в будущее, строить, пусть пока и призрачные, совместные житейские «замки».

«А почему бы и нет? — задал он себе вопрос.— Хотя куда спешить? — возразил любвеобильный игрок. Но жил в нем и другой человек, который пристыдил его.— Но ведь, как в картах, игра когда-то заканчивается, азарт не всегда приводит к добру...— и вновь проскользнуло сомнение.— Но не песчаный ли я замок собираюсь возводить?..»

Признался барышне:

— А вы знаете, и у меня частенько подобное случается.

Она смотрела на него, и тепло наполняло ее душу. Ей нестерпимо захотелось вместе с ним раствориться в каком-то головокружительном танце. В ее девичьей судьбе, крайне скудной на знакомства с кавалерами, такое настроение вспыхнуло впервые.

Музыка менуэта неожиданно быстро умолкла.

Лермонтов искренне произнес:

— Как жаль, что танец закончился.

— Поверьте, мне тоже.

— Я вас очень прошу — подарите мне, хотя бы еще один танец.

Сама незапятнанная простота распахнула настежь свою душу:

— Хотя бы один танец будет ваш...

* * *

После того, как Юрий Петрович познакомился с Машенькой Арсеньевой, его визиты стали в село Васильевское частыми. Вспыльчивого «дамского угодника» будто подменили. Он больше не подходил к карточному столику, прекратились пьяные оргии, его закадычным приятелям показалось, что Жорж не замечает, как раньше, ни одной барышни кроме пензенской девицы.

Друзья начали в отношении его упражняться в остротах.

— Узнаете ли, господа, нашего прежнего Жоржа?

— Неужели его страсти завяли, как самые изумительные розы на морозе?

— Господа, я не сдержу слез. Наш разудалый и бесшабашный друг, кажется, сражен самой острой стрелой Амура...

— Да, участь, видимо, его предрешена...

— Жорж, мы ждем, не дождемся приглашения на мальчишник.

Юрий Петрович молча улыбался в ответ на дружеские реплики в свой адрес. Сам себе говорил: «А ведь они почти попали в цель, к Машеньке я отношусь совершенно по-другому, чем к прежним своим увлечениям и зачастую победам. Нет, она ни на кого не похожа».

— Господа, я должен признаться, что в ваших словах-колючках есть значительная доля правды...

— Даже так, Жорж? — молнией сверкнул вопрос-удивление под общий веселый гул.

У ранее не особенно-то застенчивого Лермонтова лицо словно впитало цвета алой утренней зари. Он обреченно кивнул головой.

* * *

А в это время Елизавета Алексеевна затеяла неприятный для Машеньки разговор.

— Дочка, не кажется ли тебе, что господин Лермонтов проявляет к твоей персоне повышенное до неприличия внимание?

— Маменька, да что вы такое говорите?

— Что замечаю, да и другие не слепые, об этом и позволила тебя спросить.

Арсеньева — старшая, выстрадавшая в своей жизни несчастную любовь и трагическую супружескую судьбу, даже близко не подпускала мысль, что подобное она допустит и по отношению к своей дочери. После смерти ее мужа прошло три года. Все это время вдова находилась в состоянии какого-то кошмарного сна. Она стояла рядом с дочерью, а ее память метнулась в прошлое.

...Двадцатилетняя девица Елизавета Столыпина — гордая, чересчур степенная, даже может, и неуклюжая, не красавица, но наружности приятной, украшенная достоинством старинных манер, румянцем во все щеки, с удивительной легкостью попалась в ловко расставленные сети ритора-гвардейца. Михаил Арсеньев — богатый Елецкий помещик, отличался веселой живостью нрава, колдовской любезностью. Он удивительно легко мог очаровать почти любую даму. Не исключением для ловца приключений, светского остроумца, бывшего гвардейца стала и девушка из знатной и славной на всю Россию фамилии Столыпиных.

Красивое и романтичное ухаживание Мишеля за Лизонькой закончилось грандиозной и шумной свадьбой.

Через два года после венчания в двадцать семь лет Михаил Васильевич, при поддержке очень влиятельных родных супруги избирается местным предводителем дворянства. Говаривали в светских кругах, что Арсеньев, обладая истинно природным обаянием и завидным даром речи, мог легко распутывать нередко самые спорные и, казалось, не развязываемые «гордиевы узлы».

Не по годам обладал «ненаглядный» ее муж серьезными и практичными поступками. На все столыпинское немалое приданое и на свадебные подарки кругленькой суммой в пятьдесят восемь тысяч рублей серебряными ассигнациями купил в середине ноября 1794 года имение в Чембарском уезде Пензенской губернии с барской усадьбой в селе Яковлевское, которое насчитывало более четырех тысяч десятин земли. Его он, затейливо для многих родственников и знакомых, в том

числе и до бесконечности счастливой супруги, переименовал в Тарханы. А сделал он это неслучайно.

Жители купленного села издавна занимались хлебопашеством, скорняжным промыслом, скупали мед, сало, шерсть, но больше всего шкурки домашних животных. Выделанный мех продавали далеко за пределами своей губернии. Таких скупщиков, разъезжающих по деревням и селам, называли тарханами. Почему этим тюркским словом нарек также приобретенное село Михаил Васильевич? А бог его ведает, что ему при покупке имения взбрело в голову. Может, татарская кровь в нем проявилась и очередную шутку сыграла. Но только это село под новым именем — Тарханы — через несколько лет получило широкую известность. Здесь и родилась через четыре месяца после покупки имения Машенька.

Супруги Арсеньевы грезили наполнить новую усадьбу дюжиной детей. Но на небесах распорядились по своему усмотрению. Вскоре после родов занемогла Елизавета Алексеевна, да так, что ранее сочный румянец на ее щеках начал быстро выцветать. И к тридцати годам она напоминала наружностью увядший поздней осенью цвет, походила все больше на женщину преклонного возраста. О мечте — многочисленных и самых красивых наследниках — пришлось по совету докторов... забыть.

В венах же Михаила Васильевича текла горячая кровь дальних татарских предков, потому степенным помещиком он стать не смог, да и не возжелал. Хозяин имения никому не давал покоя, и прежде себе. Его фантазию будто прорвало. Каждый месяц устраивал в Тарханах то концерты, то спектакли, то псовую охоту, да такую, что вся округа оглашалась собачьим лаем, звуками многочисленных рожков охотников.

А какие маскарады организовывал? С весельем и шутками, с колпаками, фантастическими нарядами и масками. И сам был первым выдумщиком — шутником изысканным, артистичным.

Уездные гости диву давались:

— Михаил Васильевич, ну вы, любезный, не перестаете нас поражать своими выдумками!

Улыбка сияла на широком лице, он думал с лукавством и хитроватым прищуром дышащих огнем глаз: «Погодите, дорогие мои, то ли еще будет...»

Ум соседей протестовал понимать радушного и гостеприимного помещика. Ведь у них самих в усадьбах были крепостные театры с домашними актерами, иногда не только способными, но и порой талантливыми. Но чтоб такое «вытворять» им даже не снилось.

Он ведь до чего додумался? Из Москвы привез карлика-слугу. Забавен тот был — спора нет. Но этот бестия своим малым ростом и уж очень непредсказуемой миной на лице пугал домашних, особенно в темноте, до обмирания сердечного.

Елизавета Алексеевна не из робких женщин, но, увидев это «шарообразное чудо», махала руками и неистово крестилась:

— О, господи, избавь от нечистого...

Она умоляла мужа:

— Мишель, отправь этот несуразный шар на коротких ножках обратно в Москву, прошу ради Христа ...

— Что так вдруг, Лизонька? — спрашивал он вроде бы с неподдельной наивностью, а у самого в глазах озорные чертики резвились.

— Спать сей карлик не дает,— злилась не на шутку жена.

— Неужели по мужской части пристает? — А от искр в его глазах хоть свечу зажигай.

— Мишель, как тебе не совестно подумать такое? — надула она губы.— Твой урод любит спать на подоконнике фасадного окна.

— Ну и что из того? Пусть себе ночи коротает. Кому он мешает? — продолжал изображать наивность Михаил Васильевич.

— В первую очередь мне и всем домашним. На это чудище собираются поглазеть толпы усадебных крестьян...

— Говорят, Лизонька, что видели под окнами и соседних помещиков...— Его душа озорничала, словно он был не предводитель дворянства, а шаловливый ребенок.

— Тебе, Мишель, все шутки и маскарады на уме,— она же понимала, что муж ее, неисправимый потешник и сам в большей мере клоун, потому выдворение карлика из имения он вряд ли допустит. Уж очень он дорог и люб ему оказался.

Михаил Васильевич, чтобы не доводить разговор с женой до ссоры, а они все чаще вспыхивали между супругами, без какого-либо ответа спешил по якобы неотложным делам.

Бог, наверное, только ведал, что думала Елизавета Алексеевна, когда Арсеньев брал на колени глубоко болезненную Машеньку.

— Мы с тобой, радость моя, будем мелодии на клавикордах разучивать.

— Оставь ее-то в покое, Мишель,— умоляла она неугомонного мужа-жизнелюба.

Да разве его могло что-то остановить, если в голове очередная шальная мысль вихрем кружит. А девочка тихо и с удовольствием подчинялась папеньке. Отец наигрывал на клавикордах мелодии, а Машенька напевала под них французские песенки.

После вокальных уроков начинались танцы.

Опять беспокойство тревожило душу матери.

— Мишель, ты же знаешь состояние здоровья нашего ангелочка, зачем утомляешь ее?

— Маменька, я хочу кружиться, как белка в колесе.

— Вот видишь, Лизонька, какая у нас с тобой умница растет. Она лесной ландыш напоминает — хрупкий и красивый. Бледненький только, словно за стеклом выращенный,— он готов был отдать ей весь жар своей неугомонной души.

— Да, да, папенька! — звенел колокольчиком голос ребенка.

В эти мгновения и мать не могла сдержать радости и внутреннего успокоения. Хотя и не понимала: «И с чего это он выдумал, что наша красавица на бледный ландыш за стеклом похожа? А вообще-то, что удивляться его бурной фантазии?»

А хрупкое дитя-тростиночка скользила по вощеному паркету, взмахивала почти прозрачными ручками-крылышками, готовое от счастья парить. По полу, стенам, потолку плыли друг за другом причудливые тени от больших восковых свечей.

— Ай! молодец, ай! красота ты моя ненаглядная! — ликовал отец.— А ты, Лизонька, так и норовишь наш ландыш под стеклом держать...

— Да что ты такое говоришь, Мишель?

— Мы еще, Лизонька, будем гордиться нашей девочкой...

— Дай-то бог,— многозначительно произносила Елизавета Алексеевна. Наверное, только матери остро чувствуют радость или беду, которые поджидают их дорогих чад на жизненной тропинке.

Но и на этом не унялась буйная натура Михаила Васильевича. Он сидел как-то за письменным столом и готовил речь, которую должен был произнести на дворянском собрании. Неожиданно в его кабинет заглянула Машенька.

— Папенька, можно я с вами посижу? Мне скучно,— девочке исполнилось шесть годков, и только ей позволялось в любое время обращаться к отцу с какими угодно просьбами.

— Доченька моя, я ...— Он хотел сказать, что очень занят, но вдруг у него внут-

ри, словно что-то перевернулось,— а, вообще-то, почему нельзя? Тебе, мое солнышко, все можно.

За то, что дочь народилась с целым букетом болячек, он в первую очередь винил жену. Если сам Арсеньев был полон сил, энергии, то Елизавета Алексеевна после родов неизвестно от чего на глазах превращалась из румяной, дородной и желанной женщины в высушенный фрукт.

«Значит ее корни непрочные и немощные,— терзался он,— потому и дочь с детства недугом награждена...»

Отец из-за болезни девочки очень переживал, готов был ради нее все, что угодно, сделать, души в ней не чаял.

Михаил Васильевич быстро убрал на столе документы и другие бумаги в сторону и скомандовал:

— А ну, моя прелесть, садись рядом со мной.

— Зачем это, папенька?

— Иди ко мне, тогда и узнаешь...

Она, обрадованная, приблизилась к отцу. Тот достал из выдвижного ящика стола кисточку и тушь.

— Пора тебе, Машенька, учиться рисовать. А то поешь, как соловей, по паркету скользишь балериной, надо в тебе и талант художника развить. Как на это смотришь?

Девочка застеснялась, не знала, что ответить.

— Вижу, желание у тебя такое есть...

— Да, папенька,— робко призналась дочь.

— Вот и молодец! Ты любознательная в нас — Арсеньевых...

И он начал учить Машу держать в руках кисть, выводить на белом листе бумаги какие-то линии, кружочки, крестики. А став десятилетней барышней, она уже рисовала черной тушью в своих альбомах белоствольные березы с раскидистыми ветвями и длинными подвесками-сережками. Появились и акварельные, сочные цветы-розаны, изящные, словно девичий стан, изгибы реки с живописными берегами. Но чаще всего она изображала знакомые лица или профили. Юная художница долго просидела над портретом своей кузины и тезки Машеньки Шан-Гирей. Сходство, красота, а самое главное — характер родственницы так были удачно подмечены, что Михаил Васильевич не побоялся вывесить этот портрет в рабочем кабинете и с гордостью его показывал своим гостям.

Елизавете Алексеевне порой казалось, что она, муж, их способная дочка так и будут плыть в надежной лодке семейной идиллии. А лодка, возьми, и опасный крен дала. Нескончаемо неугомонный пыл натуры Михаила Васильевича подтолкнул то суденышко к высокому жизненному водопаду. В таких случаях обычно говорят: «Седина — в голову, бес — в ребро». Влюбился чембарский предводитель дворянства — безумно, страстно.

Доброжелатели шепнули Елизавете Алексеевне:

— У вашего, голубушка, мужа роковая пассия глаза разума густым туманом обольщения заволокла.

Арсеньева приняла такую новость лишь за сплетню, которую могли распускать его недоброжелатели и завистники в дворянском собрании. А своему Мишелю она всегда доверяла. Только вот почему-то «верный и надежный» ее супруг начал из дома исчезать. Холодок в их отношениях все чаще осенние заморозки напоминал. А вскоре сплетня превратилась в обжигающую душу тревогу, которая дала о себе знать, как бледный подснежник о приходе весны. Оказалось, что половодьем чувств прибило Михаила Васильевича к берегу любвеобильной соседки по имению Мансырьевой. Ее муж — военный человек — по долгу службы частенько отсутствовал в семье. А молодая чернобровая хозяйка села Онучи томилась от нестерпимой жажды

мужской ласки. На одном из балов, которые жена полковника любила устраивать в своем барском имении, она буквально расстреляла угольными глазами красавца и весельчака Арсеньева. Перед их натиском он устоять не смог. Зачастил в Онучи Михаил Васильевич.

Потемнела душа Елизаветы Алексеевны. Она старалась прочь гнать мысль об измене и позоре. Увлеклась гаданием на картах, но они не раскладывались угодным радужным узором, беду все больше предрекали. Пробовала прочь гнать черные мысли, а они неразлучной тенью за ней ползли. Просила Машеньку что-нибудь сыграть веселое на фортепьяно, которое ей подарил папенька на день ее десятилетия. Дочь видела глубокую грусть в глазах матушки, старалась напевами отогнать подальше от нее злодейку-тоску. Но мать под звуки мелодии украдкой от девочки почти из выплаканных глаз все же выдавливала слезинку за слезинкой.

Арсеньев, конечно, чувствовал, какое горе занес в когда-то счастливый дом. Думал с тревогой:

«Подрастет Машенька, узнает правду о моих похождениях, и это совсем подкосит ее и без того хрупкое здоровье...» — казнил он себя упреками. И над ним подолгу облако горести не развеивалось.

Такое настроение мужа не оставалось не замеченным Елизаветой Алексеевной. Она с надеждой рассуждала: «Вижу, дорогой, твой тайный роман немного приносит тебе счастья. Когда никогда, а вернется к блуднице муж из дальних военных походов. Что станет с твоим влечением к чужим прелестям? Опадет оно, как листья с дерева, в которое молния неожиданно угодила. Вот так-то, мой ненаглядный Мишель. А может, все еще перемелется, глядишь, и его, и мои муки испарятся?..»

Машенька все чаще играла и напевала в одиночестве. Ее душа растворялась в чарующих и медленных напевах, из которых выплескивалась тоска, перемешанная с печалью от раннего познания этого мира: до безумия красивого, пленительного и одновременно странного и пугающего. Потому она с нетерпением ждала, когда папенька вновь устроит маскарад, и девочка, к которой незаметно подкрадывался возраст невесты, будет, как и раньше, веселиться, примерять по несколько раз и надевать маскарадное платье, бегать по красивейшему парку, вдыхать дурманящий аромат хвои на Новый год, слышать оживленный говор и смех гостей...

Наконец-то Михаил Васильевич объявил о предстоящем маскараде, предупредив жену:

— Ты, Лизонька, оденься в черный гипюр.

— Праздник все же,— попробовала возразить она,— а ты собираешься рядить меня в мрачные одежды монахини?

В ответ Арсеньев обронил, словно невзначай, как за игрой в пикет, странные слова:

— В завтрашнем маскараде будешь ты у меня, Лизонька, вдовушкою, а ты, Машенька, сироткой...

Быстро повернулся от жены и дочери, и заспешил по неотложным вроде делам.

Елизавета Алексеевна, пылающая огнем ревности, и бровью не повела в ответ на его слова, лишь чуть лоб сморщила, подчеркивая этим обиду на мужа. В ней заговорила гордость: «Пристало ли мне, урожденной Столыпиной, рядиться в маски? Да еще в траурно причудливые? И все в угоду капризам арсеньевским? Нет, нет и еще раз нет! Род Столыпиных знатней и известней вашего татарского будет...»

Михаил Васильевич на этот раз решил к обычной новогодней елке еще и спектакль поставить. Выбрал «Принца Гамлета» Шекспира. Себе в нем роль отвел — могильщика. Сам вместе с костюмером из крепостных костюм сшил.

— Максимка,— позвал он самого надежно и поверенного в его сердечных делах камердинера Медведева.

— Что прикажите-с, батюшка Михаил Васильевич?

— Запряги тройку лошадей, да каких поогненней, и слетай за госпожой Мансырьевой в Онучи.

— Слушаюсь, батюшка,— и слуга прогнулся в низком поклоне.

Но ослушался холоп своего господина, вернулся без дамы его сердца.

— Да как ты посмел, свиное рыло, не выполнить моего поручения? — затопал ногами Арсеньев в бешенстве.

— Виноват, батюшка, но к онучевской барыне муж изволил пожаловать...— камердинер боялся глаза от паркета оторвать.

— Муж, говоришь? — Взгляд хозяина имения уставился в одну расплывчатую точку.

— Так точно-с,— Медведев не посмел спину выпрямить.

— Пошел прочь! — с безразличием приказал барин, так не выплыв из задумчивости.

— Слушаю-с, батюшка,— слуга попятился к выходу, обрадовался, что сурового наказания не понес за невыполнение воли благодетеля.

А его уже поджидала Елизавета Алексеевна.

— Сказывай, плутовская твоя голова, куда тебя хозяин спозаранок на тройке отсылал?

— В Онучи, матушка,— вновь изогнулся почти до земли камердинер.

— И по какому же такому поручению? — Глаза ее от злости набухли.

— Велено было госпожу Мансырьеву доставить ко двору-с.

— Почему с пустой кибиткой возвратился?

— Не смогла та поехать в Тарханы, ее муж из дальнего похода возвратился.

Хозяйка имения сразу же с облегчением выдохнула, повеселела, с оттенком доброты повелела:

— Хорошо. Иди делом займись...

— Слушаюсь, матушка,— и Максим вновь, не разгибаясь, попятился.

...Елка и веселье были в полном разгаре. Михаил Васильевич вышел из кабинета в костюме и маске, и что у него было написано на лице, оставалось загадкой и для жены, и для дочери. Они ждали его в зале. Тяжело и молча, он сел в кресло. Немного помедлил и вполголоса произнес:

— Садитесь, мои дорогие, рядышком...— От него веяло какою-то таинственностью — странной и не ко времени.

Мать и дочь недоуменно посмотрели друг на друга, что, мол, сидеть в зале, если гости давно хозяина на маскараде ждут. Но беспрекословно и безропотно устроились рядом с Михаилом Васильевичем: с одной стороны Елизавета Алексеевна, с другой — Машенька. С нетерпением ожидали действий или слов Арсеньева.

— Я хочу повторить вам то, что сказал вчера...

— Я, папенька, не помню что...

— И у меня, Мишель, все выветрило,— у нее, оттого, что его пассия из соседнего имения будет в ласках купаться с мужем — рогоносцем, а не в Тарханах телеса блудницы нагло демонстрировать, радость в душе трепыхалась.

— Так вот. В сегодняшнем маскараде ты у меня, Лизонька, будешь вдовушкою, а ты, Машенька, сироткой...

Женщины не успели ничего в ответ произнести или что-то возразить. Маскарадный шум ворвался в просторный зал для балов. Многочисленные гости проявляли нетерпеливость:

— Михаил Васильевич, но где же вы запропастились?

— Елизавета Алексеевна, голубушка, нам без вас скучно...

— Машенька, кавалеры все глазки просмотрели, без вас менуэт не начинают.

В этом круговороте безудержного веселья и шума Арсеньева тотчас забыла об очередной странной выходке мужа. Лишь мельком подумала: «Вздор все это... Достаточно, дорогой, будет с тебя, что я в черный гипюр обрядилась. Правда, черный цвет меня бледнит и полнит, но ничего, стерплю...» И она с головой ушла в хозяйские заботы и думки о том, чтобы гости были довольны, и потом долго еще рассказывали тем, кто не попал на бал, какой великолепный рождественский маскарад устроили в Тарханах.

Михаил Васильевич, когда гости увлекли мать с дочерью в хоровод новогодней елки, постоял в глубокой задумчивости, направился из зала обратно в свой кабинет. Из нижнего ящика письменного стола достал какой-то пузырек. Обратив взгляд неизвестно куда, замер. Трижды перекрестился. Выдавил из себя слова, словно без остатка все внутренности выдохнул:

— Прости меня, Господи...

И выпил содержимое пузырька.

Прошли мгновения. Изо рта вырвалась обильная пена. Он медленно опустился в кресло. Несколько раз судороги передернули его тело. Михаил Васильевич вытянулся, затих, будто неожиданно крепко уснул.

Прошло немало времени, когда гости проявили нетерпение:

— Где Михаил Васильевич?

— Когда мы увидим «Принца Гамлета»?

Только тут забеспокоилась Елизавета Алексеевна, вспомнив загадочную тираду мужа, о каком-то ее «вдовстве» и «сиротстве» Машеньки.

Арсеньева нашли в его кабинете бездыханным. На нем был костюм могильщика, в котором он собирался выступать на сцене домашнего театра вместе с крепостными актерами. Он не успел или не захотел играть в этой жизни больше никакую роль. А ему было лишь сорок два года...

Вопли ужаса взорвали барский дом. Дамы, не стесняясь, рыдали, выбегали из кабинета Михаила Васильевича, роняя украшения и цветы с волос. И прежде, чем Елизавета Алексеевна поняла в каком-то бреду сознания, что роль, так безжалостно и безумно задуманная мужем, стала горестной явью,— ее дом опустел от гостей, опустел без него навсегда...

...Вот так, стоя перед дочерью и ожидая объяснения по поводу ухаживания за ней Лермонтова, пролистала она в памяти мгновения ее неудачной и трагической жизни с Михаилом Васильевичем. И больше всего хотела, чтобы Машенька не повторила ее судьбу.

Дочь, наконец-то набралась смелости и, заливаясь красной краской от стеснения, решилась на ответ:

— Маменька, что ж дурного в нашем знакомстве с господином Лермонтовым? Он положительно интересный молодой человек. Занимается увлеченно переводами французских авторов.

— Но гол, как сокол...

— Причем тут это, маменька? — В ее голосе нескрываемо звучал укор.

— Все в нашей жизни, милая, при том... Он тебе неподходящая партия. А твою наивную головку вскружить может, тогда что? — не унималась, наученная горьким опытом мать.

— Я вас не понимаю, маменька...

У Елизаветы Алексеевны проявился крутой характер Столыпиных:

— Мне что-то нездоровится, проводи меня домой, дочка.

— Но бал только начинается, я обещала Юрию Петровичу танец...

— Никаких танцев, тем более с господином из Кропотово,— ее голос появился приказной тон.

— Воля ваша,— проявила Машенька видимую смиренность, наполненную еле скрываемой грустью.

— Вот и умница, что жалеешь мои нервы,— а у самой в душе тревожные мысли покоя не давали: «Не дай бог, чтобы у нее арсеньевская кровь верх над столыпинской взяла. Тогда, считай, пропало спокойствие в моей и без того истерзанной душе. Что за ее смиренностью прячется? Господи, помоги, чтобы в Машенькиной потаенной и тихой душе не вспыхнул опасный арсеньевский огонь...»

Маргарита Дзодзикова
(г. Владикавказ)

СУАДАГСКАЯ ЛЕГЕНДА

Дзодзикова Маргарита Эльбрусовна (Владикавказ, Северная Осетия — Алания) — старший научный сотрудник Северо-Осетинского Государственного заповедника, доктор биологических наук, действительный член МАНЭБ, отделения ФМБИ им. Лейбница ЕАЕН. Автор серии рассказов, посвященных быту и природе Северной Осетии, занимается живописью, картины представлены на ряде выставок.

Священная роща Хетага — место силы, оказывающее помощь влюбленным. Священная роща Хетага это не история, как мусульманин стал христианином или как христианин не захотел стать мусульманином, а история любви. Хетаг в переводе с кабардинского языка означает воин (военослужащий) или так обращаются к доблестному мужчине в знак уважения. Имя Хетаг есть и очень почитается у осетин, у кабардинцев такого имени нет.

Простой парень, осетин, работал в охране кабардинского князя. У князя было несколько сыновей и только одна, обожаемая им, дочь. Молодой осетин в свободное от работы время любил играть на свирели, а девушка тайком приходила слушать его игру.

В один прекрасный день они встретились взглядами, а позже познакомились, и девушка тоже понравилась парню. Он все свое свободное время старался удивить ее своей виртуозной игрой. Они полюбили друг друга, но понимали, что семья девушки будет против брака княжны и простолюдина, да еще и другой веры. И однажды они решили бежать на Родину парня в Осетию и там связать свои сердца и судьбы узами брака.

Видимо не желая терять хорошего работника, который отличался статностью, трудолюбием и надежной исполнительностью, а также виртуозно владел оружием и умело управлялся с конем, князь назначил ему хорошую оплату, но постоянно не доплачивал, все время откладывая момент полного расчета. Однако за хорошую службу он подарил парню коня.

Однажды под вечер парень вывел своего коня, предварительно надев ему на копыта войлочные «сапожки», чтобы не было слышно стука копыт. Дождался свою возлюбленную, подхватил ее, усадил перед собой и они тихо выехали из селения. Уже за селом, он «разул» коня и пустил во весь опор, стремясь быстрее увести любимую домой. Но отсутствие девушки вскоре заметили, после некоторого времени поисков, отец все понял, и братья княжны бросились за беглецами в погоню.

Верный конь нес своего друга и его возлюбленную всю ночь, но «конь с двумя седоками устает вдвое быстрее,— рассказывал мой дед,— и вскоре беглецов стала настигать погоня, возглавляемая ее братьями». Парень в отчаянии нахлестывал своего коня, впереди виднелось уже его родное селение Суадаг. «Еще немного, уже близко!» — думал он. Но было ясно, что до селения он доскакать не успеет.

И тут в предрассветном небе, гулко, подобно затихающему грому, прозвучал низкий будто бы мужской голос,— «К лесуууууу... «(«*Хъæдмæææ*...»,— осет.). Услышав это, молодой осетин, недолго думая, свернул в сторону леса, отчаянно пришпоривая своего верного скакуна и прижимая к себе любимую, но их уже почти настигли. Топот копыт... тяжелое дыхание лошадей и выкрики всадников сливались в угрожающем ритме...

Тогда тот же голос сверху вновь произнес «Лес к нему!» («*Хъæд йæ размæææ*...»,— осет.). Нéкто очень хотел защитить два любящих сердца и помочь им. И случилось чудо — огромный кусок леса с левого склона в глубине селения Суадаг единым массивом поднялся в воздух, переместился навстречу беглецам и опустился прямо перед ними. Всадник со своей возлюбленной во весь опор влетел в лес, он соскочил с коня, загородил свою любимую, выхватил кинжал и приготовился стоять до конца, защищая свою любовь. Но, удивительным образом, преследовавшие их всадники кружили вокруг леса, а проникнуть в него не могли, что-то их не пускало.

К утру обессилевшие преследователи, обескураженные происходящим и потерявшие надежду въехать в рощу, чтобы отнять девушку и наказать «наглеца» начали понимать, что они не в силах выполнить свой долг, что уже светает, а они на чужой территории, повернули назад и ускакали домой ни с чем.

Не менее обескураженный происходящим парень, все еще не веря своему счастью, вложил кинжал в ножны, воздел руки к небу и вознес благодарственную молитву. Они переждали некоторое время в роще, а потом он усадил свою возлюбленную на коня, и они медленно, уже никого не опасаясь, продолжили свой путь.

Парень привел свою любимую домой, они поженились, имели много детей и жили долго и счастливо. Но, боясь мести, девушка взяла осетинское имя и по сей день никто не знает фамилию этого парня. Голос с неба слышали случайные свидетели — сельчане, ранний путник, охотник и дед, которому не давали спать боевые раны. От них и узнал народ Осетии об этом чуде.

«Разве он не настоящий мужчина?» — неудачливые преследователи так и сказали дома, что они не догнали этого парня, что он настоящий *хетаг* (мужчина, воин), что они видели, как сам Всевышний помог ему. Отцу такое объяснение не понравилось, и он приказал своим сыновьям любой ценой найти и наказать парня. Братья княжны и их друзья многие годы пытались найти беглецов. Они приезжали в Осе-

тию, рассказывали, что слышали о похищении кабардинской княжны, о том, что этот парень настоящий *хетаг*, о том, как у них на глазах Всевышний помог ему и для них будет большой честью «знакомство» с ним, искали они парня и девушку, через друзей, кунаков, торговых людей, но тщетно, ничто не выдавало их.

В Осетии существует обычай — «*Уайсадындзинад*» — когда молодая сноха, воспитанная в лучших традициях народной культуры, никогда не садится в присутствии старших и не подает голоса в знак уважения к новой семье. Это не всегда удобно и немного усложняет общение, поэтому, как правило, через некоторое время после свадьбы, специально для того, чтобы молодая заговорила, приносят в жертву барана, варят квас (*къуымæл*) или мягкое пиво (*æлутон*), пекут три традиционных пирога, возносят молитву и в присутствии старейшин фамилии или главы семьи, соседей и других свидетелей дают позволение невесте заговорить. Ей с молитвой передают бокал, а она должна передать его главе семьи, со словами: Айшай «*Айс æй*» (*осет.*) — «Возьми его», «Возьмите», при этом присутствующие впервые слышат ее голос. И с этого момента она может разговаривать со старшими родственниками.

Но, в прежние времена, молодая сноха, в знак уважения к ангелу-хранителю дома и к старшим этой семьи не должна была нарушать сложившуюся гармонию дома звучанием своего голоса и должна была молчать и изъясняться жестами. Мой отец рассказывал, что, как говорили старики, в одной Суадагской семье (может и Дзодзиковых) в стародавние времена была такая невестка,— ей несколько раз давали позволение, но она так и не заговорила. И только, когда сыновья ее уже выросли — она начала говорить, но с каким-то странным акцентом. «Конечно, столько лет молчала, что и родной язык забыла» — посмеивались в селе. Но кто знает?!

А роща с вечера до утра возникшая посреди поля, после услышанного из разных уст рассказа, о том, что кабардинцы все время ищут какого-то *хетага*, рассказывая о похищении княжны, вызывала трепет в душе, это место стали почитать, сначала, как Священную Рощу, возникшую по промыслу Божьему в помощь двум влюбленным, а позднее, как Священную Рощу Хетага, помогающую молодым мужчинам. Стали рассказывать будто голос с неба говорил,— «Хетаг, к лесууу...» («*Хетæг, хъæдмæææ...*»,— осет.)... «Лес к Хетагууу...» («*Хъæд Хетæгмæææ...*» — осет.).

И молиться сюда приходили только молодые парни, ищущие свою любовь, готовящиеся к браку или молящиеся об удаче в жизненном пути, или в выборе профессии или перед началом серьезных дел или поездок. Женщины, девушки, семейные мужчины, а тем более старики в эту рощу не ходили. Только молодые парни. Тайно приходили матери помолиться и попросить удачи для своих детей, но внутрь Рощи не входили.

Готовили обычно три треугольных пирога. Чтобы молитвы были услышаны «освящаемое, должно быть еще горячим от огня и прикосновения рук» — «кувин*æ*гт*æ* хъуам*æ* арт*æ*й *æм*æ* къухты хъарм*æ*й хъарм уой». Пироги, принесенные в рощу, должны были быть, если не горячими, то теплыми, так как при их приготовлении добрые намерения пища как будто впитывает в себя, а в теплых пирогах, считается, эти намерения сохраняются. Сначала в рощу приносились только пироги без напитков. Позже стало разрешаться приносить молоко и мед, чтобы «словно медоносная пчела была бы плодовита жена...» Сюда также приходили, чтобы помолится о хорошем урожае или излечении от болезней.

Немного позже к пирогам, молоку и меду стали прилагаться «три ребра» (бараньи ребра, отваренные и слегка поджаренные), причем, баран должен был быть зарезан именно в этот день с утра. Барана или овцу выбирали белого или золотистого цвета, возносили молитвы, под конец спрашивали у нее разрешения принести ее в жертву, в знак согласия, она должна была лизнуть соль, которую ей подносили в та-

релочке и после этого ее быстро забивали. А еще немного позже, молитву стали возносить домашним квасом — кумал — «*къуымæлæй*» (осет.) или молоком — ахшырай — *æхсырæй* (осет.).

Крепкие напитки не приносили и не потребляли, так как считалось, что они препятствуют удаче — «*арахъ — æлгъыст у, цæлхдур æввæры*» (осет.) — арака (имеется в виду любой алкоголь) — это проклятие, камень под колесо (препятствие движению), «*арахъ — зондсафæг у, хæдзархал у*»,— арака убивает ум (буквально: способствует потере ума), разрушает дома*. Во время всех приготовлений, да и в течение всего этого дня нельзя было ссориться, злословить, говорить о грустном или болезнях, расстраиваться, сердиться, обижать и обижаться... никакого негатива. Только добромыслие, доброcловие, доброделие!

Перед тем, как выйти из дома и направиться к Святилищу, брали монетку — «*мысайнаг*», любого достоинства, тщательно мыли с мылом, потом ополаскивали в молоке, троекратно по часовой стрелке проводили над головой новорожденного или того, о ком отдельно надо вознести молитву или называли имя человека, либо имена и фамилию молодой семьи. Затем монетку заворачивали в чистую белую вату или кусочек белой ткани и клали с краю между пирогами, которые приготовили нести в Рощу Хетага «*Хетæджы къохмæ*». Монеток могло быть несколько — по количеству членов семьи или количеству семей и после вознесения молитвы их оставляли на камне под деревом в Роще Хетага.

Позднее для монеток сделали подобие небольших деревянных домиков, с открывающейся крышей и монетку бросали внутрь домика, потом появились металлические ящички с прорезью для монеток (ящички не запирались), а сейчас установлены запаянные трубы (ø 20 см), с прорезью для монеток сверху и закрытой на замок маленькой дверкой у основания. Один раз в год, через 7 или 14 дней после празднованием Дня Хетага, *Дзуары Лæг* вместе с помощниками вынимают все накопившиеся монеты и приобретают на эти деньги быка и все необходимое для проведения всеобщего сельского молитвовозношения — *хъæукувд* (осет.). Монетки — это единственное, что можно оставлять в Священной Роще, даже травинки надо стряхнуть с одежды, когда выходишь с ее территории.

Рассказывают, несколько лет назад один ученый, житель города Ардон, специально вывез из Рощи с собой веточку как вызов тому, что он считал темными предрассудками. Молва утверждает, что не прошло и двух дней, как с ученым стало твориться что-то странное (нарушения со стороны нервной системы) и никакие меры не улучшали его состояния; он выздоровел лишь после того, как его родные посетили Рощу и попросили прощения у Покровителя Рощи за молитвенной трапезой (http://slavik.babil.komputilo.org/xetag.html).

В селении Суадаг был случай, когда парень вернулся со Святилища, дома развернули пироги, чтобы повторно помолиться уже дома и среди них оказался листик с дерева. Было ясно, что попал он туда до того, как пироги и *физонæг* (шашлык или «три ребра») были завернуты, то есть это был лист с дерева из Рощи Хетага. В семье вновь испекли три традиционных пирога, приготовили *физонæг*, по всем правилам взяли монетку «во прощение грехов» — «*хатыр гурæгкаг мысайнаг*» (осет.) и парень тут же не откладывая, вернулся к «Святому Кусту», вознес молитву, оставил там

* Вообще в те стародавние времена, даже в обыденной жизни, сказать осетину, «Ты пьян...» — было равносильно самому сильному оскорблению, как если бы кто-то сорвал с его головы папаху и бросил ее под ноги! И опозоренный, в этом случае, вынимал кинжал. А кинжал, как известно, вынимали в крайнем случае, и если он вынут, его можно вложить в ножны, только напоив кровью. Кровь смывалась только кровью, поэтому, во избежание кровной мести, осетины не пили, а лишь пригубляли, чтобы не терять лицо. Быть пьяным было глупо и недостойно мужчины!

случайно унесенный листик и вернулся домой, предварительно проверив, не попало ли вновь что-нибудь в блюдо с пирогами и мясом.

В Священной роще никогда не разводили огонь. «*Арт — бæлассафæг у*» (осет.) — Огонь губит дерево. После себя надо уносить все — еду, посуду, сосуды, упаковку. И жертвоприношений не делали в Роще Хетага, не проливали кровь. Чистота, тишина, смирение и молитва царили в ней.

На сельском сходе в Суадаге обычно выбирали Божьего Человека, Священнослужителя — *Дзуары лæг* (Человек Ангела, осет.), это, как правило, был мужчина средних лет, который должен был присматривать за порядком в Роще, он обучал молодых парней правильно возносить молитву в период празднования «*Хетæджы Бон*» — День Хетага, Сила Хетага. День Хетага, обычно приходится на первое или второе воскресенье июля.

Удивительно, но если смотреть от Священной Рощи на юг, в сторону горы Кариухох — «*Хъæриухох*» (*хъæр* — крик, *иу* — один, *хох* — гора с осет.), то на склоне, в левой верхней части селения Суадаг, сплошь покрытом лесами, виднеется поляна, по форме своей напоминающая очертания Рощи Хетага, по преданию, именно из этого места она была вырезана и перемещена.

Священная Роща Хетага, ее называют еще «Святой куст» или «Круглая роща» находится на территории селения Суадаг в Алагирском Районе Северной Осетии. Во время Великой Отечественной войны сюда со всех концов Осетии приходили матери, жены, сестры и дочери, ушедших на фронт, молились о покровительстве, о том, чтобы Бог Богов защитил их мужчин: сыновей, мужей, отцов, братьев и возлюбленных.

Был даже случай, когда приехали в Суадаг две русские женщины в поисках Рощи Хетага, покровителя молодых мужчин, чтобы помолиться о своих сыновьях. Сыновья написали им с фронта об осетинах, которые молились Покровителю Хетага и шли в бой и их не брала пуля, они были, как заговоренные. Жители селения Суадаг объяснили женщинам и помогли правильно в соответствии с *Æгъдау** (*Æгъдау мæ гæсгæ* — осет.) вознести молитву. После войны они приезжали еще раз со своими вернувшимися с фронта сыновьями и также вознесли уже благодарственные молитвы.

Помню, после окончания 10 класса я под руководством моей бабушки Дзодзиковой-Черджиевой Нада вместе с ней 9 дней держала пост. Рано утром девятого дня мы искупались, оделись во все чистенькое и новое. Потом она испекла три треугольных пирога — треугольные обычно делают, чтобы снискать у Всевышнего (*Хуыцаумæ* — осет.) покровительства для детей (девять углов — девять месяцев), взяла кувшинчик кваса — (*къуымæлы дурын* — осет.) и молока (*æхсыры дурын*,— осет.), на пироги она положила три отваренных и поджаренных бараньих ребра (барана резали в этот же день утром, с точным соблюдением *Æгъдау*, с молитвой, завершаемой его согласием). Потом она взяла три монетки «*мысайнаг*» по 15 копеек, которые тщательно помыла с мылом и ополоснула в молоке. Над одной монетой она вознесла молитву о здоровье семьи «*бинонты æнæниздзинад*», вторую о жизненном счастье и успешности семьи «*бинонты цардамонд*», третью — трижды по кругу, по часовой стрелке, с молитвой провела над моей головой. После этого она завернула монетки в вату и поместила между пирогами с краю. Затем она завязала пироги и мясо (мясо прикрыла большим тщательно обмытым листом лопуха, сейчас лист заменяют целлофановой пленкой) в «*тæбæгъбæдтæн*». Это квадратная или круглая белоснежная большая матерчатая салфетка, в центр, которой осетины обычно помещают блюдо с тремя пирогами и тремя ребрами и затем поверх них связывают противоположные углы салфетки, прикрывая и защищая «*кувинаг*» (то, над чем надо помолиться, то, что надо освятить).

**Æгъдау* — Свод осетинских национальных нравственных законов и правил поведения, наследуемый и передаваемый устно, дошедший до нас от наших предков Ариев, Скифов, Сарматов, Алан.

После чего мы, выпив только по чашке чистой воды, отправились пешком, босиком (это важно!) к Священной роще Хетага — *Хетæджы Къохмæ*. Кроме того с утра бабуля повязала мне на голову длинную атласную ленту красного цвета, обвила вокруг косы и затянула мягким узлом.

Дойдя до рощи, мы омыли руки и стопы в ручье (неподалеку был родник), чтобы смыть все плохое «*фыдбылызтæ* — осет.», дождались проходящего мужчину, бабуля объяснила ему, о чем «надо сказать», и он, войдя внутрь, вознес молитвы, в том числе, с просьбой оказать покровительство мне, вступающей во взрослую жизнь, делающей первые шаги на своем жизненном пути, выбирающей дорогу жизни. А потом, когда он вынес *кувинаг* (то, над чем помолились, то, что освящено молитвой,) Нада (так звали мою бабулю, Светлая ей память) молилась сама: «Ангел Покровитель Освященной круглой Рощи, Покровитель ищущей свое счастье молодежи, освящающий им жизнь, помоги моей внучке, стоящей в начале своего пути, дай удачу в выборе дороги и даруй ей счастья и исполнения мечты, о ты, помогающий молодежи в поисках счастья». Так молилась моя бабушка,— «*Рухс тымбыл хъæды Дзуар, амонд агурæг фæсивæды Дзуар...*», при этом она сняла с меня атласную ленту и повязала ею ветку дерева, молилась шепотом и завязывала узлы, я насчитала девять узлов. До сих пор ее слова звучат в моей душе, вызывая священный трепет.

Потом мы тут же на окраине Рощи присели на траву под деревом и немного перекусили пирогами и мясом, выпили: она квасу, я молока. После этого мы с ней молча (она предупредила, что разговаривать нельзя: «думай...» — сказала она) со своими мыслями о будущем, о планах и мечтах, о помощи Высших Сил, медленно босиком обошли Священную рощу по внешнему периметру, не входя внутрь, по часовой стрелке и вернулись к роднику на ее западной окраине.

Там моя бабуля объяснила, показала, и мы медленно омыли стопы, «чтобы, каждый жизненный шаг с этого момента был достойным и успешным»; руки, «чтобы все, что делаешь, было щедрым, красивым, продуктивным, чтобы все получалось»; смочив ладони, трижды провели по лбу — от виска к виску «для чистых, благородных и высоких мыслей и планов»; прикоснулись влажной ладонью к области сердца, «чтобы душа была широкой и изобильной, а сердце любящим», влажными ладонями коснулись плеч, «чтобы были силы выполнить любую работу и легко выдержать любые трудности» и сделали несколько глотков и омыли глаза и губы этой родниковой водой, «чтобы видеть и замечать все, но уметь промолчать, когда надо, а в каждом сказанном слове чтобы была мудрость и вес».

После этого мы обулись и опять молча, пешком, наедине со своими мыслями, пошли домой. По дороге на улицах села, на приветствия бабуля кивала, но до дома не проронила ни слова: «*Дзуары фарн хæдзармæ хæсгæ у*» — «Святого места благодать надо нести домой», встречные сельчане видели у нее в руках сверток с пирогами и не заговаривали с нами, понимая, откуда мы идем. Дома она развернула «*тæбæгъбæдтæн*», достала «*кувинаг*», собрались все члены семьи, и мой дед Гаппо (Светлая ему память) еще раз, тем же квасом, вознес молитву о том, чтобы наши просьбы были услышаны и исполнены, наряду с лучшими молитвами, вознесенными в этот Святой день.

Такова легенда о Священной Роще Хетага, так она звучала из уст моего деда Дзодзикова Гаппо Даутовича и моего отца Дзодзикова Эльбруса Гаппоевича (Светлая ему память), которые каждый в свое время, в какой-то промежуток времени, как и многие представители других фамилий селения Суадаг, были *Хетæджы Дзуары* (Рощи Хетага) *лæгтæ* (мужчина, Человек Бога, здесь Священнослужитель) — избираемые народом смотрители Рощи Хетага. Только самые достойные мужчины избирались и допускались в рощу для молитв.

Моя мама Пагаева Серафима Гагузовна, рассказывает что, если парень делал «*угард*» (две маленькие насечки на стволе дерева) в Роще Хетага, то это было равносильно самой сильной клятве в любви и верности, и парень и девушка непременно связывали свои жизненные пути. А если нарушали клятву, то нарушившего слово, так или иначе, постигала кара Божья. Причем кара эта была явной и скорой. «*Æргомдзуар*»,— «Откровенный Ангел», «Открытый Ангел», «Справедливое Святилище», «Откровенное Святилище», «Справедливый Покровитель» — так говорили в народе.

Как утверждает молва, в 1993 году в Роще Хетага произошло нечто удивительное. В День Хетага, так же, как и большая часть населения Осетии, сюда приехало две семьи — это были брат и сестра, со своими женой, мужем и детьми. Приехали они на отдельных машинах. Младший сын брата, которому было около 5 лет, просился, чтобы его отпустили в гости в двоюродным братьям (к тете), после недолгих уговоров отец согласился отпустить его, и в последний момент мальчик побежал к другой машине. Обе семьи немного припозднились, в Роще уже темнело, но выполнив все, согласно *Агъдау*, благополучно добрались до своих домов. Утром отец мальчика позвонил своей сестре, чтобы узнать, как там его сын, и каков был ужас в обеих семьях, когда выяснилось, что мальчика нет с ними. Обзвонив общих знакомых, с которыми маловероятно, но все же мальчик мог уехать из рощи, они убедились, что никто его не забирал с собой, а если забрали, то позвонили бы. Не зная, что и думать отец мальчика и его родственники и друзья поехали в Рощу Хетага, и каково же было их удивление, когда в совершенно пустой роще, под деревом сидел его сын, спокойный, сухой (ночью был дождь) и ел конфеты. Он сказал, что все уехали, и он плакал, и никого не было, а потом пришел хороший дед и они вместе с дедом смотрели на дождь и дед рассказывал ему сказки, и они пили сладкое молоко и потом спали наверху на дереве, а сейчас молоко закончилось, и он пошел принести еще и сказал: «Сейчас твой папа приедет». Вот такая невероятная история!

Если у людей бывали какие-то спорные ситуации, то последним аргументом было — «Поклянись именем Хетага!», и если спорщик мешкал — все становилось ясно. Ложных клятв произносить не решался никто. И не дай Бог, кому-нибудь прийти сюда с плохими мыслями.

«Роща Хетага» знаменательна еще и тем, что в конце XIX века от нее произошла фамилия Хетагуровых. Коста́ Лева́нович Дзидаханов (1859—1906) — выдающийся осетинский поэт, просветитель, художник-живописец и скульптор, основоположник осетинской литературы в начале своей литературной деятельности (с 1888 года в ставропольской газете «Северный Кавказ») подписывал свои произведения, как Хетаг, позднее, как Хетагур. Когда в издательстве газеты «Северный Кавказ» обсуждали вопрос об издании сборника сочинений талантливого осетинского поэта на русском языке, редакция решила (решение принималось в отсутствие автора), что фамилия его, скорее всего Хетагуров, и при этом, все, с кем он общался, знали, что его зовут Коста. Таким образом, первый сборник сочинений Коста Дзидаханова увидел свет в 1895 году, в Ставрополе, под именем Коста Хетагуров, а в 1899 году в том же издательстве и при тех же обстоятельствах (отсутствие автора), вышел поэтический сборник «Осетинская лира» (осет. «Ирон фæндыр») и тоже под именем Коста Хетагуров. Фамилии Дзидахановых, Дзапаровых и Губаевых (фамилия матери Коста) — æрвадæлтæ (потомки одного предка, считаются братьями, родственниками) и знают об этом, некоторые представители этих семей вслед за Коста, также взяли себе фамилию «Хетагуров». Так в Осетии появилась фамилия Хетагуровых. Даже отец Великого Коста, устав отвечать на вопрос — «почему у вас с сыном разные фамилии?», на склоне лет поменял свою фамилию и носил двойную Дзидаханов-Хетагуров Леван Елизбарович.

Жители селения Суадаг долгое время оберегали свое Святилище, старались не впускать в него представителей других сел. Раньше место вознесения молитв находилось в северной части «Священного Куста» по центру, под деревом к которому вела тропинка лежал камень, на нем оставляли монетки, но со временем все большее количество людей хотело помолиться здесь, порядок уже был не тот и тогда жители Суадага перенесли место своего общения с *Хетæджы Къохы Дзуар* (осет.) — Ангелом Рощи Хетага на западный край Священной Рощи.

Кроме того, чтобы лишний раз не нарушать Великое спокойствие в Роще, не тревожить Дух Святилища, куда круглый год приезжают молодые мужчины перед принятием судьбоносных решений и началом важных дел, у дороги установили навес, под которым расположили треножник для вознесения молитв и «сосуд» для жертвоприношений (монеток). И теперь каждый проезжающий может остановиться здесь, вознести молитву, оставить монетку и ехать дальше.

Позднее в «Роще Хетага» образовались отдельные места для вознесения молитв, организованные представителями различных населенных пунктов: Алагирское, Кадгаронское, Ардонское, городское (Владикавказское)... Некоторые сместили и дни празднования, но разница составляла 7 дней. В наши дни Роща Хетага не имеет государственного статуса. То есть это не памятник природы или культуры — это общенациональная святыня. На территории Рощи построены кувандоны (кувæндон — местовознесения молитвы). По праздникам туда разрешено заходить и женщинам. С 1994 года День Хетага в республике Северная Осетия—Алания отмечается, как общенародный праздник.

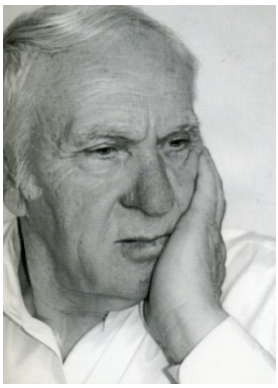
Вынесенный к дороге Кувæндон (осет.) — место возношения молитв на трассе Алагир — Владикавказ. За ним кукурузное поле, а далее виднеются верхушки деревьев Рощи Хетага — Хетæджы Къох (осет.).

Со временем утерялась информация о том, что здесь не место алкогольным напиткам и огню. Тихие и краткие молитвовозношения превратились в бесконечные шумные застолья и народные гуляния. Сюда приходят уже все, без ограничения возраста, разгуливают по всей роще, принимают алкогольные напитки, жгут свечи на деревьях, кто-то (?) установил какие-то металлические кольцевые сооружения для свечей.

Суадагская легенда подарила Северной Осетии ряд важных вещей: 1) «Суадагскую легенду» — гимн ЛЮБВИ, и этот парень вез свою любимую домой в селение Суадаг; 2) Святое место — Место Силы — помогающее молодежи в делах любви, деторождения и поисках Своего Жизненного Пути; 3) Место, которое дисциплинирует и способствует чистоте помыслов народа; 4) У осетинского народа есть великий Коста, который взял себе имя Хетага, как литературный псевдоним, ставший позднее его фамилией; 5) Благодаря этой легенде и Великому Коста, в Осетии появилась новая фамилия — Хетагуровы; 6) Дала осетинскому народу такое очень почитаемое имя, как Хетаг (слово кабардинское, но у кабардинцев нет такого имени). Моего внука мы назвали Хетагом — Туриев Хетаг Артурович (*Arthur*: *art* — огонь, огненный, *hur* — солнце) — пусть ему во всем сказочным образом сопутствует удача!

Великий Николай Рерих сказал: «Счастливы должны быть осетины, измеряя славные корни свои..» (Рерих Н. К., 1928). У культуры осетинского народа богатейшая история и глубочайшие корни. Давайте же будем помнить лучшее из наследия наших Предков и следовать всему тому, что делает нас выше, чище и лучше! Добромыслие, добрословие, доброделие!

Молодежь Осетии, ставьте нереально высокие, достойные цели, действуйте, а Высшие Силы помогут вам! Если ты считаешь себя Осетином, ты должен понимать, что будущее твоего народа зависит от ТЕБЯ, его судьба в ТВОИХ руках! И это понимание должно стоять за каждым твоим словом и за каждым твоим поступком, за делом, которому ты служишь. «Как когда-то Великий Бог выручил Хетага, пусть так же помогает Он и тебе!» — одно из наиболее часто звучащих в Осетии добрых пожеланий.



Виктор Пахомов
(г. Тула)

ПОЭТЫ

Ответственный секретарь Тульского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз писателей России», заслуженный деятель культуры РФ, академик Петровской академии наук и искусств, почетный гражданин города Тулы

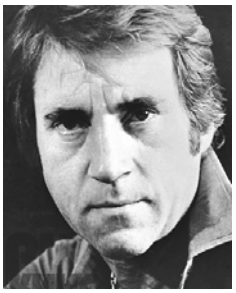
Любовь к мундиру свята.
К чему здесь царский Двор?
Но этот лоб Сократа,
Но этот взгляд в упор?
Во всем на грани риска:
Ты смог, подставив грудь,
Поэзии российской
Достоинство вернуть!
Гордиться? Чем гордиться?
Нет! Это все — не то!
За Пушкина вступиться
Сумел тогда бы кто?
Из бабушкиных ручек
Взмыл удивлять века
Лейб-гвардии поручик
Тенгинского полка!
Немыслимая зрелость,
Бесстрашие ума.
Вмешалась — так хотелось —
Поэзия сама!
Глядишь ты неотрывно
Из время своего,
Где горе неизбывно:
Россия без него!
Того, с кем сердцем слился,
Открыто потому,
Того, кому молился,
Как Богу самому.
Идут, судеб на стыке,
В избытке новых сил,
И Александр Великий,

И Славный Михаил.
Спешат на зов прогресса
Как прежде предъявить,
Что никаким Дантесам
Их не остановить.
Пусть к бедам и победам
Не привыкать нам стать.
И тот, идущий следом,
Нас не заставит ждать!
Не торопись с ответом,
Идя на абордаж.
Похоже, был поэтом
И сам зиждитель наш!
Где огненная гласность
Свой расширяет круг,
Там пушкинская ясность,
Там лермонтовский дух!

НОВОРОССИЯ: ГЛОБАЛИЗМ В ДЕЙСТВИИ

От редакции: *Упаси, Бог, думать, что мы разжигаем антиукраинскую истерию... Ниже — художественное, литературное отображение реалий Гражданской войны на братской Украине, инициированной силами мирового зла, имя которому — империалистический глобализм, подлинное исчадие ада.*

Владимир Высоцкий



СОЛДАТЫ ГРУППЫ «ЦЕНТР»*

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток,
и с мест они не сойдут.
Пока не предстанет Небо с Землей
на Страшный Господень Суд.

Редьярд Киплинг (1865—1936)

Песня написана к спектаклю «Павшие и живые».

Солдат всегда здоров,
Солдат на все готов,—
И пыль, как из ковров,
Мы выбиваем из дорог.

И не остановиться,
И не сменить ноги,—

* Когда ополченцы Донбасса шли в бой, они включали эту песню Владимира Высоцкого и через нее, усиленную армейскими громкоговорителями, старались донести до солдат противника, кто является духовными прародителями пославших их на войну.

Сияют наши лица,
Сверкают сапоги!

По выжженной равнине —
За метром метр —
Идут по Украине
Солдаты группы «Центр».

На «первый-второй» рассчитайсь!
Первый-второй...
Первый, шаг вперед! — и в рай.
Первый-второй...
А каждый второй — тоже герой,—
В рай попадет вслед за тобой.
Первый-второй,
Первый-второй,
Первый-второй...

А перед нами все цветет,
За нами все горит.
Не надо думать — с нами тот,
Кто все за нас решит.

Веселые — не хмурые —
Вернемся по домам,—
Невесты белокурые
Наградой будут нам!

Все впереди, а ныне —
За метром метр —
Идут по Украине
Солдаты группы «Центр».

На «первый-второй» рассчитайсь!
Первый-второй...
Первый, шаг вперед! — и в рай.
Первый-второй...
А каждый второй — тоже герой,—
В рай попадет вслед за тобой.
Первый-второй,
Первый-второй,
Первый-второй...

Игорь Герасимов
(г. Донецк, Украина)

Игорь Григорьевич Герасимов не является профессиональным литературоведом, писателем, историком словесности и пр. Он — ученый-биохимик, доктор биологических наук, профессор, долгое время работал в НИИ медицинских проблем семьи Донецкого национального медицинского университета им. М. Горького. В настоящее время — профессор Донецкого национального университета. Признанный ученый в области изучения биохимических и биофизических основ памяти. Автор многочисленных патентов на изобретения и научных публикаций, в том числе монографий, изданных на Украине, в России и Германии. Научную деятельность совмещает с занятиями историей и литературой. Участвует в археологических экспедициях на юге страны (Украина + Россия = бывш. СССР). Имеет ряд публикаций в литературных изданиях. В «Приокских зорях» впервые опубликовался в качестве автора первого поэтического перевода «Слова о полку Игореве»: именно поэтического перевода, а не стихотворного пересказа, что не есть синонимы. Это сделано И. Г. Герасимовым впервые за почти двухвековую историю пристального изучения самого поэтического произведения — памятника литературы Древней Руси. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

РАЗНАЯ ВЕСНА

В год этот ягод будет много:
Деревья белые стоят,—
При том, что все предельно плохо
От лжи до запаха солдат

И смрада шин горящих. В небе
Юпитер, и затем Сатурн
И Марс, и песенка про беби
Звучит. А где-то, может, штурм!

Там — снайпер затаился в нише,
Там — поезд пущен под откос...
Здесь аромат цветущих вишен,
Черешен, яблонь, абрикос.

Здесь — тишина, не слышно звука,
А там — карательный налет —

То глухо выхлопнет базука,
То громыхнет гранотомет,

А в небе гул винтов в разгуле
И ночь — без воздуха — тесна,
И караул корявят пули.
...Такая разная весна...

ЗА СЕПАРАТИСТА НАЗНАЧЕНА НАГРАДА 10 000 $

Идет охота на людей,
Идет охота.
вне охоты
Кто не в охоте — не у дел.
Найдется ль кто-то?

Облава, гон, и не флажки
Горят, а шины,
Махров цветет неофашизм
И все фашизмы.

Идет охота, льется кровь
И гибнут люди,
С чем не рифмуется любовь —
Лишь ад Иудин.

Да кто ж охотники? Волков
Узнай по морде.
Но эти-то на вид таков,
Как люди, вроде.

Владимир Бояринов
(г. Москва)

ТЯГНИБОКСКИЕ НАПЕВЫ

В. Г. Бояринов. Дружеский шарж. Академик Российской академии художеств Владимир Георгиевич Мочалов

Стихи Владимира Бояринова, как все по-настоящему значительные произведения, обладают некой магией — заражают своим состоянием, моментально перестраивают твое настроение: поднимают дух, если ты расклеился от неприятностей и вообще потерял надежду на лучшее, или вселяют грусть, если ты чересчур развеселился от нахлынувшей удачи и забыл, как много в мире несчастных. Все это не просто щедрость таланта, а результат глубокой причастности автора к другим людям, его ответственности за их судьбы.

Владимир Бояринов — стилист-виртуоз, поэт с безупречным вкусом, чутьем на слово и редким чувством меры. Его стихи — горение и страсть, тоска и боль, радость и любовь; разные по темам, все они написаны с высочайшим мастерством, предельно просто и ясно, без желания удивить, пооригинальничать, потому и выглядят, как отливки из драгоценного металла.

Бояринов известный поэт, но, мне кажется, он все же не оценен по достоинству, а между тем когда-нибудь им будет гордиться наше Отечество.

Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Леонид Сергеев,
прозаик

ДВЕ КОЛОНКИ

Чтоб самому себе не врать,
Барак Обама взял тетрадь
И с красной написал строки
Каллиграфически: «ВРАГИ».

Чтоб много на себя не брать,
Перевернул свою тетрадь
И с красной написал строки
Собственноручно: «ДУРАКИ».

Все президентские коронки
И всех, кто вписан в две колонки,
Европа знает наизусть.
Не про Барака эта грусть.

Как много черновой работы!
Он «ДУРАКОВ» на «ИДИОТЫ»
Исправил рано по утру
И в Киев позвонил... Петру...

ОПАРЫШ

Изворотливый опарыш,
Прокаженный гомофоб
Ров могильный роет Ярош,
Украине ладит гроб.

Он выводит из подполья
Новоявленных крысят:
Зубы — сабли, зубы — колья,
Сопли гроздьями висят!

Он Россию кроет матом,
Страстно любит керосин,
Разгрызает мирный атом
Силой в сотни Херосим.

«Не грызи орехи эти! —
Стон идет из-под земли.—
Сгинут собственные дети!»
«Ни хрена! Зато на свете
Передохнут москали!»

Фантастичные моменты
Дарит 21-й век:
У соседей в президенты
Рвется недочеловек!

ПСАКИ

(Д. Псаки — дивное диво Госдепа США)

Обойдите белый свет —
Даже на могилках нет
Голосистей птахи,
Чем голубка Псаки.

Русский газ,
как пьяный черт,
По ее словам, течет
(посмотрите в Twitter)
С Киева на Питер.

Говорила Псаки та:
Вынимали паспорта
Тысячи детишек
Из своих штанишек,

Запускали карусель,
Неизвестную досель,
Сутки тусовали,
Проголосовали
За свободный Дон,
За родимый дом,
За отца и мать...
Руки бы им обломать! —
Полыхала Псаки,
Как гроза во мраке.

Достоверно скажем вам —
По ее лихим словам
Стал Ирак... Ираном...
А Барак?.. Брахманом?

По ее ли изреченьям
Куры кормятся печеньем
И смеются куры
На концертах
Псаки.

СКАЗАНИЕ О СКИФСКОМ КЛАДЕ

В Вашингтоне зверский холод
Ведьмам выбелил виски.
Третьи сутки жарит Ноланд
Фирменные пирожки.

...В Киеве загомонили
Мужики и бабы вдруг:
В политической могиле
Захоронен Яценюк!

Он лежит среди майдана
Под сиянием луны,
И четыре чемодана
Скифским золотом полны.

Скачет конь, крадется львица,
Извивается змея...
А вокруг, как говорится,
Вся партийная семья.

Мужики столкнулись лбами,
Бабы шепчутся тайком:
«Не продать ли клад Обаме
Заодно с Яценюком?»

Чтобы комиссионера
Не учуял внешний враг,
С чемоданами премьера
Заключили в саркофаг.

В добрый путь! Отцы майдана
Подсчитали все, как есть,
Точка в точку: даст Обама
Миллиардов сорок шесть!

Мать родная! Если взвесить,
Эта сделка — на века!
...Минус долларов 110
За провоз Яценюка.

Подскочил Барак в три шага,
Вострой саблей сбил замки!
Грянул гром!.. Из саркофага
Выпорхнули пирожки.

Это вам не взрыв петарды,
Это стон из-под земли:
«Снова наши миллиарды
Умыкнули москали!»

ТЯГНИБОКСКИЕ НАПЕВЫ

Как на киевской платформе
Хрен стоит в защитной форме.

— Чей ты будешь, голубок?
— Группенфюрер Тягнибок.
Я не фраер — я нарцисс,
Я цветочек аленький,
Я каратель, и фашист,
И нацист не маленький.

Я перестрелять готов,
Я готов повесить
Русофилов и жидов
Миллионов десять.

И татар спалю в печи,
Если хватит газа.
Не замай мои харчи
Пришлая зараза!

Я расист не рядовой,
Все меня боятся! —
В Белом доме рулевой
Нервно чешет яйца.

Меркель тоже говорит,
Что я парень гарный.
В честь ее огонь горит
В топке солидарной.

Промеж глаз родной стране
Я — по праву сына —
Врезал кулаком!..
Ще не
Вмерла Украина?..

Я НАПИСАЛ ПИСЬМО

Я написал посланье львам:
«О львы! Повелеваю вам...»
Льюис Кэрролл
«Монолог Шалтая-Болтая»

Я написал письмо Обаме:
«Ты не скрипи на нас зубами...»

На что его секретари
Сушить велели сухари.

Я взвыл: «Как мерзко! Как погано!
Нет вашим пакостям конца!..»

Они прислали из Афгана
Контейнер опия-сырца.

Я позвонил: «Да что они
Так злобствуют, Степан Иваныч?» —

В ответ Муб*а*рака Хосни
Мумифицировали за ночь.

Я написал письмо Шойгу:
«Серега, больше не могу...»

Я отзвонился Талибану:
«Пора разубедить Обаму...»

Отдал петицию в Собес:
«Прошу его оставить без...»

Пока стучал горох тоски
По клавишам на телеграфе —

Майдан ливийский на ремки
Порвал Муаммара Каддафи.

Звоню в ООН: «Что за дела?
Да задери вас Хесболла!»

Но если черти полосаты —
Они ни в чем не виноваты.

Старшой кричит: «Мы из владык
Всей нечисти земного шара!»

Схватил жестоко за кадык
И душит Асада Башара.

Звоню в Масад и в Зоосад.
Но там полно своих засад.

В отчаянье воззвал я к Богу:
«Приди, Спаситель, на подмогу!»

Мне голос был: «Зажги свечу.
Всех отыщу. Не всех прощу!»

НА ЧЕРНОГОРСКОМ БЕРЕГУ

До поры, с Мыколой споря,
Мы не обостряли спор:
Черногория — от *горя*
Или все-таки от *гор*?

А как выпили по триста
Самогонки местной всласть —
Предсказуемо и чисто
Заваруха началась!

Зарубились мы рогами
На курортном берегу.
Я послал его к Обаме,
Он послал меня к Шойгу.

— Признавайся, москаляка,
Забубенный стихоплет,
Ты, собака, сбил, однако,
Малазийский самолет?!

Крым верни! Он мой поныне.
Я купаться в нем люблю.
Скажешь: «Слава Украине»,—
Может быть, и не убью.

Не в Днепре сходились льдины
И не в Люберцах братки —

Мы хватались за чуприны,
Мы хватались за грудки!

Раззадорились, как дети,
Как матросы с корабля.
Мы спустили все на свете
До последнего рубля.

Черногория от горя
Подала живую весть —
Глянули: да это ж море!
Здесь еще и море есть?!

Запасемся сухарями.
Перебьемся. Не впервой.
В ноябре со снегирями
Улетим к себе домой.

ПИСЬМО КЭТРИН ЭШТОН
или
ЕЩЕ РАЗ О ПТИЧКАХ

Пишу тебе, красотка Кэтрин,
Письмо с волнением в крови.
Не говори: «Ты слишком ветрен»,
Не осуждай моей любви.

Через эфир в мою обитель
Крылатый образ твой влетел.
Ты — мой верховный представитель,
Мой президент сердечных дел.

«Советник мой по тайным связям,—
Ты мне ответила,— скажи,
Ради меня ты станешь князем
Свободы, равенства и лжи?»

Вспылив от праведного гнева,
Я вытер слезы кулаком:
Ты почему лобзалась, дева,
С ничтожнейшим Яценюком?

Я не забыл о старом Керри!
Ты почему, ты почему,
Подобно опытной гетере,
На шею кинулась ему?

Давай избавимся от скверны
И убедимся заодно:

Европа — это дно таверны.
Пора очистить это дно!

Пора задуматься глубоко
Над предложением моим:
Олигофрена Тягнибока
Давай с тобой усыновим...

УКРАИНСКИЕ ПЛЯСКИ

В Украине танцы,
Гопаки и гласы:
«Газовые сланцы!
Сланцевые газы!»

В зону интересов
Вашингтонских бесов
Для поездки найден
Джозеф Робин Байден.

Почву унавозив,
Счастлив Байден Джозеф:
В недрах три корыта
Золота зарыто!

Близок Джо к экстазу:
«Срочно дайте газу
Моему сыночку
На сто лет в рассрочку!»

Пляшет Украина,
Скачет диким полем:
«Для бедняжки сына
Кабана заколем!

Кабана опалим,
Байдена похвалим:
Джозеф Робин Байден
Не в помойке найден!

Мы с его одежки
Все пылинки сдунем,
Погуляем трошки
Да украдкой сплюнем:

— Хватит, подивился
Украинской сказкой.
Чтоб ты подавился
Кровяной колбаской!»

Владимир Резцов
(г. Калининград)

ОПОЛЧЕНЦЫ

(отрывок из поэмы «Песня о Гришке Отрепьеве», часть 3 «Дежавю»)

Силой черной, словно полночь,
Прет бандеровская мразь;
Смерть несет Донбассу, сволочь,—
Злобно, нагло, не таясь;

Подстрекаемая янки,
Алчет крови и смертей:
Самолеты, пушки, танки
Против женщин и детей!

Весь объят огнем смертельным
Гордых тружеников край.
В урагане огнестрельном,
Мирный житель, умирай...

Рев моторов без умолку:
Сверху бомбы, жгут дотла.
Вихри вражеских осколков
Рвут и стены, и тела...

За сто верст несет паленым.
Враг глумится и казнит
По разбойничьим законам.
Но проклятый будет бит!

Хлопцы *Игоря Стрелкова*,
Мы не дрогнем, не сбоим:
Рукопашно и стрелково
Бой бандеровцам дадим!

Кто не трус, тот — в ополченье!
За родимый край — умрем!
Смело в бой! Убийцам — мщенье!
«*Сушку*» спалим, танк сожжем!

Мы в искусствах динамитных
Знаем толк. Тверда рука.
Вертолет *жовтоблакитных*
Угостим с ПЗРК!

За родных своих и близких,
Чай, деремся не дубьем:
Мы у нелюдей фашистских
«Град» и пушки — отобьем!

Монумент распьедестален:
Раз уж в танках дефицит,
Старый танк «Иосиф Сталин»
Вновь, как встарь, врага громит!

Ничего, что отступали
Из Славянска. Эка даль!
Отступали, больно жаля,—
Нам на это сил не жаль...

Порошенко, хвастунишка,
Мы вернемся — рвать укроп!
Майданутой хунте, слышь-ка,
Обустроим крепкий гроб!

Владимир Сапожников
(г. Тула)

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Иван Сергеевич одиноко лежал на кровати в своей трехкомнатной «сталинке» в центре Славянска, почти не прислушиваясь к звукам взрывов, доносившихся с улицы. В свои девяносто ему было тяжело спускаться с третьего этажа в подвал во время бомбежек города украинскими войсками. К тому же последние две недели опять открылись застарелые трофические язвы на коже культи ампутированной голени — и одевать протез стало очень больно на кровоточащий остаток левой ноги.

Иван Сергеевич Кузьмин стал безногим инвалидом в сорок пятом, наступив на противопехотную мину в бою во время освобождения от гитлеровцев Восточной Пруссии. С поля боя его — тяжело раненного вытащил на себе фронтовой товарищ Ярослав Пристай, с которым они вместе прошли в разведроте долгий боевой путь от Подмосковья, начиная с сорок первого.

...Разрыв снаряда раздался где-то по соседству от дома Кузьмина, зазвенели стекла в окнах квартиры, с потолка посыпалась пудрой штукатурка.

«Здорово долбят, гады... Как в Великую Отечественную фашисты не щадили мирных жителей — так и киевские каратели лупят из «Градов» по жилым кварталам,— подумалось Ивану Сергеевичу.— Хорошо, что еще внучку вовремя отправил прятаться в подвал...»

Семнадцатилетняя внучка Оля — это последнее, что удерживало старика на этом свете. Так случилось, что у них с супругой после войны долго не было детей. Кузьмины уже отчаялись когда-либо обзавестись потомством, и тут на девятнадцатом году совместной жизни жена Маша наконец-то забеременела! Как они радовались появлению на свет долгожданного сына Васи!

Мальчик рос крепким, умным, самостоятельным. После школы поступил в Горный институт, после окончания которого распределился на шахту, где к тому времени Иван Сергеевич работал директором.

Отец для начала отправил сына работать в забой горным мастером, чтобы прошел все этапы освоения профессии горного инженера... И Василий его только радовал — отлично трудился, женился на хорошей девушке, появилась внучка Оля...

И тут произошло несчастье — авария на шахте... Кузьмин хорошо помнил тот черный для него и шахты день, когда Вася во главе бригады спасателей вызвался спуститься в аварийный забой...

От взрыва скопившегося на глубине метана погибли и все спасатели, и те, кого они хотели спасти...

Жена Маша после смерти сына слегла — скакнуло артериальное давление, случился инсульт — ее парализовало, и через полгода любимой супруги не стало... Еще через год от инфаркта ушла из жизни и безутешная вдова Василия.

Раздавленный горем Иван Сергеевич остался вдвоем с малолетней внучкой Олей. Необходимость ухаживать за девочкой дала ему силы не сломаться, выжить в этот тяжелый момент...

Так они и жили с Олей все эти годы вдвоем на его персональную пенсию, которой было вполне достаточно в советские времена. В «незалежной», к которой отнесся Донбасс после распада СССР, стало потруднее, но Кузьмин выкручивался, подрабатывал вахтером — и им с внучкой хватало на жизнь.

Дом вздрогнул от очередного близкого взрыва... Иван Сергеевич протер глаза от попавшей осыпавшейся штукатурки с потолка.

«Что творят, фашисты... Никого не щадят... А с молодежью что делают, которую насильно загоняют в украинскую армию... Соседка по подъезду рассказывала, что дети пошли купаться на озеро — начали нырять — и на глубине увидели стоящие вертикально трупы молодых солдат с привязанными к ногам грузами, со связанными руками... «Укропы» сбрасывали новобранцев, которые отказались стрелять в мирных жителей, ночью в таком виде с вертолета в озеро... Негодяи! До такого зверства даже фашисты во время войны не скатывались!.. Вообще непонятно — откуда у этого «Правого сектора» такая ненависть к русским?.. В Великую Отечественную на фронте рядом сражались и русские и украинцы — и все были дружны, без разницы! Тот же его фронтовой друг, спасший ему жизнь — вытащил раненного с поля боя под обстрелом шесть километров, не бросил — Ярослав Пристай — он же родом с Западной Украины, с города Долина на Ивано-Франковщине... Более преданного, честного человека, друга у меня не было в жизни...— размышлял старик, одиноко лежа в своей спальне.— А, если «потрошенковцы» (так Кузьмин называл украинских карателей в честь приведенного к власти США «президента» Порошенко) все-таки возьмут их город — что будет с внучкой? Девочка только закончила школу, подала документы для поступления в вуз в Луганске — а тут разразилась эта кровавая бойня населения Новороссии... На всякий случай у меня кое-что припасено...»

Кузьмин с трудом, с помощью еще не утративших до конца свою силу рук, отжал свое тяжелое туловище от поверхности кровати, сел, свесив вниз здоровую правую ногу и обрубок левой ноги. Отдышался, подождал, пока пройдет головокружение. Потом подтянул к себе массивный, еще советского производства протез, который так устал таскать за свою послевоенную жизнь. Наощупь отодвинул сделанную им давно в средней части протеза незаметную эбонитовую задвижку, закрывающую тайник, где хранился его любимый еще с фронта наган.

Да, он — коммунист, орденоносец, Герой Социалистического Труда — не сдал свое личное фронтовое оружие, вернувшись с войны. Нарушил все тогдашние законы. Ну, не смог он расстаться с надежным другом наганом, который на фронте был незаменим в ближнем бою и не раз выручал его!

Иван Сергеевич привычно откинул барабан нагана до щелчка, залюбовался блеснувшими медными гильзами боевых патронов. Достал из схрона на протезе небольшую масленку, любяще, привычно смазал револьвер...

Услышав, как заскрипела входная дверь в квартиру, быстренько спрятал оружие обратно в тайник в протезе, улыбнулся вернувшейся из бомбоубежища внучке:

— Ну, как ты, милая? Не сильно перепугалась этих взрывов?

— Ничего, дедуля! Пережили перестройку — переживем и перестрелку! — пошутила заглянувшая в комнату голубоглазая, русоволосая, стройная девушка.— Сейчас я разогрею суп — надо, дедушка, покормить тебя!

Оля кормила Ивана Сергеевича в его спальне, когда из прихожей квартиры донесся грохот выламываемой запертой двери, недовольные громкие незнакомые голоса. Через несколько секунд в комнату, где с тарелкой в руке на кровати сидел старик

и рядом стояла Оля, вошли двое молодых, с заросшими щетинами на грязных лицах мужчин в камуфляжах с желтыми повязками со свастикой на рукавах, с автоматами Калашникова наперевес.

Старший из вошедших — чернявый, крепко сбитый, с наглой улыбкой наставил свой автомат на Кузьмина:

— День добрый, панове! Што-то не бачу радости от встречи с «Правым сектором»!.. Кто такие будете? Микола, пошукай-ка вон в том столе документы, да и вообще!

Более молодой каратель бесцеремонно вывернул на пол содержимое ящиков письменного стола. Пошуровал высыпанные бумаги грязным ботинком. Среди прочего разлетелись в стороны и коробочки с боевыми и трудовыми наградами старика.

Микола поднял с пола ордена, золотисто блеснувшую звезду Героя Социалистического Труда:

— Смотри-ка, сотник, какие цацки у этого безногого деда! Да он же с Бандерой, наверное, воевал в ту войну, москаль проклятый! А цацки, видать, неплохих денег стоят!

Сотник почти вырвал у Миколы награды, сунул их себе в боковой карман брюк:

— Это конфискуем для нужд «Правого сектора»... Значит, старик при советах дослужился до героя соцтруда... А, это — кто!? — каратель перевел дуло своего автомата на Олю, щелкнул затвором.

Кузьмин поставил тарелку на прикроватную тумбочку:

— Ты автоматом-то не цель в девчонку! Это внучка моя, ухаживает за мной, только школу закончила, ребенок еще!

— Ха, ха, ребенок! Наверное, пособница москалей! Знаем мы таких ребенков! Вот для этого и будем зачищать ваш городишко от предателей неньки Украины! — зло произнес старший, правда, отвел автомат в сторону от Оли.— Да, хата у тебя, москаль, неплохая, просторная... Так что мы, Микола, пока здесь тормознемся... Осмотри-ка другие комнаты, может, где еще чего ценного найдешь... А ты, дивчина, пошли со мной на кухню — приготовишь нам пожрать с дороги!

«Укропы» вместе с растерянной Олей вышли из спальни Кузьмина. Старик обессилено прилег, лихорадочно прокручивая в голове создавшуюся ситуацию.

По манере поведения украинские вояки напомнили ему гитлеровских прислужников во время той далекой войны — полицаев. Да и свастика на рукавах такая же...

«Значит, взяли все-таки город... Видно, ополченцы отошли... Лишь бы с внучкой ничего не случилось плохого... От этих мерзавцев всего можно ждать!» — тревожно размышлял Иван Сергеевич.

В приоткрытую дверь спальни старик услышал долетевший довольный голос Миколы, рывшегося в зале:

— Сотник, побачь, что я отыскал! Цельный склад горилки в баре у коммуняки припрятан!

— Тащи на кухню! Отметим нашу победу над москалями! — отозвался старший.

«Дорвались до моего бара... Черт с ними, пусть ужрутся...— понял старик.— Только бы внучку не трогали...»

Спустя некоторое время в спальню к Кузьмину заглянула Оля. Выглядела она встревожено, но старалась не подавать вида.

— Как ты, внучка!? — взволнованно поинтересовался старик.— Не обижают каратели?

— Не волнуйся, дедуль... Я им разогрела их пищевые американские пайки, но они пользуют твои коллекционные напитки... Дедуль, я тебе котлетку с картошечкой

принесла — доешь, что не успел из-за них...— с этими словами Оля присела на край кровати Ивана Сергеевича, подсунула ему повыше под голову подушку, протянула миску с едой.

Кузьмин начал кушать, не сводя любящего взгляда со своей милой внучки.

Старик протянул опустевшую тарелку, вилку Оле, когда в комнату, пошатываясь, ввалился Микола в расстегнутой на груди униформе:

— А, вот вы где прячетесь, москалюки! — пьяно прогузнел каратель. Взгляд его мутно блестящих глаз уперся в неработающий телевизор, стоявший напротив кровати старика.— А телек чего не бачите? Не хотите смотреть украинское телевидение?

— Телевизор давно ничего не показывает, как началась война,— попытался пояснить Кузьмин.

— Но мы же вас освободили от террористов... Должно и телевидение киевское врубиться! — не унимался каратель. Он подошел к телевизору, включил его.

Экран замигал, затрясся неровными полосками — и к удивлению хозяев квартиры появилось изображение и звук — начался показ новостей какого-то центрального киевского канала.

Дородная, улыбчивая телеведущая комментировала видеосюжет, как жители освобожденных от российских сепаратистов районов Донбасса радостно, с хлебом-солью встречают освободителей — бойцов «Правого сектора» в униформе...

— Вот как нас приветствуют патриоты Украины! Не то, что вы — коммуняки — москали... Ладно, Оля, пойдем до сотника, он просил! — Микола захватил внучку за руку и почти потащил ее за собой из спальни.

Старик приподнялся, и, не выдержав, почти крикнул:

— Парень, если обидите мою внучку — вы не жильцы! Учтите! Из-под земли достану!

Каратель обернулся, улыбнувшись развязной кривой улыбкой :

— Да, дед, тебе давно пора под землю! Ты свое отвоевал семьдесят рокив тому назад! Вояка — коммуняка! На одной ноге много не навоюешь, старая рухлядь! Так что лежи тихо и не скворчи! Кончилась ваша москальская власть!

От волнения у старика свинцово застучало в висках, закружилась, поплыла голова — и он бессильно рухнул навзничь на подушку.

«Вот, гестаповцы, всерьез меня уже не воспринимают, списали! А не поспешили ли!? Если понадобится — я соберусь для своего последнего боя! — с горечью думал Кузьмин.— Эх, встретились бы они мне этак годков семьдесят тому назад — вот тогда бы увидели — чья здесь правда! Наймиты американские, мать вашу... Христопродавцы!»

По работающему телевизору начали показывать концерт какого-то рано обрюзгшего, гнусавого, как бы постоянно сморкающегося музыканта из России перед украинскими картелями из оккупированного ими донбасского города. Иван Сергеевич без очков плохо различал надписи, появляющиеся внизу экрана телевизора, прочитал, что это выступает какой-то Макасевич или Минаревич...

Артистишка вяло бренчал на гитаре песенку с плохо различимым смыслом...

«Предатели они везде и во все времена на одно лицо...— невольно подумал Кузьмин.— На войне — той, Великой Отечественной войне — я встречал такие же гнусные рожи, как у этого продажного артиста из России, у захваченных в плен полицаев или бандеровцев... Время разное — а сущность одна... В бою они с предателями разбирались просто — пуля в лоб, чтоб не воняли больше на нашей земле — и весь разговор!»

Со стороны соседней комнаты через неплотно закрытую дверь послышался шум, возбужденные голоса карателей:

— Не хочешь уважить украинских хлопцев, москаляка!.. Так мы заставим!

— Не надо! Не делайте этого! Дедушка!!! — различил старик отчаянный зов Оли.

«Что творят они с ней, фашисты! — все перевернулось в душе Ивана Сергеевича. Страх за внучку, лютая ненависть к врагам мобилизовали его старое, дряхлое, больное тело.

Через боль он отжался от поверхности кровати, засунул онемевшую культю левой ноги в протез... Острая резь от раздражения незаживших трофических язв пронизала всю ногу, дошла до сердца. Старик чуть было не закричал от этого дикого страдания, но как семьдесят лет тому назад, на фронте только закусил побелевшие губы, застегнул, превозмогая себя, все замки, ремень протеза. Отступать было нельзя! Старик понял, что наступил час последнего, решающего боя в его долгой жизни.

Задрожавшей рукой вытащил из тайника наган, взвел курок. Посидел буквально мгновение на краю кровати пока не исчезла дрожь в руках, ушло головокружение...

— Дедуля!!! Помоги!!! — опять донесся сквозь шум борьбы из соседней комнаты слабеющий голос внучки.

Сцепив зубы, рывком старый фронтовик все-таки встал на ноги и, тяжело покачиваясь от стреляющей фантомной боли в культе, направился на помощь Оле.

В соседней комнате Иван Сергеевич застал следующую картину: пьяные сотник и Микола вдвоем на раздвинутом диване срывали остатки одежды с отчаянно сопротивляющейся насилию внучки.

Старик направил дуло револьвера в сторону обезумевших насильников:

— Оставьте ее в покое, изверги! Иначе перестреляю вас, фашисты!

Микола обернулся первым в сторону старика, в его налитых кровью глазах промелькнул страх:

— Дид, не надо! — и молодой каратель со спущенными штанами отодвинулся в строну от распростертой на диване обнаженной девушки.

Сотник тоже посмотрел в сторону Кузьмина и угрюмо ухмыльнулся:

— Да, его пушке сто лет, она не выстрелит! А вот моя не подведет! — Каратель потянулся рукой к пристегнутой на поясе кобуре с пистолетом...

Первый выстрел из нагана старика продырявил лоб сотника. Из образовавшейся черный дыры немного выше глаз хлынула темная густая кровь в смеси с чем-то еще... Насильник захрипел и отвалился в сторону от Оли.

В руках Миколы блеснуло лезвие откуда-то появившегося ножа, он приставил его к шее внучки, закричал:

— Зарежу девку, только шевельнись, москаль!

Звук второго выстрела гулко отразился от высокого потолка, стен «сталинки»... Черная кровавая дыра возникла посредине лба молодого карателя, нож выпал из его ослабевшей руки...

Силы покинули и старика. Боль, исходящая из больной культи, пронзила его беспощадно. Иван Сергеевич зашатался, готовый упасть... Оля успела подхватить его, подставив свое хрупкое плечо:

— Дедушка! Держись! Пойдем в постель!

С трудом внучка довела Кузьмина до кровати, освободила окровавленную культю от тисков тяжеленного протеза, уложила старика.

— Как ты, дедушка? — заботливо спросила Оля, видя, как слабея, опускаются веки его глаз.

— Спасибо, внучка...

— Как ты метко попал им обоим прямо в голову! И даже меня не зацепил, спас... Они же хотели меня изнасиловать, нелюди...

— Как я мог промазать — на фронте в разведроте был снайпером,— прошептал слабеющий старик.— Ты не задерживайся здесь — соседи похоронят... Уходи в сторону Донецка к ополченцам... Здесь тебе оставаться очень опасно... А я свой последний бой выиграл....

Старик выдохнул последний раз и обмяк...

— Дедушка, дедушка, не умирай! — Оля пыталась остановить уход фронтовика в мир иной... Но, видно, его час пробил...

* * *

По безлюдным улицам разбитого захваченного украинскими военными Славянска осторожно, перебежками, по направлению на восток продвигалась одинокая девичья фигурка. В руке Оля судорожно зажимала дедов наган. В этот вечер только неожиданно налетевший шквальный ветер, поднимавший столбы пыли или праха от разбомбленных зданий свободно гулял по закоулкам некогда цветущего рабочего города Новороссии...

Ирина Кедрова
(г. Москва)

УКРАИНСКАЯ ВОЙНА

Прозаик и драматург. Член Союза писателей России, Академии российской литературы, Творческого клуба «Московский Парнас».

Гриша — шестилетний пацан — проснулся ранним утром, приподнялся на кровати, стоявшей у окна, оглядел комнату, громко крикнул «Ма-а-ма!», сообщая криком, что он проснулся и ждет ее. Никто не отозвался. Тогда он на коленках уселся на кровати и стал высматривать мать в окно.

Его взору открылся чудный сад: яблони отцвели, и на ветвях зреют зеленые яблочки, пока еще совсем малюсенькие. Темно-красные вишни завлекают кислосладостью. Вдали виднеется грядка малины: самая любимая ягода мальчика! Папа всегда ест малину с молоком, Гриша пробовал, однако ему больше нравится без всяких добавок. Пальчиками берешь малинку с блюдца (с куста мама не разрешает), кладешь в рот, прижимаешь языком к небу, и сок выливается. Вкусно!

Среди ягодных кустов стоит небольшой пруд — папино сооружение, окаймленное разными камнями, темноводное. Мама опасается: вдруг сын в воду свалится. Требует от папы, чтобы тот изгородь поставил.

— Что смеешься? — сердито выговаривает отцу.— Вот провалится Гришка в пруд — будешь локти кусать.

— Так чому, Галка, вин повинен провалитися? — отвечает папа, упирая на свою любимую мову, украинскую речь, значит, вставляя в нее русские слова, которых набрался от мамы и от соседей.— Грицко — хлопец смышленый. Знае, де можна стояти.

— Ты, Данило, вроде умный человек. А не думаешь. Мальца от глупости не сбережешь. Вот встанет на тот край,— мама протягивает руку в сторону пруда и показывает пальцем на самый большой камень у его края, который и в самом деле пацана привлекает (так и хочется на тот камень встать да с него спрыгнуть в воду к лягушкам, что в пруду живут и квакают вечерами).— Ты так на меня не смотри: встанет и спрыгнет! — утверждает мама. Потом резко поворачивается и спешит к дому, призывая: — Гришаня, беги, малец, сюда!

Жизнь у Гриши замечательная, потому что он всех любит, и его любят все!

Мама когда-то приехала к папе из далекого города Тамбова. Он туда ездил на соревнования, там и приглядел местную спортсменку-лыжницу. Веселая стройная девушка, в ярко-красной шапочке со смешно прыгающим помпоном покорила папино сердце, потому он настойчиво и быстро уговорил ее поехать с ним в его родные края. Она сразу понравилась всем в селе. Помимо веселости оказалось, что Галина, так зовут маму,— женщина с сильным характером. Как мама скажет — так и станется.

Папа в этом селе прожил долгую-долгую жизнь. Уезжал лишь в армию. Он и

трактор водит, и машину. В небольшом гараже стоит у папы автомобиль, ласково называемый «шестерочкой». Инженером папа работает. Что за работа такая, Грише пока не ясно, только и знает: с техникой отец возится на станции. Соседи уважительно к нему обращаются, величая Данило Григорич.

Григорий — так звали дедушку, которого мальчик видит на фотографии в родительской спальне. Там на стене висят две большие фотографии в деревянных рамах — дедушки Гриши и бабушки Ульяны. Где они, ему неведомо. Взрослые говорят странное и немного страшное слово — умерли.

Гриша не знает, что это слово означает. Мама как-то объяснила: «Уехали они, сынок, в другой мир — улетели на небо. Вон на облачке сидят и на нас с тобой глядят». Конечно, надо бы уточнить — уехали или улетели? А еще хочется увидеть бабушку и дедушку на облаке. Но сколько Гриша голову ни задирает — никак не увидит. Наверное, слишком высоко висит то облако.

У Гриши много дел. Есть у него пес Полкан и кот Звир. С Полканом можно весь день играть: тот радостно крутит хвостом и счастливо лижет лицо мальчика, бегает за ним по саду и улице. С ним не страшно и увлекательно. Например, можно громко крикнуть: «Ко мне, Полкан!» И пес сразу прибежит, плюхнется на задние лапы и выразительно смотрит, ждет косточку в награду. Или уляжется рядом с песочницей, когда Гриша копает в ней карьеры и строит туннели, сквозь которые проводит поезда из кубиков. Лежит пес и наблюдает: время от времени глаза его закрываются, однако в любую минуту готовы раскрыться, чтобы удостовериться — с мальцом все в порядке.

Не таков кот Звир: всегда сам по себе. Хочет — ляжет рядом и громко замурлычет. А то и не подойдет, хвостом взметнет и скроется с глаз. В семье Звир выделяет маму Галю. Они вместе в этот дом жить пришли: молоденькая мама и маленький котенок, которого папа принес от соседей ей в подарок:

— На, Галка, захисника! Бач, як сичить, кигти яки! Звир! — сказал он маме. И мама, осваивая местные речевые обороты, так и зовет шипевшего тогда кота-защитника «Звир».

Село, в котором они живут, считается большим и богатым.

Впрочем, односельчане по-разному устроились. Недалеко от Гришиного дома возвышается за высоким кирпичным забором двухэтажное строение, хозяева которого редко появляются. Когда же они приезжают, целыми днями звучит веселая музыка, не прекращаются хохот и горячие споры. Мама мечтает, что они с папой такой же дом построят и заживут, как люди. Так мама говорит, хотя непонятно Грише, чем ее не устраивает их дом.

У них замечательный дом, хата, как многие здесь говорят. Хотя и в один этаж, да можно по лестнице забраться на чердак и в чердачное окно увидеть длинную, в высоких деревьях, улицу, окаймленную с обеих сторон такими же, как у них, домами. Весною мама обмазывает стены глиной, потом белит, и дом становится светлым и нарядным.

Внутри из сеней попадаешь в кухню с большой белой печкой, с дубовым шкафом для всяческой посуды и с огромным столом, за которым семья обычно обедает. Из кухни в одну сторону раскинута большая комната — гостиная, папа называет ее витальней. Соседи часто в витальню заглядывают. В селе принято навещать друг друга, вместе радоваться и угощаться плотным застольем. Иной раз мама жалуется папе:

— Ой, Данило, у нас в Тамбове так не живут.

— Звикай, Галка,— примирительно наставляет папа,— мени сорому не треба. Нехай вси бачать: Данило — господар мицний: нагодувать-напоити якого може.

И мама со временем привыкла, блюла мужний наказ — любого напоить-накормить, дабы стыда не испытывать. Со временем сама из тоненькой девушки пре-

вратилась в дородную женщину. Впрочем, мама у Гриши — самая красивая и лучшая мама на свете!

Из кухни же можно пройти в дитячью комнату — небольшую, всего-то в ней умещаются металлическая кровать, детский столик, двустворчатый шкаф, этажерка с книгами и игрушками, да комод с детскими вещами. Прежде здесь жила баба Ульяна. Теперь Гриша хозяйничает. Сначала боязно было одному на ночь оставаться, однако привык быстро. Он же — большой хлопец, на будущий год в школу пойдет.

Из гостиной ведет дверь в родительскую спальню. Страсть как интересно мальчику в этой комнате. Не от вещей, нужных взрослым. Здесь в выдвижном ящике хранятся альбомы с фотографиями мамы и папы. Вот свадьба: мама, красивая, в белом платье и папа в строгом костюме, народу — все село. Вот они вдвоем под яблоней в саду сидят, мама с большим животом, в котором он — Гриша — тогда жил. Как он там помещался?

В альбоме много фотографий деда Григория и бабы Ульяны, а еще есть совсем старая фотография папиного деда, и тоже Григория. Тот в войну в партизанском отряде сражался за родной край против фашистов. Слова не совсем понятны: фашисты, партизаны, война, но Гриша знает: напали на наш дом злые люди, всех хотели убить, а папин дедушка встал и не пустил в дом злых людей. Партизанский отряд — это отряд таких же храбрецов, не пустивших злых людей в свои дома. Папин дедушка погиб, в его честь был назван папин папа, а потом и Гриша. Он тоже станет партизаном и никого в свой дом не пустит: маму с папой защитит от злых людей!

Улыбается Грише со старой пожелтевшей фотографии молодой хлопец, моложе папы. Хорошая улыбка — добрая. Непослушный вихор надо лбом, совсем как у Гриши. Мама, причесывая сына, непременно говорит: «А мы его (вихор, значит) аккуратненько уложим. Ну что ж он такой непослушный?» — сокрушается. Грише кажется, что мама говорит о его вихре, как о живом существе. Он и сам приглаживает волосы, да толку в этом действии нет, поскольку вихор всегда вздыблен.

Папа же сыновним вихром страсть как доволен. «Вирно,— говорит он,— не може пацан пригладженим бути. Як його ни приглаживай, ни утюж, вин все одно непокирним залишиться».

Сейчас папы дома нет. Он, как его дедушка, на войну ушел. Что за война такая, мальчик не знает. И где тот партизанский отряд, в котором должны находиться защитники от злых людей? Живут они теперь с мамой одни. Мама наказала, чтобы он никому не говорил, где папа, Только говори — не говори, все соседи знают.

— И чего он, Галка, удумал? — спрашивает маму ее подружка-соседка тетя Таня.— Что мы сделаем? У Киева во какая сила!

Мама отмалчивается, но Гриша знает, сильно за папу боится. Хочет, чтобы тот скорее домой вернулся.

Время от времени далеко-далеко за селом раздается мощный гром, прежде Гриша такого не слыхал, один раз с грохотом упала с неба на поле, раскинувшееся между селом и лесом, какая-то пушка, снарядом называемая. Все взрослые этой пушки испугались и попрятались в подвалы домов.

И Грише немного страшно, только сильнее страха интерес: что дальше будет? Потому не хотелось ему спускаться в подвал, когда мама, лицом побелев, схватила сына за руку и потянула вниз по скрипящей лестнице.

Сколько долгих дней длится война. Гриша терпеливо ждет ее окончания, однако больше ждет возвращения папы домой. Когда тот неожиданно появляется, мама плачет и непрестанно твердит, что надо отсюда уезжать. Она уговаривает папу ехать в Тамбов, к бабушке Свете, но ни папа, ни Гриша уезжать не хотят. Папа возмущается:

— Чому я повинен бигти зи своеи земли? Галочка, все владнаеться. Побачиш: ми переможемо.

Мама не верит, что они благополучно переживут это страшное время, и почти кричит, что здесь ничего не образуется, что надо спасаться, и спасать сына. А Гриша, как и папа, не хочет никуда уезжать. Разве можно оставить Полкана и Звиря? А игрушки? Недавно ему подарили здоровскую железную дорогу с паровозом и вагонами! К тому же он знает: папа из родного края не уедет. Разве можно оставить папу?

Соседи тоже говорят об отъезде и тоже никуда не едут. У каждого в душе греется надежда: победят ополченцы, которых почему-то зовут противным словом «колорады».

Гриша услышал это слово от солдата, который пришел в их дом папу искать. В селе тогда переполох начался. В каждый дом солдаты с автоматами наперевес заходили и спрашивали, где мужики. Мама накрепко велела ему молчать, ни с кем не разговаривать.

Вошел солдат в их дом, прошелся по комнатам, не говоря ни слова, вернулся на кухню, прочно уселся на табурет. Мама перед ним встала, и Гриша перед ней. Защищать маму решил, хотя на всякий случай сам к ней прижался. Стоит, голову опустил, боязно посматривает на солдата. Приглянулись ему солдатские сапоги: большие размером и высокие. В таких сапожищах нигде не страшно оказаться, даже в огромной луже.

— Де ж твий чоловик? — строго спрашивает солдат.

— Так в командировку уехал,— решительно отвечает мама.

— Яка така видрядження? — выспрашивает солдат. И, глядя в глаза Грише, уточняет: — Де твий папка, пацан?

Гриша молчит, вжимается в материнскую юбку.

— Что ты к пацану пристал? Сказано: уехал он,— срывается мама.

— Сама-то з Росии? — выспрашивает солдат. Долго молчит, затем со вздохом продолжает: — У мене там сестра живе.— Опять молчит. Встает и направляется к двери со словами,— Ци невгамовни колорады.

Уходит.

Мама с криком «О-ох» буквально сваливается на тот же табурет и громко плачет.

— Мама, мамочка,— причитает Гриша,— не плачь. Дядька ушел, он не придет больше. Я тебя защитю!

И где знать этой женщине и этому пацану, что солдат, который на самом деле многолетней службой в армии дослужился до старшего прапорщика, в тот момент уже не в первый раз вспоминает свою счастливую сеструху, умчавшуюся пять лет назад к мужу в российский город Владимир. Вспоминает, как сам он в прошлом годе навещал сестру, с зятем познакомился. Ездили они на рыбалку и анекдоты под водочку с наваристой ухой травили. И было ему в том Владимирском доме уютно и радостно. Не нравится старшему прапорщику то, что теперь россиян и тех, кто за дружбу с ними, зовут колорадами, жуками, значит, колорадскими, поскольку носят те георгиевские ленточки в знак единства с Россией. Да что поделаешь? Время такое неясное. Служит он Украине, борется за ее мощь и целостность, а в способах борьбы, с градами да бомбежками, сомневается.

В селе же, в котором жило много русских, грелись надеждой, что Россия поможет, своих не оставит.

А Гриша — он кто? Мама — русская, папа — украинец. Местные шутят: хохол с кацапкой.

— Ти у нас,— смеется папа,— кацапистый хохол, або хохлистый кацап.

Мама таких шуток не принимает.

— Прекрати,— выговаривает отцу.— Чему ребенка учишь?

— Так чому, Галка? Народни призвиська живучи. Приймай з гумором. Ти ж у мене сама хохлистая кацапочка.

Папа прижимает маму к себе, звонко целует в щеку, подмигивает сыну. Мама пытается вырваться из папиных крепких рук, но не слишком сопротивляется. А Гриша видит: они любят друг друга. И это здорово, когда так хорошо! Он же будет русским, как мама, и украинцем, как папа.

И совсем не мешают ему прозвища, которые взрослые придумали. Хохол — это, конечно, от чуба, что на голове. Таким чубом гордится каждый взрослеющий парень в селе. Еще у них на полке стоит скульптура, так мама ее называет. На той скульптуре сидит мужик на пне. Сам в широченных штанах, в белой рубахе, окаймленной по горлу и рукавам красной вышивкой. Поверх рубахи надета теплая безрукавка. Голова мужика — лысая, только длинно-тонкий чуб свисает. На лице выделяются мощные усы, спускающиеся книзу. На ногах у мужика высокие сапоги, гармошкой собранные. Сидит он, а рядом петух прохаживается. Смешно Грише становится, когда он ту скульптуру рассматривает. Мама ему сказала, что раньше, давно-давно, украинские мужики так ходили.

Другое дело — кацап. Тут не ясно, отчего такое прозвище придумано. Может, от козла? У соседей есть козел. Ходит по селу, трясет длинной бородой. Дядько Миха его на веревке водит и, замахиваясь хворостиной, прикрикивает: «Ах ти, козел, скотина безсовисна!» А еще зовет его: «Цап! Цап!» Так нередко в селе зовут козлов. Соседский козел — симпатичный. Грише нравится, хотя он к нему близко не подходит: рога у козла страшные. Еще мальчик с малых лет помнит веселую игру. Мама приговаривала: «Идет коза рогатая за малыми ребятами. Кто каши не ест, кто щи не ест — забодает-забодает». И с последними словами щекотала Гришу, а тот заливался смехом.

Теперь, в слове «кацап» ему слышится, что кто-то зовет: «Цап, цап!» А папа разъяснил, что раньше все русские с бородами ходили, напоминая малороссам бородатых козлов. Только мама, которую папа иной раз называет кацапочкой, совсем на козла не похожа. Ну, никак!

Летнее утро предвещало жаркий день. Гриша, смотревший в окно, вдруг услышал странный стон Полкана. Тот сидел у кровати, поджав хвост, смотрел на мальчика и тихо повизгивал.

— Мама,— позвал мальчик,— мама! — крикнул он громче.

Никто не ответил, наверное, ушла кормить кур, его не разбудила. Грише нравится кормить кур. Раскидываешь перед собой зерно и приговариваешь: «Цып-цып-цып, кушайте, хохлаточки!» Куры квохчут довольные. Мама весело пропевает: «Куры клюют, петухам не дают». Впрочем, их петух, которого в семье прозвали задирой, сам отберет зерно у кур. Петух у них что надо! Классный боец! В селе его побаиваются даже парни старше Гриши.

Мальчик слез с кровати и отправился на улицу в поисках матери. Вышел в сад, прошел на хозяйственный двор. Здесь стоят баня и сарай, в котором обитают куры. Чуть подальше расположился папин гараж, в нем же и мастерская, где они с папой чинят старенький «Жигуль». Гриша всегда с радостью копается в отцовых инструментах и представляет, что скоро сам соберет настоящую машину и подарит родителям.

В тот момент, когда он проходил по двору, раздался мощный грохот, переросший в оглушительный свист. Земля задрожала. Еще гром и свист, и колыхание земли, и снова гром и свист.

Крыша соседнего дома провалилась внутрь, в стене образовалась огромная дыра, из которой с криком выскочила в горящей одежде тетя Таня, мамина подружка. Пламя охватило женщину, и повсюду распространился удушающий запах. Огонь пожирал соседский дом.

Гриша остолбенел. Не слышал очередного залпа, не видел взрыва, разметавшего землю и строения вокруг. Мощная волна вскинула его, отбросила к деревянному забору. Накатила внезапно темнота.

Спустя какое-то время мальчик открыл глаза. Он лежал на земле, головой вжавшись в доску. Попробовал встать. Не смог. Боли не чувствовал. Слабость овладела им, уже и рука не шевелилась. «Мама!» — чуть слышно прохрипел мальчик и провалился во тьму.

Очнулся Гриша, как ему показалось, быстро. Встал. Что-то в нем изменилось: удлинились руки и ноги, тело приобрело силу и взрослость. Шагнул, и шаг оказался раза в два больше, чем прежде. Мощный чуб качнулся от встряски головы. Огляделся.

Рядом с ним на земле лежал маленький мальчик с вывороченным животом, отброшенной назад головой и согнутыми в локтях руками, прикрывающими живот.

Вокруг стояли стон и смрад, догорал соседский дом.

Их дом резко накренился, крышу снесло, рядом хлопала сарайная дверь, а вместо сарая раскинулась воронка, на краю которой лежала мамина туфля. Подошел к дымящейся воронке и увидел на дне ее, среди комьев песка и земли, кусок маминого платья. Возникшая внутри Гриши тошнота, готовая вырваться наружу рвотной массой, быстро исчезла, словно ему запрещено что-либо ощущать. Он, непонятно почему, превратился в стороннего наблюдателя, который все фиксирует, да не чувствует.

У двухэтажного дома, чудом устоявшего, только балкон повредило. На земле валяются бетонные блоки забора, одиноко стоит кирпично-белый толстый столб, который прежде соединял эти блоки. Неподалеку висит фрагмент перебитого пополам бетонного столба: часть бетона со столба слезла, и оголилась металлическая арматура.

Григорий пошел по улице вдоль покосившихся и горящих домов, с ужасом рассматривая окружающее. Осколками пробитый деревянный забор розового цвета забрызган кровью, на заборе и около него разбросаны, он догадался, куски человеческого мяса. Рядом валяется мужская нога.

Опять разрушенный дом, во дворе которого брошены грабли и корыто, дымится летняя металлическая печь. Догорает перекореженный «Жигуленок». Рядом суетится мужик, наверное, хозяин автомобиля.

Испуганные соседи, кто пробегает, кто медленно проходит мимо, не замечая Григория.

Женщины голосят, то и дело хватаясь руками за головы, будто стараются свои головы, качающиеся из стороны в сторону, удержать на плечах. У некоторых на лицах запекшаяся кровь и порезы, руки изранены, одежда рваная и обгоревшая. Многие из них сосредоточенно бродят по дворам и огородам, отыскивая среди разбитого кирпича и головешек разбросанные людские останки.

Одна из женщин, лет сорока, с безумными глазами бьет в покосившийся забор, не чувствуя боли рук, по всей видимости, не сознавая, что делает. Другая, лет тридцати, сидит на земле, выставив перед собой обожженные ноги, не замечая, что платье разорвано на груди и свисает лохмотьями. Она тупо смотрит на догорающий дом и прижимает к груди годовалого ребенка, который исходится криком.

Мужчины, тоже с расцарапанными лицами, с обожженными руками и ногами, сжимают зубы и молчат, время от времени выговаривая слова, которые Гришина мама всегда запрещала папе говорить. При мысли о том, что мама папе что-то запрещала, Григорий подивился: как в нем сейчас уживаются два состояния — ребенка, которым он только что был, и взрослого человека, которым он себя все более ощущает.

Кто-то на его пути, не говоря ни слова, заворачивает в простыню тело старой

женщины и несет трагическую ношу в тень под дерево, спасая от жаркого солнца. Подумалось: не все ли равно мертвому, где лежать — под солнцем или в тени?

Остановилась прибывшая машина скорой помощи, на которой крупными буквами написано: «Швидка медична допомога». Удивился Григорий: он прочел эту надпись, хотя только что начал изучать с матерью буквы.

Медики в светло-голубых легких костюмах сразу приступили к оказанию помощи: промывают и бинтуют раны пострадавшим, делают уколы для снятия болевого шока, вводят сыворотку против гангрены, ставят шины на перебитые кости. Двоих принесли к машине на носилках, чтобы скорее увезти в больницу.

Односельчане стараются помочь тем, кто сильно пострадал. И только с ним никто не разговаривает, будто его не видят.

Внезапно перед Григорием встал старик, чем-то ему знакомый.

— Ну вот,— говорит старик,— опять ты, Григорий, на земле не удержался. Я-то думал: в этот раз до старости доживешь.

Григорий смотрит с недоумением на незнакомца, а тот продолжает:

— Что, брат, не узнал? Вспоминай. Мы ж с тобой в сорок третьем фашиста били.

И тут, наконец, Григорий понял: он умер.

И вспомнил. Перед ним стоял фронтовой друг Серега. Только значительно старше, чем тогда, когда они вместе сражались в партизанском отряде. Было это в Отечественную войну. Видно Серега еще долго жил после войны, коль предстал сейчас не двадцатилетним бойцом, каким вспомнился, а стариком семидесяти лет.

Память крепка в зажизненном пространстве, которое люди называют загробным. И с переходом Григория в это пространство включилась та память. Переход происходит медленно, дабы душа освоилась с новым состоянием. И память медленно, будто по каплям, раскрывала Григорию то, что было скрыто от него на земле.

Григорий, когда началась война с фашистами, жил в Ворошиловграде. Этот город раньше назывался Луганском, да в середине тридцатых годов власти переименовали его в честь Климента Ворошилова, Героя гражданской войны, маршала и наркома обороны великой страны. Никто в те времена и помыслить не мог о злой роли, что сыграл Ворошилов в судьбе многих репрессированных и расстрелянных. Был город Луганск, стал Ворошиловград. Прежнее название жителям милее казалось, да что поделаешь, коли строилось новое — счастливое — будущее советского народа.

В грандиозную стройку вмешалась война с фашистами.

В сорок первом Григорию исполнилось девятнадцать лет, работал слесарем паровозного завода, потому сразу получил броню. Только броня ему не нужна, хотелось на фронт. Не успел. Летом сорок второго фашисты взяли город, и Григорию довелось жить в тяжких условиях.

Оккупанты молодых людей вывозили в Германию, в качестве бесправной рабочей силы. Чтобы не попасться, пришлось ему прятаться в подвале заброшенного дома. Ох, и стыдно было там сидеть да каждого шороха бояться. Однако мать, к тому времени потерявшая мужа и старшего сына, надеясь младшенького спасти, слезно молила его потерпеть.

Может, так и сидел бы Григорий в подвале, если б не расправы над горожанами.

Как известно, немцы не любили евреев. Вывешенное на всех городских столбах распоряжение новой администрации утверждало: «Жыды лишаются всех прав: гражданских, имущественных и других». Евреев обязали носить на рукавах повязки с шестиконечной красной звездой. Им, странное дело, предписывалось: по тротуарам не ходить, передвигаться по булыжной мостовой. В любое время дня и ночи в еврейские жилища врывались немецкие солдаты и местные полицаи, отбирали еще не сданные власти ценности — дорогие украшения, уникальную посуду, мебель, сде-

ланную из редких пород дерева. Словом, жизнь значительной части городского населения висела на волоске.

И вдруг, в начале ноября, власти заявили о намерении перевезти евреев на самолетах в Палестину. Им предписывалось собраться на знаменитом городском стадионе, до войны носившем то же имя — Ворошилова. Каждой перемещаемой семье разрешалось взять с собой лопату для сельских работ, продукты на три дня и вещи весом не более трех килограмм. Большинству евреев, конечно, не хотелось покидать родные места, однако в переезде они видели спасение. Многие полагали: там, в далекой Палестине, обретут они свободу и покой, начнут новую, может даже счастливую, жизнь.

Словом, ранним утром горожане двинулись к назначенному месту. Первые опасения появились у людей, когда подходили к стадиону, территория которого оказалась огороженной колючей проволокой. Вдоль быстро возведенного ограждения расхаживали автоматчики, грозно рычали с трудом удерживаемые черные собаки. У входа стояли грузовики, обтянутые брезентом. Уйти уже не было никакой возможности.

Пришедших загоняли в машины и увозили.

Опасения усилились, когда их привезли на широкое загородное поле. Люди отказывались покидать грузовики. Тогда в машины запустили злобных собак. Испуганные бедолаги, недавно мечтавшие о спасении в Палестине, оказались перед выбором: быть смертельно покусанными или выскочить в неизвестность.

Выскочивших из грузовиков подростков отводили в сторону. Взрослых заставляли раздеваться догола. Тут же полицаи укладывали приличную одежду в коробки, остальную бросали в костер. Солдаты отбирали у страдальцев золотые украшения — цепочки, кольца и серьги. Затем обездоленных и обобранных людей заставляли прыгать в глубокий ров. Маленьких детей выхватывали из рук матерей и бросали в окоп. Взрослых и детей тут же расстреливали. Подростков заставляли закапывать убитых, а затем добивали и их.

Прибывала новая партия и все повторялось. Расстрел протянулся до позднего вечера.

Через два дня расправа повторилась. Хватали и увозили за город тех, кого подозревали в сопротивлении и в непринятии новой власти,— женщин, детей, стариков, больных, евреев, русских, украинцев. Спастись от бойни не мог никто.

Григорий волею судьбы оказался свидетелем убийства горожан.

После материнского рассказа о первой расправе, он решился уйти в партизаны. Ранним утром в темноте, когда готовилась повторная расправа, пробрался по темным улицам, прижимаясь к домам и заборам. Потом продирался сквозь кусты, вдоль оврагов и ям, пригибаясь и припадая к земле. Бежал, согнувшись, полз по земле. Когда рассвело, оказался у кургана, названного Острой Могилой.

В районе этого кургана в Гражданскую войну велись отчаянные бои Красной Армии против белогвардейских отрядов Деникина. Даже окопы сохранились с тех времен. В тогдашнем противостоянии жители Луганска, поддержавшие красноармейцев, выстроились в многокилометровую живую цепь от патронного завода до поля битвы. Женщины, дети и старики передавали друг другу ящики с только что изготовленными патронами. Не было возможности привезти патроны к полю битвы на подводах: из-за долгих проливных дождей дороги превратились в непролазную грязь, и подводы застревали.

В том сражении победу одержали деникинцы, и за несколько дней своей власти они расстреляли на Острой Могиле тех, кто стоял в живой цепи.

Новые хозяева города сюда же свезли на растерзание около двух тысяч человек. Григорий лежал в колючих кустах на пригорке, боясь пошевелиться, опасаясь, что его обнаружат оголтелые псы или опьяневшие от крови и безнаказанности фашисты. Он слышал автоматные очереди, лай собак, истошные крики, просьбы о пощаде, детский плач.

Видел страшную расправу. Фашисты ломали детям руки и ноги, выкалывали глаза, выворачивали шеи, взрослых били, кололи в животы, кромсали лица, у женщин отрезали груди. Обреченно прыгали страдальцы в окопы, тех, кто не мог двигаться из-за произведенного над ними насилия, сбрасывали. После очередного расстрела фашисты добивали раненых единичными выстрелами.

Затем прибывала новая партия. Все повторялось снова и снова до позднего вечера.

Когда в темноте ночи стихли крики и стоны, душегубы покинули место казни. И Григорий поспешил убраться со страшного места. На второй день блуждания по лесу и обезлюдевшим селеньям отыскал партизан в забытом Богом овраге — глухом и темном, поросшем колючим кустарником, и те подивились: парень-то молодой, а виски белые. Седина страха улеглась на его голову.

Как-то само собой получилось, что проживший долгую жизнь Сергей и вернувшийся к прежнему возрасту Григорий перенеслись из пострадавшего села на небольшой остров, омываемый плавно скользящей рекой. На этот остров местные жители редко заплывали, а последние месяцы вообще сюда не заглядывали.

Развели костер. Поставили над ним рогатину, на которую подвесили откуда-то появившийся солдатский котелок. В котелке заварили большую рыбину. Аромат наваристой ухи бил в ноздри.

Словно не было никаких взрывов, смертей, странных превращений и неожиданной встречи. Просто два друга устроились у костра после удачной рыбалки.

Григорий, который никак не мог отойти от случившегося, в основном молчал, сидел и смотрел на траву перед собою. Сергей же, поддерживая друга, взял на себя костер и уху. Подкладывал в огонь толстые сучья, следя за тем, чтобы огонь не стихал, но и не шибко разгорался. Помешивал уху деревянной ложкой, пробовал на вкус.

День медленно клонился к вечеру. Река, блестевшая на солнце, приобрела вечернюю задумчивость и таинственность. Временами из воды выпрыгивали рыбины, охотившиеся на мошкару. Подквакивали загулявшие лягушки. Комары пронзительно высвистывали свои задиристые песни. Солнце спускалось к лесу, раскинувшемуся вдали. Прохладный ветерок то и дело пробегал, проверяя, что творится на отведенной ему островной территории.

Друзья видели и не видели того, что происходит вокруг. Оба находились в мире, раскинувшемся между жизнью и нежизнью. В таком состоянии еще сохраняются человеческие ощущения, слышны звуки и запахи, ощущаются тепло и прохлада, усматриваются детали земной природы. Однако этим ощущениям уже сопутствует потустороннее бесчувствие, свойственное душе, превращающейся в наблюдателя земного мира.

Один сюда пришел из зажизненного пространства, другой — из жизни. И оба не замечали странностей: появления костра, котелка с рыбой, деревянных ложек, буханки хлеба и фляги со спиртом. Все было так, как в далекие военные годы, разве только тишина, не свойственная войне, их окружала.

— Как ты жил, Серега, после войны? — спросил Григорий.

— Да нормально. Как все. Осколочное ранение перенес, как у тебя было. Вернулся в Тамбов,— помолчал, помешивая варево, продолжил.— Это что? Другие пришли с войны без ног, без рук, а я — здоров, как бык. Женился. Татьяна моя — золотая

женщина! Как говорят на Руси: бой-баба. И коня на скаку остановит,— перефразировал он широко известные слова поэта,— и в избу, коль ей надо, войдет. Мы с ней дом поставили, почти в центре города. Вокруг пятиэтажки городские, а мы будто в поселке живем — с садом и огородом. Детей народили. Четверых. Младшая — Светка, твоя, между прочим, бабушка. Она и сейчас в том доме живет.

Сергей хмыкнул, поскольку странное дело получилось: Григорий — и друг его молодости, и внук его дочери.

Вернувшись с войны, рассказывал Сергей, выучился на бухгалтера, устроился на завод. Там и встретил Татьяну. Жили трудно, и все же хорошо. А еще всю свою жизнь помогал он Оксане растить сына.

— Она ведь родила, Оксана твоя,— говорил Сергей, слегка захмелев,— в сентябре родила. Когда ты погиб, вернулась в деревню, сына твоим именем назвала. Замуж так и не вышла. Все шутила: «Где мне такого чубатого сыскать?» Сын твой рос смышленым парнем. Институт закончил, кажется московский, учительствовал в селе. К нам иногда приезжал. Последний раз в девяностом приехал, с женой и с сыном Данилкой. Жену его Ульяной звали. У них трое детей народилось: две дочери, да сын. Ему-то уж сорок исполнилось, когда Данилко родился. Ульяна его с нашей Светкой сдружилась.

На этих словах умолк Сергей. Сбивчиво говорил: спешил скорее другу рассказать, о том, как его родные жили. О своих вспоминал. Светка время от времени ездила под Луганск — в гости к Ульяне с Григорием. Нравилось ей там гостевать, и внучка Галка, Светкина дочка, с Данилкой дружила.

В начале девяностых распался Союз. Украина, как и другие республики, стала отдельным государством. Однако не мешало это дружбе русских и украинцев: многое связывало — и дух славянский, и корни общие, и, главное, осиленное вместе испытание войной.

Тут подошло время его прощания с родными, в середине девяностых ушел Сергей с Земли. Однако своих не оставлял, потому знал, как они дальше жили. В конце века и Татьяна завершила земной путь.

Выросла Светкина дочка, превратилась в красивую девушку. Еще в школе увлеклась спортом, лучшей лыжницей города стала. Как-то приехал в Тамбов Данило, и увез Галку к себе.

В селе к Галке относились по-доброму. Однако за пределами села все чаще сталкивалась она с неприязнью. Слышала обидные слова о том, что русские — лентяи, грязнули, что все хотят загарбати, то есть заграбастать, даже Крым. Только украинцы, говорили ей, свой Крым ни за что москалям не отдадут. Возмущалась Галина такими разговорами, горячилась, доказывала мужу, что Крым еще в восемнадцатом веке, при матушке Екатерине, кровью русских солдат полит был, что Севастополь — исконно русский город.

— Ти, Галка,— останавливал ее Данило,— не гарячкуй. Все владнаеться. Яка ризниця, чий Крим? Не у чужих вин. Про Севастополь ми домовилися. Там российский флот стоить.

Успокаивал он жену, однако и сам не понимал, как случилось, что между русскими и украинцами вражда образовалась. В трудный момент решился выступить против тех, кто вражду, как он думал, усиливал.

Понятен этот поступок Сергею. Горячо переживает он последствия той вражды. Здесь, в украинском селе, сегодня завершили земной путь его внучка и правнук, в теле которого обреталась душа фронтового друга. С правнуком-другом он встретился, чтобы поддержать того во время перехода в зажизненный мир. С внучкой встретиться нельзя: тело ее полностью уничтожено снарядом. Придется душе какое-то время искать подходящее тело, чтобы по земле пройтись и с землею проститься.

Григорию повезло. Его прежнее тело как раз на этом острове уложено. И хотя много лет с тех пор прошло, энергетика того тела сильна, потому и держит его еще на Земле.

Григорий, слушая друга, размышлял. Он понял, что перед ним близкий человек, вернее душа, обретшая ради него прежний земной облик. Но почему друг не только о нем помнит, но и знает о том, как жилось людям после его ухода с Земли, тогда как он, Григорий, ничего о своих родных не знает и не помнит?

Однако постепенно, слушая знакомый голос и внимая другу, он и сам начал вспоминать то, что с ним в прошлой земной жизни происходило, и то, что видел он после жизни.

Оксана — чуть полноватая девушка с льняными косами и голубыми глазами — выделила Григория сразу, как появился тот в отряде. Девушка к тому времени набралась опыта партизанской жизни, знала, за каким кустом прятаться, как по лесу передвигаться, умела любого разговорить да нужные сведения выспросить, остановить кровь, промыть и перевязать рану, развести костер в зимнем лесу, приготовить суп из лесных кореньев. Словом, она покорила его умением приспособиться к любым, даже самым непереносимым условия.

В деревне, давно занятой фашистами, осталась ее мать. Старшую сестру Оксаны изнасиловали и убили, и мать вековала одна, боясь фашистского сапога да гибели младшей дочери, выпрашивая у Бога защиты ей, себе и всем честным людям.

К тому же девушка была на год старше Григория, а год жизни в то время равнялся нескольким, так что он быстро смирился с ее главенством в их молодом союзе. Месяц отвела им жизнь на пристройку друг к другу. Присматривались, прилаживались, спорили, отстаивали свою независимость, однако оба чувствовали прилив крови, прогон энергетического тока по телу.

Жили партизаны в землянках, вырытых на склоне оврага. В каждой землянке обитало человек по пять-шесть. Спали на деревянных лежаках, установленных в два этажа. В середине жилища, как правило, стоял стол, сделанный из толстого чурбана, перевернутой бочки или из снарядных ящиков. Посуду и другой необходимый для жизни скарб добывали, кто где мог: приносили из дома, заимствовали у местных жителей. Много ли надо партизану в его боевой жизни? Главное, чтобы было, где выспаться и отогреться.

Для обогрева мастерили самодельные печи из больших стальных бочек. Бочку устанавливали вверх дном. В дне, упиравшемся в земляной потолок, налаживали дырку для дымохода. Под бочкой, поднятой на камни, разжигали костер из хвороста. Костер разогревал стенки бочки, и когда те накалялись, в землянке становилось тепло, и даже уютно.

Иной раз забредали к деревенским жителям. И хотя это было опасно, никто не отказывался передохнуть от лесной жизни, а если повезет, то и помыться-почиститься. Главное, вовремя заметить опасность и скрыться.

Согревала партизан и простая крестьянская одежда — тулуп да штаны. К ним добавлялись груботканая рубаха, шерстяной свитер да вязаная кофта. Валенки носили особые — с резиной на подошве: и тепло, и непромокаемо. Резину вырезали с разбитой автомобильной шины. Не брезговали также шинелями и сапогами, снятыми с убитых фрицев.

Отряд, который разыскал Григорий, оказался небольшим: всего-то человек двадцать. Среди них четыре женщины: две в возрасте — тетка Павлина и Пелагея Даниловна, молодуха Таисия и Оксана. Павлина и Пелагея пришли в отряд из сожженных фашистами деревень. Фашисты и семьи их уничтожили. Таисия — женщина город-

ская, в начале войны проводила мужа на фронт, через полгода получила извещение о его гибели и ушла в партизаны: мстить фашистам за свою одинокую жизнь.

Оксана среди женщин отряда оказалась самой молодой. Конечно, мужики на нее заглядывались, только девушка никого к себе не подпускала, отделываясь от навязчивых поклонников, где шуткой, где строгим разговором о том, что идет война и некогда непотребством заниматься, где кулаком, который у нее славился такой же крепостью, как и слово.

Мужская часть отряда в основном состояла из сельских жителей, хотя были и городские. Собрались люди, не желавшие подчиняться новой власти. Но и возвращения прежней — советской — власти не все желали. Противником этого возвращения оказался бывший зек — Николай Евгеньевич, отсидевший по пятьдесят восьмой статье за антисоветскую деятельность, а теперь сражавшийся в отряде. Прибился к партизанам карманник-виртуоз, назвавшийся Альбертом. Накануне войны его посадили за кражу, хотя дело о краже не было доказано. В первый месяц войны, когда в тюрьмах усилили режим досмотра за заключенными, Альберт умудрился сбежать. Как — не рассказывал: он вообще мало о себе говорил, еще в мирной жизни привыкнув никому не доверяться. Николай Евгеньевич и Альберт — разные во взглядах и в условиях прежней жизни, теперь объединились и вели с остальными жаркие споры о будущей послевоенной жизни, о трагичных ошибках советской власти.

Прибились к отряду два солдата — молодой Серега да опытный в боевых делах Петр Иванович. Их батальон был уничтожен полностью в июле сорок второго года под Ворошиловградом, пробиться к своим оказалось невозможным из-за быстрого продвижения захватчиков. Вместе выбирались они из окружения. Оба — ярые защитники советской власти.

Серега ушел на войну сразу, только школу окончил. Отец его в гражданскую сражался в Тамбовских лесах с эсерами, звавшими себя антоновцами, по имени своего главаря Александра Антонова, сумевшего привлечь на свою сторону широкие слои крестьянского населения. Крестьяне, не согласные отдавать советской власти последнее зерно, оставленное на посев, вступали в «союзы трудового крестьянства», поддерживая антоновские лозунги «Долой продразверстку!», «Да здравствует свободная торговля!».

Отец Сереги гордился своим участием в разгроме антоновцев, сына воспитывал в духе преданности советской власти, готовя к борьбе за правое дело рабочего класса. «Это ж надо,— не раз возмущался он,— свободы захотели! Торговать, значит, им хочется. А Советска власть, значит, пусть гибнет! Да я их вот этими руками,— он подставлял к лицу сына мощные кулаки,— всех передушу». Отец был героем советского времени, в сорок первом ушел в ополчение, да вскоре погиб. Память о нем определяла все действия Сереги, готового бить врагов советской власти и в Красной Армии, и в партизанском отряде.

Петр Иванович, которого в отряде звали Иванычем, Гражданскую войну встретил пятнадцатилетним пацаном, потому военного опыта того времени не имел, зато обладал мощной силой убеждения заводского рабочего, до войны вступил в партию коммунистов и теперь яро защищал идеи и дело партии.

Остальные партизаны — жители близлежащих сел и деревень, занятых фашистами,— пришли в отряд по разным причинам. Кому-то некуда было деться, поскольку фашисты уничтожили все, что они прежде наживали и берегли, кто-то мстил за близких, погибших и расстрелянных, кто-то сам спасался от расстрела.

Не все партизаны участвовали в политических спорах, предпочитая отмалчиваться в беседах, которые вели командир Василь Лукич да Иваныч. Однако все понимали: новая власть их уничтожит. Потому и боролись своими малыми силами против

огромной военной бездушной германской машины. Добывали нужные сведения для Красной Армии, поджигали немецкие склады, подрывали на мостах и дорогах грузовики, нападали на одиночных противников или ввязывались в бой с небольшими отрядами врага.

Поскольку фашисты постоянно выискивали партизан, приходилось менять место лагеря, однако из родного края не уходили.

В таких условиях, совсем не приспособленных для романтичных отношений, между Оксаной и Григорием возник взаимный интерес. Кто знает, что повлияло больше — тяга ли взрослеющего парня к проявлению мужской силы, его боязнь погибнуть и не оставить на земле своего следа, жалость ли девушки к загубленной молодости и к несуразному парню, который ничего не умеет, но быстро осваивается? А может, встретились блеск голубых и пыл карих глаз, схлестнувшись в наземном пространстве? А может, тоска обоих по нормальной человеческой жизни? Кто знает, что виною сильному чувству?

Как-то партизаны отправились на задание: пустить под откос очередной состав с топливом для фашистских танков. Григорий, подвернувший ногу, остался на хозяйстве. Он-то, конечно, рвался со всеми. Только командир сказал, как отрезал:

— Куды ж ты пойдешь, Грицко? Ты це, пройдешь пару километров, а потом тебя нести доведется? Нет уж. Геройствовать в другоряд будешь.

— Так я, Василь Лукич, дойду. Вот, глядите,— Григорий прошелся строевым шагом, как он себе этот шаг представлял, высоко над землей поднимая одну, потом другую ноги, при этом широко размахивая руками.— И взрывчатку я быстрей всех уложу под рельс, вы ж знаете.

— Ты це, гусаком тут не выхаживай. Сказал — остаться. Так останешься.— Командир посмотрел в сторону женской землянки, от которой Оксана двинулась с ведром к ручью, протекавшему на дне оврага, и строго велел.— Ты це, бабам зроби баню. Вони ж який день просют. Воды им наноси, баню растопи вон в той землянце,— он показал рукой на землянку, которая ближе других стояла к женской.— Хай там моются.

Отряд ушел, и Григорий, ругая себя за неосторожность, заставившую остаться в лагере, приступил к выполнению полученного задания. Под нескончаемые шутки женщин, которые в душе радовались мужской подмоге, притащил в землянку большую бочку и залил ее водой.

Пока он носил воду из ручья, бабы подначивали:

— О-то, печник ты наш драгоценный,— по-доброму оценивала заготовку бани тетка Павлина.

— Ты б с нами чуток попарился бы,— вторила ей Пелагея Даниловна,— мы б тебе спинку поскребли.

— Да он в нашей помощи не нуждается, бабоньки,— подхватывала Таисия,— ему Оксана люба.

Оксана же молчала, слов не находила. Да и понимала бабью хворь. Одиночество, беда — как их снимешь? Разве что шуткой.

Григорий тоже молчал, лишь ходил с ведрами от землянки к ручью. В мирные времена к этому ручью спешили местные жители, убежденные в святости воды, пробивавшейся из потайных подземных родников. Богом людям дареная, потому и не замерзает даже зимой. О Боге не говорили: советская власть этого не любила. Повсюду велась атеистическая пропаганда, да каждый житель, живший здесь с дореволюционных времен, верил: Господь через ту воду беду от людей отводит.

Бочка, наполненная водой, стояла на камнях, между которыми горел жаркий костер из веток. Чтобы дым не мучил, наломал Григорий для костра с деревьев сухие ветви. Оттого дым шел светлый и почти незаметный.

Женщины укрылись в банной землянке, и время от времени до него, сидевшего на всякий случай неподалеку, доносились веселые голоса и даже смех. Так давно он не слышал смеха! Возникло ощущение мирной жизни, показалось, что это он с одноклассниками оказался в походе, и нет никакой войны. Даже появилась шальная мысль: подглядеть бабью помывку. Разозлился на себя за такие мысли, плюнул в сердцах и ушел в свою землянку.

Землянки стояли одна от другой метрах в тридцати, его жилище располагалось на одном конце лагеря, а женское — на другом, так что прошел он метров шестьдесят, продрался сквозь колючие и густые кусты. Улегся на нары, запрокинув руки за голову. Около часу так провалялся. А потом пришла мысль: он же тоже может помыться, наверняка вода осталась.

Встал и отправился к самодельной бане. Увидев, что женщины скрылись в своей землянке, обрадовался: они ушли, и он им не помешает. Поспешил. Открыл дверь, сколоченную из жердей в два слоя, с брезентом посреди, утепленным сеном. Вошел в полутемное помещение, освещавшееся притухающим костром. Быстро начал раздеваться.

В дальнем углу за бочкой раздался шорох. Направил туда взгляд.

Там стояла Оксана. Голая. Девушка неловко прикрыла одной рукой грудь, другой — тайное женское место, куда стремится всякий мужчина, оказавшийся с женщиной наедине.

Оба застыли в молчании. Кровь прилила к лицу Григория, взбурлила во всех его членах, однако оторопь заставила парня стоять недвижно.

Вдруг Оксана откинула руки от притягательных частей своего красивого и сильного тела, решительно подошла к нему.

Григорий, находившийся теперь на речном острове, при этом воспоминании почувствовал Оксанино дыхание, жар ее молодого плотного тела, услышал девичий шепот: «Гриша, Гришенька, коханий мий!» Невозможно чувствовать, однако он ощутил свою тогдашнюю истому, невероятную силу всех членов, особенно того, что дает мужчине чин мужа. Секунда, другая, и ощущение мужской силы исчезло. Такую вот игру строит с ним время перехода из мира земного в зажизненный.

Тогда же эта сила не уходила, она бурлила в молодом теле, перетекала в женское тело и возвращалась назад, увеличенная раз в десять.

Григорий оказался неумелым в мужском стремлении овладения прекрасным женским телом. И Оксана, тоже неопытная, но интуитивно чувствовавшая, что и как надо делать, повела Григория тропами любви, мягко проводя своей рукой по его телу, касаясь его тела своим, отклоняясь и прижимаясь. Она взяла его руку и повела ею по своей груди и по животу.

Оксана сразу превратилась в женщину, и эта женщина знала: перед ней стоит ее мужчина, он проживет с ней всю жизнь. Но может и погибнуть вскоре. Он должен узнать любовь, ощутить мужскую истому, принять на себя состояние мужчины. Сегодня их венчальная баня. Не в церкви, не в городском загсе, а в самодельной бане партизанского лагеря они стали мужем и женой.

Женщина поняла и приняла мужчину. Мужчина откликнулся на плотский зов женщины. Развернулся любовный жар, и оба ощутили счастье.

Однако следовало дальше жить по заведенному в отряде порядку. И хотя все знали, что произошло между молодыми людьми, их отношения внешне сохранялись прежними: он — боец партизанского отряда, и она — такой же боец.

В новогоднюю ночь сорок третьего (кто ж не заметит такой сказочной ночи?), когда наступило в боевой жизни затишье (видно, и немцы не чужды особого отношения к ночи, несущей человечеству новый год и новые надежды), когда партизаны

опорожнили кружки с самогоном (его-то гнали сельчане в любую пору, в любых испытаниях) и со спиртом, украденным с немецкого склада, и все, кроме постовых, укрылись в крепком сне, в ту ночь Григорий и Оксана снова были вместе. Судьбоносная сила провернула сложное дело, дав им два часа особого чувствования, чтобы зародилась в теле молодой женщины новая жизнь.

Счастливые своей близостью, они не видели, что происходило с Серегой. Ему пришлась по сердцу Оксана в тот летний вечер, когда изможденный и обессиленный он, вместе со своим фронтовым товарищем, оказался в отряде. Болели сбитые в долгой дороге ноги, гноилась рана на руке, чесалось потное тело, мучила жажда, и девушка протянула ему кружку холодной воды. В той воде оказалась заговорная сила. Когда Серега оторвался от кружки и поднял глаза, первое, что он увидел,— васильковая голубизна девичьих глаз. С тех пор, чтобы ни делал, выбирался ли из трудной переделки, уходил ли от преследователей, обустраивал ли землянку, вел ли разговоры с сельчанами, к которым забредал, спорил ли, мечтал ли, стрелял ли, в сон ли проваливался, эти глаза светили ему яркими звездами.

Он сразу догадался об отношениях Григория и Оксаны. Поначалу обиделся, стал резким и грубым. Потом обнаружил, что девушка похорошела, приобрела мягкость движений и слов. Обида быстро ушла. Партизанская дружба-служба оказалась сильнее. Они с Григорием несколько раз бывали в таких переделках, после которых навечно становишься друг другу корешом. Просто, решил Серега, Оксана — не его судьба. Его судьба живет в далеком мирном времени: там он ее встретит и не будет преграды между ними. Надо только разбить врага и вернуться домой.

В середине февраля Красная Армия освободила Ворошиловград. Радость переполняла сердца: скоро-скоро оккупанты будут выбиты с родной земли. Однако фронт внезапно остановился. Наряду с радостью и ожиданием полного освобождения усложнилась жизнь партизан, да и местных жителей. Фашисты усилили поиски сторонников и помощников Красной Армии.

В раннее мартовское утро к партизанскому лагерю подобрался отряд фашистов. Часовых резанули ножами по горлу: те даже звука не подали. Резко открыв дверь первой землянки, захватчики бросили гранату и прошили темное помещение автоматной очередью. Женщины и подняться с лежаков не успели.

Также быстро расправились с остальными. Только жильцы последней землянки, с противоположного от женского обиталища края, сумели уйти из лагеря. Фрицы сюда не сразу подобрались. Однако в перестрелке, развернувшейся в ходе преследования, двоих убило, спаслись лишь Альберт и Иваныч.

В то утро Оксана, Григорий и Сергей возвращались с задания. Они собрали сведения о расположении немецких группировок, заодно добыли для отряда продукты. До лагеря оставалось ходьбы минут пятнадцать, когда раздались взрыв и автоматная очередь. Остановились.

— В лагерь нельзя,— прошептал Серега.

— А как же наши? — не согласилась Оксана.

— Мы их не спасем, уходить надо,— заверил Серега.— Ты как? — спросил он друга.

— Уходим,— поддержал Григорий.

— Вы что? Испугались, вояки?

Оксана рванулась к лагерю. Однако сразу остановилась, поскольку снова раздались взрывы и автоматные выстрелы. Когда наступила тишина, стало окончательно ясно: надо спешно уходить.

Они отступили. Спустя полчаса их нагнали Альберт и Иваныч.

Развернулся бешеный гон. Преимущество партизан состояло в том, что они знали каждый куст и каждую ложбину окрестности, умело проходили по скользким тропам, знали, куда эти тропы ведут. Но и преследователи поначалу не отставали, не прекращая стрельбы.

Впереди замаячила река, и партизаны решили переправиться на другой берег, полагая, что фашисты в холодную воду не полезут.

— Вперед, вперед, скидавайте одежу,— командовал Иваныч, взявший на себя руководство группой.

— Ты что, Иваныч, заморозить хочешь? — спросил Альберт.

— Это поначалу вода холодная, быстро привыкнешь,— ответил тот.— Вон, гляди, Оксана уж поплыла.

Девушка и впрямь скользила по воде, временами поглядывая на Серегу, который старался не отставать. В воду бросился Григорий, за ним Альберт и Иваныч. Плыли к острову. Движению помогало течение, но затрудняло то, что каждый в одной руке держал скатанную одежду. Когда доплыли до середины реки, на берег выскочили преследователи и развернули по ним пальбу.

Пуля пробила Альберту голову, и тот, захлебнувшись, пошел на дно. Другая пуля тяжело ранила Григория — ударила в спину и выскочила из груди. Серега, плывший рядом, успел подхватить друга. Их темп сразу замедлился. Замедлила движение и Оксана.

— Не останавливайся! Плыви! — крикнул ей Серега.

— Давай, девка! — грозно заорал Иваныч.

Девушка усилила движения руками, хотя то и дело оглядывалась на пловцов. Рядом с ней плыл Иваныч, подгоняя и требуя не снижать темпа.

Немцы прекратили преследование, решив, по всей видимости, что партизаны замерзнут в холодной воде и утонут, либо околеют на берегу. Зачем на них тратить патроны и время? Развернулись и скрылись из виду.

Когда пловцы выбрались на остров, дрожа и синея от холода, Иваныч тут же скомандовал: «Идем! Идем быстро!». Он и Серега подхватили под руки раненого Григория, понесли его вглубь острова, густо поросшего деревьями. Оксана спешила за ними.

Через несколько минут Иваныч сказал: «Пришли».

Он отвалил деревянный настил, покрытый землей и заваленный кучей веток, достал из открывшейся ямы два сидора, развязал и достал из них штаны и фуфайки: как раз на четверых. Велел одеться. Из того же тайника достал бутыль самогона и солдатские кружки. Разлил, протянул беглецам, сказав: «Для сугреву». Все выпили, ощутив разлившееся по телу тепло.

На небольшой поляне, что раскинулась недалеко от схрона, развели костер, установили рядом палки-рогатины и развесили мокрую одежду.

Григорий лежал совсем близко от костра, но согреться не мог и все просил, чтобы его чем-то накрыли. Оксана сидела рядом, положив его голову на колени и держа за руку. Пытаясь согреть раненого, она укрыла его своей фуфайкой, затем легла рядом и обняла, прижавшись. Тем не менее, он ощущал усиление холода. Боли уже не чувствовал, лицо покрыла бледность, слабость постепенно захватила все части тела, не давая двинуть ни рукой, ни ногой. Никак не мог сделать глубокий вдох, и задыхался, пытался короткими и быстрыми вдохами вобрать в себя необходимый воздух. Участившееся дыхание тоже приносило боль. Из груди рвались хрипы, а на губах собралась кровавая пена. Через пару часов он умер.

И снова Григорий, вспоминая тот уход с земли, ощутил резкую боль в спине и в груди, разливающийся по телу холод, удушье и невозможность двинуться. Он сидел

у костра, разведенного Сергеем, однако находился в состоянии человека, который умирал, лежа на земле.

— Похоронили тебя здесь, на острове,— рассказывал Сергей,— в той же яме, в схроне Петра Иваныча. Тот предусмотрительно подготовился к отходу из лагеря и создал на острове небольшой запас продуктов и одежды. Тем нас и спас. Конечно, мы поспешили отсюда выбраться. Прошли по броду с другой стороны острова. Петр Иваныч и это предусмотрел.

Сергей замолчал. Что рассказывать? Оксана ни жива, ни мертва, даже слезинки не проронила. К тому же простудилась. Почти безжизненную увели ее с острова. Пристроили на временное жилье к старой хозяйке, что одна жила в глухой деревушке.

Оставив Оксану, отправились к линии фронта. Ночью перебрались к своим. Недели две объяснялись с особистом воинской части: откуда пришли, почему отряд разгромлен, кто предал, где прятались. Все же им поверили, отправили в тыл, а потом и дальше воевать.

С тех пор Сергей с Петром Иванычем не встречался, но всегда с благодарностью выпивал рюмку водки за его здоровье.

После войны отыскал родное село Оксаны, про которое еще в отряде узнал. Встретился с ней и Гришу — трехлетнего мальца — увидел. Понял тогда, что Оксана Григория навсегда помнит и любит.

Раннее июльское утро. Солнце осветило остров, пронзив деревья жаркими лучами. Высоко над островом голубело безоблачное небо. Безветренный воздух насыщался ароматами трав. Щебетали птицы и жужжали шмели, время от времени нарушая тишину. В траве местами краснели ягоды земляники, словно капельки крови, разбрызганные по земле.

В центре небольшой поляны мерцала огнями недогоревших поленьев и веток костровая площадка.

Вокруг никого не видно.

За пределами острова от бомбежек гибли люди.

Ярослав Брагин
(г. Тула)

ЗЕМЛЯ В ДЫМУ

Земля в дыму. Идет война в Донбассе.
Нацисты вновь на Русь идут ордой.
Бывает ли еще кого опасней
Предавший брат, тем более родной?!

Земля в дыму — горят поля и хаты,
Снаряды рвут на части города!
Ребята русские, украинцы — солдаты:
Но кто для славы, кто-то для суда.

Земля в дыму. Тот дым тяжел и горек —
Цветущий край с трудом я узнаю,—
Одни несут с собою смерть и горе,
Другим бы волю отстоять свою.

Земля в дыму! Она века не знала
Орды опасней, злее и страшней.
Предавший брат — жесточе нет вандала.
Простивший же — нет воина слабей!

Земля в дыму, товарищ ополченец,
И смерть снарядом залетает в дом!
По-братски рядом русский и чеченец,
И украинец — кончить сей содом!

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

ВКУС ХЛЕБА

Член Союза писателей России, лауреат литературной премии имени Н. С. Лескова «Левша»

Александру Владимировичу Беляеву,
его величеству землепашцу и хлеборобу,
моему идейному вдохновителю, посвящаю
этот рассказ...

Автобус, урча мотором, плавно остановился и, фыркнув, открыл двери.

— Конечная остановка, автовокзал! — объявила кондуктор, и в салоне началась суетливость.

Федор Михайлович Чернов, пятидесяти с лишним лет от роду, небольшого роста и худощавого телосложения, из автобуса выходил последним. Подхватил с пола свой нехитрый скарб — две небольшие хозяйственные сумки и, по своей деревенской простоте и доверчивости, уважительного отношения к людям, склонил перед кондуктором голову.

— Спасибо тебе, хозяйка! — произнес он.

— Это за что же, спасибо-то? — удивилась она.

— За то, что доставила нас в целости и сохранности,— улыбнулся Федор, обнажив желтые от никотина зубы.

— А-а! — отмахнулась от него рукой кондуктор.— Это ты не мне, а водителю «спасибо» говори, это он, а не я автобусом управляла.

— И ему тоже — спасибо огромное,— вновь улыбнулся Федор.

Кондуктор тоже улыбнулась в ответ и с каким-то интересом взглянула на странного, как ей показалось, пассажира.

С последнего приезда Федора Михайловича к дочери прошло больше года, и город за это время заметно изменился. Вокруг здания автовокзала появились новые постройки, в основном это были торговые центры. Территория автовокзала теперь была обнесена витиеватой металлической изгородью, с небольшими, словно деревен-

ские калитки, проходами. При подъезде к автовокзалу был сооружен шлагбаум, который то и дело при каждом въезде и выезде автотранспорта открывал сидевший в небольшой будке охранник. Да и сам автовокзал преобразился. Большие во всю стену окна, из-за которых он был похожим на огромный аквариум, теперь были заложены кирпичом с оставленными вверху небольшими, словно бойницы в крепостной стене, окошками. Вся стена автовокзала была украшена рекламными вывесками, с которых на Федора Михайловича сыпались различные лекарственные препараты, лился Алтайский мед, и смотрела лукавым взглядом, показывая ровные, отдающие сверкающей белизной зубы, державшая в руках тюбик с зубной пастой симпатичная блондинка. Над пластиковыми дверьми у входа в здание автовокзала в стену были вмонтированы электронные часы, цифры которых показывали, что уже наступил полдень. День был теплым, и летнее июльское солнце радужно переливалось своими лучами в безоблачном голубом небе.

Федор Михайлович взглянул на небо и, радуясь погожему деньку, а еще больше от предстоящей встречи с дочерью, зятем и внуками, улыбнулся. У него было прекрасное настроение, которое даже не портило то, что ему после часовой поездки на автобусе очень сильно захотелось покурить. «Перекурю перед дорогой, а потом пойду к своим»,— решил он, доставая из кармана пиджака пачку сигарет и зажигалку. Затем удобно присев на лавочку, на которой пассажиры ожидали автобус, с удовольствием задымил. Федор Михайлович почти уже докурил сигарету и хотел было идти, как вдруг перед ним, словно из-под земли, выросли две фигуры в новенькой темного цвета полицейской форме. Полицейскими были молодой парень лет примерно двадцати пяти с сержантскими лычками на погонах и такая же молодая девушка с погонами младшего лейтенанта в лихо заломленной на затылке пилотке и длинными распущенными по плечам черными волосами. У парня на ремне висела кобура с пистолетом, резиновая дубинка, наручники, баллончик со слезоточивым газом и небольшая переносная радиостанция. Девушка держала в руках папку.

— Гражданин, вы почему курите в неположенном месте? — напустив на себя строгий вид, спросил полицейский, глядя при этом не на Федора Михайловича, а на тлеющий в его руке окурок.

— Как это — в неположенном месте? — удивился тот.

— Как, как? Обыкновенно, вот как! Около автовокзала курить нельзя!— невпопад ответил полицейский.

— Это почему же? Он что, этот ваш автовокзал, взрывоопасный, если около него курить нельзя?— ухмыльнулся Федор Михайлович.

— Нет, он не взрывоопасный. Просто вблизи автовокзала курить запрещено,— ответил полицейский.

— Есть указ президента, в соответствии с которым запрещено курение в определенных местах. К таким местам относится и автовокзал,— начала доходчиво, с расстановкой каждого слова, громко и внятно объяснять девушка-полицейский.

Федор Михайлович смутился. Он погасил сигарету, хотел было бросить ее в урну, но урны поблизости не оказалось, и он стал держать потухший и скомканный окурок в руке, боясь в присутствии полицейских бросить его на землю.

— Документики ваши предъявите, пожалуйста,— вежливо, но в то же самое время тоном, не терпящим возражений, потребовал полицейский.

— У меня нет с собой никаких документов,— ответил Федор Михайлович.

— Как это — нет? — удивился полицейский.

— А зачем они мне? Таскать их с собой, пока не потерял где-нибудь? У меня дочь с семьей на Новой улице живет, вот я к ним и приехал.

Сказав это, Федор Михайлович поднялся с лавочки, отбросил незаметно окурок и подхватил в руки свои сумки.

— Пора мне идти, я тут и присел-то на минутку, перекурить,— проговорил он и засобирался идти, но полицейский преградил ему дорогу.

— А вас, гражданин, никто не отпускал. Пройдемте в здание автовокзала,— потребовал он.

— Это зачем же туда идти?

— Для установления вашей личности.

— А чего ее эту личность устанавливать-то?! Я вам и так скажу, кто я: Чернов Федор Михайлович.

— Раз у вас при себе нет никаких документов, мы будем устанавливать вашу личность. Мы же не знаем, Чернов вы на самом деле или какой-нибудь Белов?!

— А зачем вам понадобилась моя личность?

— Мы будем на вас составлять протокол за курение в неположенном месте,— вступила в разговор девушка-полицейский, указывая при этом тонким длинным пальцем с накрашенным ногтем на свою папку.

— За что?! Что я такого совершил?! Я что, убил кого-нибудь или ограбил?! Или что-то украл?! Я полдня в дороге был, с автобуса на автобус пересаживался, перекурить некогда было, только присел! — начал горячо объяснять полицейским Федор Михайлович. Сложившаяся ситуация ему начинала уже не нравиться, от прекрасного настроения не осталось и следа, вдобавок ко всему, он начинал нервничать.

— Вы, гражданин, успокойтесь, не надо кричать. Вы нарушили закон и за это должны быть наказаны,— вновь заговорила девушка-полицейский.

— Да кто ты такая, чтобы меня наказывать?! У меня дочь постарше тебя будет... нашлась тут! — Федор Михайлович зло смерил девушку взглядом. Он уже не мог сдерживать своих эмоций. Ему вдруг стало очень обидно за себя. За то, что он гражданин своей страны, не совершивший в жизни ничего преступного, вырастивший и воспитавший взрослую дочь, доживший до седин, дед двоих внуков, простой сельский труженик не имеет право выкурить на улице сигарету.

— А вы мне не тычьте, я с вами на «вы» разговариваю,— обиженно поджала губы девушка-полицейский.

— Гражданин, пройдемте, пройдемте,— вновь потребовал полицейский и крепко взял Федора Михайловича за локоть.

— Не трогай меня! — зло прикрикнул на него Федор и силой освободил свою руку.

— Неповиновение оказываете, гражданин? А вы знаете, что за это можете пятнадцать суток получить? — ухмыльнулся полицейский.

— Да ты меня не пугай, я — пуганый уже! — Федора несло все больше и больше.— Товарищи, посмотрите, что делается?! Я из деревни к дочери приехал, а меня ни за что, ни про что, хватают на улице и забирают! — закричал он, обращаясь к стоявшим рядом людям.

— Что вы себе позволяете?! Обнаглели совсем! Вместо того чтобы убийц или террористов ловить, честных людей хватаете! — сверкая на солнце из-под шляпки солнцезащитными очками, вступилась за Федора полная женщина.

«Да они этих террористов сами боятся!», «Что вы его хватаете, для плана что ли?», «Сталинщину устраиваете, сейчас вам не тридцать седьмой год!» — стали раздаваться недовольные голоса.

Видя недовольство и нападки со стороны людей, полицейский снял рацию и вызвал экипаж. Вскоре подъехал серый с синими полосами на борту уазик, из которого вышли еще двое полицейских, один из которых был огромного роста и с погонами прапорщика на широких плечах.

— Во, видали? Как быстро этот верзила приехал простого мужика забирать, а

людей будут убивать, их не дождешься! — все не могла угомониться полная женщина, но полицейские на нее не обращали никакого внимания.

— Так, мужик, ну-ка быстро залез в машину! Будешь сопротивляться, имею право применить силу или спецсредства! — пригрозил «верзила» Федору Михайловичу, указывая при этом на висевшую у него на ремне, резиновую дубинку. Тот покорно влез в машину и спустя четверть часа его завели в дежурную часть полиции.

В дежурке было многолюдно и шумно. Сновали туда-сюда какие-то люди в форменной и гражданской одежде, брали у дежурного или наоборот отдавали ему какие-то документы. Постоянно звонили телефоны и дежурный, прежде чем ответить, требовал ото всех соблюдения тишины, но гвалт не прекращался. У стены стояла заплаканная женщина и что-то рассказывала сотруднику, а тот записывал в блокнот. В углу комнаты сидели на небольшом диванчике трое пьяных задержанных парней. Их одежды в некоторых местах были разорваны, грязные и испачканы кровью. Они громко матерились и обзывали полицейских. Один из них встал с диванчика и направился к дежурному, но стоявший рядом с ними и охранявший их полицейский силой усадил его на место.

— Вы заколебали уже! Я в туалет хочу! Сейчас тут нужду справлю! — начал кричать парень.

— Егоров, да заткни ты ему рот! Я из-за него постоянно по телефону ничего не слышу! — вспылил дежурный, обращаясь к охранявшему парней полицейскому, зажимая при этом ладонью мембрану телефонной трубки.

Наконец-то очередь дошла до Федора Михайловича.

— Этого откуда привезли и за что? — спросил он у стоявшего рядом с Федором доставившего его широкоплечего прапорщика.

— С автовокзала, неповиновение наряду оказывал,— ответил тот.

— Ты кто такой? — прикрикнул на Федора Михайловича дежурный. Он буравил его уставшим взглядом серых глаз. Его круглое полноватое лицо с ямочкой на подбородке то ли от того, что он нервничал, то ли от духоты было красным, на большом с залысинами лбу выступили капли пота.

— Я к дочери в гости приехал из деревни и около автовокзала покурил,— ответил Федор Михайлович.

— Судим? — вновь задал вопрос дежурный.

— Никак нет, товарищ капитан,— по военному ответил Федор, обратившись к дежурному по званию. За те пятнадцать минут, что его везли в машине, он уже успел немного успокоиться и взять себя в руки. А сейчас, попав в непривычную для себя сложную обстановку, был растерян.— Никак нет,— вновь повторил он.

— А тогда чего корячишься, раз «никак нет»? Тут без тебя работы хватает. Вон погляди,— капитан указал рукой на задержанных парней, которые продолжали материться,— гражданина ограбили и избили, его сейчас в больницу отвезли. Не подъехай вовремя полиция, наверно, убили бы. А такие, как ты, нам только работать мешают! Отвлекают нас, заставляют экипажи с маршрутов дергать по пустякам! Понимаешь ли ты это или нет?

— Дак, зачем же вы меня сюда привезли, как террориста какого-нибудь, и разбираетесь со мной, раз вам некогда? — неподдельно удивился Федор Михайлович.

— А мы вот сейчас проверим, террорист ты или не террорист? — проговорил сержант полиции, стоявший до этого молча.— Что у тебя там, в сумке-то, не бомба ли? — спросил он и бесцеремонно стал осматривать содержимое сумки, перекладывая в ней все с места на место.

— Королев, а ну, отставить! — прикрикнул на него капитан.— Да заткните вы им рты, чтобы они не орали! — закричал капитан, переведя свой взгляд на продолжав-

ших шуметь и материться задержанных парней.— Иди, Королев, лучше помоги Егорову этих балбесов угомонить, чем по чужим сумкам лазить!

В этот момент в дежурку зашел невысокого роста, коренастый, лет примерно тридцати пяти, полковник. И по тому, как все полицейские вытянулись перед ним по струнке, а дежурный направился к нему с докладом, Федор Михайлович понял, что это начальник полиции.

— Кто эти шумные господа? — спросил полковник, указывая кивком головы на пьяных парней.

— Это задержанные за ограбление и нанесение побоев, я вам докладывал по телефону. Ждем следователя, он сейчас в больницу выехал к потерпевшему, а потом будет разбираться с этими,— дежурный указал на задержанных парней.

— Так посадите их пока в «обезьянник», что же они здесь расшумелись! — приказал полковник.

— Товарищ полковник, разрешите обратиться? — Федор Михайлович подошел к начальнику.— Разрешите с вами переговорить; меня ни за что забрали. Я из деревни к дочери приехал в гости, закурил около автовокзала, а меня забрали. Разберитесь, товарищ начальник.

— За что задержан гражданин? — спросил полковник у дежурного.

— Курил на автовокзале и оказал неповиновение наряду,— доложил тот.

— Да не так все было, товарищ полковник,— запротестовал Федор Михайлович.— Разрешите с вами поговорить?

— Ну, пойдемте, поговорим,— ответил полковник.— А что у него в сумках, проверяли? — спросил он, увидев в руках у Федора сумки.

— Никак нет, сейчас проверим,— бойко ответил дежурный и принялся проверять содержимое сумок.

— Нет там у меня никакой бомбы, это я гостинцы из деревни внукам везу,— ответил Федор Михайлович, раскрывая перед полицейскими сумки. Краем глаза он успел заметить, как ухмыльнулся сержант Королев, которому капитан чуть ранее запретил проверять Федорову сумку.

В кабинете начальника полиции было прохладно от работающего кондиционера. Кабинет был большим и светлым. Окна были зашторены жалюзями, вдоль окон у стены стояли мягкие стулья. У противоположной стены стояла изготовленная из красного дерева мебельная стенка, в которой кроме книг и посуды красовались различные по своей конфигурации спортивные кубки, были выставлены грамоты спортивного общества «Динамо».

Хозяин кабинета прошел за отполированный рабочий стол с аккуратно разложенными на нем различными документами и уселся в мягкое с высокой спинкой кожаное кресло. За его спиной на стене на фоне российского триколора находился чеканной работы двуглавый орел, а над ним был вывешен большой портрет с изображением президента страны. В углу кабинета была еще одна дверь, за которой, как понял Федор Михайлович, находилась еще одна комната, в которой уединялся ото всех и отдыхал полковник.

— Назовите свою фамилию, имя, отчество, год рождения и адрес вашей регистрации,— потребовал полковник, после того, как предложил Федору присесть на стул. Тот назвал.

Полковник быстро записал сказанное на лист бумаги и снял телефонную трубку.

— Дежурный! Проверьте по адресному: Чернов Федор Михайлович, со слов зарегистрирован в деревне Кукуево, Куракинского района,— распорядился он.— Ну, и за что же вас задержали, уважаемый Федор Михайлович? — вновь задал вопрос полковник, после того, как положил телефонную трубку.

— Да ни за что,— развел руками Федор.

— Как это «ни за что»? Ни за что у нас не задерживают, наверное, вы что-то совершили противоправное, поэтому вас и задержали? — полковник снял с головы форменную фуражку и провел ладонью по голове, приглаживая стоявшие ежиком коротко остриженные волосы.— Ну, так, за что вас задержали? — вновь спросил он, внимательно рассматривая Федора карими глазами.

— Я, товарищ полковник...

— Не надо ко мне обращаться по званию, называйте меня Юрием Николаевичем,— перебил Федора начальник полиции.

— Хорошо,— кивнул тот головой.— Так вот, Юрий Николаевич, я приехал к дочери в гости, вон гостинцы внукам везу,— указал он на оставленные у входа в кабинет сумки,— вышел из автобуса на автостанции и закурил. Ко мне подошли двое милиционеров, или как там теперь вас правильно называть, полицаев...

— Полицейских,— поправил Юрий Николаевич Федора Михайловича.

— Вот я и говорю: подошли двое полицейских, парень с девкой, и забрали меня за то, что закурил.

В это время зазвонил телефон, и Юрий Николаевич снял трубку.

— Так, так, все правильно, не соврал. А за что его доставили к нам? Хорошо, я понял,— полковник положил телефонную трубку.— Вас, Федор Михайлович, доставили сюда не за то, что вы курили...

— А за что же? — удивился тот.

— А за то, что вы не выполнили требование работников полиции, не предъявили им свои документы, отказались проследовать с ними в здание автовокзала. Так было дело, Федор Михайлович?

— Дак где же я документы им возьму, если я их с собой не взял.

— Документы нужно всегда иметь при себе.

— Да я уже сколько раз приезжал без документов и ничего, а в этот раз парню этому вашему полицейскому и девке с накрашенными ногтями, наверно, заняться нечем было, к старику решили привязаться. Ее бы в колхоз отправить, коров доить, вот я бы поглядел тогда, как она там ногти бы себе красила,— с негодованием в голосе проговорил Федор Михайлович.

— Вот и правильно, Федор Михайлович. Девку коров доить, а парень этот, как вы его назвали — наш, пусть этих коров стережет в стаде,— улыбнулся Юрий Николаевич.— А кто же преступников ловить будет? Кто вот таких, каких вы сегодня у нас в дежурной части видели, грабителей, ловить будет? Вот у вас вдруг коров ваших украдут, кто их искать станет? Нет, уважаемый Федор Михайлович, здесь я с вами не соглашусь. Каждый должен заниматься своим делом.

— Так вот и пусть своим делом и занимаются — преступников ловят, и нечего к старикам привязываться зазря.

— А вот здесь вы опять не правы. Они выполняли свою работу, выполняли те инструкции, которые от них требует руководство, требует законодатель, требует, в конце концов, государство. А государство — это народ. Народ от них требует, вы, Федор Михайлович, от них требуете, как представитель народа. И они исполняют то, что от них требуется. Они исполнители — солдаты. Вот вы в армии служили?

— А как же, в Германии, в танковых войсках,— ответил Федор Михайлович.

— Вот видите? А попробовали бы вы, приказ командира не выполнить, что тогда с вами было бы? Вот и они выполняют приказы.

— Я понимаю, Юрий Николаевич.

— А если понимаете, зачем же так себя ведете? Ведь вы же не молоды уже, вон голова вся седая у вас. Нет бы молодежи пример какой-нибудь положительный пода-

ли, а вы с ними ссориться начали, ругаться, курили опять же в неположенном месте. А дурной пример — заразителен! Нехорошо все это, уважаемый Федор Михайлович! Со стороны на себя взгляните, стыдно ведь так себя вести!

Федор Михайлович молчал. Ему действительно теперь было стыдно за свое поведение. Он опустил голову и устремил взгляд в пол. «А ведь полковник прав! Трижды прав! Как же это я, старый дурак, в это дерьмо вляпался?! Не нужно было спорить с полицейскими, а выполнять их требование. Вот влепят сейчас, дураку, пятнадцать суток, вот сраму-то будет!» — думал он.

— Что же с вами делать-то будем, Федор Михайлович? — спросил начальник полиции.

— Ну, что же, раз виноват, то наказывайте,— вздохнул Федор.— Опять же и вы, Юрий Николаевич, меня поймите. Я же не знал, что около автостанции курить нельзя. Хоть бы объявление, какое повесили. А то на стене автостанции про таблетки и про мед написано, а про то, что курить нельзя — ни слова! Это же тоже неправильно. Если бы я знал, что курить нельзя, я бы и не курил, но я же не знал!

— Об этом указе, о запрещении курения в определенных местах, писали все газеты, о нем говорили по радио и телевизору.

— Я, Юрий Николаевич, день и ночь в поле работаю, хлеб выращиваю, если я буду телевизор смотреть, то вы здесь, в городе, без хлеба останетесь! А газеты мы уже давно не выписываем, нам денег не хватает, мы и так концы с концами еле-еле сводим! Да и почту нашу того и гляди закроют, за пенсией будем в райцентр за тридцать километров ездить! Да вам, городским, этого не понять! — Федор Михайлович махнул рукой.

— Да, куда уж нам,— полковник усмехнулся.— А что уборочную-то вы уже начали?

— Пока еще нет, но вот со дня на день, начнем. Меня и отпустили-то на один денек, я завтра уже хотел назад возвращаться, я же комбайнер! Хлебороб я! А хлебушек-то уже в полях вовсю золотится, на уборку просится!

— Тяжело вам в деревне жить приходится,— проговорил Юрий Николаевич.— Пьете опять же много. И самое страшное то, что и женщины от мужчин в этом деле не отстают. Вот недавно родительских прав лишали, тоже деревенские жители. Нормальные с виду люди, сельскохозяйственный техникум в свое время окончили, он по образованию агроном, а она зоотехник. Дом совхоз выделил, детей родили, что еще надо? Казалось бы, живи и радуйся, детей расти, нет же, ударились в пьянство и работу потеряли, и хозяйство свое почти все пропили, а теперь и детей лишились! Неправильно все это, Федор Михайлович, неправильно!

— Да-а, сегодня в деревнях здорово пьют,— огорченно кивнул головой Федор Михайлович.— А что делать? Колхозов нет, у нас Сельский производственный кооператив создали, но в этом СПК работы хватает не всем. В нашем поселке медпункта нет, клуба нет, библиотеки тоже нет, да что там говорить — бани и той нет! Детский сад закрыли, в школе всего-навсего четверо детишек учится! И самое страшное, что последняя молодежь из села уезжает. Нету молодежи-то, а если молодежи нету, то нету и будущего! Бабы совсем рожать перестали, в райцентре. В Куракино, даже роддом закрыли! Тут вы правильно сказали, что они только водку глушат наравне с мужиками. Как повзбесились нынче бабы! Распустился народец! Ох, и распустился! — покачал головой Федор Михайлович.— Вот вы, Юрий Николаевич, как власть, почему в этом вопросе порядок не наводите?

— А что мы поделать можем? Раньше хоть ЛТП были, а теперь только и можем, что словами увещевать! Вот лишили этих горе родителей родительских прав. И что? Вы думаете, они от этого пить меньше будут? Да ничего подобного, как пили, так и будут пить, пока не помрут от пьянства!

— Да, народ сегодня в деревне вымирает! И не только от пьянства. От жизни такой! Деревни все травою позаросли, трава прет в человеческий рост. Раньше где скашивали, где скотина выедала и вытаптывала, а сейчас, хоть просеки прорубай, а иначе не пройдешь по деревне. Единственная просека в деревнях пролегла — это людская просека. Нету людей в деревнях, словно косой покосило. В каждой деревне три, а то и две последние старухи свой век доживают! Да что там говорить, по всей России сегодня великая и страшная человеческая просека пролегла! — грустно вздохнул Федор Михайлович.— Колхозы восстанавливать надо, без колхозов мы не выживем. Вон сколько сегодня к нам беженцев с Украины от войны бегут. Некоторым и возвращаться уже некуда, разбомбили их дома, живут с детьми в палатках. А зима начнется, как они там в этих палатках зимовать-то будут?! Вот и надо их в наши деревни расселять. Земля в деревнях заброшенная — дичает, ее возрождать надо, новые дома беженцам на этой земле строить, а брошенные и разваливающиеся без хозяев деревенские дома для беженцев восстанавливать. Властям в этом вопросе нужно только инициативу проявить и желание приложить. Вот и вольется опять дух в деревни, оживут они, задышат полной грудью, а там, глядишь, и песни зазвучат. Раньше-то в деревнях как пели! Соберутся по вечерам после работы бабы с мужиками, расстелют скатерть прямо на траве, закуску из домов принесут и песни потом чуть ли не до утра поют. А во время перестройки людям не до песен стало, ушли из деревни песни, а с ними ушел и дух русский, а потом и люди начали уходить, кто в города, а кто в иной мир. Возродится деревня — и колхозы появятся, а с колхозами и Россия крепчать начнет!

Постепенно, по мере разговора Федора Михайловича, у начальника полиции в памяти стали всплывать эпизоды из его жизни. Он, тогда еще не обремененный властью полковник полиции Морозов Юрий Николаевич, а просто Юрка Морозов, родился и вырос в деревне. Родители его были простыми сельскими тружениками. Мама Клавдия Васильевна работала учетчицей, а отец Николай Павлович, как и сидевший сейчас перед ним Федор Михайлович, был трактористом-комбайнером, выращивал и убирал хлеб. Юрка всегда любил эти деревенские посиделки с песнями. Тогда действительно народ пел песни, и песни эти под гармонь лились над протекавшей по деревне речкой до утренней зари. Они, деревенская ребятня, в это время тоже не спали, бегали друг за дружкой, играли в лапту, в выбивалы, в салки и казаков-разбойников, ловили майских жуков. Эти теплые летние вечера и ночи запомнились Юрке самым прекрасным временем из его беззаботного детства. Отец и мама с работы приходили поздно, Юрку воспитывала в основном отцова мама Мария Владимировна. Юрка очень любил свою бабушку Машу, но все же всегда с нетерпением ждал возвращения с работы родителей. Первой всегда приходила мама и сразу же по приходу, начинала заниматься домашним хозяйством. Отец всегда приходил поздно. Из своего раннего детства Юрка помнил, как отец, придя с работы, останавливался у входа в калитку и, присев на корточки, разводил в разные стороны руки, таким образом зазывая к себе сына. И Юрка несся к нему, как говорится, сломя голову, а отец подхватывал его своими сильными, темными от мазута и пропахшими соляркой руками и подбрасывал вверх. Юрка смеялся от удовольствия и страха, и не было для него тогда в жизни радостнее и счастливее тех мгновений, когда он, словно птица, находился в свободном и плавном парении над землей, когда мог с высоты взглянуть на большого, сильного, смелого и самого главного в своей жизни человека — на своего отца. А когда начиналась уборочная пора, отец сутками пропадал в поле. Уже повзрослевшего Юрку отец однажды взял с собой в поле, где Юрка наравне с другими комбайнерами целые сутки днем и ночью вместе с отцом вертел настоящий штурвал комбайна, убирая с полей урожай. Затем в короткие минуты отдыха и перерыва

на обед отец разводил небольшой костер, брал с поля несколько колосков и обжаривал их на огне. Колоски начинали потрескивать и издавать душистый запах печеного хлеба. Затем отец растирал ладонями колоски, отбрасывал плевела, а жареные семечки протягивал Юрке.

— Попробуй, Юрка, вкус настоящего хлеба,— говорил он.— Ну, чем пахнет?

— Поджаристой корочкой,— не сомневаясь ни секунды, отвечал Юрка. Отец улыбался.

— Нет, Юрка, вкус хлеба пахнет не поджаристой корочкой, а соляркой, выхлопными газами и пылью, которыми во время уборочной страды дышат комбайнеры. А еще, и это самое главное, он пахнет потом хлебороба. Всегда уважай труд хлебороба, потому, что выращивать хлеб — это самый тяжелый, самый нужный, а значит самый главный труд на земле! Запомни это, сын!

И Юрка запомнил. С той, теперь уже далекой поры, он стал считать людей выращивающих хлеб, самыми главными людьми на земле. И спустя время, отслужив в армии, он вернулся в родную деревню, вернулся к своей земле. Но страна уже была не та, совхозы и колхозы начали разваливаться, срочно создаваемые фермерские хозяйства ситуацию не спасали, и сельские труженики оказались за чертой бедности. Молодежь не захотела испытывать судьбу и в поисках лучшей жизни, подалась из деревень в города. Отработав около года на заводе, Юрка, прочтя объявление о наборе молодых людей, отслуживших в армии, на работу в милицию, решил попробовать свои силы. Привитые с раннего детства такие качества, как уважение к окружающим его людям, целеустремленность и трудолюбие, способствовали Юркиному карьерному росту.

От воспоминаний Юрия Николаевича отвлек телефонный звонок. Выслушав очередной доклад и отдав необходимые распоряжения, он взглянул на не в меру разговорившегося Федора Михайловича и задержал свой взгляд на его жестикулирующих при разговоре руках. Они были сильными, с прожилками на кистях от долгой и тяжелой работы и темными от машинного масла и солярки. Они были такими же, как и у его отца. Это были руки труженика, руки хлебороба. Полковник Морозов не был сентиментальным человеком, но в этот момент, когда он рассмотрел руки Федора Михайловича, на него вдруг нахлынуло то далекое и детское чувство любви к отцу, вспомнился его наказ о том, что нужно всегда относиться с уважением к людям, выращивающим хлеб. Эти чувства разбудили в Юрии Николаевиче того, молодого, наивного, не опытного в жизни, но счастливого Юрку Морозова. Эти чувства разбудили какую-то необъяснимую сыновнюю любовь к сидевшему напротив него Федору Михайловичу, разбудили уснувшее в нем уважение к простому человеку, человеку-труженику. «Что-то я заматерел в последнее время, ороговел, стал превращаться в какую-то бездушную законоисполнительную машину. За указами, приказами и распоряжениями людей перестал видеть»,— с горечью подумал Юрий Николаевич и снял телефонную трубку.

— Дежурный, зайдите ко мне! — распорядился он.

Увидев это, Федор Михайлович замолчал и насторожился. Он решил, что наболтал много лишнего, и его сейчас отведут в камеру, где запрут вместе с уголовниками.

— На какой улице живут ваши родственники? — неожиданно спросил Юрий Николаевич.

— На Новой, товарищ полковник,— ответил Федор Михайлович, приготовившись к самому худшему.

— Вы им уже успели позвонить и сообщить, что вас задержали?

— Нет, я им не звонил и вас прошу им ничего не сообщать. Я считаю, что не нужно их расстраивать сообщением об этом. Жене моей только сообщите, что поса-

дили меня, а то она все эти пятнадцать суток будет очень сильно волноваться,— попросил Федор Михайлович.

Услышав это, Юрий Николаевич улыбнулся.

— Вот и я считаю, что не нужно родственникам сообщать о том, что с вами приключилось,— сказал он.

Вскоре в кабинет вошел дежурный капитан.

— Товарищ капитан, вверяю вам Федора Михайловича, отвезете его на дежурной машине на Новую улицу, номер дома он вам назовет,— распорядился начальник.

Услышав это, Федор Михайлович вмиг оживился.

— Да не нужно этого... зачем вы... вам и так некогда... если вы меня отпускаете, то я и сам доберусь,— затараторил Федор. Он не ожидал такого поворота событий и впал в смущение.

— Все, Федор Михайлович, отставить разговоры, вас отвезут,— прервал его Юрий Николаевич.— И просьба у меня к вам: в дальнейшем будьте, пожалуйста, осмотрительнее в некоторых житейских вопросах, не попадайте больше в такие неприятные истории, они вас не красят. Желаю вам удачи!

— Спасибо вам, товарищ пол... спасибо вам, Юрий Николаевич,— Федор Михайлович благодарно склонил голову и, взяв свои сумки, вышел из кабинета.

Когда за ним закрылась дверь, дежурный с удивлением взглянул на начальника полиции.

— Юрий Николаевич, ну почему мы его должны отвозить? У нас и так сегодня машина на разрыв. Да кто он такой, этот Федор Михайлович, чтобы мы его на дежурке к родственникам отвозили? — недовольно спросил он.

— Кто он такой, спрашиваете? Он самый главный человек, он — хлебороб! — ответил полковник.

Капитан нерешительно покивал головой и, не поняв сказанное начальником, в растерянности вышел из кабинета. После его ухода, Юрий Николаевич достал мобильный телефон и набрал номер.

— Батя, привет, дорогой! Ну, какие у вас там новости, как мама? Извини, что долго не звонил, с этой моей работой свободного времени совсем не остается. Да ничего у нас не случилось, я просто так звоню, узнать, как вы там живете? Нормально? Ну, и слава Богу! У нас тоже все нормально. Я, бать, что думаю: а не приехать ли нам к вам в гости? Вы по внучке соскучились, а я только обещаю? Да нет, батя, на этот раз точно приедем, даю слово офицера! Давно мы с тобой в баньке не парились и с удочками на речке не сидели. Ну, как, посидим? Конечно до зорьки, что нам с тобой, привыкать, что ли? Помнишь, как в детстве до зорьки рыбу удили? Вот и опять посидим. Только жаль, что все поля хлебные травой позаросли, а то бы мы с тобой, как раньше, развели бы костерок и колоски на нем пожарили, вспомнили бы через столько лет, каков он, этот, настоящий вкус хлеба!

Яков Шафран
(г. Тула)

ЭСТАФЕТА

Член Союза писателей и переводчиков при МГО Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова «Левша», член редколлегии и ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег»

Люди испокон веку учились и тренировались, в том числе и физически. Первое — для приобретения профессии и чтобы мастером стать в своем деле — без этого и денег не заработаешь, и для любимого человека ничего из себя представлять не будешь, тем более в наше меркантильное время; второе же — чтобы быть в форме, ну и для особливо настроенных спортивно — побеждать на соревнованиях. Ведь что нужно для счастья?— По многим соцопросам это — материальный достаток, любимый человек и социальный статус как степень полезности обществу (общине, миру, как говорили ранее) и предмет гордости и чести (просьба не путать с гордыней и тщеславием — тщетной славой), который создается не чем иным, как мастерством.

Успех на соревнованиях также рождается из мастерства.

Кстати о соревнованиях. Что может быть лучше физкультуры и спорта для избавления от негативной энергии. А уж для естественной, то бишь мирной нейтрализации коллективной агрессии ничего другого, чем соревнования, современное человечество и не придумало — все же лучше драки, разбоя и тем более войны. И на Руси мы помним палочные бои на льду, взятие снежных крепостей, кулачные бои «сам на сам» и «стенка на стенку», состязания силачей в поднятии тяжестей и толкании бревна, бои на бревне, перетягивание каната (невода), бег на ходулях, взятие городка — потешного укрепления из бревен и веток, а зимой из снега, и, конечно же, лапту и городки (рюхи, чушки).

* * *

Во второй половине и особенно в последней четверти прошлого, еще такого близкого нам века сущим наказанием стала сидячая жизнь — на работе за канцелярским, компьютерным, а вначале — дисплейном, преподавательским, докторским, научным и так далее столом; дома — на диване у телевизора или за компьютером же и в транспорте. То ли раньше — лет сто тому назад — на работу и с нее, родимой, пешочком порой от двух до пяти километров, а то и поболее, да за водицей, да дров напилить и — эх, раззудись, плечо, размахнись, рука! — наколоть, и в печку принести. Вот и захирели люди, застои всякие у них стали случаться. А они, как известно, до добра не доводят.

И стали появляться в городах вначале группы здоровья, а потом и клубы физ-

культурные, для замены канувшей в небытие природной двигательной активности. Первые работали по традиционным, утвержденным инстанциями методикам. А последние — по преимуществу и «в пику» первым на основе нетрадиционных. И между ними, естественно, возникали соревнования — кто, как и что лучше.

Вот и сегодня было одно из них, в День физкультурника, столь почитаемого в народе в то приснопамятное время, а точнее тридцать лет тому назад.

* * *

Погода для этого была самая, что ни на есть, подходящая. Солнцу, видимо, надоело наблюдать вот уже неделю пустующие легкоатлетические дорожки, поле и трибуны стадиона, и оно прикрылось веками облаков. Все помрачнело от такого невнимания.

Но что это? Из-за облака краешком солнце стало с любопытством посматривать за происходящее внизу. А там вдруг повеселело все, раскрасилось флагами и флажками, разноцветными и разномастными спортивными одеяниями и, конечно, косметикой на лицах особ женского пола, которые не в силах расстаться с ней, даже на спортивном, то бишь физкультурном состязании.

Солнце еще только чуть-чуть интересовалось сегодняшним событием, поэтому легкая прохлада августовского дня весьма благоприятствовала будущим рекордам членов двух соревнующихся команд, извечных соперников: клуба «Движение для здоровья» и группы здоровья Центрального стадиона.

Состязания включали в себя мужскую и женскую части и смешанные виды. «Сильные» отжимались, подтягивались и поднимали гирю, а «слабые» — прыгали в длину, приседали и крутили хула-хуп. Вместе же, в смешанных составах, им предстояло играть в волейбол и бежать эстафету. В командах бегунов было по двое мужчин и женщин, каждый должен был пробежать свои четыреста метров и передать эстафетную палочку другому.

В команде группы здоровья выделялся рослый, подтянутый и длинноногий супермарафонец Комиссаренко, бегавший, не считая обычных — сорок два километра и сто девяносто метров – марафонов, и стокилометровый, и суточный, и тысячадвухсоткилометровый с краткими отрезками отдыха в течение нескольких дней.

В клубной команде Виктора капитаном был Николай Иванович Овчинников, опытный физкультурник, регулярно бегавший четыре раза в неделю от пяти до двадцати пяти километров, не один раз пробегавший и тридцатикилометровые дистанции и однажды даже традиционный марафон. Он был и неформальным лидером физкультурников клуба. Вокруг него собирались все — и опытные, и начинающие…

К моменту, когда интерес стало проявлять не только солнце, но и любопытные, которых привлекла музыка, раздающаяся из динамиков и флаги с плакатами, закончились отдельные — по половому признаку — виды, а волейбол, как закуска на десерт, должен был проходить в зале в самом конце праздника, началась эстафета.

Проходила она на настоящих спортивных дорожках с искусственным покрытием, вокруг футбольного поля. В каждой команде установили очередность — кто за кем побежит. Первыми, естественно, женщины. Виктору выпало бежать в третьей паре с Комиссаренко.

Было ясно с самого начала — силы у них не равны. У того и ноги длиннее, что делает шаг намного больше, и скорость гораздо выше благодаря более высокой тренированности, и выносливости поболее, одно слово — супермарафонец. Получается, что как бы Виктор ни старался, все равно проиграет. Все будет выглядеть явным поражением. А бежать нужно, куда деваться? «Эх, была, не была!» — сказал он сам себе.

* * *

Но вот пригласили на старт первую пару. Члены команды выстроились друг за дружкой в порядке очередности. Прозвучал выстрел стартового пистолета, и первая пара устремилась вперед по беговой дорожке.

Участники смотрят, а сами разминаются, двигаются — больше для снятия напряжения,— все же волнительны соревнования, да еще командные, особенно моменты перед стартом. Ладно, сам за себя, а тут — за команду!

Первый забег оказался в пользу команды клуба. Силы были равные, но Елена все же обогнала соперницу метра на три. Но вот побежала вторая пара. Тут Наташа была послабее и отстала на финише от соперницы из группы здоровья.

Виктор быстро схватил эстафетную палочку, глядь, а Комиссаренко уже метрах в тридцати от него. Ну и ну! Вот это скорость! Что делать? Команда и зрители поддерживают, кричат: «Догони! Давай, давай! Догони!» И Виктор решается. «Что мне Комиссаренко?— думает он на ходу.— Пусть бежит, как хочет. А я буду бежать, как могу, изо всех своих сил и даже больше, выложусь по полной, а там будь что будет!» И побежал — только носки собственных кед мелькают перед глазами, - а на сверхмарафонца и не глядит,— со скоростью, с какой никогда в жизни и не бегал. Бежит, будто вопрос жизни и смерти решается. Вот уже и середина дистанции, на одной линии с Виктором, на противоположной стороне стадиона — старт. Члены команды и зрители руками машут, кричат: что?— не слышит. А он бежит-бежит, на соперника не смотрит — только на внутреннюю кромку дорожки. Собрался с последними силами, дышит широко открытым ртом, в груди горит, горло сухое, кажется, вот-вот трескаться начнет, икры ног стали деревенеть и к бедрам словно по гантели привязали.

«А может, ну его! Какая разница сколько я проиграю — пятьдесят, сто или двести метров?— стало пульсировать в голове.— Все равно ведь проиграю…— Нет, нет, нет!— гулко забилось в груди, сильнее, чем прежде.— Я же не один — команда! Девочки старались. И следом побежит Николай Иванович. Нужно бежать для команды, за команду, за наших!»

Вот уже три четверти круга позади. Последний овал обогнул Виктор. Финишная прямая. Комиссаренко передал палочку своему четвертому номеру. Значит, метров на семьдесят обогнал. «Только на семьдесят? Вот это я дал! — воодушевился Виктор и, не помня себя, включил форсаж, хотя и до этого бежал, как говорится, на пределе. Откуда только силы взялись?— И такой спринт задал на финише! Бежит, тянет палочку вперед и, кажется, сам за ней летит. И дорожка, кажется, помогает, старается, подталкивает.

Финиш! Передал эстафету Николаю Ивановичу, и наш закаленный боец и капитан команды рванул по дорожке — только подошвы кроссовок замелькали.

Отдышался немного Виктор, а сам автоматически идет и идет по дорожке вперед, как будто дистанция продолжается. Глядит, а расстояние между бегунами четвертой пары уменьшается — пятьдесят метров… сорок… тридцать! Осталось четверть дорожки преодолеть… финишная прямая. Разница — десять метров… пять. Ленточка уже близко. Николай Иванович рванул, чуть взяв вправо для обгона. Осталось метров тридцать до конца. И соперник, видя, что преимущества уже никакого нет, тоже попытался наддать ходу, но сил у него уже не было никаких. Да и куда ему до закаленного всеми трассами, ветрами да непогодами, морозами да ледяными купаниями бегуна. Силы явно не равны. Вот они уже бегут нога в ногу. Три метра до ленточки, — и Николай Иванович на шаг впереди, на два… Финиш! Победа!!! Зрители взорвались овациями. Вся команда клуба «Движение для здоровья» ликует, обнимают капитана. А он, раздвигая объятия, ищет Виктора. Да вот он, Виктор, рядом, тоже поздравляет.

— Этой победой мы обязаны вот ему! — Овчинников показывает на Виктора.—

Молодец, не сломался, не прогнулся перед таким асом, как Комиссаренко, несмотря на большое преимущество его в спринте. Как он рванул сразу! А ты фактически всего-то метров пятьдесят в итоге уступил,— сказал он, обращаясь непосредственно к Виктору,— и сделал все, что мог, мы видели!

Виктор пожал протянутую ему руку Николая Ивановича, затем притянул к себе девчат эстафетной команды, обнял их одной рукой за худенькие плечи, а второй — капитана:

— Да что я? Это мы, мы победили — команда!

* * *

А чувство удовлетворения, что помог команде, долго не оставляло Виктора. Одно дело — преодоление себя ради себя, что тоже хорошо, но преодоление себя для других — «за други своя» — совсем иное дело. Это еще ценнее!

В то□т же день на душе было хорошо и светло. Все шли со стадиона, радуясь и победе, и тому, что распогодилось — в середине неба порассеялись облака, выглянуло солнце, все вокруг засияло, словно радуясь вместе с победителями. Люди пели, шутили, смеялись. Стоял август 1984-го года, полный надежд и совместных свершений.

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

ВИЗИТ К БАБУШКЕ

Наш постоянный автор, профессор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

— Завтра поедем к бабушке,— сказал папа.
— Кто это — бабушка?
— Это моя мама,— сказал папа.
— У папы тоже есть мама?
— У каждого есть мама.
— Даже у кошки?
— Даже у собак, кошки и мышки,— сказал папа.
— А где твоя мама живет?
— В деревне.
— Как это?
— Увидишь.

На следующее утро папа и сын отправились в дорогу. Ехать надо было на электричке два часа, потом еще час на автобусе.

Ехали долго, в автобусе мальчик уснул. Проснулся от того, что автобус остановился и все стали выходить.

Они вышли и пошли по улице. Мальчик с любопытством рассматривал дома, совершенно не похожие на дома в городе. На улице гуляли куры. Белая коза была привязана к колышку и щипала траву. Она посмотрела на них и сказала — бе-е-е. Прошли мимо небольшой красной церкви и подошли к деревянному дому за дощатым забором. На крыльце стояла старая женщина. Взошли на крыльцо.

— Здравствуй, мама. Привез тебе внука.

Старая женщина, как понял мальчик, была мама папы. Она наклонилась к нему и обняла.

— Как зовут тебя, внучок?
— Гоша.
— Это как будет?
— Георгий,— подсказал папа.
— А-а,— сказала бабушка,— по-нашему, Егорий. Егорушка, значит. Входите в дом. Сколько тебе годков будет?
— Пять годов,— сказал мальчик и показал пальчики на руке.

В доме на деревянном крашеном полу лежали узорчатые половики, длинные, от двери во всю комнату до окон. На бревенчатых стенах в рамах висели два портрета в рамах. Молодой человек в черном пиджаке, белой рубашке и жилетке, и женщина, тоже молодая и цветастой кофте и косой, закрученной на голове.

— Это я с отцом твоего папы, Егорием его звали, мужем моим, и я — твоя бабушка.

— А-а,— сказал мальчик.— А это кто? — спросил он, показывая на большую раму, в которой было много фотографий с разными людьми.

— Сродственники. Вот твой папа, молодой. Поскребыш мой.

— Как это?

— Седьмой мой, младшенький. Потому и зовется — поскребыш. Больше уж не рожала... Больше уже не было у меня детей,— быстро добавила бабушка, увидев недоумение на лице внука.

В углу мальчик заметил другие портреты. Некоторые блестели, как золотые. На раме, обрамляющей их, лежало белое вышитое красным узором на концах, свисавших с обеих сторон, полотенце. Горел фонарик, подвешенный на веревочке под портретами.

— А это кто? — продолжал спрашивать мальчик, который никогда не видел портеры в золотой рамке.

— Образа,— сказала бабушка.

— Как это?

— Это для молитвы,— ответила бабушка.

— Пойдемте, поедим, устали и проголодались, поди, с дороги.

В большой комнате о трех окнах посередине стоял большой стол. На скобленых досках стояли два больших глиняных кувшина, а по краям лежали три белые тарелки и железные ложки. В мисках лежали горкой белые куриные яйца, зеленые огурцы и красные большие помидоры.

— Ждала,— сказала бабушка.— Ты, Егорушка, садись слева от меня, а папа справа. А я посередке буду.

— Я не Егорушка. Я Гоша,— сердито сказал мальчик.

— Вот уж, внучок, и осерчал. Не серчай на старую. Это кувшин с квасом. Не такой, как у вас в городе. Настоящей. Сама затевала. А в этом — молоко, парное, с утренней дойки. Помидоры да огурцы с огорода. Картошка тоже своя. Нонешний год все уродилось. То вёдро, то дождь, вот и росло, как на дрожжах. Ешьте, дорогие, ешьте. Не гребайте нашей едой. От нее здоровье будет. Вон ваша бабушка, скоро восемьдесят, а сама с огородом и хозяйством управляюсь. Дедушка ваш помер, царство ему небесное,— старая женщина перекрестилась, обратившись к образам,— десять лет как помер. Грыжу вырезали, а он помер. Говорят от наркоза.

Стали есть. Мальчику больше всего понравились белые яйца. Их надо была стукнуть по столу. Квас не понравился. Совсем не похож на фанту. Огурцами можно было забавно хрустеть.

После еды мальчику стало скучно.

У старой женщины было коричневое, все в морщинах лицо и коричневые руки с твердыми ногтями. Она все говорила с папой о каких-то людях, которых мальчик не знал.

— Пап, ты взял ай-фон? Где он?

— В сумке,— сказал папа.— Пойди, посиди на крыльце.

Мальчик вышел.

— Как у тебя дома? Сладились?

— Думал, сын родится, отношения поправятся.

— Ан, нет?

— Да-а,— со вздохом сказал сын.

— Может, второго родить?

— Этот весь на моих руках. А при наших отношениях...

— Только не разводись. У нас в роду никто не разводился, как говорили, слюбится — стерпится...

— Стерпелось бы, если бы любилось.

— Куда смотрел, когда женился? Старших не спрашивал.

Сын не успел ответить. В комнату вбежал мальчик.

— Озяб? — спросила бабушка.— Да, уж сентябрь.

— Пап, посмотри!

Он протянул отцу ай-фон.

— «Лови волну». Круто!

— Круто,— сказал отец, едва взглянув на дисплей.

— Хочешь, бражка у меня есть,— сказала старая женщина.— Отцу твоему делала. Добрая.

Она пошла в другую комнату и через минуту вернулась с большой бутылью с мутно-белой жидкостью.

Достала из резного деревянного буфета два стакана и поставила на стол.

— И я с тобой выпью.

Мальчик видел, как папа и старая женщина выпили из стаканов и потом взяли по огурцу.

— А мне можно? — спросил мальчик.

— Что ты, касатик,— поспешно сказала старая женщина,— это питье для взрослых. А для тебя я купила у нас в магазине вот это. Не знаю, как называется. Все берут своим детям. Я подумала, дай возьму своему внучонку.— Вынула из буфета и поставила на стол бутылочку с желтой жидкостью.

— Фанта,— сказал мальчик.

Потом папа и старая женщина впили еще. Через некоторое время у нее щеки стали красные и лицо веселое.

— Я, когда выпью, песни всегда шибко играю.

Она встала из-за стола и, поводя, плечами запела.

«Ты военный, ты военный,
Ты военный не простой,
Ты на севере женатый,
А на юге холостой».

— И-е-е-е-х!

И старая женщина с размаху опустилась на стул рядом с папой, обняла его за плечи.

— Не горюй, поскребыш. Смотри, какой у тебя сын. Егорушка ты жалеешь папку?

— Как это? — спросил мальчик.

— Любишь, Егорушка, папу, значит?

— Я Гоша.

— Ну, Бог с тобой, Гоша, так Гоша. Не было у нас в родне таких.

— Меня мама так назвала.

— Ох, уж эта мама, козел ее дери.

— Поедем мы,— сказал папа.— Пора.

— Она осерчает? — спросила старая женщина.

— Нет. В самом деле, пора. Долго ехать. Он устанет.

Простились на крыльце.

Старая женщина три раза поцеловала папу в лицо, а мальчика обняла, прижала к вязаной кофте на груди, потом отстранила от себя и перекрестила.

— Ну, Гоша, так Гоша,— сказала.— Передавай привет своей,— сказала она папе.

Ехали опять на автобусе, потом на электричке.

Дома мама спросила папу:

— Жива еще?

Папа ничего не ответил.

Мальчик, в самом деле, с дороги устал.

Засыпая, он сказал папе, присевшему к нему на край постели:

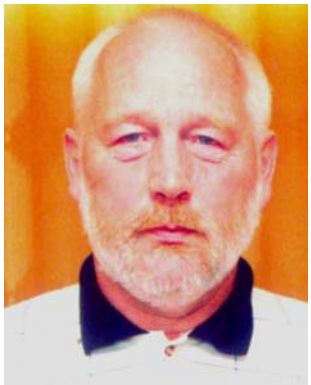
— Твоя мама русская?

— Русская, как я и ты.

— А на каком языке она говорила?

Ответа папы мальчик не услышал. Он уснул.

Алексей Яшин
(г. Тула)



ДНИ И НОЧИ ТРИСТА ШЕСТОЙ ПАЛАТЫ

♦ «Палата номер шесть» нашего классика, как мы помним с (советских) школьных лет, художественно отобразила *status quo* русского общества тех лет. Институт традиции и преемственности художественных образов, надеемся, позволит нам сравнить «палату» и состояние «палат» нашего времени. Тем более что медицина и словесность современного русского, или, если хотите, российского социума обе находятся в состоянии глубочайшего кризиса... или упадка, если опять хотите.

«А почему именно «палата № 306»?» — спросит склонный к мелочному анализу читатель. Ответим: простое совпадение, но с намеком. Просто недавно довелось хорошо знакомому автору настоящего повествования человеку с недельку полежать в палате с таким ассоциативным номером в обычной больнице обычного областного города рядовой провинции.

Когда знакомый автора рассказывал за гостевым чаем о порядках и нравах условно обобщенной палаты № 306, то ваш покорный слуга испытывал двойственное чувство: внутренней скорби и откровенного хохота. Тем более, что собеседник является отменным юмористом, каковые в наше суконно-чиновное время, к счастью, еще не перевелись.

Как известно, театр начинается с вешалки. Так и отделение больницы, в которое определили моего знакомца, начиналось с того, что принято называть предбанником приемного покоя.— Это где дежурный врач с приданной ему медсестрой осматривают организмы вновь поступающих пациентов и расцеховывают их в нужные палаты для починки или сборки — после травмирования.

В предбаннике длиннокоридорного образца, также, как принято, стоят в ряд широкие диваны-топчаны, где по больничным правилам должны сидеть в ожидании приема и расцеховки больные и привезшие их родственники. Причем, если первые, уже отдавшие себя в руки здравоохранения, по естественной человеческой психологии — «теперь не я, а эскулапы за меня отвечают» — прямо-таки на глазах здоровеют и рассказывают кавказские анекдоты на медицинские темы, то вторые скорбно молчат: расходов-то сколько предстоит! Даже не врачам и персоналу, здравоохранение у нас вроде бесплатное, а на ежедневные приносы доппайков к сиротским больничным супчикам и кашкам, опять же лекарства, домашнее долечивание и прочее, прочее. Да и персонал скучает без внимания родственников их пациентов... Тоже ведь люди — человеки!

Давненько, слава те, господи, не определялся наш Андрей Сергеевич в лечебницы, а тут не повезло: в их родном облцентре Тулуповске объявили трехмесячник благоустройства тротуаров с заменой остатков еще советской укладки асфальта на калейдоскопическую выкладку фигурных плиток. Благо, удачно решились два основных вопроса: материал и рабсила. Плитку тысячами погонных метров стал выпускать

новопостроенный заводик купца Филимонова, гласного облдумы и председателя ее комитета по дорогам, а к ним и рабсила подоспела: намедни целый эшелон таджиков по шайтан-арбе в город прибыл.

Как положено, первым делом с помощью японских бульдозеров с навесками-асфальтоломами все тротуары города превратили в глубокие канавы с брустверами-надолбами битого бывшего покрытия по краям... Кстати, подсказка нынешнему незалежно-самостийному гетману: вот такими канавами напрочь можно отгородиться от москалей! Не надо дорогостоящих бетонных стен с колючкой под током поверху. Но жители города понимают: все это временные трудности в их передвижении — для будущего блага цивилизованных плиточных тротуаров. А наш добрый народ доверчив, тем более к временно-постоянным трудностям издавна привычен. Потому, невольно чертыхаясь, за полкилометра обходя канавы и, рискуя всем чем угодно, перепрыгивая их в узких местах, добираясь после службы или торговли к своему дому — к семье, к детишкам.

Как также положено, второй этап — увоз мусора, заравнивание канав и собственно укладка мозаичной плитки — на неопределенное время застопорился. Во-первых, тулуповский губернатор, молодцеватый любимец всех женщин города и области, «потерял доверие» и был за смехотворную для его чина взятку всего-то в полсотни миллионов не то что долларов-евро, но рублей (!?) отстранен и направлен в узилище строгого режима. Устроили показательный правеж и для губернского бомонда. Купец Филимонов был уличен в постройке плиточного заводика за казенные деньги. Он, понятно, выкрутился, но пока что завод «до выяснения» закрыт и опечатан.

Во-вторых, у мусульман наступил священный месяц рамадан, на время которого таджики забросили выравнивание канав.

Андрей Сергеевич понял серьезность намерений гастарбайтеров в первый же день, точнее — ночь рамадана. Проживал он в квартире на седьмом этаже дома, известного в центральной части города как «тысяча мелочей» — магазин с аналогичным наименованием занимал весь первый этаж здания. Квартира же выходила окнами на очень даже обширный двор, который только потому не подвергали точечной застройке супермаркетами и «торгово-увлекательными» центрами, что место это спускалось достаточно круто. Выравнивать его под нулевой угол строительства — тратить деньги экономичного частного застройщика... Потому пологий этот двор на всякий случай заасфальтировали, а в городском реестре полезных дел назвали детско-юношеской спортивной площадкой. Действительно, зимой детишки катались под горку на санках и лыжах, а летом пацанва тоже под горку барражировала на «роликах» и на тех досках с колесиками, что недавно стали олимпийским видом спорта с американским названием, которое Андрей Сергеевич так и не научился выговаривать. Еще эту доску часто рекламируют по телику: долговязый парень, обычно с фиолетово покрашенными патлами — явный намек на толерантность, одетый в одежду стиля «О'Нил», то есть в долговязые трусы ниже колен и в майку до колен, держит под мышкой эту доску, задирая с этой стороны майку тоже до подмышки...

Но не в ребячьих американских забавах дело. Прослушав в теленовостях сообщение о начале рамадана, Андрей Сергеевич пропустил это, как истовый потомок православных предков и, тем более, как не воинствующий атеист, мимо ушей. Стояли самые светлые в этом году дни, спалось не то чтобы плохо, но как-то неохотно, потому часа в четыре ночи он и проснулся: из-за открытой по причине жаркого времени балконной двери доносилось непонятное жужжание. Захватив сигарету, он вышел на балкон и в бледном полусвете наступающего дня рассмотрел поразившую его картину: весь асфальтовый пологий двор был заполнен неуместными для этого времени суток людьми. Как он по привычке матерого инженера прикинул: не менее двух-трех

сотен, причем каждый упирался коленами в личный белый коврик, ритмически наклонял голову, обращенную лицом в сторону Мекки, и все вместе негромко произносили священные аяты*.

Уже особо и думать не надо — откуда они сюда прибыли: вблизи двора, пониже, располагалось несколько рабочих из техникумовских общежитий, где летом, а то и зимой, проживали миграционные таджики. Первая мысль, пришедшая в голову Андрея Сергеевича, конечно, оказалась на злобу дня: дескать, не скоро тротуарные канавы заровняют!

♦«Скоро сказка сказывается,— бормотал про себя Андрей Сергеевич, подходя к вечеру после работы к своим «тысячам мелочей»,— да не скоро дело делается»... и, дабы не обходить половину периметра дома, обрытую канавой, запамятовав, что ему не физкультурных двадцать лет, соколом решил перелететь канаву — с бруствера на бруствер — в показавшемся ему узком месте.

...Итог полета, как некогда у натовского же сокола Пауэрса над страной Советов, оказался неутешительным. Супруга ахнула при виде вошедшего в квартиру Андрея Сергеевича: располосованная летняя рубашка, вымазанные асфальтовыми обломками белые брюки, царапины на лице и руках, всклокоченные волосы на голове, прихрамывающая походка... Причем, на обе ноги. Даже часы наручные разбиты и мобильник, что в заднем кармане брюк находился, тоже дуба дал. И пришел домой с долгом чести: в момент ныряния в канаву денег при себе не имел, поэтому обещал ихнего дома бомжу Василию, что вытаскивал его, оглоушенного, на другой день выставить чекушку.

После ванны по ощущениям организма сообразил, что переломов никаких нет, только шишки и ссадины. Супруга промыла их перекисью водорода, ушибленные места натерла меновазином, а сам Андрей Сергеевич, на законных основаниях приняв в ужин три стопки кизлярского коньяка, засветло лег спать почти что умиротворенный.

Однако наутро проснулся с ощущением разбитости всего тела, ушибы заметно припухли, а поскольку Андрей Сергеевич, как и все практически здоровые люди, то есть не профессиональные больные, страдал мнительностью в части состояния организма, то припомнил известные в народе симптомы сотрясения мозга: легкая тошнота, головокружение... и также показалось, что неприятный комок катается в желудке и двенадцатиперстной кишке, о расположении которой имел самое смутное знание, а свесив ноги с кровати, вроде почувствовал этакое круговое вращение спальни со всей ее утварью. Заодно вспомнил, что при ушибах и царапинах «на природе» следует обязательно делать противостолбнячный укол.

Все это он и изложил на кухне супруге, занятой приготовлением завтрака, заметно ее напугав. По женской привычке и она начала запугивать Андрея Сергеевича. Как опытный инженер, все же не преминул здесь вспомнить известный принцип «обратной связи»... Но когда он не проявил даже аппетита вежливости к затейливо приготовленному завтраку (вчера он допил коньяк из ранее початой бутылки), супруга резюмировала: «Все, звони на работу, собирайся, пойдем в больницу!»

Больница скорой помощи в десяти минутах ходьбы даже для прихрамывающего страдальца — и вот они уже в предбаннике приемного покоя. Поскольку Андрея Сергеевича, а более всего его супругу, особенно беспокоили подозрения насчет предполагаемого головокружения, то и отделение в форме приземистого здания дореволюционной постройки они выбрали соответствующее, травматическое.

Приемный доктор был занят с предыдущим страдальцем, но все широкие диваны — топчаны в предбаннике занимали вповалку-вполулежку странные пациенты: в тридцатиградусную жару в неопрятной зимней одежде, дурно пахнущие мочой и

* Коран состоит из глав — сур, а суры из стихов — аятов. Отсюда и духовное звание аятолла — толкователь аятов.

спиртовым перегаром, обросшие и вымученно спящие, часто вскрикивающие во сне и похрапывающие.

— Ишь, бедолаги,— посочувствовала супруга,— небось, в аварию где-нито попали...

— Чтоб они не попали, а совсем со свету белого пропали! — охотно пояснила грузная санитарка, как раз шуршавшая размахренной шваброй возле грязнющих обуток отдыхавших, развозя по предбаннику и без того едкий запах проалкоголенной мочи,— каки-таки аварийщики! Бомжи это пьяные, что за ночь менты насобирали и сдали «Скорой помощи» нашего района. Теперича трезвяки отменили, велено по больничкам для очухивания расталдыкивать...

Из дальнейшей беседы, а известно, что робеющие поначалу пациенты охотно, даже нервически охотно общаются с нижним медперсоналом, Андрей Сергеевич воспринял от скучавшей и злобившейся доселе пожилой санитарки ликбез. Закон-то от государственных властей о призрении подобранных на улицах пьяных бомжей и вообще мертвецки перебравших даже приличных граждан по лечебницам скоренько приняли — проголосовали думцы, но на том и остановились. И местные власти никаких разъяснений — пояснений не получили, а потому ни копейки денег больницам на организацию и содержание бомжей в своих бюджетах не предусмотрели. Заодно медиков предупредили строго, но по-отечески: куда хотите делайте, но если хотя бы одного не примите от «скоропомощников», не дай, бог, зимой кого выгоните на мороз, а тот замерзнет?..— В сельской больничке карьеру продолжите!

—...Вот они и пролеживают диваны тута, всю отделению провоняли. Ночью очухаются — начинают по палатам шататься, закурить, а то и выпить клянчат. Зимой же иные и вовсе приживаются. Весь день дрыхнут, сердобольные старушки из больных им кашки с хлебцем больничными приносят. К вечеру уходят, понищенствуют у маркетов всяких, насобирают на бутылку «максимки», зальют глотку и снова дрыхнуть к нам... И попробуй их тронь! Конечно, жалко их, бедолаг, у нас в доме тоже вот одного жена разведенная с тещей выгнали...

Санитарка уже вовсе отставила швабру, готовясь к долгому рассказу, но здесь приемная медсестра выглянула из кабинета, дескать, следующий! Супруга заторопила Андрея Сергеевича, развесившего было уши.

♦Скучающий от обыденности больничной жизни врач среднестаршего возраста скептически выслушал Андрея Сергеевича — короткий, логически выверенный доклад на инженерной пятиминутке — и пространный комментарий его супруги. Не вставая с места, велел пациенту показать ушибленное место, а в отношении головы — сделать пару-тройку приседаний и нагибаний, затем на минуту стать по стойке «смирно».

Как и положено, от общения с представителями медицины всякие там девичьи нежности навроде тошнот и головокружений напрочь покинули робкого пациента.

— Смажьте *дома* ссадины йодом или зеленкой, предварительно промыв, если вчера не догадались, перекисью водорода. Лена,— вальяжно повернулся он к медсестре с замечательно круглыми коленками,— промассируй затылок... угу,— обменялся он взглядом со своей помощницей,— вот вам справка об обращении к нам, а завтра — к труду!

— Как это к труду,— возмутилась супруга. А вдруг сотрясение мозга? А как без рентгена и томографа? Да он в госпитализации нуждается!

Врач добродушно рассмеялся, отрицательно-отказывающе повертел головой, все протягивая справку:

— Никаких показаний, уважаемая, к госпитализации и инструментальному исследованию у вашего супруга не имеется. Так... ушибы небольшие.

Разошедшаяся супруга начала высказывать все, что думала о современной медицине в общем и врачебной помощи в частности и подробно.

Врач заскучал, медсестра приотворила дверь в коридор-предбанник, готовясь выкликнуть следующего из накопившейся очереди страждущих, но здесь в ту же дверь вошел явно знакомый Андрею Сергеевичу врач, хотя и шапочно, но знакомый: жилец соседнего подъезда их дома. Тот тоже смутно припомнил растерянного пациента, кивнул ему и завел с хозяином кабинета какой-то туманный медицинский разговор вполголоса.

Супруга тоже в лицо знала соседа, потому, когда тот, явно чем-то недовольный в ответе дежурного доктора, чуть повысил голос: «Но меня-то, как завотделением, нужно было поставить в известность!» — то притормозила Андрея Сергеевича, которому сейчас только одного хотелось — забыть о конфузе-позоре и мигом выбежать на волю. Дождавшись же окончания разговора двух медиков и тихо справившись у медсестры об имени-отчестве завотделением, она третью корпуса встала на пути его:

— Борис Семенович...

— А-а, уважаемые соседи! Что случилось, что привело в наше скорбное учреждение? — с легким полупоклоном и в нужной, приличествующей малознакомым соседям ласковой интонации спросил, преимущественно ориентируясь на доминирующую супругу, Борис Семенович.

Понимая, а женщины тонко все понимают в житейско-служебном политесе, что заведующий отделением есть не простой врач, потому человек занятый, супруга уложилась всего в два — три десятка слов.

— Ну что ж, по летнему времени койко-места имеются, а здоровье вещь такая, что лучше лишний раз провериться... Так что полежите у нас четыре — пять деньков, рентген и томографию вам, не торопясь, сделаем. Как говориться, с чувством, с толком, с расстановкой. И синяки серьезному инженеру не к лицу, а здесь подживут, затянутся. Оформляй, Фокич.— сегодня я двух выписал из триста шестой. А вам, Андрей Сергеевич, скорой поправки — я уже в ипостаси лечащего врача за этим прослежу.

♦Смешанное женско-мужское отделение встретило супружескую пару прохладцей, понятно, не от отсутствующих в провинциальных медучреждениях кондиционеров, но от дореволюционной аршинной толщины кладки стен и малой этажности здания, окаймленного намного выше протянувшихся к зениту звенящего от летней жары неба тополей и конских каштанов. Время утреннего обхода, потому в длинном коридоре постовая медсестра за своим сложным столом с навесными полками да молодящаяся санитарка лет под пятьдесят, роста «метр с кепкой», со спины смахивающая на неакселерированную шестиклассницу, мелкокурчавая словно обезьянка, весело переругивались с пациентом, торопящимся в туалет перекурить до прихода в его палату врачебного причта:

— Петров! Что на двери-то вашего сортира значится?

— Сама знаешь что.

— Во-во, а ты даже конца обхода дождаться не можешь, не терпится, да? Вот нарвешься на проверку от главврача — выпрут из больницы, а то и вовсе по новому указу штрафанут!

— Не бойся, у нас контингент, он же электорат, почти дурдомовский, травмированный, так что мы вне закона...

Слышавший дурашливую перебранку Андрей Сергеевич было оробел, но супруга подвела его к медсестре:

— Принимайте в триста шестую.

И положила на стол направление.

— А сами дойдете, коль цифры читать умеете? Три койки свободны — выбирай, как говорится, любую на вкус. На ту, что у стенки между окон, не ложись, сетка с одного края проваливается. Петров вот намедни ночью грохнулся, все отделение перебудил.

— Так сильно стукнулся? — обеспокоилась супруга.— Да нет, матом четверть часа громыхал. Ну, идите, идите, а то обход уже в триста четвертой...

Палата поразила Андрея Сергеевича двояко: в отличие от всеобщей обшарпанности старинного корпуса и всего прочего в здравоохранении, триста шестая сверкала свежеоблицованным ласкового цвета кафелем стенами, свежими же полом и потолком, евроокнами. Огорчительной же оказалась величина и количество кроватей: десять штук, включая изматеренную неистовым курильщиком Петровым.

Поздоровавшись со старожителями, вошедшие выбрали только что освободившуюся угловую под оконную кровать. Поскольку супруга поспешно собрала дома все потребное Андрею Сергеевичу, включая доппаек к больничному едову, то обещала навестить завтра вечером, с чем и удалилась заниматься домашними хозяйственными делами. Она тоже позвонила с утра в свою «контору», как истинный инженер советской закваски Андрей Сергеевич именовал ее место службы в крохотной частнособственнической компашке.

Тут подоспела давешняя санитарка-обезьянка и с приговорками-пословицами, разговаривая одновременно со всеми обитателями палаты, включая молчащих и спящих, перестелила кровать нового постояльца. Она же, уловив любопытствующий по объему палаты взгляд Андрея Сергеевича, охотно пояснила: помещение готовили — ремонтировали под операционную, но в последующий момент таковую решили разместить во флигеле здания. Отсюда и облицовка стен, ремонт пола и потолка, обширность самого десятикроватного помещения... а также всего две розетки электрические, оставшиеся от доремонтных времен и отсутствие принятых в больницах индивидуальных бра над кроватями, их включателей-выключателей, пультов с вызовом дежурной медсестры. Их заменяли свернутые в кольца провода, выходящие из стенных отверстий: не успели-таки привести комнату в кондицию до приказа переориентировать планируемую операционную в многоместную палату...

♦До прихода белохалатников Андрей Сергеевич начерно познакомился, то есть обменялся именами, с обитателями триста шестой. С удовольствием узнал, что все в палате, как ходящие, так и травмированно-лежачие, из числа курильщиков. Лишних вопросов, комментируя давешний диалог Петрова с санитаркой, которую, как тотчас выяснилось, в обиходе отделения зовут Гаврошем, а в их палате Гречанкой, о месте курения в свете новейших думских утеснений любителей травки никотианы, задавать не стал. Более того, между обходом и обедом выяснил: единственный в палате травмированно — лежачий, восемнадцатилетний грузин Ваха, или полностью Вахтанг, обросший за время послеоперационного лежания рыжеватой бородкой а ля нынешний чеченский начальник в Грозном, с полным на то основанием и дружелюбным поощрением обитателей палаты курил свои дорогущие сигареты коричневого цвета прямо на своем больничном ложе. Как матерый инженер-изобретатель, Андрей Сергеевич даже восхитился изобретательностью Вахи.

— Пора, однако, и покурить,— с почти неуловимым акцентом сказал Ваха, отложив свой неотрывный планшет и попросив соседа Серегу поставить его на зарядку в тройник у телевизора. Дружелюбно подмигнув новичку, вытащил из-под кровати, как он там называется — домодельный «кальян», то есть двухлитровую картонную коробку с этикеткой виноградного сока, в днище которой вставлена обычная медицинская резиновая клистирная трубка, которую Ваха привычно перекинул через подоконник полуотворенного окна, под которым лежал. После чего закурил, выдыхая дым ароматичной сигареты в питьевое отверстие коробки и время от времени дуя в нее — гнал дым в клистирную трубку.

— Где, Ваха, трубку-то взял? Из дома принесли?

— За-ачем, Сергеич, из дома. Там у меня врачей нет. Гречанка за урок принесла.

Как-то на слово «урок», не гармонирующим с обстановкой, Андрей Сергеевич не прореагировал. Зато отметил, что уносимый Серегой к телевизору планшет — что ни на есть новомодный и сильно дорогущий.

Сам он, как человек старорежимный и мыслящий самостоятельно, ко всем этим гэджикам относился холодно, но, имея взрослых детей, в назначении и стоимости таких придурочьих штуковин примерно разбирался...

Во время обхода Борис Семенович со свитой около кровати Андрея Сергеевича не остановился, только кивнув и прибавив: «С завтрашнего утра обследуем». На Ваху посмотрел одобрительно, дескать, уже сам с ходячей своей каталкой до туалета добираешься, так что через пару — тройку дней переходи на свои — двое! Что-то и другим опекаемым необидное сказал. Зато другой лечащий врач палаты, а они все — хирурги, короткий и толстолицый, обругал предоперационного, как и у Вахи с травмой нижней части позвоночника:

— ...Я сколько раз говорил: лежи на спине и ни в коем случае не вставай с постели! Тебя ведь к операции готовят, а ты — как ни выйду в коридор, так обязательно мчишься в сортир, преимущественно, дымить! Перетерпи и пользуйся уткой и судном, когда жена приходит. Доиграешься, и операция не поможет. Останешься инвалидом в молодом возрасте, да и средств государственных сколько напрасно уйдет на операцию?! Дурдом, действительно, а не палата.

Дурдом не дурдом, размышлял Андрей Сергеевич перед обедом, мечтая о горячем больничном супчике, но палата-то великовата для действительно тяжелых, слабоходящих пациентов. Хотя бы все они о своих хворях всуе не поминали и хохотали на злобу дня и свежие анекдоты. И потом, кровати как-то фигурно расставлены: вдоль одной безоконной длинной стены — паровозиком ложе Андрея Сергеевича, обруганного врачом Олега и два рукомойника ближе к входной двери. А вот вдаль другой, оконный — аж шесть лежбищ перпендикулярно стене. И еще две — опять же паровозиком — посередине комнаты. Самая «центральная» из них, как пояснили охотно Андрею Сергеевичу, постоянно никем не занимается. «Для ночных гостей!» — хохотнул Ваха. На законный же вопрос о ночных гостях все рассмеялись: дождись, мол, Сергеич, ночного часа, сразу просветишься!

...Обед оказался очень даже приличным; все же не голодные девяностые годы. Ваха принципиально больничного не ел, а бородатому Сергею, к которому с воли не приходили, некрасивая, но добрая раздатчица, не спрашивая, уже по устоявшейся привычке, налила по края в большую тарелку самой гущи щей, а в другую положила двойную дозу гречневой каши и два самых больших куска курицы. Хлеба Серега также взял с запасом. Тихо и вежливо поблагодарил за заботу.

♦Андрей Сергеевич — давний и добрый мой собеседник. Когда-то мы вместе с ним служили по инженерной части в тулуповской «оборонке». Она сейчас доживает скорбные свои дни, но приятель мой ей не изменяет. Как и все инженера́ советской закалки, пристрастен к чтению литературы, в основном классики, но я его иногда подзуживаю к знакомству с современными литераторами. Не из «голубосальных» пиарщиков, конечно. Что-то он ругает, а порой и одобряет. Так что он почти безо всякого принуждения и тонких намеков рассказал о днях и ночах триста шестой палаты, как-то разом перешел к аналогии, сравнению больничных нравов и положению в современной словесности. Мысли его, хотя и несколько «непричесанные», представили для меня определенный интерес. Тем более, и пусть на нас вдругорядь всенародно избранные думцы не обижаются, что хорошо заваренный чаек мы с приятелем сопроводили бутылочкой почти неподдельного кизлярского коньяка... Что очень даже побуждает к анализирующей словоохотливости.

Получалось со слов Андрея Сергеевича так, что сейчас врачи и писатели, соот-

ветственно — пациенты и читатели, находятся в одинаковом положении: пишут, борются с недугами и читают с этаким скучноватым энтузиазмом. И никому до всех них дела нет. Разве что господу богу, мудро смотрящему с горних высот на неудобства существования народа, коему выпало тягостное испытание. В который уже раз за век с небольшим?

Если аналогия между болящими и читателями художественной литературы весьма прозрачна — число тех и других, имеются в виду пациенты стационаров, в общей массе населения составляет считанные проценты, то между врачами и писателями эта самая аналогия посложнее. Если у последних удачливые пиарщики в основном сосредоточены в столице, да и число их невелико, то у лечебников возможностей избежать серых, низкооплачиваемых будней в казенных больницах намного больше.

Здесь еще следует первоочередно учитывать, что в девяностые годы каждый провинциальный, уважающий себя университет, как правило, «переквалифицировавшийся» в таковой из технического института, организовал собственный... медицинский факультет! Понятно дело, со ссылкой на отмену обязательного распределения выпускников традиционных мединститутов, что привело к врачебному обезлюживанию провинциального же здравоохранения. А подготовка квалифицированного врача невозможна без сложившихся научно-педагогических школ. Все это нынешние пациенты очень даже ощущают на себе.

Вот потому-то большинство нынешних выпускников «от Гигии и Панакии», которыми они клянутся по Гиппократу, а впрочем, и врачи старших поколений, массово ринулись куда угодно, но только не в госбольницы. Благо вариантов личного трудоустройства много: кто в аптечные сети лекарствами торговать, другие — в медчиновники, в частные лечебно — диагностические (с акцентом на последнем слове) лавочки и так далее. Словом, рыба ищет где глубже... Правда, смотря какая рыба; та же камбала, наоборот, выискивает песчаные мели. Понимай, как кому хочется. Кто в лес, кто по дрова... Словом, больная медицина, больная литература, подытожил свое философское рассуждение добрый мой старинный приятель.

Не совсем я понял аналогии Андрея Сергеевича, но согласился: разброд, шатания, всеобщая неуверенность в завтрашнем дне тут и там. А в эту зиму — весну — лето и вовсе тревожно на душе: америкосы со своими, ими же поставленными, киевскими холуями так ловко и всесторонне продуманно Россию подставили, что даже в украинской глубинке люди, заслышав самолетный гул, останавливаются как вкопанные и, приложив ладошку козырьком ко лбу, смотрят вверх, мысленно определяя: куда аэроплан летит: на запад или восток? Власти же наши демонстративно сугубо внутренними делами занимаются: ужесточают винно-табачные законы, толерантность в народе воспитывают и борьбу с экстремизмом... Опять же каждый занят своим делом. Писатель уже и не знает: о чем дозволено сочинять?

♦Послеобеденные догадки и размышления Андрея Сергеевича о грядущих, таинственных ночных событиях в притихшей по поводу полуденного тихого часа палате прервала стремительно вошедшая Гречанка:

— Ваха! Покурил? Планшет зарядил? Давай делом займемся; хватит тебе голых баб на экране рассматривать, так и до онанизма недалеко. Еще с недельку полежишь, встанешь на ноги и будешь днем и ночью своих малолеток пользовать в натуре!

Ваха добродушно рассмеялся, на локтях поудобнее устроился, полусидя на двух подушках, освободил краешек кровати для санитарки, налил ей стакан сока:

— Пэй, настоящий ежевичный. С Кавказа — не из магазина тухлого.

Оба занялись планшетом, причем гаврошистая санитарка что-то списывала с него с толстую тетрадь, бормоча не по-русски. Ваха скользил указательным пальцем по экрану, переводя кадры.

Проходившая по коридору матерая медсестра Люда заглянула в растворенную дверь:

— Галь! Ты бы хоть для порядка в палате пыль смахнула, а?

— Не до того, Людок, не до того. Ваха через день — другой на ноги встанет, выпишут, а кто мне еще с таким планшетом попадется? А мой ноутбук дома совсем плохо фурычет...

Андрей Сергеевич, только собравшийся вздремнуть в тишине, обвеваемый теплым ветерком из растворенного *своего* окна, заинтересовался шибко продвинутой в компьютерной грамотности санитаркой, решил пойти покурить, около кровати Вахи остановился ненавязчиво и очень даже поразился увиденному: курчавая четким и разборчивым почерком списывала с планшета... слова и целые фразы на греческом языке. Имея инженерное образование, не мог спутать «альфы» и «омеги» ни с чем другим. Опять же прозвище «Гречанка» санитарки уже знал. Как и Гавроша.

Немало подивившись, но, воспитанно не отвлекая занятых делом людей, Андрей Сергеевич проследовал к выходу из палаты мимо стоявшей у двери тумбы с телевизором, между которой и стеной располагалась крайняя в шестикроватном ряду постель Максима. Сон и к нему не шел, потому поднялся и проследовал за палатным новичком.

Постовая медсестра Лена, такая же матерая, как и Людмила, полудремала в опустевшем коридоре за своим постом, но все же одобрительно прокомментировала:

— У вас, мужиков, хоть совесть имеется, поочередно дымить ходите, а вот бабы... Сейчас разошлись, а давеча в очередь стояли в свой туалет курить, а вчерашние две цыганки, что мужиками своими побиты, и вовсе без конца шмыг да шмыг туда! О-хо-хо, хоть бы ночью поспать дали...

И она о ночи, опять встревожился Андрей Сергеевич.

В предбаннике туалета они с Максимом закурили. Как ни странно, Максим, мужчина в самом начале пятого десятка лет, завел речь о книгах. Видимо, обратил внимание, что после обеда, прилегши, Андрей Сергеевич раскрыл захваченный из дома томик Стефана Цвейга со знаменитыми очерками о Толстом, Достоевском и Ницше. Давно все собирался почитать, да руки не доходили. А ладно изданная под «карманный формат» книжка, купленная еще в девяностые годы, все манила... Вот и доманила; нет худа без добра.

Сам Максим из потомственной военной семьи, окончил милицейский юридический институт, ныне закрытый, но в те же девяностые годы занимавший здание бывшего тулуповского обкома. Поработал адвокатом, что-то не пошло, купил «газель» и занялся подрядными перевозками бакалеи из оптовых баз в магазинчики и лавочки. Намедни попал в аварию, сам отделался сотрясением и ушибами, но весь груз побился — рассыпался.

— Понимаешь, Сергеич, хотя и сам вроде как индивидуальный частник, но хозяин магазина никаких форс-мажоров знать не хочет! Плати, мол, двести тысяч за испорченный товар — и все тут! Я бы заплатил, будь моя вина в аварии, но ведь и гаишники в протоколе прямо указали, что в мою «газель» хрен пьяный на внедорожнике врезался. Выпишусь — в судебную тяжбу влезу, но на принцип пойду!

— Н-да, Максим, потратишь ты нервов, хотя принцип — дело святое. Даже если с пройдохами-торгашами связываться.

— Да ну их всех... Хорошо бы страховки хватило на ремонт в знакомом автосервисе. Слушай, Сергеич, у тебя дома библиотека большая?

— За тысячу книг, наверно, будет. А ты увлекаешься?

— Не то чтобы библиоман, но кое-что целенаправленно собираю. Сам я с Дальнего Востока, отец в погранвойсках служил, так подбираю все книги дальневосточных и восточно-сибирских издательств о тамошних военных событиях: от конфликтов на *КВЖД* двадцатых годов до Победы над Японией. У тебя что-нибудь есть из этого?

— Посмотреть надо. Обменяемся телефонами.

— Конечно, обменяемся. Сейчас мало кому дело есть до книг. Докуривай, пойдем один раритет покажу.

В дверях палаты разминулись с только что обруганным лечащим врачом предоперационным автослесарем Олегом:

— А я вам на смену, пока мой коротконогий в ординаторской торчит.

Максим достал из тумбочки книгу в любительском переплете с машинописным, через копирку, текстом:

— Наши поэты-диссиденты и приравненный к ним Высоцкий. Из конфиската тех лет. Вчера проведывал меня однокашник, сейчас в «Кленовом переулке»* служит, в презент принес.

Андрей Сергеевич прилег. Послеполуденный оконный ветерок приятно освежал. На самую малую громкость работал с утра до вечера не выключаемый телевизор. На фоне легкого похрапывания яростного курильщика Петрова бормотала по-древнегречески ученая санитарка, выписывая с планшета в тетрадь античные тексты. Потянуло в сон. И как пары часов не бывало! Проснулся от голоса раздатчицы: «Больные! На полдник кефир и печенье. Подходи, кто ходит». Соседу Максима бородатому Сереге кефир налила — до краев — в его полулитровую кружку и печенья дала сколько смогла захватить в руку.

♦К его пробуждению пристенную кровать центрального ряда — «паровозика» уже заняли. На ней сидел парень лет тридцати пяти, всем видом показывая: места очень даже знакомые. Представившись ближнему соседу Андрею Сергеевичу Витьком, подтвердил: да, в третий раз уже здесь. После чего отворил дверцу тумбочки, проделал, нагнувшись, в ней некие манипуляции, что-то в три приема выпил, не разгибаясь, из стакана. Донесся запах разогревшегося до летней температуры пива. Зажевал бутербродом с колбасой.

— ...Вот, Сергеич, уже в третий раз со своей башкой травмированной сейчас со своим добром на завершающую операцию пришел.

Витек указал на упакованный в полиэтилен ящик, водруженный на тумбочку:

— Здесь всякие прибамбасы из ортопедической мастерской, будут мою черепушку конопатить. Да-а, главное сейчас выжить...

Надо полагать, Витек сегодня начал принимать еще дома, поэтому, освежившись еще стаканом пива, разохотился для монолога с интеллигентным соседом:

— Я на вторую операцию с этим вот ящиком еще полтора месяца назад явился. Но — конфуз случился из-за моей доверчивости. Уже к операции подготовили, выбрила меня жена под Котовского, и врач днем подошел, говорит: готовься, мол, на завтрашнее утро. Есть ничего нельзя, пить — можно. И ушел. А я все думаю: что пить-то можно? В тумбочке бутылка водки стояла — приятель принес; выпьешь, Витек, когда все образумится. Думаю, помирать если завтра, то хоть с музыкой. Вот за вечер без закуски — врач ведь запретил строго-настрого! — всю бутылку и выпил. Врач ведь не уточнял: что конкретно пить можно. Дескать, что не запрещено, то разрешено. Да утром заначенной поллитровкой пивка освежился. Меня и выпихнули тотчас из больнички: иди домой, проспись, подумай хорошенько, а через месяц-другой сызнова к нам...

Затем Витек перешел к своей биографии. После школы работал токарем, даже стал победителем профессионального городского конкурса. Все возмущался, когда цеховое начальство в сговоре с работягами вынудили уволиться: ты, мол, по две нормы в день зашибаешь, приходится эту самую норму для всех остальных увеличивать, народ ропщет... Пришлось наивному стахановцу податься из-за безденежья в

* Так в Тулуповске народ называет областное фээсбешное управление.

конце девяностых подручным к браткам-крышевикам, а те его, как «шестерку», сдали друзьякам-ментам для улучшения их отчетности. Пять лет отсидел, вернулся, женился, снова в работяги определился, да в цеховую аварию попал, головой серьезно пострадал. И здесь подставили; заводское начальство оформило травму как внерабочую, только-то и удалось третью группу пенсионную оформить.

— ...Сейчас никакого шума не переношу, в цеху работать не могу. Хорошо, с лагзака обнаружил у себя способности в резьбе по дереву. Тем и живу. Вот сейчас знакомому богатенькому щучью морду для настенного антуража начал вырезать: он рыбак отчаянный, рыбину как-то здоровенную поймал, захотел ее морду в дереве видеть. Заплатить-то он хорошо заплатит, а дальше что? Хорошо, семья сохранилась — жена и мать, но орут на меня: здоровый мужик, а не работаешь, содержать тебя нам, бабам, приходится! Мне же сейчас — главное выжить, пройти через эту «ремонтную» операцию...

На этом рассказ Витька прервала пришедшая его супруга-учительница, внешне отдаленно напоминавшая моложавую цыганку. И Люда-медсестра, вошедшая в палату с пучком градусников, от которых все постояльцы с презрением отказались, воскликнула:

— А-а, Витек к нам пожаловал, и цыганка твоя примчалась! — Обе дружелюбно поздоровались. Уходя, Люда, обернулась:

— Витек! Если к вечеру не нахлобыстаешься, приходи в процедурную, укол снотворный сделаю. Тебе перед операцией следует две-три ночи хорошо выспаться. И ты, цыганка, его особо не балуй, повторного конфуза врачи не потерпят.

Через пару минут, ставя в тумбочку что-то стеклянное, супруга промолвила то же самое: «Ты уж меня не подведи».

Некоторое время Витек разговаривал с женой вполне мирно, но затем вспылил. «Цыганка» обиделась и ушла. Как догадался Андрей Сергеевич, сосед остался недоволен качеством, то есть крепостью, принесенной «передачки». Витек же, одолжив у Максима мобильник «на пару коротких звонков», стал названивать друзьям-знакомым, завершая разговор одной и той же фразой: «Надеюсь, пузырек спирта-то прихватишь?»

Соседу же пояснил: он вовсе не алкаш, но очень боится за исход операции. Еще он вынул из тумбочки и показал соседу толстый том житий святых.

♦Начался предужинный посетительский час. Вслед за «цыганкой» уже к Вахе пришла целая делегация его грузинских родственников от мала до велика. Гречанка ретировалась, недовольная прерванным «уроком», достаточно явственно ворчала, для проформы протирая тряпкой подоконник около кровати Андрея Сергеевича:

— ...Заботятся, видишь ли. Пока он после операции лежнем лежал на животе, оправлялся в посудины, так никто не приходил поухаживать. Теперь, когда оклемался, лицемеры эти делегациями утром и вечером наваливаются!

— Что поделаешь, Галь,— вежливо поддержал разговор Андрей Сергеевич,— кавказцы народ семейно-компанейский, всегда поддержат в трудную минуту, заботу проявят... хотя и на публику не прочь повоздействовать.

— Вот-вот, повоздействовать. Теперь вот партия за партией к нему до семи вечера станут ходить, а мне домой пора: собака, кошка и кот без жратвы с утра сидят!

— Так иди, конечно.

— Да хотела вечером сегодняшний урок начисто переписать, да не успела на планшете найти перевод всего-навсего одного слова: тала`сса или та`ласса, не знаю как ударение правильно...

— Таласса, Галь, это по-гречески море.

— Да ну-у! Ты, то есть вы, греческий знаете?

— Да нет, просто когда в девяностых полностью «Улисса» Джойса у нас издали, прочитал этот захваленный всем миром роман. А там таласса постоянно повторяет-

ся... чаще даже чем «сопливо-зеленая дублинская бухта». С какой, осмелюсь поинтересоваться, Галя, ты на древнегреческий приналягла? Правда, что ли гречанка по национальности?

— Да нет, из местных, Носковской слободы. Просто зимой этой купила тринадцатитомник Иоанна Златоуста на распродаже закрывающегося книжного магазина в Замостовье. По дешевке. Сейчас пятый том дочитываю...

— На греческом, что ли? — совсем уж изумился Андрей Сергеевич.

— Нет, на русском, но почти на каждой странице ссылка внизу на древнегреческом — и без перевода. Вот и изучаю, чтобы их читать. Смеются надо мною: не поздно ли начала изучать древний язык? А чем поздно, если для нужного дела.

— Вот-вот, Галя, совсем не поздно, тем более что ты девушка еще молодая. Крылов, знаменитый наш писатель, в шестьдесят с гаком лет древнегреческий специально изучил, чтобы басни Эзопа в подлиннике читать!.. и переводить их в своих вариантах на русский язык.

— Ладно, спасибо за талассу. Пошла к своим зверям голодным. С тем и вышла, но через пару минут вернулась, неся в руках подушку:

— Возьмите, Сергеич, а то на одной плохо спится.

Поужинав казенной кашицей «дружба», памятной со времен своих пионерских лагерей, Андрей Сергеевич дополнил ее домашними харчами, с помощью личного кипятильника тайваньского производства сделал чай и, прихлебывая его, продолжил чтение томика о Стефана Цвейга. Усмехнулся горьковато, прочитав фразу в конце очерка Ницше: *«...Но мало того, что никто их не покупает,— даже для экземпляров «от автора» Ницше, поздний Ницше, не находит читателей. Четвертую часть «Заратустры» он печатает на собственный счет всего в сорока экземплярах — и в семидесятимиллионной Германии он находит ровно семь человек, которым он может послать книгу...»*

Это прямо как у нынешних писателей, с двумя-тремя из которых, местных тулуповских, Андрей Сергеевич был знаком: трудятся, бедолаги, иссушая свои головы, по вечерам, ночам и выходным, ибо еще надо отстоять трудодень на работе — себя и семью кормить, издадут на кровные сотню экземпляров книжки и точно знают: хорошо хоть по-советски грамотная супруга пролистает ее! Других читателей он не сыщет.

В палате меж тем Витек слегка повздорил с Максимом: хотя и не жадный человек, но надоел ему травмированный выпрашиванием мобильника; никто не нес ему пузырек спирта... Вот и продолжал обзванивать.

Меж тем ночь приближалась, пугая Андрея Сергеевича своей неопределенностью — со слов старожил палаты.

♦Начало ночи в палате ознаменовалось вполне мирными событиями. Ваха впервые, сползши на животе с кровати, встал на своих двоих без опорной каталки, с минуту постоял, слегка качаясь, и даже сделал пару шагов. Все его поздравили, но упросили больше подвигов не совершать — до утра подождать.

И второе: Витек вернулся из процедурной не солоно хлебавши. Медсестра Люда, попросив дыхнуть, укол ему не сделала, ограничившись снотворной таблеткой.

Наконец, все дружно отказали яростному курильщику Петрову, с утра до вечера «стрелявшего» сигареты. «Поимей совесть,— выразил общее мнение Максим,— не сирота ведь, убеди жену, чтобы приносила!.. Ну и что — стерва! Подумаешь, удивил парень девку своим... Ведь не водку просишь у нее». Петров обиделся, перестал общаться со всеми и пошел просить по другим палатам, включая заселенную цыганками. Подавали слабо, а от гадалок-цыганок еле вырвался.

Наконец-то утомленное долгим июльским днем солнце упало за горизонт, из растворенных окон повеяло свежим ночным ветерком. В половине двенадцатого заглянула Люда:

— Все, мужики, мы с Ленкой идем спать. Курить по одному, не компашкой, ходите. И телевизор хоть на ночь выключите!

Хотя по приглушенному телевизору шел вечерний советский фильм, Андрей Сергеевич потерял бдительность *primae noctis** и заснул. Но часа через два, уже при выключенном телевизоре, проснулся от крика: «Давай, наливай! (далее нецензурно)...» И голос Вахи, по ночам беседовавшего по скайпу своего знаменитого планшета со знакомыми девушками-полуночницами: «Ну-у, Светик, не стэсняйся, побалуй твоего хорошего мальчика, покажись во всэй красе!»

В свете коридорного ночника из растворенной двери и отблеска экрана Вахиного прибора Андрей Сергеевич рассмотрел: на центральной, «гостевой» кровати лежал мужик с перебинтованной головой и в бессознанье сыпал матом, разбавляя его всего двумя цензурными словами: «Давай, наливай!»

Вот оно — началось. Андрей Сергеевич, вообще-то опасавшийся впавших в беспамятство глубоко пьяных людей, да еще контуженных, было забеспокоился. Но здесь вошли Люда с Леной, мастерски привязали новичка медицинскими жгутами руками и ногами к спинкам кровати, всадили умиротворяющий укол и ушли досыпать. Контуженный замолчал. Молчала и палата, только Ваха тихо упрашивал картинку с планшета не стесняться...

И вновь Андрей Сергеевич заснул и уже без треволнений доспал до общего подъема. Максим с бородатым Сергеем уже щелкали какие-то орешки и смотрели по телевизору утренние сводки с украинского (юго-восточного или юго-западного?) фронта. Освобожденный медсестрой от пут и стащивший с головы повязку ночной гость, явно протрезвевший, интересовался: где он, как сюда попал и, конечно, попросил сигарету. Петрова полка прибыло! После завтрака его, как прописавшегося в палате, переместили на свободную кровать в шестиместном ряду, готовя центральную для следующей ночи, так сказать, *secunda noctis* для Андрея Сергеевича...

♦Второй день пребывания в отделении прошел для Андрея Сергеевича, что называется, по накатанной: точное повторение предыдущего; с криками и угрозами круглолицего врача на травмированного Олега, не желавшего лежать на животе, но регулярно уходившего в курилку. И Гречанка брала очередной урок у Вахиного планшета. Максим с бородатым Сергеем все щелкали какие-то орешки, которых у бывшего адвоката имелся поместительный мешочек, принесенный женой. Петров лежал молча, ни с кем не разговаривал, но в вечернее посещение его жена и супруга прибывшего в ночи смилостивились и принесли им по пачке самых дешевых сигарет. Олег помирился с навестившей его «цыганкой», что-то выпил, нагнувшись над растворенной тумбочкой, закусывая помидорами и колбасой.

Медсестер Люду и Лену заменили на текущие сутки как две капли воды похожие друг на друга и смененных ими товарок Антонина и Маша.

В связи с этим Андрей Сергеевич, ранее полагавший из давней своей пациентской практики и нынешних сериалов, что все медсестры суть молодые, изящно-стройные блондинки, либо томные шатенки с глазами «с поволокой», что говорит об обольстительно сдерживаемой страсти, сделал вывод: в подразделениях лечебниц костоломно-травматического, хирургического и неврозного характеров и медсестры подстать серьезности заболеваний и специфике континента-электората: среднестаршего возраста, матерые в своей коренастности. Но в то же время склонные к ироническому отношению ко всему и всея, с редким для женщин, тем более медичек, чувством конкретного юмора. Такие в беде не оставят, но и сюсюкать не расположены.

...Главным же героем триста шестой «краснознаменной ордена Буратино», как ее

---

* Первая ночь (лат.); из средневековой формулы римского права: Jus primae noctis — право первой ночи...

именовал бывший адвокат Максим, этого дня стал Ваха: безо всякой опорной каталки, только внимательно глядя под ноги и не сгибая травмированный низ позвоночника, подстраховываемый абсолютно трезвым с утра Витьком, он сходил в туалет на своих двоих: по большой, малой и никотиновой нуждам.

Во вторую ходку подстраховать Ваху вызвался Андрей Сергеевич. За курением в предбаннике туалета грузинский юноша кратко изложил свою биографию: жил в Грузии, на Украине, сейчас в Тулуповске, знает, соответственно, грузинский, мингрельский, слегка — кахетинский и абхазский, русский и украинский языки. Окончил девять классов, занимался дзюдо в шестой тулуповской спортшколе, шел на *КМС**, но перед решающим соревнованием в Кстово загремел вот сюда. Скорее всего, со спортом закончено. «Придется в шахматы податься,— рассмеялся Ваха,— или вплотную заняться спаррингом с девушками!»

— Так ведь любовные утехи требуют физических усилий, как бы на твоем позвоночнике не отразилось? По крайней мере, поначалу, после выписки.

— Нэ, Сергеич, Борис Семенович сказал: первые полгода, а лучше и целый год, ни в коем случае не сидеть. Только стоять — ходить и лежать, вытянув ноги. Лучше всего на животе или на боку. А это, как сам, Сергеич, по боевой молодости помнишь,— самые-то позы в спарринге, ха-ха-ха!

Поведал Ваха — по наводящему вопросу — и историю своей травмы:

— У нас здесь в городе, в неперестроенном еще старом центре, есть трехэтажный дом. Грузинским окрест зовется. Как бабушка говорит: еще до революции его построил грузинский купец и заселил земляками. Так и живем: дружно, все праздники любой семьи — всем домом празднуем. А две недели назад отец с Украины по делам приехал да у двоюродной сестры день рождения... Вот, сидя на подоконнике, и выпал с третьего этажа. Обидно, почти трезвый был! Приземлился на ноги и поначалу ничего не почувствовал. Посмеялся с нашими ребятами во дворе, выпили, покурили. Спать лег — все о'кей, а утром проснулся — как гвоздь в поясницу вбили. И меня сюда на «скорой» с сиреной и мигалкой. Врачам, конечно, сказал, что в два часа ночи пошел на крышу антенну телевизионную поправить, поскользнулся...

На обратном пути в палату, заметив единственную в отделении молодую девицу, что, как приметил ранее Андрей Сергеевич, явно скучала, готовясь к выписке и, будучи одетой в шорты, демонстрировала хорошо загорелые ноги, Ваха махнул спутнику рукой — сам, мол, дойду — и вступил в беседу с обольстительницей. Надей ее звали.

♦К вечеру травмированный Витек серьезно «заложил за галстук» — все же пришел приятель со спиртовым доппайком — и заснул без снотворного до утра. Супруга Андрея Сергеевича принесла, не забыв оделить палатных коллег мужа, свежеиспеченных мясных пирожков, а Максим задумчиво произнес, что сегодня пятничный уикэнд, время корпоративов, с каковых обычно и привозят сюда самых интересных ночных гостей. Да еще Андрей Сергеевич под пирожки с пылу-жару напился чаю так что спасительный сон вовсе с темнотой на улице не шел. Даже намеков не посылал. Тем более, Максим с Серегой затеяли после полуночи смотреть теледебаты на тему войны Украины с Новороссией.

Поставив Вахе и Петрову процедурные оздоровительные капельницы, Антонина и Маша ушли почивать в сестринскую комнату, горестно кивнув на слова Максима: «Вы, сестрички, особо не засыпайтесь — пятница сегодня!»

В половине первого Максим, пробормотав «Сталина на вас всех нет!», выключил «ящик» и отправился с Серегой покурить на сон грядущий. Еще через четверть часа в заснувшую палату вошла все в тех же шортах девушка, вернее, бывшая таковой до четырнадцати лет, как затем уяснил из ее разговора с Вахой Андрей Сергеевич, Надя

* Кандидат в мастера спорта.

со своим светящимся экраном смартфоном-айфоном, присела на край кровати. Ваха со своим знаменитым планшетом и ночная гостья со своим же гэджиком начали скакать по интернету, перекачивая друг другу картинки из личной жизни.

Поневоле бодрствующий Андрей Сергеевич выслушал много интересного из жизни современной девической молодежи. Невольно порадовался, что дочерей в его потомстве не завелось... Семнадцать только-только исполнилось. Занимается уже год в студии Нелли Мухиной, готовящей для тулуповских частных клубов и приличных ресторанов танцовщиц «на жести», то есть, как понял Андрей Сергеевич, стриптизерш, крутящихся на шестах. С этой самой «жести» она и грохнулась башкой о пол эстрады: «Катька — сука, у которой я отбила парня, на занятии по гимнастике подмазала мой шест кремом. Ничего, выпишусь через пару дней, я ей...» Здесь громко захрапел Петров, Андрей Сергеевич не расслышал, что она с Катькой сотворит. Ваха рассмеялся: «Не слишком жестоко? А если тебя поймают?»

Еще Надя долго расхваливала себя, не очень-то личиком вышедшую да еще и белобрысую: «...Я очень в городе известная, со мной многие знакомятся по инету и на дискотеках. Жаль, еще год у Нельки дрочиться на жести, но исполнится восемнадцать — на настоящую эстраду выйду, бабки хорошие потекут от клиентов, куплю такой же вот планшет!»

Все же Андрей Сергеевич под рокот голосов ночной парочки слегка задремал, но ненадолго, менее чем на час. Ваха с Надей хихикали, глядя на экран планшета. Иногда «жестянщица» восторженно восклицала: «Ого! Даже голова кружится — не от травмы, все уже зажило. Просто представишь себя на ее месте...»

Петров выдал храповицкого аж на четверть часа, после чего Максим крикнул, проснувшись: «Да повернись ты, так твою растак, на бок!» Снова в тишине ночной палаты по стенам и потолку бегали блики Вахиного планшета — и нескончаемый разговор полушепотом: «...Знаешь, Ваха, я, конечно не из ботаников, а предрассудками с восьмого класса не страдаю, но... как бы сказать, я не против поддержать с тобой Монику с Клинтоном, как наша Нелька вперемежку с матом говорит, когда злится на нас,— но, понимаешь, сейчас у меня новый парень. Как-то стремно. «Дурра! — не сдержался Ваха,— причем тут парень? Хоть сто парней! Они же не на соседней койке? Ладно, проехали, как хочешь, давай-ка один фильмец посмотрим...»

♦Не успел Ваха со своей целомудренной ночной подругой прокомментировать забойное начало фильма, как со стороны коридора через настежь растворенную палатную дверь послышался грохот стальных лифтовых ворот и грубый голос мужика — санитара приемного отделения: «Девки! Тоня, Маша! Принимай постояльца. Сказал Фокич: в триста шестую на центровку!»

Сонные медсестры ввели в палату и уложили на кровать веселого, но чрезмерно пьяного гражданина с традиционной повязкой на голове, стащили с него летнюю куртку и уложили, порекомендовав самому снять ботинки. Минут пять в палате слышались только похихикавание Нади и одобрительное хмыканье Вахи. Затем, очухавшись, новоприбывший с грохотом свалился с кровати, но с алкоголизированной живостью встал, рассмеялся:

— А где это я? Карина? — мы еще в Италии?

— В больнице ты,— пояснил Ваха,— с пробитой головой. Лежи, дорогой, покойно, мешаешь.

— Как в больнице? А что, уже американцы нас окружили? Да я и сам наполовину американец...

В скудном освещении через растворенную в коридор дверь Андрей Сергеевич наконец-то рассмотрел «центрового»: молодой, достаточно высокий, несколько полноватый мужик. Действительно, мягкая манера говорить и как-то по-импортному

закругленный кончик умеренно мясистого носа действительно намекали на облик подгулявшего янки.— Если бы не полное отсутствие акцента.

Некоторое время тулуповский янки монологически, ибо сладкая целомудренная парочка перестала обращать на него внимание, остальные спали либо, как Андрей Сергеевич, притворялись таковыми, выяснял, трудновато решая побитой головой задачку со многими неизвестными: почему он в больнице и зачем ему «заштопали мозги» да еще в окружении американских и украинских спецназовцев; кому из соседей по палате он одолжил на время настоящий швейцарский «ролекс», что эта Каринка из Италии к нему на такси не мчится, куда запропастился Юрка, с которым они не успели-таки допить третью бутылку текилы? И так далее. Вошедшей же взглянуть на него сонной Антонине он заявил с прямотой свободолюбивого янки: «Мадам! Распорядитесь подать мне сто грамм текилы... только настоящей, не поддельной из Краснодара». На что дородная медсестра сплюнула, одобрительно взглянула на изучающих компьютерную грамоту Ваху с Надей, промолвила: «Спите, больной, а то я закачу в задницу тебе сто грамм успокаивающего!» И ушла досматривать специальные медицинские сны. Ваха же, на миг оторвавшись от планшета, добродушно добавил: «Спи, отдыхай, дорогой. Жаль я сейчас не в спортивной форме, а то бы дружески успокоил тебя без американо-украинского спецназа...»

Меж тем, окончив вопросительный монолог, домодельный янки о чем-то задумался, вдел, как гусар ментик, правую рукув рукав куртки и неуверенно направился к двери, великодушно сказав: «Кто мой «ролекс» найдет — дар-рю!» И вышел. Через минуту из отдаленного конца коридора послышался дробящийся грохот: это как мешок с капустой упадет у нерадивого хозяина в подпол через люк, разорвется по швам, а кочаны побегут наперегонки по цементированному полу...

По пробуждающейся женской доброте Надя оторвалась от планшета и побежала в сестринскую. Сообщив о падении, вернулась к Вахе.

Уже не Антонина, но Маша, незлобно бранясь, ввела в палату янки в гусарском ментике и пригвоздила его к постели, заодно пояснила примолкшей палате, адресуясь вроде как к возмутителю больничного режима: «Какой тебе Юрка? Он же тебя, как мне санитар из приемного говорил, со своей на сносях женой и доставил сюда. Забыл, что с ним праздновали пятый месяц беременности Юркиной жены, а ты грохнулся башкой о текильную бутылку, что сам и свалил со стола на пол! Спи и другим выспаться дай, если совесть имеешь...»

Снова десять минут покоя, но затем, обнаружив в кармане мобильник, включил его и начал названивать: «Карина, милая моя, ты где? А-а, в Италии, в Фиуме*. А меня американцы в плен взяли, срочно садись в такси и через полчаса будь здесь. Я пошел в приемную ждать тебя». И снова неуверенно, но уже целеустремленно вышел в коридор. И опять нерадивый хозяин, у которого руки не из того места растут, уронил в подпол мешок с капустой... На этот раз ни Надя, ни медсестры не обеспокоились. Через четверть часа заблудившийся янки ввалился в палату и рухнул на «центровку».

...Уже Юрке он звонил раза три; после каждого звонка проделывая все тот же поход в коридор в поисках приемного отделения больничного корпуса. С тем же грохотом и возвращением в палату номер триста шесть.

Уже утренняя заря забрезжила за окнами, и Надя ушла к себе отсыпаться. И Ваха задремал, погасив экран планшета, когда герой второй ночи, до́бро простив всем и всея грехи, еще раз пожелав счастья новому владельцу «ролекса», вышел в коридор в

* Город на севере Италии. «Фиуме спьяну взял Д'Аннуцио...» — писал наш пролетарский поэт; Д'Аннуцио — итальянский поэт-футурист, в Первую мировую войну командовал ротой в итальянской армии

очередной раз. Грохот падений все затихал и затихал по удалении его, уже слабо доносился с лестничных маршей и... навсегда затих. Здесь Андрея Сергеевича сморил вымоленный им у высших сил сон.

Наутро, благо расслабляющая больничная суббота, вся триста шестая спала почти до развозки каши и кофейного напитка из полезного для здоровья ячменя с овсом на завтрак. А Гречанка сообщила последние известия: все-таки ночного постояльца забрал до восхода солнца друг Юра: повез опохмеляться текилой и долечиваться в домашнем покое.

Восход вошедшая со вновь гордо отвергнутыми градусниками Антонина добавила: «Ушел все-таки, стервец!» На что Максим заметил: «Ну и хорошо, вам же хлопот меньше. Как говориться, баба, извиняюсь, с возу — кобыле легче!» — «Не скажи, нам аккордно платят за вновь поступающих и первично обработанных пациентов, а раз ночью пришел и тогда же ушел, в журнал отделенческий не записан, то получи, фашист, гранату, распишись за пулемет! Как у нас в госпитале, где по молодости работала, говорили...»

Гречанка продолжила: дескать, хозяин фирмы какой-то; что ж у нас даже предприниматели — бизнесмены такие пьяницы! На что Максим резюмировал: «Слава богу, хоть что-то порядочное, человеческое в них осталось!»

♦Примерно так же прошли в триста шестой палате уикэндовские суббота и воскресенье. В понедельник после завтрака Олега увезли на операцию, а в обход выписали Петрова, героя первой ночи и Андрея Сергеевича. Первые двое, как представители свободных, алкозависимых профессий, скупо попрощавшись, тотчас ушли. Андрей Сергеевич до часу дня ждал больничный лист.

Привезли на каталке прооперированного Олега, уложили в кровать на живот. Через полчаса он отошел от наркоза, наощупь достал из тумбочки сигареты и зажигалку, закурил, стряхивая пепел в услужливо подставленный на пол обок кровати Витьком стакан.

...Дорассказав, Андрей Сергеевич поблагодарил хозяев за гостеприимство, за чай-сахар и убыл домой.

— Смотри, Сергеич, больше через канавы не перепрыгивай,— напутствовал я его.

— А их сейчас спешно таджики зарывают и плитку докладывают. Ураза-байрам с месяцем рамаданом закончились, наступили трудовые будни, так сказать.

...Так в моей памяти остались дни и ночи триста шестой палаты — для будущих литературных ассоциаций. Тоже так сказать.

...Добрый все же наш народ: нищие писатели и ошалевшие от безнаказанности чиновники, чудом сохранившиеся ученые и инженеры, торгаши-предприниматели и измученные «болонским процессом» училки всех родов и полов, героические медики и вмиг ставшие «патриотами» *олигархеры*, разворовавшие 1/6 часть земной суши, несчастные бомжи и счастливые сержанты «службы услуг правопорядка», пьющие и курящие с их антогонистами. Все добрые — русские, хохлы и таджики на заработках, потомки ветхозаветного народа, не уехавшие на историческую родину, настороженные татары и кавказцы, казаки и чеченские воины на баррикадах восставшего Донбасса, отошедшие от мокрых дел бандиты и губернаторы-взяточники. Все, все, все... но только пока они в России живут. Уехав же на *ПМЖ*, резко меняются. К худшему. Кроме русского человека, да и того искусственно возрожденный атавизм частнособственничества отчасти портит.

Николай Макаров
(г. Тула)

СКАЗКИ О ПАРОВОЗИКЕ

ЗНАКОМСТВО

В одной сказочной стране жил Маленький Паровозик. Если Большие Паровозы ездили по большим и широким рельсам, то Маленький Паровозик двигался по маленьким и узким рельсикам.

Большие Паровозы со своими вагонами проносились мимо, не замечая никого вокруг.

Ах, как завидовал Маленький Паровозик этим Большим Паровозам. Как ему тоже хотелось мчаться куда-то далеко-далеко. Как хотелось выпускать клубы дыма, похожие на маленькие облака. И не свистеть комариным писком из своего маленького паровозного свисточка, а трубить могучим басом большого паровозного свистка.

Ах, как ему всего этого хотелось...

Но приходилось каждый день: и зимой, и летом, в дождь и в метель вставать рано утром, умываться холодной водой, делать зарядку, есть манную кашу. Да-да, в сказочной стране и Маленькие Паровозики делают утреннюю зарядку и едят манную кашу. А после этого идти и прицеплять такие же маленькие, как и он сам, вагончики и медленно ездить по своим маленьким и узким рельсикам. Катать малышей и малышек.

А вечером — отцеплять маленькие вагончики, возвращаться домой, чистить свои колесики, ужинать, смотреть вечернюю сказку, умываться теплой водой, не капризничать и ложиться спать.

Чтобы завтра все начать сначала.

ХМУРОЕ УТРО

За окном шел мокрый, противный снег. Солнышко и не думало выглядывать из тяжелых, низко нависших туч и будить Паровозика, как в радостные солнечные дни будило Паровозика своими зайчиками, отражаясь от его блестящих деталей.

Паровозику тоже в это утро не хотелось вставать и идти возить свои вагончики. Да и кому в такое грязное ноябрьское утро взбредет в голову куда-то ехать, куда-то идти, чем-то заниматься? Разве что, понежиться подольше в постели, попить горячего с клубничным варением чая со сдобной булкой, посмотреть интересные книжки и... И опять — под теплое одеяло досматривать свои паровозиковые сны.

Паровозик так и хотел поступить. Но прежде чем сесть за стол пить свой утренний чай, он — как и все воспитанные дети — почистил зубы, умылся, посмотрел в зеркало и...

На Паровозика из зеркала смотрело Солнышко: маленькое, причесанное, умытое,

такое родное и милое Солнышко, что Паровозик, одним махом проглотив чай с клубничным вареньем и сдобной булкой, быстро оделся, выбежал на улицу, прицепил свои маленькие вагончики. И весело покатил по своим маленьким рельсикам, несмотря на мокрый, противный снег, вместо Солнышка даря детишкам и взрослым в это ноябрьское грязное утро веселых солнечных зайчиков.

БРОНЕПОЕЗД

В спальне у Паровозика над его кроваткой висит в рамке удивительная картина.

По рельсам мчится вроде бы обычный состав из Паровоза и вагонов. Но и Паровоз, и вагоны какие-то странные — все одеты в толстые стальные щиты. На этих щитах — большие Красные Звезды.

Сверху на этот необычный Паровоз и вагоны из самолетов с черными крестами падают бомбы, вокруг рельсов рвутся снаряды. Еще немного и попадут вражеские бомбы и снаряды в необычный состав и разобьют его на мелкие кусочки.

Но не тут-то было. Состав, знай — несется вперед, стреляя из всех своих пушек и пулеметов. Вот — сбит один самолет с черными крестами, подбиты два огромных танка с такими же черными крестами, вражеские солдаты убегают от метких пулеметчиков...

— Это — мой дедушка,— рассказывает всем Паровозик.— Бронепоезд называется.

В Великой Войне, в которой мы победили, мой дедушка тоже участвовал. Он — Победитель. А я — внук Победителя!

КТО ЛУЧШЕ

Как-то раз с Маленьким Паровозиком поспорил Маленький Самолетик.

— Самолетом в любое место на земле можно долететь,— хвастался он.— А Паровозики только по рельсам могут двигаться. Нет рельсов — и Паровозик не поедет. И самолеты намного красивее паровозов с вагонами.

Думаете, наш Маленький Провозик обиделся, заплакал от такой несправедливости? Да, не везде имеются рельсы. Но сколько грузов, сколько пассажиров может за один рейс перевезти железнодорожный состав. Не то, что самолеты. Он же, Маленький Паровозик, не хвастается этим. Не говорит, что он лучше и красивее всех.

— И не только мы с тобой,— отвечает Маленький Паровозик Маленькому Самолетику, — перевозим пассажиров и грузы: корабли — по морям и рекам, автобусы и машины — по дорогам.

Подумал, подумал Маленький Самолетик, вздохнул и добавил:

— Да, Маленький Паровозик, ты — прав.

Конечно, Маленький Паровозик был прав. Кто-то красивее, кто-то больше, кто-то сильнее, но все по-своему приносят пользу людям, служат им.

Сергей Норильский
(г. Тула)

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА
(глава из книги)

Сергей Норильский (Сергей Львович Щеглов) — автор более двадцати документально-художественных, историко-краеведческих, литературно-критических, литературоведческих, публицистических книг и брошюр. Составитель и автор текста пяти томов Книги памяти жертв политических репрессий в Тульской области. Член Союза журналистов СССР и России с февраля 1959 г., член Союза российских писателей. Печатается с 1937 г. Лауреат литературной премии имени Льва Толстого. Дважды удостоен журналистской премии имени Глеба Успенского. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и другими, Почетной Грамотой Верховного Совета РСФСР и многими другими. Ветеран Великой Отечественной войны и труда. Один из основателей и с 1990 года бессменный председатель Тульского историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал».

Сергей Львович заканчивает две историко-литературоведческих книги: одну о поэте Владимире Лазареве, другую — о последнем секретаре Льва Толстого Валентине Булгакове. С обоими довелось автору работать, даже в какой-то степени дружить. В обеих книгах будет глава, которую Сергей Львович любезно предложил нашему журналу.

Пятого сентября 1966 года Иван Панькин, назначенный в издательстве редактором моей книги о современных тульских писателях, в том числе о Булгакове, сообщил мне, что Валентин Федорович в больнице и в очень тяжелом состоянии.

В этот же день приехал в Тулу из Москвы Володя Лазарев (он учился тогда на Высших литературных курсах). Зашел, как всегда в редакцию «Коммунара», и я передал ему грустную весть. Володя сказал, что завтра с утра поедет в Ясную навестить родителей.

— Ну вот, навестим и Валентина Федоровича.

На следующий день встретились на автобусной остановке у стадиона «Тульские Лужники». Рядом со входом в глубине небольшой площади перед монументальным зданием областного управления МВД виднелся корпус тюрьмы, тогда еще не скрытый от прохожих и проезжих городского проспекта (позже тюрьму закрыли пятиэтажным домом вахты и администрации).

Володя сообщил мне, что звонил главному врачу яснополянской больницы Чулкову, и тот разрешил на пять минут зайти к Валентину Федоровичу.

Лазарев указал глазами на тюремный за́мок:

— Таких Екатерина Вторая возвела по всей стране несколько. Валентин Федорович сидел в этом.

— И все эти за́мки в плане изображали букву Е,— уточнил я.— В одном из них в сибирском Омске четверть века назад мне пришлось почти год сидеть под следствием по обвинению в антисоветской агитации.

— Ну вот,— усмехнулся Володя.— Валентин Федорович сидел при царе Николае, а ты — при царе Иосифе. Булгаков провел в Тульской тюрьме несколько месяцев за антивоенное воззвание: «Опомнитесь, люди-братья!» Он был верен заветам Толстого. Какое мужество надо проявить, чтобы в шовинистическом угаре военного психоза, охватившем огромную страну, да и всю Европу, во весь голос провозгласить миротворческий призыв!

Когда мы приехали в Ясную, отец и мать Володи трудились на огороде.

— Что же нам принести больному? — озаботился я.

— Из еды ничего не надо,— сказала Софья Лазаревна.

— Может, подарить мою новую книжку? Да ведь старику сейчас, поди, не до книжек,— раздумывал Володя.

Сборник стихов «Семь цветов надежды» был только что выпущен в Москве издательством «Молодая гвардия».

— Ну почему же,— возразил Яков Лазаревич и отставил лопату.— Булгаков писатель. Будет в самый раз.

— А что надписать?

Я предложил:

— «Выздоравливайте, дорогой Валентин Федорович! И скорее возвращайтесь к работе, которая нам всем так нужна».

Володя взял сборничек и начал писать.

...Мы не торопясь шли по берегу Большого пруда. Говорили о Валентине Федоровиче, встречах с ним, о его работе в тульской писательской организации, о его книгах.

Стоял один из тех солнечно-золотистых сентябрьских дней, которые так очаровательны в Подмосковье. Володя то и дело останавливался, любуясь окружающим. Увидел фасонистого желто-красного петуха, высокомерно смотревшего на нас, расхохотался:

— Вот дурак! Недавно мы с Галей Медведевой прогуливались здесь и видели, как мужики воруют яблоки в здешнем совхозе. За поллитра сторожу. Предлагали нам полакомиться... Смотри, смотри! — схватил меня за руку.— Утки тоже наворовали яблок!

Две птицы барахтались у берега в воде и клевали плавающие плоды.

Володя рассказал о тульских писателях Лаврике и Елькине, разрабатывавших волнующую тему «Ружье в подарок Ильичу», о Панькине с его мастером Тычкой.

— До создания писательской организации Елькин, Кольчугин и Юдкевич вместе с Виноградовым стояли у кормила альманаха «Литературная Тула», единственного издания в области, где можно было напечататься.

Володя рассказывал, как в начале своего творческого пути получил письмо от Твардовского из «Нового мира», куда послал несколько стихотворений. «Стихи Ваши еще слабы,— писал автор «Страны Муравии» и «Василия Теркина»,— но можете стать поэтом, если пойдете в жизнь и станете ее перелопачивать».

— Получив это письмо, я всю ночь ходил по Туле и наутро принял решение: вместо того, чтобы подавать документы в педагогический на филфак, куда было нацелился, поступил в механический — учиться на инженера и потом работать в промышленности, тут самая гуща жизни.

Я слушал рассказ и думал о том, что все-таки не стал Лазарев работником промышленности, а посвятил себя поэзии. И не напрасно. Вот в руках у него еще один сборник стихов, и он свидетельствует, что не зря выбрал юноша литературную стезю.

Он успел поведать еще о встрече с Николаем Асеевым, которому тоже послал свои первые стихи. Знаменитый поэт, друг Маяковского, поддержал начинающего стихотворца.

— Я осмелился и заявился на квартиру к Асееву. Дверь открыла женщина и сказала, что у Николая Николаевича плеврит, и он никого не принимает. И тут я услышал этакий хриплый басок: «А кто это там?» И на ответ женщины, что это молодой человек из Тулы, Николай Николаевич вместе со своим плевритом вышел мне навстречу в коридор, провел меня в комнату, усадил на диван, и у нас началась беседа. Сначала о моих стихах. Потом он рассказал о своей юности, как по пути в армию на Дальний Восток спрыгнул с поезда и долго бродил по тайге. Он был пацифистом. Оставался пацифистом и после революции. И даже в начале Великой Отечественной написал что-то такое... не в духе времени, и его вызвал секретарь Союза писателей генерал-лейтенант Щербаков, топал сапогами и кричал: «Мы тебя расстреляем!» «Я здорово испугался,— говорил мне Николай Николаевич,— но виду не подал и сказал: «Вы на меня не кричите, я поэт». Было время — Асеева не печатали. Но потом запрет сняли.

Я рассказал Володе, что тоже видел Асеева, но только не так, как он. В конце сорокового — начале сорок первого, когда я учился в Москве в областном пединституте, туда приглашали для встречи со студентами именитых московских литераторов и артистов. Так мы повидали и послушали Алексея Суркова, Николая Асеева, Юрия Крымова и других. Асеев только что напечатал поэму «Маяковский начинается», она была у всех на слуху, и он читал из нее главы в зале нашего института. Я сидел в первых рядах недалеко от него, всматривался в его лицо и вспоминал, как Маяковский, беседуя с Пушкиным, сказал: «Есть у нас Асеев Колька: этот может, хватка у него моя...»

Лазарев продолжал:

— После беседы с Асеевым я отнес стихи в «Литературку», их приняли. А когда я сказал, что Асеев обещал написать им «Доброго пути!», сотрудник пробормотал: «Асеев? Не та фигура!» И осведомился, кто мой руководитель на семинаре в Высших курсах: «Матусовский? Вот его и попросим написать». Так меня и выпустили в свет с напутствием Матусовского.

У поворота к больнице встретился Николай Александрович Милонов, с ним Ирина Евгеньевна Гринева. Они направлялись в дом-музей; показали нам пачку программ Толстовских чтений в пединституте. На обратном пути тоже намеривались навестить Валентина Федоровича.

У входа в корпус больницы нас суровым взглядом осмотрели два покрашенных бронзой льва, разлегшиеся у ступенек. Молоденькая медсестра подала белые халаты.

Валентин Федорович лежал в четырехместной палате на первом этаже. Под простынью вздымался живот, голова утонула в подушке. На щеках был его обычный слабый румянец, но вокруг глаз — землистые круги, каких раньше не было. Лицо осунувшееся, на верхней губе топорщатся белые усы. В слегка приоткрытых губах поблескивают в ряду зубов никелированные вставки.

В ответ на наше приветствие Валентин Федорович повернул к нам взгляд.

— Спасибо. Что у вас нового?

— Сергей Львович только что сдал в Приокское издательство рукопись литературно-критических эссе, среди них на первом месте — о Вас,— счел нужным проинформировать больного Лазарев. Меня это смутило: ну до того ли сейчас Валентину Федоровичу?

В груди у него время от времени слегка посвистывало, руки на одеяле; белопрозрачная плоская правая кисть с большим коричневым пятном на тыльной стороне. Правый глаз открыт лишь на половину, иногда больной ладонью смахивает слезу.

— Вот, не рассчитал,— как бы извиняясь, тихо говорил он.— И ведь предупреждал себя: если хочешь... довести свою работу... до конца,— будь осторожен... Встанешь утром... поди, прогуляйся, а не садись сразу... за работу. Так нет же... не послушался. Да ведь торопился... надо было сдать срочную работу в издательство.

— Успели? — спросил Володя.

— Успел. Но не отправил. Надо еще ошибки... проверить.

— Когда же сюда легли?

— Шестнадцатого августа... Сижу за столом... работаю. И вдруг начинаю... чувствовать, как в левой руке... что-то такое происходит... будто бы по частям что-то... выходит из меня. Попытался двинуть рукой — не двигается. Попытался... встать — левой ноги не чувствую.

— Вы были один?

— Один. Все же... добрался кое-как до окна... выглянул. А там гулял мальчик... мой большой друг. Я его позвал... и попросил, чтобы он послал ко мне... Наталью Ильинишну... это старушка, которая помогала мне... по хозяйству. Ну, потом пришел врач... и сразу же поставил вопрос... о том, чтобы переехать в больницу... Мне это... конечно, мало улыбалось. Ну, а сейчас... что сказать? Стараюсь набираться терпения.

— Что же говорят врачи?

— Говорят по-разному... Один — что может... пойти на поправку... через несколько недель. Другие — через шесть месяцев... Диагноз — не паралич... а парез. Я пытался выяснить... чем отличается... этот парез... от паралича. Оказывается... паралич неизлечим... а при парезе... жизнедеятельность органов... может восстановиться.

Он взял правой рукой левую,— она была как плеть. Приподнял осторожно и опустил.

— А ощущение передается?

— Да. Только двигаться не может... И ведь было у меня... недели за две до этого... Сижу так же... работаю. И вдруг чувствую... пустота в левой руке... Это она мне знак подавала... А я... не прислушался.

— Может быть, кто-то прочитал бы Вам Вашу работу, чтобы проверить ошибки, а потом отослать? — предложил я.

— Не знаю,— слабо отозвался он.— Да и кто станет читать?

— А Ваши дочери?

— Одна в Москве... другая в Новомосковске... Обе заняты... на работе. Не хочется... отвлекать.

(Потом нам сказали, что приезжал к нему брат из Москвы, Вениамин Федорович; приезжали и дочери.)

Порасспрашивали мы еще Валентина Федоровича о его жизни в последнее время: как питался, ходил ли в яснополянское кафе обедать, как раньше, после того, как умерла жена — Анна Владимировна.

— Нет, я уже давно туда не хожу, мне обед приносили. С тех пор перестал ходить... как в сугроб попал. Шел я тогда от музея... в одной руке... портфель... а в другой... в сумке... очень ценная книга... которую я взял в музее на несколько дней... для работы. И так... с высоко поднятой сумкой в руке и портфелем... пытался выбраться из... ямы... очень долго барахтался. Зрелище... наверно, было... довольно любопытное.

Улыбнулся, виновато глядя нам в глаза.

Володя передал ему свою книжицу. Валентин Федорович взял, глянул на нее и спросил:

— А автограф?

Лазарев перевернул страничку и показал надпись.

— Ко мне не так давно... один товарищ из Сибири... приезжал... представьте... за

автографом. Он высказал такую мысль... Если, скажем, книга стоит... рубль, так с автографом... десять. Видимо... он выразил... таким образом... философию тех... кто охотится... за автографами. Только... нашел для этого... такой неподходящий измеритель... рубли. По сути же... книга с автографом... действительно значительно... превосходит ту... что без автографа.

Еще немного поговорили, но чувствовали: время истекло.

— Пойдем, Сережа,— сказал Лазарев.— Мы утомили Вас, Валентин Федорович.

Пожелали мы ему скорейшего выздоровления, выразили уверенность, что на предстоящем юбилее (в ноябре Булгакову исполнилось бы восемьдесят) будем приветствовать его при полном здравии и прежней бодрости. Но каждый из нас ощущал, что надежды на это мало.

В вестибюле ждали своей очереди Милонов и Гринева. Мы передали им халаты, и вышли в парк. Зашли в такой же белый, как больница, дворец культуры дома отдыха «Ясная Поляна». Долго ходили среди лип, кленов, берез, дубов, вязов и тополей; в кронах уже пробивалась желтизна. Володя рассказывал, как обогатил Валентин Федорович его духовный мир, осветил исходящим от него сиянием Толстого. Автор одобренной самим Львом Николаевичем «Христианской этики», несмотря на сложнейшие перипетии своей жизненной судьбы, начиная от общества «Истинная свобода», изгнания из Советского Союза, фашистского пленения и до возвращения на Родину вместе с собранными по всему миру русскими национальными богатствами,— а может быть, именно поэтому — еще больше оставался соратником яснополянского мудреца и проповедника.

Мы продолжили разговор, вернувшись к башенкам, выстояли очередь за двумя кружками пива в кафе. После чего Володя проводил меня до автобусной остановки на Тулу.

То было 6 сентября 1966 года. А 22 числа Валентин Федорович скончался. Московские и тульские писатели вместе с родными и толстоведами хоронили его; я жалел, что не было Лазарева: не удалось ему вырваться из литературной суеты. Но я знал, что сердце его с нами.

Федор Ошевнев
(г. Ростов-на-Дону)

ПЕРВОИСТОЧНИК
(солдатское письмо)

Федор Михайлович Ошевнев — выпускник Московского Литературного института им. А. М. Горького (1990 г.). Двадцать пять календарных лет отдал госслужбе: в армии и милиции. В центральной прессе дебютировал повестью «Да минует вас чаша сия» на тему афганской войны («Литературная учеба», № 4, 1989). Публиковался в журналах «Молодая гвардия», «Жеглов, Шарапов и К°», «Подъем» (Воронеж), «Южная Звезда» (Ставрополь), «Петровский мост» (Липецк). Автор шести книг: двух сборников очерков о сотрудниках Донской милиции, побывавших в «горячих точках», и четырех сборников рассказов и повестей на армейскую и милицейскую тематики. Награжден медалями «За ратную доблесть», «За отличие в охране общественного порядка» и другими. Майор внутренней службы в отставке. Живет в г. Ростове-на-Дону.

Здорово, дружбан Лохматый!

Привет из далекого края, где за сорок секунд одевают, и в столовую строем ведут, и весь день непрерывно... Ну, ты сам понимаешь. Давно хотел черкнуть, но все как-то времени не было, да и не кайф.

Эх, и подфартило тебе с твоим плоскостопием! Считай, на халяву от священного долга отмазался, а тут, блин, в сапогах ноги уже квадратные. И еще мы здесь все, как на зоне, обритые ходим. А одного стригли — у него волосы куда твоих длиннее были, как у Пугачихи, так чуть не ревел, с гривой расставаясь. Старшина еще к нему прикололся: спросил, откуда бикса в роте: неужто с панели?

Но давай все по порядку. Как нас в часть с вокзала пригнали, сразу в головомойку потащили. Вышли оттуда — вмиг напялили форму. Цирк уехал, а клоуны остались: у кого хебешка по швам трещит, а кто в кителе будто колокольчик, только ремнем подпоясанный. Старшине жаловаться стали — он лыбится, как Параша на базаре, и уверяет, что все ништяк. Тогда некоторые одежкой друг с другом махнулись, и действительно, почти зашибись стало.

Да, Лохматый, армия — это клеймо в мозгах на всю жизнь и единственное место в мире, где молодые мечтают быстрее стать стариками. А еще у нас так базарят: она женского рода и тоже из пацана мужчину делает. Правда, кайфа ты при этом совсем не ловишь. Сам понимаешь...

С другой стороны, я уже шестьдесят два дня здесь оттарабанил и столько узнал — хрен ты на гражданке и за год прояснишь. В основном, конечно, знания проистекают из горького опыта. Вот на второй неделе службы бежал я в чипок, это у нас чайную так зовут, в расшифровке — чрезвычайная интенсивная помощь оголодавшему курсанту. Жаждал малек подзаправиться, а навстречу нелегкая крестного отца,

батяню-комбата вынесла. Чтоб его до ефрейтора опустили! С нежданки и с того, что подполкан от меня слева, я ему левой лапой честь и замастырил. А за мной еще один салага поспешал, так на мой косяк глядя, откозырял тем же макаром.

Батяня аж позеленел, в цвет с формой. Какой, орет, взвод? И на карандаш... В ночь я уже унитазы зубной щеткой до белизны надраивал. Работка на интеллект, сам понимаешь... Взводный гремучей змеей шипел: если, значит, на словах не дошло, какую клешню к хлеборезке тянуть, дойдет через руки и после отбоя. Тяжко, не кайф...

Теперь — про наш скотский распорядок дня.

Будят — полнейший беспредел — в шесть утра. На подъем всегда в казарму кто-то из офицеров роты припирается (во сколько ж гансы-золотопогонники встают: до части-то еще добраться надо, а некоторые живут у черта на куличках). Эдакая неуставная должность, которую взводные, ротный и замполит каждодневно промеж собой разыгрывают, у них называется ответственный. Появится, значит, такой безответственный ответственный с ранья, спрячется в канцелярии, чтоб беспорядки в располаге — расположении казармы — на взгляд не давили... А самый здоровенный сержант, кликуха у него Шифоньер, орет, как через матюгальник: «Рррота, подъем! Одеяла на спинки кроватей! Через две минуты никого в казарме не вижу! Время пошло!»

Сразу начинается танец белых лебедей и шум, будто в кино комедию оборвали, а света ек. Нет, у нас-то он горит и в этом зоопарке уясняется, что у одного бойца ночью портосы ноги сделали, второй — вездеход на конечность пялит, а тот — накось, выкуси: пока дрых, подменили. Кто-то хебешку на ночь в сушилку заткнул, так, видать, от высокой температуры испарилась, и терпила в нательной порнухе суетится бестолково. Глядь — какой-то рядовой на скользком, словно каток, полу — всю ночь дневальные в поте лица впиливали, мастикой натирали — оскользнулся и звезданулся. Через него по взлетке, это центральный проход в спальном помещении, еще двое летят, а через них еще пяток. Со стороны кайфово наблюдать, сам понимаешь...

Но время тоже летит, а на входных дверях казармы пробка. Человек десять судорожно пихают троих, которые намертво проем закупорили. Тут сзади Шифоньер подбегает, а за ним и другие сержанты-замки: Питон, Утюг и Вурдалак. Ка-ак рявкнут хором многоэтажно, и за пять секунд полроты птицами наружу вылетают.

На улице морозяка — без потомства остаться можно. Потому все сразу норовят в сортир забиться. Его еще долиной семи озер обзывают. Он у нас клевый, с паровым отоплением. Хотя чем внутрях ароматизирует — сам понимаешь. Зато сержантами там и не пахнет: они наверху в роте оправляются, а нам в тот гальюн вход строго воспрещен. Только недавно в нашем родном облегчительном заведении какая-то подлая сука кошмар сотворила: замыкание. Потому над озерами с неделю по утрянке такая темень стояла — запросто по ошибке можно было чужую ж... вытереть. Зато сейчас полный кайф: кто вездеходы ваксит, кто просто кемарит стоя, а кто зажмуркой пуговицы на ширинке шарит. Самые же удачливые кабинки позахватывали, личинки откладывают. Глянешь сверху, через дверку,— угнездился такой счастливчик на очке, как горный орел на вершине Кавказа. Вылупил сонные красные глазищи — красные, поскоку пол в кабинках на палец толщины хлоркой усыпан, будто метель снега намела,— а в зубах цигарку зажал: курят-то почти все, ведь ср...нье без куренья — что чай без варенья; дыму, словно на пожаре, и — балдеет. Наверняка гражданку вспоминает. От хлорки из вытаращенных моргал слезы ручьями, со стороны же можно подумать — рыдает он от великого счастья.

Тут с улицы противный голос Питона или Вурдалака доносится: на зарядку скликает. Твою в гробину мать! Ежедневная казнь на рассвете. Опять кросс на три километра, по холодрыге, запузыривай. Называется: никто не хотел умирать... И я тоже, хотя в самый первый раз реально чуть не сдох, под конец под руки волокли.

Зато теперь дыхалка уже в норме: вон, в карнавальную ночь по тревоге марш-бросочек как дал, да с полной выкладкой...

Между нами, девочками, это еще полбеды. А три четверти ее — бег в противогазе: земля в иллюминаторе. Если же еще и ОЗК, доспехи Бога, натянуть... полный песец: живые и мертвые.

Хорошо, до армии портосы мотать сподобился научиться, а то у нас некоторые умники на политподготовке не хуже академиков заворачивают, ноги же завернуть — ни хрена. Ну и в первые же дни — ступням триндец. Ладно, пусть я пару по уставам схлопотал и ночью обязанности часового зазубривал — там их полстраницы, так все наизусть, без запинки выдавать надо. Но банан, он у взводного в тетрадке, а водяные мозоли у академиков на собственных ластах.

Однако все одно, Лохматый, тут и со здоровыми ходулями как прикинешь, что ты еще последнюю серию сна досматриваешь, а мы уж давно шуршим со страшной силякой... Тяжко! Не кайф!

После зарядки топаешь с мыльно-рыльными принадлежностями к умывальной. А там уже целая толпа перед дверью движения наводит: дневальный к кранам не допускает, и все матерятся: опять канализация забилась. Толкнешься в другую рыломойку — та же песня на тот же мотив. Такая личная гигиена до скольких раз была, а позавчера народ восстал, ко мне Мухтара — даром что со штык-ножом — в угол снес, и все поумывались. Конечно, потом наряд по роте бассейн тазиками вычерпывал... Ну, на то он и наряд на тумбе, чтоб служба медом не казалась. Только это один раз бунт назрел, а так — плюнешь на водные процедуры и тащишься с немытой харей койку заправлять. Да не абы как, а чтоб обернутый одеялом матрас кирпичом, с кантиками наведенными и без единой складочки смотрелся, а ватная подушка — ни пуха ни пера — пышно взбита, и уголки у нее расправлены.

Потом у нас по распорядку утренний осмотр. Его всегда старшина проводит. Глазки у прапорщика узкие, щелочками, но только глянет — сразу съежишься. Он тебя еще и «кругом» не повернул, а на весь плац орет: «Поцему каблуки у сапог плохо поцистил? Объявляю наляд вне оцеледи на слузбу!»

Сундук был первым, кого мы в части увидели. Пригнали нас с вокзала, построили на плацу — это главное место Имения, глядь — нарисовался старшина: брюхан такой, что впору перед собой на тачке катать. Следом каптерщик плащ-палатку тянет. Распялил ее перед нами, прапор же речь толкает и картавит, как дедуска Ленин:

— А сецяс вы, товалисси плизывницки, вынете все из вессевых меськов и слозите на эту пласц-палатку. Оставлять только носовые платки, кулительные, письменные и туалетные плинадлезности. Каптелссик! Впелед!

Начал нас каптерщик шмонать. Много всего нареквизировал — на плащ-палатке целая гора вкуснятины образовалась, чего в поезде не дожрали. Там же кружки, ложки и прочая дребедень. У одного даже учебник философии отыскался. Старшина его усек, хвать книжку и вопрошает:

— Это сто ессе за уценый выискался? Залубите на носу: в алмии на все пло все цитают только «Обсцевоинские уставы».

Швырь учебник в урну и давай вдоль строя прохаживаться. Мой сосед здоровый кусок копченого сала заначил: надеялся на первом солдатском обеде дохавать, не все ж прапорщику-буржуину... Однако тот сальцо доглядел и сразу к хитромудрому парнише:

— Это сто ессе у тебя? Хм... Сало! И по виду влоде бы неплохое! А вдлуг отлависся, а мне отвецать? Ну-ка, ну-ка, дай-ка его сюда!.. Каптелссик! На пласц-палатку, зиво!

Идет прапорщик дальше, видит — у одного мыло импортное в красивой обертке на вещмешке лежит.

— Это сто ессе у тебя? Мыло? Уй, какое интелесное! Ну-ка, ну-ка, дай-ка его сюда!

Хозяин банной принадлежности засуетился:

— Товарищ прапорщик! А чем же я мыться буду?

Старшина поморщился и с оскоминой:

— Ну, ты любого достанесь! Каптелссик! Выдай ему кусоцек солдатского!

Р-раз — и мыло тоже реквизировал в свою пользу.

Вообще про нашего Сундука, за его руки прилипчивые, в части даже анекдот сложили. Мол, в один прекрасный день откроют дверь в каптерку — а ее... Таинственное исчезновение. Содержимого, стен и даже фундамента. Потому как старшина все гамузом скоммуниздил, запаковал, как большую посылку, и малой скоростью в Челябинск отослал. Почему туда? А дедуска Ленин раньше там служил, хаты своей здесь пока нет, вот семья на Урале и бедствует. Подкармливать надо, сам понимаешь...

Самая же хохма с этой пласц-палаткой — это что старшина, уходя в тот раз, как нас в чистилище сводил и переодел, провафлил на ночь каптерку на ключ запереть. Опечатать опечатал, а не закрыл. Ну, сержант Утюг мигом унюхал, в чем выгода. Среди ночи банда стариков печать пластилиновую подрезала, да быстренько всю путную жратву и сточила. Хвалились потом, что для заподляны, поверх колбасных шкурок, огрызков и банок пустых, черствый пирожок, ножом в форме члена обструганный, стоймя воткнули. Прапор как чуял: с подъема уже на службу примчался. Отворяет дверь в свой остров сокровищ да как взвоет:

— Оглабили!!!

Полный кайф...

Ладно, это я отвлекся. После утреннего осмотра у нас есть минут пятнадцать отдыха, пока не скомандуют строиться на прием пищи — то бишь на завтрак. Уж тогда любой летит в строй без всяких понуканий, мыслями гадая, что сегодня на похавать дадут. Хорошо бы — кашу гречневую, а то ведь чаще перловку-шрапнель, или ячневую кирзуху. Столовая, это ведь храм пресыщения для дедушек и обитель воздержания для нас, салабонов... И тут неизвестная подлюка в строю чесаться начинает. А кто-то из скотов-сержантов сразу орет:

— В курилку бегом... марш!

А через десять секунд:

— Строиться!

Да так разика три-четыре... Тогда над плацем стоит сплошной многоголосый мат в адрес мучителя. Какой уж тут кайф — сам понимаешь...

Настоящий кайф начинается уже за столами. Каждый ломится усесться с ходу, гвалт, будто на базаре. Где-то не на своем месте оказывается халявщик, целящийся забакланить чужую пайку, и его резко футболят с лавки; кто-то за хлебом потянулся без команды, и тот же Питон его черпаком, по руке, от души: щелк! И для порядка разика три-четыре командует:

— Сесть!.. Встать!.. Сесть!.. Встать!..

А довольный, как три сытых кота вместе, старшина стоит рядом. Предвкушает, как ему сейчас другой прапор, который по столовой дежурит, громадную миску с мясом организует из солдатского котла. Заедает мяско дедуска Ленин горбушкой хлеба, на которую сразу две шайбы масла намазывает, да еще третью в чай себе бросает... Тем временем раздатчик пищи из бачка-лагуна всех отоваривать начинает. Себе — последнему, чтоб, если лажанется, без хавки сам потом и сидел. Тогда в столовке становится относительно тихо, только иной от наслаждения чавкает.

Недавно нас один узбек на завтраке удивил. Он в армию пришел, в русском ни бельмеса не рубя. В ихнем кишлаке русский на узбекском преподавали. Это мне другой чурбан прояснил, который у наших братьев Варшавского Договора заместо пере-

водчика. Так вот, тот брат, который по-нашему ни бум-бум, увидел, что ему кусочка счастья не хватило, да как заверещит: «Дижюуурный! Масле-о!» Мы от изумления жевать перестали. Выходит, есть и у этого иностранца рашен прогресс.

Напротив меня за нашим столом украинец сидит. И до того он здоровый и толстый — просто смотреть тошно. Это у него по приезду в часть старшина сало оттяпал, хохол же это слово пишет с большой буквы, зато Родина — с маленькой. Украинец вечно плакался, что ни хрена не наедается, тильки перекусив. Ну, мы и стали голодану в конце хавки окуски хлеба подсовывать: жри, значит, парашник... Боров, конечно, злился и начинал всех на три буквы посылать, только ему уже со всех сторон окуски тащили...

Потом у нас развод (кто куда или биржа труда) и, если на внеплановые работы не угонят, начинаются учебные занятия. К разводу обычно и взводный материализуется. Он — Али-баба, а мы — сорок разбойников. Хотя на деле нас всего тридцать три, как богатырей у дядьки Черномора. Подойдет, значит, старлей к строю, посмотрит на нас кисло и коронное выражение цинкует: «Что, куча бездельников, поработаем?»

Мы возмущаемся: какие ж мы бездельники? Он ржет: а кто же? Пьете-едите задарма, одели-обули вас на халяву, койку и тумбочку в казарме опять нашармачка выделили, отдачи же армии пока ровно ноль целых и хрен десятых.

По сути, пока оно так. Мы ведь здесь только учимся, но на то она и учебка, или школа младших авиаспециалистов, а проще — ясли для взрослых. Вот окончим ее, по боевым частям распределимся — там, говорят, и будет настоящая служба. А пока уроки, как в школе, однако на полную катушку — с утра до вечера, а это, сам понимаешь, далеко не кайф. На первых порах мы пытались по-школьному и развлекаться: кто галку пускал, кто чертиков рисовал, кто в морской бой играл. Болт по всей морде, Лохматый, такие номера здесь на корню пресекаются. И жестоко. Закон суровый: не умеешь — научим, не хочешь — заставим. Тупой ты или острый, а общевоинские уставы — камасутру или записки сумасшедшего — зубрим хлеще, чем, наверное, при царе Закон Божий. Что на занятиях не запомнил, наверстываешь за свой счет. Ну, сам понимаешь,— вместо сна. Жуткий кайф...

Натуральная приколюха на занятиях изредка тоже бывает. Примерно сказать, когда чучмека, что в русском тупорыл, к доске вызывают. Во-первых, он и в классе норовит честь отдать, а шапки-то на среднеазиатской тыкве нет. Взводный бесится: «К пустой голове руку не прикладывают!» А во-вторых, однажды брат Варшдога на политподготовке включил тупильник и давай свой кишлак на карте Америки высматривать. Вообще и он, и все его земляки учебу ненавидят: по ним, лучше весь день камни тягать.

До недавнего времени этот чурек, что по-нашему не петрит, одни пары по всему получал, и тогда ротный заставил взводного по вечерам с двоечником заниматься. Еще и в воскресенье отдельно. Офицерье по этому поводу даже перегрызлось, старлей в канцелярии так горло драл, что в располаге отзывалось: у него, мол, тоже конституционное право на выходной имеется. Однако, несмотря на весь этот ор, майор старлея, монопенисно, нагнул, потому как самому крестный отец раз огромную дыню в зад воткнул за узбековы ответы-молчания. И особенно за чучмекскую строевую подготовку: ну чисто Буратино с невидимым ломом в заду марширует.

Заглянешь другой раз вечером в ленкомнату — сидит наш взводный и этот, который: «Масле-о!» Узбека аж жалко: пыхтит над конспектом, употел, будто десять пиал чая заглотил, но сигарету в курилке уже хорошо клянчить научился: «Давай, пожалюйста, заку-урим!» И ведь не откажешь...

Вообще курилка — одно из самых лучших мест в армии. Остров свободы. Мы всегда там после обеда по полчаса балдеем — и не холодно вроде, хотя зима. С зем-

ляком об доме перетрещишь, сержанта-гада обматеришь. И об дембеле далеком взгрустнешь — чуть не до слезы. Чурбаны и черные, хохлы и бульбаши, мамалыжники и лабусы все по земляческому принципу кучкуются и всяк по-своему лопочет. Наверное, тоже дом вспоминают.

Как раз в курилке и проявляется нутро каждого. Есть ребята — бычком поделятся, а есть, у кого и знаешь, только начатая пачка в кармане, но внагляк клацает на пидора: «Последнюю скуриваю!» Крыса! Жлобяра!

Главное, значит, только на лавочке размякнешь, глаза закроешь, мыслями дома уже — звонок проклятущий. Опять на забодавшие занятия тащиться... Уж после обеда на них хуже вдвойне. В сон клонишься, словно после ночной смены. Тоскливо, Лохматый, но — сам понимаешь — тихого часа в армии не предвидится. Эх, если б мне посчастливилось, думаю, трое суток без роздыху фазу топил бы и даже хавать не ходил.

Один из нашего взвода клевал носом на занятии да и, в натуре, задохнул. Скалился во сне — наверное, какая-то бабец виделась, как он ей под юбку лезет. И тут сосед сзади, взял, да и вышиб стул из-под дрыхнущего, тот на пол ка-ак гокнется! Вскочил, стул оседлал — кругом ржачка. А над кем ржут, никак в ситуацию не въедет, ну и давай с деловой харей чего-то в тетради строчить. Самый кайф, что старлей в этот момент ничего и не диктовал.

В общем, житуха в армии — бочка дегтя и ложка меда. Сержант Шифоньер — об его лоб можно щенков убивать, до того ужасен — раз под настроение текстанул, как и ему, хлеще нас, порой перепадает.

Был Шифоньер не так давно начальником внутреннего караула и среди ночи, вместо уставов, детектив завлекательный читал. Вдруг в караулку — а она у нас на втором этаже, над оружейным складом,— звонят. Сержанту, понятно, влом задницу здоровенную от сиделки отрывать, он и командует одному из бодрой смены: «Уточни, что за шухер». А по времени — действительно непонятка, кого в такой час принесло: и дежурный по части шмон уже наводил, и ротный — ошибка природы — побывал, все до всякой фигни доклепывался, и с политотдела пропагандон с умняком на роже обозначился...

Позырил караульный в окошко и докладывает: «Там командир части стоит». Эх, Шифоньер и вызверился: «Ну, ты, пень обоссанный, член опавший и гондон штопаный, шутковать вздумал? Все, обезьяна бесхвостая, олень безрогий, козерог вонючий, после наряда заживо на очке сгниешь! Дотумкаться такое слепить! Команч вообще в городе отсутствует, он в округе, в командировке!»

И нет, чтоб самому быстренько прояснить, кого леший не в очередь пригнал, так он, наоборот, слабину дал и неспехом по лестнице сплавился. Засов отодвигает, а там... В натуре, командир части. Ночью из командировки вернулся и, даже домой не заезжая, сразу по караулам вдарил. Свихнулся совсем на службе.

Команч у нас навыворот старшине: не пузанистый, но телеграфный. Не в нюх ему жданки пришлись, вот и решил сержанта маленько к спорту приобщить, умираловку ему забацал. Раз двадцать заставлял со второго на первый этаж сбегать: а не заедайся! Становится замок возле окна, чтобы полкан его зрел, потом он отмашку дает — стартуй! Сам же засекает, за сколько секунд тот дистанцию лестничную покроет. С Шифоньера уже пена, как с коня загнанного, но это кайф. Нечего, сам понимаешь, как фон-барон рассиживаться.

Вообще лично я бы в сержанты никогда не пошел. Потому они — промеж двух огней существуют: офицеры-шакалы и мы, пушечное мясо. Раз же согласился на эту гомосечную долю — получай от начальства в глаза, а от солдат — за глаза. Еще и подлянку какую при случае подкинут. Вурдалаку, например, ночью в оба говнодава навалякали. Сержанты потом целое расследование на эту тему учинили, только бес-

полезняк. Единственно, дежурному с дневальными — д'Артаньяну и трем мушкетерам — следующей ночью крутую правилку забацали, за недогляделку. Ну и как бы они это скотство уловили? В роте сто семьдесят рыл, а койка у Вурдалака в самом конце казармы. Да и вообще, по мне, чистые погоны — чистая совесть, нацепил же на них сопли — так и ходи обхезанным. Особенно же западло служить комодом — командиром отделения. Про таких лычконосцев даже поговорка имеется: «Ефрейтор в авиации — что хрен в канализации». Зато нам, рядовому составу,— кайфово.

Разумеется, взводный — не сержант и в казарме не спит, но тоже часто до отбоя толчется. То тумбочки и заправку коек проверяет, то в автоматы нюхальник свой макаронистый сует, то противогазы обглядывает: вдруг где коробки краешек проржавел. А шутки у старлея вообще гадостные, садистские.

Есть у нас во взводе грузин — мелкий, юркий, как сперматозоид. И ведь не Швили или Гоги его прозвали, а Мылом, потому он куда угодно без мыла... Ну, сам понимаешь. Рот у него сроду не закрывается, и на каждом занятии взводный ему по десять замечаний делает и уж до скольких нарядов понаобъявлял. Следующий урок начался только — а Мыло уже хлеборезку разинул, чего-то у соседа проясняет.

Старлей сначала рассвирепел, а потом вдруг, непонятно с чего, раздобрился:

— Да ты в состоянии хоть на час тишину поймать? Ей-богу, и в субботу, и в воскресенье в увольнение пойдешь. Но хоть один звук вякнешь за занятие — два наряда вне очереди.

Мыло молча шлемофоном кивает и уже руки потирать начал. Вдруг в дверях опоздавший Кащей Смертный объявился. Недовесок до того тощ и страшен и скальп спереди наполовину лысый — это в восемнадцать-то лет! — вот и заполучил сказочное погонялово. Явно в чипке жрал, но калич прошаренный: бьет кулаком в хилую грудь и втирает, что пропоносило.

Взводный его усадил рядом с Мылом и смехом-смехом, а на полном серьезе:

— Сумеешь соседа растребушить, чтобы он за урок чего ни то сказал — не только за опоздание прощу, а еще и в двойной увал отпущу. И в субботу, и в воскресенье. А не сумеешь — извини, два наряда вне очереди.

— А что можно делать и чего нельзя? — интересуется Кащей.

— Все что угодно — в пределах разумности,— уточняет взводный.

Мыло надулся, как Ленин на буржуазию, взглядом старлея испепелить готов, но — молчит.

Конечно, то не занятие было — сплошной прикол. Мы все назад то и дело оглядывались, где Кащей по-всякому Мыло шпынял. Но тот геройски держался. Пока минут за пять до звонка Кащей, отчаявшись, не вытащил из шапки иголку... Да ка-ак засадит ее болтуну, на молчальника экзамен сдающему, в зад! Мыло ка-ак взвоет!

У взводного рот до ушей.

— Уговор,— торжествует,— дороже денег. Два наряда вне очереди — и оба на озерах, ну а Кащею — два отгула.

— Товарищ старший лейтенант, так нечестно! — разоряется Мыло.

— Честность в армии? — надсмехается взводный.— Отродясь не встречал.

И точно: загнал Мыло очки драить. Такие-то они, Лохматый, армейские фишки. Кому в кайф, а кому и, сам понимаешь...

Про то же, чего мы здесь конкретно учим, писать вовсе неинтересно. Бензины там, масла смазочные, их свойства, куда и зачем льют. Конечно, уставы и политподготовку. Она — это замполитов хлеб. Капитан вечно какую-нибудь мудистику понапридумает, типа дурацкой викторины «У карты Родины». Либо чего еще в том же разыдиотском духе. И все талдычит: «Вы — защитники Родины... Ваш долг — боеготовность...» Знаем, слыхали, наизусть затвердили. Я не дурак, давно врубился, что

это за долг: выбрось из жизни два года и отдай армии родной. Деталь: хреново или охрененно ты этот долг отдавать будешь — по барабасу. Все одно: на второй год служить оставят. Какой уж тут кайф — разве что треклятый...

Да, телик тут тоже под замполитским контролем. Смотрим сплошь новости, а чего путного — разгонись и жестко тормозни. Дуристика: ящик уж с неделю как наполовину навернулся: звука нет, но все одно: пялимся на немое кино. От такого информирования вокруг храп стоит — аж искажения по экрану.

Но — слава Богу, есть и у солдата полтора часа личного, свободного времени. По вечерам. Конечно, надо загодя и вездеходы начистить, и подшиву-селедку забацать свежую. Тут тоже не без хитроумностей. Скажем, Питон подворотничок толстенный уважает, трехпальцевый. А Шифоньер, ему в пику, откуда-то кембрик добывает. Я о таком слове и не подозревал, а оказывается, это батист тончайший, внутрь которого сержант виниловую оболочку от электропровода вхреначивает: выеживается. Ну, нам такие понты по сроку службы колотить не положено.

Зато положено круглосуточно втухать — выполнять любые прихоти дедушек.

К примеру, тот же Вурдалак обожает у тебя из-за спины рявкать: «Вспышка с тыла!» И ты обязан мгновенно шмякнуться на любую поверхность, и чтоб ласты беспременно вместе, иначе потом умираловка обеспечена. А если ты в эту секунду перед какими-то дверьми — значит, лети щучкой в проем, как в импортном боевике изображают. Один у нас вот так из долины семи озер наружу сиганул и кисть поломал. Но — нет худа без добра: раненого на отлежку в райские каникулы увезли.

Утюг не такой кровожадный. У него любимые приколюхи — «Спать!» или еще «Разойдись!» Они тоже для одиночек. Услышишь в любом положении первую и сразу на ходу изображаешь мертвецкий сон: хоть с прыжка. А на вторую действуешь так: все четыре ласты раскидываешь как можно шире и на лице рожаешь панический страх. Вроде в разные стороны разошелся.

Вообще таких неуставных издевательских команд, от которых дедушки фанатеют, целая куча. «Один»*, «Пожар»**, «Дембель в опасности»***, «Вождение»****, «Письмо»***** ... Всего штук двадцать, не меньше...

Но самая гадская из них — это обожаемая дедом-художником при клубе, с кликухой Худо, групповая: «Метр двадцать, дым шестнадцать!» Подается, когда он на парашу намыливается — чуть не по полчаса там заседает, пидрила. Все, кто это услышал, сломя голову кидаются рожать цебарку для дембеля и кусок туалетной бумаги, чтоб не меньше метра и двадцати сэмэ. Успеть надо за шестнадцать секунд. Исхитрились это выполнить сразу несколько салаг — сигарета изымается лишь одна. Бумага же хоть вся оптом. Не принесли чего-то в срок, промяли сиськи, всевиновным крутая правилка. Не хрена, значит, вола трахать!

---

* По команде «Один!» к деду как можно быстрее подбегает один из молодых солдат. Если подскочат двое-трое или не среагирует никто, то все, слышавшие команду, будут наказаны. Отработан вариант старта ближайшего солдата.

** По команде «Пожар!» молодой солдат должен бегом принести воду дедушке в любой таре. Пока тот пьет, дух беспрерывно шипит, изображая тушение пожара, а после утоления жажды рапортует: «Пожар потушен, дедушка спасен!»

*** По команде «Дембель в опасности!» салага «предотвращает беду», изображая собой подпорку «обрушивающейся» стены либо «падающего» потолка. При этом он обязан изо всех сил по-настоящему напрягаться до команды: «Опасность миновала!»

**** «Вождение»: отобранным молодым солдатам назначается, каждому свое, транспортное средство и указывается отдельный маршрут. Затем все ползут, издавая соответствующие звуки. Маршрут обычно выбирается наиболее труднопроходимый: под кроватями, через туалет и т.п. Не уложился в контрольное время — пеняй на себя.

***** «Письмо»: до вручения его духу дед аккуратно надрывает уголок конверта, надувает его, как воздушный шарик, и мощно хлопает на затылке адресата. Считается, если хлопок удался громкий, то девушка любит и ждет, а если слабый — уже изменила.

Зато когда втихую усядешься в углу казармы на табуретку, развялишься, глаза закроешь и ни о чем — вообще ни о чем! — не думаешь, очаровываешься, вот то есть истинный и ни с чем не сравнимый кайф! И тебе, Лохматый, этого ни за что не понять. Солдатское счастье: день прошел! И пролетарский болт с ним!

Дни-то, понятно, разные бывают. Самые дерьмовые — еще хуже, чем долину семи озер драить,— в наряде по кухне, на посудомойке. Человеком-амфибией в команде Кусто. В хлеборезочной-то, наоборот, сплошной кайф: посыпухи и помазухи (сахара и масла) обтрескаешься, только туда абы кого не назначают. Прошлый раз я на кухонном дежурстве полторы тысячи тарелок за сутки перемыл — «дисков прослушал». Посудомойку так и окрестили прикольно: дискотека.

В общем же существовать в армии можно, тем более что каждые сутки приближают дембель, неизбежный, как крах империализма. Но пока империализм существует, дембель в опасности! Однако я твердо верю:

Наступит день — ведь он придет когда-то,
И будут нам светить издалека
Не звезды на погонах у комбата,
А звезды на бутылках коньяка!

С горячим солдатским приветом, твой друг Экселенц.

Анатолий Пережогин
(г. Королев, Московская область)

НА НЕГО НАСТАВЛЕН СУМРАК НОЧИ
(венок сонетов памяти В.С. Высоцкого)

1

На него наставлен сумрак ночи,
Снизу лед и сверху... Холодит!
Сам себе конец пути пророчит —
Встречу с Богом. Пристально глядит

На поэму жизни — *сорок с лишним*:
Океан друзей и яд врагов...
Оправдание перед Всевышним —
Рвущаяся боль из берегов!

Боль за глупость, хамство этой жизни,
Боль за череду унылых дней:
Вместо праздника — все чаще тризны.
Есть ли что-то в мире нам родней?

Если крест взвалил, то и неси
Тысячью биноклей на оси!

2

Тысячью биноклей на оси
Зал сверлит поющего Поэта.
Сколько нужно зрителям мессий,
Чтобы боль ушла навеки эта?

«Жить нельзя без боли!» — то вранье,
Что несет с помоек воронье.
Видно, кто-то подленько решил
Болью нас лишить последних сил.

Чтобы легче было управлять —
На умы через тела влиять.
Чтоб развеять правду, словно пух,
Что не тело мы, не ум, а дух...

Неужели жить никто не хочет?
Он хрипел в пространство что есть мочи.

3

Он хрипел в пространство что есть мочи:
«Я люблю — и, значит, я живу!»,
Выдыхая тему — среди прочих —
Жизни всей, стихов своих канву.

Был спортсменом, психом, самолетом,
Альпинистом, волком и бойцом...
Был Поэтом, а не стихоплетом:
Времени-Судьбе смотрел в лицо.

Хоть актер и женская профессия,
Мужества ему не занимать.
Поэтическая есть конфессия —
Исповедям Мастера внимать.

Если трудно будет, не проси:
«*Чашу эту мимо пронеси!*»

4

Чашу эту мимо пронеси!
О, Земля, держись своей оси!
Долго будем мы тебя месить?
Долго будешь — на себе носить?

Сколько будут взрывы тебя бить,
Чтобы научились мы любить?
«Разберемся!» — присказка была,
Жилы напряглись, как у вола:

Чтобы правда продолжала жить,
Продолжал страну он к ней тащить.
А в ответ и нужно-то всего:
Честно жить нам всем до одного —

Вот рецепт Поэта-авиценны.
Он смотрел на публику со сцены...

5

Он смотрел на публику со сцены —
Той, что называется страной.
Не дождались подлецы измены,
Не покинул Родины больной!

Биться одному стократ труднее
За достоинство своей страны,
Для Поэта темы нет роднее —
Сердце, нервы, ум оголены!

Сколько б смог сыграть других ролей,
Сколько песен спеть, да веселей...
Если б мы смогли, как он точь-в-точь,
Правдой жить и тем ему помочь!

Каждый должен правду выбирать
Прежде, чем начнет спектакль играть.

6

Прежде, чем начнет спектакль играть,
Он смотрел на зал из-за кулис.
Кто билеты мог тогда достать?
Слышали? «Присаживайтесь, please!»

Кроме толстосумов и б...й
Были те, кто ночь у касс не спал:
Именно глаза таких людей
Находил Поэт и... оживал.

Значит, можно жилы рвать игрой —
Выдавать себя во весь накал!
Так Артист, чтобы создать настрой,
Взгляд, осмысленный душой, искал:

Истинного Человека гены
Распознать пытаясь среди пены.

7

Распознать пытаясь среди пены
Тех, кто, как и он, сейчас горит,
Видим: топчут сцены и арены
Те, кто со страной не говорит

Без занудных, частых «мы должны...» —
Без попыток «мудро» поучать;
Выражая чаянья страны,
Помогая каждому начать

Жить без страха безвозвратно сгинуть;
Неизменно, искренно любя
Ближнего, корысть и злость отринуть —
Жить по правде, осознав себя.

Помогая как белье стирать
Душу, разум, чтоб не умирать.

8

Душу, разум, чтоб не умирать,
Может кто-то черту заложить
И с дензнаками легко играть —
В роскоши среди разрухи жить.

Ну, а кто-то умереть решит,
Опустившись на людское дно.
С теми, у кого кафтан расшит,
Безразличье у бомжей — одно.

Есть, однако, выбор у любого —
Тот, что всем Творец от века дал:
Не впускать в себя дурного, злого,
Чтобы каждый Человеком стал!

Коль сейчас люблю, то на посту я:
В каждой роли не зазря-впустую.

9

В каждой роли не зазря-впустую
Выходил на сцену как на бой,
Поместив в себя страну большую,
Бился с ложью, жертвуя собой.

На Руси, издревле подневольной,
Головы где долго не сносить,
Правду петь от всей души раздольной —
Значит власть, приспешников бесить.

У властей со страху повелось
На Поэтов совершать гоненья.
От гонений большинство спаслось
В смерти ранней, зачеркнув сомненья:

В песни и в стихи себя вместить
И своею смертью воплотить.

10

Да, своею смертью воплотить
Не погост в венках, а жизнь в веках!
Правды гвоздь в гроб с ложью вколотить,
Стать известным в дальних уголках.

В песнях жить, в стихах, в ролях, в молве —
Разве можно жизнь в музей вместить?
И напомнит памятник в Москве:
Истину ничем не запретить!

Жизни крест с достоинством носить —
Не смотреть на то, как смерть стращает.
Так Поэт нередко на Руси
Ранней смертью людям возвещает:

«Если не любил, то жил впустую!» —
Истину великую, простую.

11

Истину великую, простую
Трудно распознать, коль нет креста,
На котором увидав мечту, я
Различил вдруг контуры моста

Из объятий ада к светлой жизни,
Где не будет боли и войны;
Где исчезнут тени укоризны —
Перестанут злиться от вины;

Перестанет зависть процветать
И таланты исподволь душить;
Будут люди действенно мечтать —
Воплощать мечты свои спешить.

Хватит, друг, над смертью век тужить —
Чистым сердцем можно в сердце жить!

12

Чистым сердцем можно в сердце жить —
В нем по-настоящему все дома —
Если совести всю жизнь служить,
Осенив себя крестом до грома.

Злая нечисть все еще кишит,
Кажется, вот-вот и одолеет —
Но на помощь богатырь спешит,
И свобода вновь для всех алеет.

Так Поэт как славный богатырь —
Полчище невежества черно —
Побеждает злобу. Духа ширь
Просится на волю так давно!

Заглушает вой, кикимор ор
У Поэта сердце — не мотор...

13

Если это сердце — не мотор
И сбоит от всяких глупых ссор;
Если чувствует любую боль
И раба не принимает роль;

Коль оно страдает за Россию,
Вместе с ней срываясь в аритмию;
Если буден серых маяту
Побеждает, возродив мечту,

И легко по жилам гонит кровь
До тех пор пока в душе — любовь;
Если добивается ответа,
Это сердце бьется у Поэта.

Правит им не умственный затор,
А душа, зовущая в простор!

14

Да, душа, зовущая в простор,
Жаждет слышать стройный жизни хор,
А не звук железа по стеклу —
Не тиранам подлую хвалу;

Жаждет видеть всюду красоту,
Воплощенной — светлую мечту,
Средь людей в почете — мастерство,
А не идиотов торжество.

Так Поэт живет на грани тьмы,
Вызволяя из нее умы.
Он распят меж Небом и землей —
Между Богом и последней тлей!

Можно ли сказать о том короче:
«На него наставлен сумрак ночи»?

15

На него наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси!
Он хрипел в пространство что есть мочи:
«Чашу эту мимо пронеси!»

Он смотрел на публику со сцены
Прежде, чем начнет спектакль играть,
Распознать пытаясь среди пены
Душу, разум, чтобы умирать

В каждой роли не зазря-впустую,
А своею смертью воплотить
Истину великую, простую:
Чистым сердцем можно в сердце жить,

Если это сердце не мотор,
А душа, зовущая в простор!

Сергей Лебедев
(г. Тольятти)

PERSONALIA

Лебедев Сергей Александрович. Живет в городе Тольятти. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н.С.Лескова за 2012 год. Член РСПЛ.

ОТКРОВЕНИЕ ПОЭТА
ИСПОВЕДЬ

диптих

Оглянусь — окаменею.
Жизнь осталась позади.

Мария Петровых.

1

В хаосе безмолвия ночного
Мысли приходящие трезвы.
Суетность, размеренно и снова,
Кроишь, все распарывая швы.
Лишнее опустишь, ну, а в главном,
Вдруг происходящее поняв,
Для себя решишь, и станет явно:
«Ты в своих поступках был неправ!»
Мучаешь себя в бессонной ночи,
Совесть на Голгофу, волоча.
А она рыдает и пророчит,
Нет тогда страшнее палача.
Брезжит утро серой поволокой,
День принес размеренность опять,
Но в делах, сквозь суету толоки,
Будешь вновь ошибки повторять.
Чтоб в ночи, открыв глаза внезапно,
Мысли беспорядочно, гоня,
Обещать все ж мудрым быть назавтра.
Только эфемерна та броня.
Но свои грехи перебирая,
Медленно приходишь к одному:
Покаяние, как крест над нами,
И молюсь, и каюсь, лишь Ему!

2

Свет догорал, но розовело небо,
Усталый вечер двери закрывал.
Я не просил Всевышнего о хлебе,
Молитвой грех, рыдая, искупал.
Дай мне, Господь, покоя и бесстрастья,
Признаюсь, что захватывает гнев,
Ведь от него в семье одни несчастья,
Страдаю после времени, прозрев.
Жизнь отравляет мне порой гордыня,
Совсем других я слушать не хочу,
Но каждый раз, и давеча, и ныне,
Потом, в сердцах, молитву я шепчу.
Приму твое решение, Всевышний,
Покаюсь в том, что в жизни был и блуд.
Огнем и дымом сердце мое дышит,
Жалею, поздно, но свершится суд.
Средь суеты мирской в одном спасенье,
Клянусь, что жил без зависти всегда.
Душа не знала этого паденья,
Близка чужая мне была беда.
Живу я чреву своему в угоду,
Прости мне, Боже, слабости и грех,
Дай силы укротить мою природу,
Закрыть нутро от сладостных утех.
Пав ниц, порой, в уныние впадаю,
Не вижу цели на своем пути.
Я твердость духа в суете теряю,
О, Боже, помоги его найти.
Тем, кто просил, творил благодеянья,
И думаю, для всех я не был скуп.
Порой быть может, что-то и терял я,
Но, только потерявши — не был глуп.
Свет догорал, окрасив небо красным,
Но все же ночь пыталась сажу лить.
Свои грехи я вспомнил не напрасно,
Лишь покаяньем — душу исцелить.

СОМНЕНИЕ ПОЭТА

триптих

1

Кто я есть? В чем мое назначенье?
Жизнь прожил, но пойму ли теперь?
И к тщеславью смирю ли влеченье?
После стольких тяжелых потерь?
Уходили друзья в поднебесье,
Столько их, что уже и не счесть.

А в слова с легким запахом лести,
Верил, словно в архангела весть.
И одно лишь в сомненьях достойно,
Открываешь глаза на себя,
Сознаешь, как бы ни было больно,
Что ты слеп, и живешь, не живя.
Изгоняя гордыню, тщеславье,
Со смиреньем молюсь я, до слез,
И пока ими дух не отравлен,
Сыне Божий, помилуй, Христос.

2

В своих творениях стиха,
Когда в перо впрягаю мысли,
А ночь таинственно тиха,
За словом улетаю ввысь я.
Иначе не было б стиха,
Душа молчала и не пела,
И не стыдилась бы греха,
Пустого услажденья тела.

3

Я знаю, трудно быть Поэтом,
Душа познала адский труд.
Но счастье редкое при этом,
Когда стихи идут, идут...
Смеюсь я в них или заплакал,
Из сердца выплесну до дна
То, что под спудом долго прятал,
То, в чем душа моя видна.
За что достался ты поэту,
Неблагодарный, адский труд?
Но все отдам за радость эту,
Когда стихи идут, идут...

ПОЭЗИЯ

Поэзия — не обух топора,
Не на прикладе снайперская мета.
Не прячь лицо, когда свистят ветра,
И глаз не отводи от вспышки света.
Поэзия о сущем слезы льет,
Жизнь вечно славит горькою строкою.
Но все-таки она — душевный мед,
И беспредельно властвует тобою.

У ЗЕРКАЛА

И что ты улыбаешься? Не стыдно?
Жизнь промотал беспечно, впопыхах.
Судил других язвительно, ехидно,
Давал оценки в мыслях и делах.
Теперь послушай сам, чего ты сто́ишь:
Безумен, празден, на язык остер,
Великих мысли из пространства доишь,
Как руки греешь о чужой костер.
А не пора ль серьезно измениться?
И жизнь начать привычкам вопреки?
И вспомнить всех ушедших слезы, лица,
И попросить прощенья за грехи?
И перестань же сам с собой лукавить,
Кого улыбкой хочешь обмануть?
Тебе ведь этим вовсе не прибавить
Земного пребыванья трудный путь.
Но только не выдумывай при этом,
Умы великих в помощь не зови.
Что, жизнь устроить трудно по Заветам?
А легче человеку без любви?

А ЧТО ТАКОЕ — РУССКАЯ ДУША?

А что такое — русская душа?
Какое-то особенное диво?
Которое, устои все круша,
Лишь усмехается над жизнью криво?

Над простотой и глупостью своей,
Над бесшабашной лихостью широкой?
Над стоном обездоленных полей
Или других каких еще пороков?

И сердце разрывается в тоске,
Ведь я по своим предкам — тоже русский,
Но их следы размыты на песке,
И шаг в лесах уже не слышен хрусткий.

Дар поколений — русская душа?
От вятичей, древлян ее начало?
Ведь Русь с трудом историю верша,
Выходит, о душе не забывала.

Простор полей и сумрачность лесов,
Степенное течение речное,
И не закрытый на двери засов,
И теплое дыхание печное —

Быть может в этом русская душа —
Открытая, спокойная, с участьем.
Ты лишь не трожь ее, а то круша —
Она бывает яростной, с ненастьем!

ДУША

Не жалею я душу нисколько,
Заставляю болеть и страдать,
Что чужая беда — это горько,
Воспитала так душу мне мать.
Не словами — нотацией долгой,
Не запретом, не вольностью дней,
Не упреком, как острой иголкой,
Воспитала любовью своей.

ПОЭТ

Друг по несчастью, ты — поэт,
Душой мятущеюся бьешься,
Бывает, что порой сорвешься,
Как мотылек, летишь на свет.
И свое счастье иль беду,
Как истину в себе лелеешь,
Себя несчастного жалеешь,
И забываешься в бреду.
Не забывай, что есть душа,
Которой многим ты обязан,
Навек ты с нею будешь связан,
Лети, и думай не спеша.
А впрочем, что тебе совет?
В талантах не ходил я смело,
Посредственность — звезда удела,
А с нею — вряд ли я поэт...

ДОРОЖНОЕ

В ночи придорожные лампы горят,
Гудок над лесами истошен,
Колеса со мной о любви говорят,
И я, словно правдой, подкошен.
В словах на ударные слоги они
Всем пылом своим напирают,
И будто, летящие в темень огни,
Года собираются в стаю.
И вижу я женщин любивших глаза,
Пристанище дней непутевых,
Тогда с придыханьем не все я сказал,
И слов не выдумывал новых.
Но взглядом твоих всепрощающих глаз,

Я словно бы правдой подкошен,
Меня приняла ты без пафоса фраз,
В спасенье мне бросила грошик.
Быть может, стихи прочитав, укорят,
Что слог мой не нов и поношен...
В ночи придорожные лампы горят,
И крик над лесами истошен...

Я СЛЫШУ

Не поверишь словам моим, дело твое,
Только врать никакого резона.
Знаю я, что порою кричит воронье,
И слова колокольного звона.
Слышу шепот листвы у тенистых аллей,
И журчанье ключа под березой,
Как колосья широких, дебелых полей,
Озабочены ветра угрозой.
Слышу жалобный голос в осоке птенца,
Свист клинка пролетающих уток,
Первый крик возвращения в холод скворца,
Тишину окончания суток.
Не поверишь словам моим, дело твое,
Сам прислушайся к звукам рассвета,
И услышав, как росы падут на жнивье,
Ты поймешь голос жаркого лета.

Игорь Мельников
(г. Тула)

ХОЛОДНЫМ УТРОМ

Холодным и бесснежным утром,
Друг мой,
Легко ли оставаться мудрым?
Покой,
По крайней мере, где-то снится,
А тут
Сомнамбулы-самоубийцы
Бредут.
Шаги на мелкие шажочки
Дробят.
Как ценности в шкатулки срочно
Себя
Все эти люди в зданья спрячут,
А там —
У каждого свои задачи,
Дела.
И в этом есть необходимость,
Расчет.
И пар белесый, схожий с дымом,
Плывет.

* * *

Заводы не встанут, и небо не рухнет на землю,
И хлеб уберут, и народ будет беден да сыт —
Пока в колыбели младенец тихонечко дремлет,
Пока огонек в бирюзовой лампадке горит.

Но если ты знаешь, как все это можно разрушить,
Как новой войной запугать безоружных людей,
Устроить пожар, тот, который никто не потушит,
То лучше молчи, о душе беспокоясь своей!

ОТБЛЕСК

Скучаешь...
Но завтра —
Сегодняшний день
Тебе станет казаться прекрасным.
А завтрашний вечер —
Счастливейшим
Будешь считать через месяц,
А может и раньше...
Заря
Разгорается в окнах соседнего дома.
Подумаешь, будто — теплынь.
На улицу выйдешь —
Мороз тебя схватит за плечи.
Пальтишко твое —
Лишь издевка над силой зимы.
Живи настоящим!
Когда оно станет седым артефактом,
То вздорная память
Его извлечет из архива
И — красок добавит.
Обманет, как отблеск
Холодного алого неба на стеклах.
А значит,
(Пусть это неправда!)
Сегодняшний день
Тебе завтра покажется милой,
Старинной открыткой.
Так в этом и прелесть!
В значительной мере
Мы — этим живем.

ПОУМНЕЛ

А где-то бомбят города,
Стреляют, детей убивают.
Ты молвил: «Такое бывает...
А нам-то, какая беда?

У этих иссякла еда,
Другие свыкаются с адом».
Тут в дверь постучали прикладом
И стал ты умнее тогда.

ИЗ НЕДОПИСАННОЙ ПОЭМЫ «СЕРЫЕ ДНИ»

Слоем снега покрылись Глушанки.
Серебрянкой витрины горят.
Рубят елки и щепки летят.

Спирт
разливают
в склянки.

Все бело, только кажется серой
Неприютная плоскость двора.
И вчера, и сегодня с утра...
Нервным я стал,
наверно.

Есть ли кто-то, кто также растерян?
Ты выходишь, набросив пальто.
Говоришь: «В мире что-то не то...»
Значит и
в самом деле!

Здесь как будто забыты печали.
Мы с тобой замечаем одни —
Эти странные серые дни
С праздниками
совпали...

* * *

Если борются в тебе разные стихии,
Не пытайся разговор с ними завести.
Если выбирать пути, выбирай такие,
На которых можно хлеб и друзей найти.

Говорят, твои стихи малопоэтичны
И полно глагольных рифм в старом вещмешке.
Ну и ладно! Ты — поэт, пойманный с поличным,
И не надо уступать гневу и тоске.

Пусть немало стариков тренькает на лирах
Да младые, им под стать, струны теребят...
Председателем народ ставит Велимира
И, быть может, пастушком выберут тебя!

Игорь Боронин

(г. Тула)

БАСНИ

Игорь Иванович Боронин наш давний постоянный автор скоропостижно скончался в расцвете лет и творческих сил. Родился он 26 мая 1959 г. в Охе на севере Сахалина. В 5 лет переехал в Богородицк Тульской области. Окончил Машфак ТПИ. До 2002 г. служил в армии. Уволился в звании майора. Стихи и песни стал писать еще в армии. В Туле для поэта и барда распахнули свои двери клуб авторской песни «Бригантина», клуб «Пегас», Православные клубы писателей «Ковчег» и «Родник», Конгресс интеллигенции Тульской области.

Ниже приводим некоторые из его поэтических произведений

ЗАМЫСЛОВАТАЯ БАСНЯ

Порой непросто аналогию найти
Между животными и человеком,
Честней у них там, что ни говори,
Хоть люди и кичатся интеллектом:

Вручили должность одному Ослу,
Не кой-кого — военного министра,
Да просто кое-кто шепнул отцу:
«Осел умен, соображает быстро!»

(Замысловато басню начинаю:
Мол — «кое-кто, кому-то, кое-где...»,
А потому что сам еще не знаю,
Что может выйти в этой кутерьме.)

И вот Осел — звериная элита!
Всех, для начала, профи разогнал,
Зачем спецы у Личного корыта?
Взамен Ослиц и Телочек набрал.

И завертелось! Мама дорогая!
Все развалить, продать, разворовать,
И хоть лесная армия большая
Небезгранична, меру надо б знать.

Лесной народ вначале возмущался,
А после надоело, присмирел.
Осел по-барски, в роскоши купался
Самодовольно, вовсе обнаглел.

Завел любовниц, стойла им построил,
Достойные арабских рысаков,
Запас еды лет на сто заготовил,
Коллекцию из золотых подков.

Сидел бы дальше в министерском кресле
И по ночам своих любовниц пас,
Но, видно, надоело это тестю,
И кто-то сверху резко крикнул: «Фас!»

Комиссии, публичные облавы,
Арест любовницы, повестки в суд,
Померкло, потускнело бремя славы,
Лесные журналисты тут как тут.

Не посадили!!! Снова назначенье:
Осел — советник! Только вот чего?
Терпенье это или всепрощенье?
А может... в доле??? Только лишь всего?

С Ослом все ясно — «бяка» еще та!
Бестактностью прославился своей.
Весь интеллект на кончике... хвоста!
Но почему прощал все Царь зверей?

ТАБУН

В свободном, диком табуне,
В степи, за Волгою рекой,
Седой Вожак был во главе —
Познавший жизнь, могучий конь.

(К чему нам хаос, господа?
Народ без власти — никуда!)

Но молодому Жеребцу
Уклад хотелось поменять,
Пришел с апломбом он к отцу
И Вожака стал убеждать:
«Табун духовно обнищал,
Во тьме лежит его дорога,
Поесть, поспать — вот идеал...
А где душа? Где вера в Бога?

(«Души прекрасные порывы»
Терзают ум, пока мы живы!)

Я слышал — где-то на Востоке,
Конь Будда праведно живет,
Всем лошадям дает уроки
И мантры мудрые поет!

(Какая мощь от тех идей,
Аж добралась до лошадей!)

Позволь, отец, туда пойти,
Забрать сподвижников с собой,
Тех, кто захочет вверх расти,
Повелевать своей судьбой!»

(На то и молодость, друзья,
Нам без мечты прожить нельзя!)

«Ну что ж, сынок, — Вожак сказал,—
Ступай, ищи свою дорогу,
Найди великий идеал
И подари его народу!»

(Отец, он был и есть — отец!
Хоть человек, хоть жеребец!)

И вот пошли, куда не зная,
Сто лошадей и Жеребец,
Путей-дорог не выбирая,
Все на Восток... и наконец...

(Туда пойдешь... Сюда пойдешь...
Лишь сказки знают, что найдешь.)

Дошли до выжженной земли,
Где жить не может даже птица,
Там все от жажды полегли...
Не суждено мечтам свершиться!

Но вот вопрос к Вам, господа,
Кто влез сегодня на престол:
«Как можно привести туда,
Куда и сам-то не пришел?»

* * *

Приросла к ушам корона
У вершителей закона.
Душу надо им спасать
И на Бога уповать.

Галина Лялина
(г. Донской, Тульская область)

Печатается в альманахах «НЛО», «День Тульской поэзии», «Ковчег», «Московский Парнас» и во многих коллективных поэтических сборниках Тульской области. Имеет 7 авторских сборников стихотворений. Лауреат премии им. Ярослава Смелякова. Действительный член академии Российской литературы.

ТЫ, РОССИЯ, ПОХОЖА НА СОЛНЦЕ

Майский ветер, приятный и свежий,
Так волнующе пахнет весной.
Не один километр мной изъезжен
По просторам России родной.

Не один километр был исхожен
По равнинам, пригоркам, холмам...
На весну ты, Россия, похожа.
Я тебя никому не отдам.

Никаким чужакам-инородцам,
Никакому злодею-врагу.
Ты, Россия, похожа на солнце,
А без солнца я жить не смогу.

Майский ветер приятный, певучий
Нежно пахнет фиалкой лесной.
Слух ласкает весны многозвучье
На просторах России родной.

ОПЯТЬ ВЕСНА

Опять весна. И громче сердца стуки.
В бездонном небе больше синевы.
Так хочется погладить свои руки
О нежный бархат зелени травы.

Поймать в ладони теплый лучик солнца,
Прижать к лицу и в сердце пропустить.

Всю свежесть утра с жадностью, до донца,
С великим удовольствием испить.

Пришла весна, и сладкая истома
В душе моей волною разлилась.
И я спешу на улицу из дома,
Чтоб надышаться досыта и всласть.

ЧТО ДЛЯ РУССКОГО СЕРДЦА — РОССИЯ?

Что для русского сердца — Россия?
Здесь скажу, теплых чувств не тая —
Это клены, ракиты, осины,
Это милые сердцу края,

Где тропинка бежит междулесьем
И спускается плавно к реке.
Это старая русская песня
О замерзшем в степи ямщике.

Это поле в ромашковых ситцах
В полукружье кудрявых берез,
Это добрые русские лица
И купели в Крещенский мороз.

Что для русского сердца — Россия?
Здесь не сразу подыщешь слова.
Это осень в нарядах красивых
И восторженных глаз синева.

В ГРОЗУ

Над углублением оврага,
В его нацелясь окаем,
Металась молния зигзагом,
Играя весело с огнем.

Все как обычно, по привычке,
Но игры стали забавлять.
Лишь чиркнет раз электроспичкой —
И побежит огонь гулять.

Метнет стрелу на всякий случай,
Другие спрячет на потом
В колчан тяжелой серой тучи
И ждет, когда ударит гром,

Чтоб вновь чертить свои зигзаги,
Зайчат несмелых припугнуть.
Бедняжки спрятались в овраге —
Грозы боятся — просто жуть!

ГРУСТНО, НО С ВОЗРАСТОМ СТАРИТСЯ ПАМЯТЬ

Кружится, кружится снежная замять
В калейдоскопе мелькающих лет.
Грустно... но с возрастом старится память,
Многих событий стирается след.

Все отдаляется лет панорама
И укрывается за пеленой.
Словно заложена в память программа —
Вычеркнуть что-то из жизни земной.

Может пустячный, совсем незначительный
Самый короткий из жизни сюжет.
Память, однако, упорно-мучительно
Ищет в тумане хоть малый просвет.

Хочется вспомнить мгновение каждое,
Вспомнить, увидеть, потрогать рукой.
Вдруг то, забытое — самое важное,
Вдруг это то, в чем душевный покой.

Как за соломку цепляется память
За год, за день или даже за миг.
Но заметает все снежная замять
И погребает в сугробах своих.

ДЕНЬ ПАМЯТИ И СКОРБИ

Июнь сорок первого года.
От взрывов пылает земля
И в скорби поникла природа:
Леса и луга, и поля.

В ночи затуманено-мглистой,
Лишь чуть посветлел небосвод,
В страну нашу вторглись фашисты,
Грозя уничтожить народ.

Был прерван июньскою ночью
У школьников бал выпускной.
Так было знакомство воочью
С великой и страшной войной.

С разрывов снарядов, с пожаров
Для них начиналась война,
И с авианосных ударов,
Когда взорвалась тишина.

Взрывалась и справа, и слева,
Где падал фашистский снаряд.
И пламенно-праведным гневом
Горели сердца у ребят.

Дома их и школы горели —
В дыму и огне горизонт.
Ребята до срока взрослели
И шли за отцами на фронт.

Парнями безусыми были,
В их пору любить и мечтать,
А парни фашистов громили
За милую Родину-Мать!

За землю свою воевали —
Священна для них эта цель.
Экзамен на смелость сдавали,
Надев фронтовую шинель.

Мы знаем об этом из книжек,
И мы забывать не должны,
Как много безусых мальчишек
Осталось в объятьях войны.

Владимир Зайцев
(г. Раменское Московской области)

А СОЛНЦЕ ЗДЕСЬ — ОНО НЕ ПРОСТО СВЕТИТ...

Зайцев Владимир Иванович родился на Орловщине в 1959 году. Стихи начал писать в 19 лет во время службы в рядах Светской Армии. С 1979 по 1985 гг. учился в Тульском Политехническом институте на строительном факультете. Там же работал внештатным корреспондентом в институтской многотиражке «За инженерные кадры». В этой же газете печатались первые стихи и пародии. Непродолжительное время в 1984 году посещал Литературное Объединение при газете «Молодой Коммунар» под руководством тульского поэта С. И. Галкина. После распределения живет и работает в г. Раменское Московской области. Издал две книги стихотворений: «Золотые купола» и «В краю березовой весны». Печатался в альманахах «Московский Парнас» и «Раменские Зори». Член СП России и Академии Российской Литературы.

* * *

Я ехал по проселку не спеша,
А рядышком, в попутном направленье,
Порхала окрыленная душа,
Улавливая ветра дуновенье.

С верхушек елей смахивая снег,
Летела вниз белесою метелью.
Мне слышен был ее веселый смех,
И радовался лес ее веселью.

Искрился бисер наста на свету,
На складках склонов солнышко горело.
Чтоб посмотреть на эту красоту,
Душа на время покидает тело.

* * *

Мне говорят,
Что лучше за границей.
Уют в домах,
Дороги хороши.
А мне опять
Деревня наша снится:
Зеленый пруд,
Осока, камыши.
Как я могу

Уйти от этих сосен,
От изумрудных
Кленов и берез,
От золотых
Налившихся колосьев,
От росных капель
Васильковых слез?
Как я могу
Края покинуть эти,
Где соловей
Волшебно так поет?
И солнце здесь —
Оно не просто светит,
Оно лучи по каплям раздает.
Где до сих пор
Душа моя ночами
В деревне ищет
Дедовский наш дом.
А млечный путь
Небесными свечами
Подсвечивает тропки
Над прудом.
То сон иль явь?
Но он о лучшем самом.
О чем еще
Приходится мечтать?
И мнится мне,
Что скоро выйдет мама
И скажет:- все,
Пора ложиться спать.

ХРАМ У КЛИМОВОЙ ГОРЫ

Дорогу бросил под колеса.
И вот — покой и тишина!
Песок у Троицкого плеса
Целует нежная волна.
Немного далее палатки,
Уютно в стайки собрались.
О, миг удачи! Мостик шаткий,
Продлись, мгновение, продлись!
И поплавок мой осторожный
Ныряет часто в камыши.
Своею удочкой несложной
Ловлю я рыбку для души.
Дары седого Селигера,
Воды — бесценные дары.
С любовью я молюсь и верой
На храм у Климовой горы.

* * *

Прихожу я спозаранку,
А в лесу уже светло.
Наполняется полянка
Нежным, радостным теплом.
От прямого жмурясь света,
Я стою здесь не один.
Золотое бабье лето
Шелестит среди осин.
И отбрасывая тени,
Машет крыльями ветвей
Необычный день осенний
Тихой радости моей.

* * *

Душа разделилась
На два мотылька.
Колышутся оба
По разным пространствам.
Один там, где поле,
Опушка, река.
Второй в мире рабства,
Расчета и хамства.
Не будем копать
Исторический слой.
Уж лучше дрова,
Что подчас наломали,
Вокруг соберем,
Дорогая, с тобой,
И ветви прихватим,
Что так нас хлестали.
И тихо сожжем
У ночного костра.
Мы много поймем
На лихом пепелище.
Пора о душе
Помолиться, пора,
Чтоб стало окрест
И светлее, и чище!

* * *

Приду на тихий бережок,
Заброшу удочку под иву.
Пусть беспокойный поплавок
Свободно пляшет и красиво.
Какая рыба там клюет?
Да пусть возьмет какая-либо.
Ведь у меня азартный кот,
Он ждет меня с большою рыбой.

И так же ждет меня жена,
Как вспомню, тянет выпить «сотку».
Всегда она раздражена,
Что сильно трачусь я на водку.
Эх, дрожь берет, дрожит спина,
Смотрю на воду и тоскую.
Иль брошу я рыбалку на...
Или найду жену другую!

* * *

Старость — не радость.
Верна поговорка.
Слежу со скамейки
За внуками зорко.
Немного поодаль,
В цветущей сирени,
Смеются и шутят
Веселые тени.
Цветные одежды,
Задорные лица.
В зеленых кустах
Молодежь веселится.
Хорошая зависть
Затронула душу.
Позвал я домой
Свою старую клушу:
Пойдем ка старушка,
Мы вспомним былое,
Пусть будет хоть что-то
У нас молодое.

* * *

Поедает весна темный снег,
Не сошли еще вешние воды,
Но плывет над дорогой рассвет,
Унося, день за днем мои годы.
Предпасхальные вербы в цвету,
За оврагами пасмурно дремлют.
Луговые цветы солнца ждут,
Пробивая холодную землю.
А когда всколыхнет сердце грусть,
На душе станет горько и скверно.
Я за старое снова возьмусь,
И напьюсь, очень крепко, наверно.
Пусть отпустит седая тоска,
Навернутся нежданные слезы.
Вы простите меня, чудака,
Я пойду обниматься к березам!

Любовь Самойленко
(г. Донской Тульской области)

Член Российского межрегионального союза писателей, тульского литературного объединения «ПЕГАС». Автор 12 сборников стихотворений. За вклад в русскую словесность награждена памятной медалью «А. П. Чехов» и медалью «Ф. М. Достоевский. За красоту, гуманизм, справедливость».

СТРОКОЙ ГОВОРЯ...

Давно стал забытым мой старый мольберт,
И краски засохли в коробках,
Но так всполошил утром солнечный свет
Своей откровенностью робкой.

Заря разрасталась, и солнечный круг,
Как верный художник, мазками
Раскрасил небесное поле вокруг
Палитрой, зажженной веками.

Ах, как же прекрасна в России заря
И город, украшенный солнцем!
На чудо любуюсь, строкой говоря...
Восторженно глядя в оконце.

МОЙ ГОРОД

Маленький, неброский,
но до боли дорог
город мой у Дона
Тульской стороны.
Утренней истомой,
колыханьем шторок
ветерок разносит
запахи весны.

Приоткрыв фрамугу,
я вбираю шорох
яблони цветущей
под моим окном.

Росами умытый
засияет город.
И со мной рассвету
улыбнется он.

ПОЛЕНОВО

Друзья обещали давно показать
Красивое место — ПОЛЕНОВО.
О тульской земле
чтобы больше узнать,
Желанье мое было ведомо...
Работал и жил там
Великий Художник.
С утра вдохновляясь красой,
В пейзажах воспел он
и рощу, и донник,
И клевер, умытый росой.

* * *

Несется автобус. Кудесница Осень
Раскрасила ярко листву.
Березы, и клены, и нежную просинь
В тетрадку стихов я внесу.

Въезжаем в Тарусу. Красавицы сосны
Приветствуют нас свысока.
Резвится, играя, и солнышка блесны
Уносит с теченьем Ока.

Здесь очень красиво!
Любуемся пляжем,
Зеленою гладью реки,
Спускаемся книзу в лесистые кряжи...
Душа в ожиданье строки.

И парк, и Аббатство,
и аист на крыше,
И золото вязов, и клен-великан,
И сосен макушки, и голуби в нише
Вписались в лирический жизни роман.

А в доме-музее волшебники кисти,
Полотна рисуя свои,
Все так же любуются золотом листьев
В осеннем дыханье земли...

НА ЧУВСТВЕННОЙ ВОЛНЕ...

А в городе — здороваются клены,
И тополя кивают важно мне.

С березкой стройной столько лет знакомы,
Мы с ней давно на чувственной волне.

Мой тульский край! Милы твои просторы
И синева задумчивых небес.
Люблю вести я с ними разговоры,
Люблю и твой в июльской сказке лес.

Вся жизнь моя в преддверье вдохновенья.
Тебе, мой край, с волненьем говорю:
«За каждое свое стихотворенье,
За каждую строку — благодарю!..»

МУЗЕ

Ты мне дарована судьбою...
Зеленоглазая моя.
Так хорошо бродить с тобою,
Искать стихи, красу хваля.

Нет, я с тобой не одинока,
Тебя я чувствую... Во мне,
Как с первозданного истока,
Родник, звенящий в тишине.

Ты мне дарована судьбою.
О, Муза! Я благодарю!
За вдох, за миг, за взгляд
с любовью.
За то, что я строкой вторю!

Я НА ДНЯХ ЗАГЛЯНУЛА В МУЗЕЙ...

Я на днях заглянула в музей.
Выставлялся наш местный художник.
Но обидно, что мало людей
Посчитали приход свой возможным.

Отражало картин полотно
Удалецкую Русскую волю.
Волновало природы панно,
И манила тропиночка к полю.

Там, на теплой полоске межи,
У изгиба широкой реки,
Обнимались с колосьями ржи
Ясным солнечным днем васильки.
Ввысь взмывали, играя, стрижи.
И мне вспомнились юные годы.
Той далекой поры виражи,
И сегодняшней — зрелые всходы.

А какие мазки и тона
На картине «В березовой роще»!
В них живительной силы волна
Покорялась бушующей мощи.

Рядом церковь. Дороги накат.
У пруда шаловливые ивы.
И малиновым светом закат
Разгорался в сережках игривых.

В ярких красках «Осенний пейзаж».
Накатила истома волнения...
Достаю свой блокнот, карандаш,
Значит, будет стихотворение.

Я на днях заглянула в музей.
Выставлялся наш местный художник.
Так обидно, что мало людей
Посчитали приход свой возможным.

РАЗГОВОР С ОСЕНЬЮ

В мое окошко постучалась Осень...
В накидке яркой, с астрами в руках.
Я улыбнулась очень нежно гостье,
Увидев синь
в прищуренных глазах.

Окно свое в приветствие открыла.
Взяла цветы...накрыла быстро стол.
Зеленый чай для гостьи заварила,
С ней повела душевный разговор.
Не слишком ль рано
в дом ко мне явилась?
Еще ведь песни августа слышны.
В поклоне ива ветру не клонилась,
И ягоды рябин не так красны.

Моя душа еще полна любовью,
И нотный лист зовет к себе с утра.
А ты явилась непонятной новью,
В руках цветы от нашего двора.
Тебе я, Осень, рада и не рада...
Не для тебя писались мной стихи.
Не для тебя звучала серенада,
С зарей лаская ноты у ольхи.

Допили чай! С тобою не прощаюсь!
Коль объявилась, сразу не уйдешь!
Решай свои дела, я не мешаю...
Надеюсь, Осень, ты меня поймешь!

ПУБЛИЦИСТИКА И ПРАВДА ЖИЗНИ

Виктор Буланичев
(г. Бийск)

ГЕОРГИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ И ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА ПРИБЫТКОВЫ

Люди Сибири

Виктор Васильевич Буланичев — филолог, журналист, публицист, издатель, общественный деятель. Главный редактор журнала «Бийский Вестник». Директор «Демидовского фонда». Член Союза писателей и Союза журналистов России. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Лауреат многих премий. Живет в Бийске.

I

В огромном архиве доктора Георгия Алексеевича Прибыткова, который передал мне его единственный сын Виктор Георгиевич, я обнаружил небольшой листок с рифмованными строками, написанными малопонятным специфическим медицинским почерком. Мне с трудом, но удалось их прочитать.

Много бедствий, много горя
Жизнь несет с собой,
Но вал неудач,
Не сломит мою волю!
Труден путь,
А дойду до цели желанной!
И тогда-то наслаждаться
Буду жизнью полной!
Ни один человек
Не уйдет от меня
Со слезами горя:
Счастья всем буду нести —
Это цель жизни всей,
Это моя доля!

Потрясающие строки! Так мог написать только человек с пламенной душой и горячим сердцем, преданный своему профессиональному врачебному долгу, глубоко

верующий, православный. О Георгии Алексеевиче Прибыткове мне рассказывал наш известный писатель и краевед Василий Федорович Гришаев, о его встречах с сыном доктора и о сохраненном им архиве и вещах отца. Меня привлекла личность доктора Г. А. Прибыткова как организатора лечебного дела в Бийске и Бийском уезде и как создателя первой городской амбулатории и первого «Героя Труда» в нашем городе, создателя вместе с супругой Викторией Викторовной, Благотворительного общества. Из рассказов В. Ф. Гришаева у меня сложился образ русского интеллигента, сильного и целеустремленного человека, в то же время скромного, даже застенчивого, но с твердой волей и высокими нравственными качествами. Как-то Василий Федорович посетовал, что потерял связь с сыном доктора, просил меня разыскать его, расспросить об отце, записать его рассказ и по возможности сохранить архив Георгия Алексеевича и память о нем.

Шел 2004 год, в этом году у основателя медицинского дела в Бийске Георгия Алексеевича Прибыткова был 150-летний юбилей и общественность города решила его отметить. Я все откладывал розыск Виктора Георгиевича Прибыткова, сына доктора. Меня смущали даты. Вот тогда я и прикинул, что если Георгию Алексеевичу исполнилось 150 лет, то сколько же лет должно быть сыну? Сто лет, не меньше. А до такого возраста мало кто доживает. Известно также было, что супруга Георгия Алексеевича, Виктория Викторовна, умерла еще в 1919 году. Тем не менее, я начал поиск по всему Алтайскому краю, по известным мне каналам. Искал далеко, а нашел близко. Полученное известие меня обрадовало и удивило. Предмет поиска находится недалеко от Бийска, он жив и относительно здоров, ему 83 года, он житель села Акутиха Быстро-Истокского района Алтайского края.

В первую мою поездку встретиться с ним не удалось. В администрации Акутихи рассказали, что живет в селе давно. Женат. Жену зовут Людмила. Она медик. Всю свою жизнь Виктор Георгиевич проработал фельдшером на Акутихинском стекольном заводе. В селе его знают и уважают от мала до велика. В этом я потом неоднократно убеждался, когда приезжал к нему. Ни работники администрации, ни жители села, с которыми я общался, не знают ничего о его выдающемся отце. Удивлялись, когда рассказывал им, что портрет отца Виктора Георгиевича находится в галерее «Выдающиеся люди Бийска» и что в Бийске есть улица, носящая его имя, и установлена мемориальная доска. Кстати, как потом выяснилось, об этом не знал и он сам.

В следующий свой визит в Акутиху я пригласил бийских краеведов А. Г. Бошкова и Г. А. Нечаева. Вот как описывает нашу поездку А. Г. Бошков:

«...Выехали утром, по легкому морозцу, по обледенелой, припорошенной свежим снегом дороге. От Бийска до Акутихи шестьдесят с небольшим километров. Ехать нужно через село Соколово. Вскоре были в Соколово и не могли не подъехать к Иткульскому спиртовому заводу, одному из старейших в России. Село большое, основано в 1730 году. Оно расположено рядом с уникальным сосновым бором на речке Иткуль, славившейся чистейшей и вкусной водой. Завод был построен барнаульским купцом Григорием Терентьевичем Бадьиным в компании с дворянином, советником Алтайского горного правления, предпринимателем Константином Павловичем Платоновым. Завод был пущен в 1868 году и работает до сих пор. Продукция завода широко известна своим прекрасным качеством.

От спиртзавода дорога через овраг, по дну которого протекает не замерзающая речушка, уходит резко в сосновый бор и идет среди густого соснового леса. Дорога не широкая, очень живописная. При въезде в Акутиху нас встретили разбитые фермы и несколько домов без крыш, с пустыми глазницами окон. Похоже на разруху...

В селе же, у каждого дома, большие запасы дров: поленницы швырка, чурки,

долготье — сотни кубометров, по нескольку тюков сена. Значит, много скота. Жизнь, да, идет! Настроение изменилось, улучшилось.

Поехали к администрации села. Расположена она в в уютном старинном двухэтажном доме, в березовой роще. Рядом школа и котельная. Руководство администрации отсутствовало, но работающие там женщины с удовольствием начали рассказывать, какой достойный, отзывчивый, уважаемый человек Виктор Георгиевич Прибытков. Скольких он вылечил, как помогал попавшим в трудное положение людям и что до недавнего времени он определял остроту зрения и подбирал очки. Подсказали, как к нему проехать. Живет он по улице Береговой, дом 27. Проехали мимо когда-то знаменитого стекольного завода, основателем которого в 1873 году был, уже известный нам по Соколово, К. П. Платонов. На заводе изготавливали не только бутылки, оконное стекло, но и посуду, и даже хрусталь. Первыми мастерами были рабочие со знаменитых Мальцевских фабрик европейской России. Сейчас, уже несколько лет завода практически нет: цеха разбиты, разграблены, на месте стоит пока еще труба от бывшей котельной да пилорама. Впечатление удручающее. Жители села в основном пенсионеры. Для молодых работы нет. На заборах прочли несколько надписей со стрелкой-указателем: «Сбор папоротника, сдача папоротника, грибов, ягод». Сезонные работы, как и во многих сейчас деревнях и селах страны.

Вот и улица Береговая, подъехать к дому не удалось. Улица неширокая, и в сугробах по метру высотой. Прошли по узенькой тропинке к интересующему нас дому. Домик небольшой, калитка открыта, собачья конура пуста.

Видно, что особого догляда за домом нет, оно и понятно — живет одинокий старый человек. Дверь в дом заперта. Постучали раз, второй, третий — молчок. На стук в окно, с вопросом «кто там» (мы представились) дверь открыл старичок с белой небольшой бородкой и голубыми глазами, смотрящими как-то особенно, не по цели. Вежливо и доверительно поздоровался и предложил пройти через сени в дом. Дом — деревенская изба без перегородок, с печкой-камельком посредине. Больно резанули по сердцу неухоженность, запущенность. Все покрыто, буквально, слоем пыли. Мы прекрасно понимали, что плохо видящему, старому человеку трудно, может быть, не под силу, ухаживать за домом и поддерживать порядок внутри дома, но живет-то он среди людей, для которых трудился всю свою жизнь.

Виктор Георгиевич пригласил присесть и доброжелательно спросил о цели визита. Сразу стало ясно, какой это интеллигентный, приветливый, внимательный человек — сын легендарного бийского врача Георгия Алексеевича Прибыткова.

Тяжело было смотреть на нелегкую, одинокую жизнь в старости этого заслуженного человека.

У Виктора Георгиевича Прибыткова мы провели в беседе несколько часов...»

Я использовал отрывок из «Записок» краеведа А.Г. Бошкова о нашей совместной поездке в Акутиху, чтобы читатель погрузился в то время, в те жизненные условия и обстоятельства, в которых мы все жили, когда веками создаваемый нашими предками привычный уклад жизни был порушен, а люди брошены, предоставлены сами себе и каждый выживал как мог.

Впоследствии я много раз посещал Виктора Георгиевича в компании с краеведами, музейщиками, журналистами, историками, пока он доверительно не попросил меня приезжать одного или с моей женой Надеждой Ивановной. Видно, общение с большим количеством людей его тяготило и утомляло.

Каждый раз я поражался его крепкой памяти. Он помнил почти каждый документ обширного архива отца, каждую книгу их огромной библиотеки, даты, события, эпизоды своей личной жизни, факты истории страны, края, села, круг друзей и знакомых, родителей и многое, многое другое. Помнил даже услышанные когда-то диало-

ги и легко их воспроизводил с нужной интонацией. С большой любовью, уважением, теплотой, даже трепетом говорил о своем отце, о первой жене отца известной бийской благотворительнице и просветительнице Виктории Викторовне, которую никогда не видел и знал лишь с его слов.

О себе рассказывал скупо. Со слов отца знает, что в 1919 году, перед смертью, Виктория Викторовна благословила его жениться на их экономке Юлиане. Юлиана Ульриховна Грунт приехала на Алтай из Прибалтики по приглашению своего дяди, служившего Управляющим лесами, которые принадлежали царской семье. Отец исполнил волю усопшей супруги. В 1921 году родился Виктор Георгиевич. Георгию Алексеевичу было тогда 67, а Юлиане Ульриховне 40 лет. Он окончил фельдшерскую школу. В юности сильно и долго болел, поэтому в армию не призвали и на фронт не взяли. В 1940 году умер отец, и они с матерью, продав дом, переехали на жительство поближе к родственникам, в Акутиху. Работал фельдшером, сколько мог, на стекольном заводе. Всю жизнь мечтал стать врачом. Не получилось. Женился на медицинской сестре уже в зрелом возрасте. Детей нет. Сейчас жена живет в соседнем доме со своей престарелой матерью. Три раза в день приносит ему еду. Хоть и трудно, но сажает огород. Плохо видит и слышит, но сохранил хорошую память.

Скажу, что в этом человеке необъяснимо чувствуется порода. Во всем: в осанке, жестах, особенно в разговорной речи. Он как бы из другого времени.

Виктор Георгиевич по жизни всегда и во всем стремился соответствовать отцу. Для него пример его жизни и деятельности был высшим пониманием смысла жизни: в профессии, в поступках, в отношении к людям, событиям, женщинам, во всем. Он для него был духовным и нравственным критерием, исключительным и полным совершенством. Это свое восхищение отцом, как я понимаю, он хотел кому-то передать, чтобы память о Георгии Алексеевиче подольше сохранилась.

По-видимому, я и явился тем самым человеком, которому он мог бы довериться и рассказать об отце все, что сохранила его память.

Виктор Георгиевич передал мне архив, личные вещи, медицинские инструменты, много фотографий, часть мебели и библиотеки Георгия Алексеевича. Он просил меня по моему усмотрению распорядиться вещами. Я большую часть передал в фонды Бийского краеведческого музея имени В. В. Бианки, где теперь есть экспозиция, посвященная Г. А и В. В. Прибытковым. В музее «Истории медицины Алтая», в городе Рубцовске, создан кабинет доктора Прибыткова. Им я тоже передал вещи, инструменты, книги, фотографии.

К сожалению, сохранилась лишь небольшая часть огромнейшей библиотеки Прибытковых, вернее, ее медицинской составляющей. Виктор Георгиевич рассказал мне, что в конце семидесятых годов он составил список медицинской литературы библиотеки (это несколько тысяч наименований) и отправил их в ректорат Харьковского медицинского института затем, чтобы они выбрали необходимые им. Ответ пришел быстро. Выбрали почти все. И Виктор Георгиевич отправил несколько десятков больших ящиков с книгами в адрес института. Так он отблагодарил Харьковский медицинский за отца — выпускника института (тогда университета). Теперь Харьков украинский город. А это другое государство. Мне жаль, что так получилось.

Художественную литературу, а это несколько сот томов, я передал в библиотеку села.

II

Родился Георгий Алексеевич Прибытков 22 апреля 1854 году в слободе Гадючьей Богучарского уезда Воронежской губернии. Отец и дед были священниками. Братья отца и деда тоже были священнослужителями. И хотя с малолетства его интере-

совала медицина, просто сгорал от любопытства: как устроен человек, что находится у него внутри, в какой взаимосвязи, но он был просто обязан продолжать семейную традицию священничества. Таковы были нравственные нормы в те времена. Пойти против воли родителя немыслимая дерзость, поступок из ряда вон. Девяти лет был принят в Духовное училище, которое располагалось в городе Павловске Воронежской губернии. По окончании училища поступил в Духовную семинарию Воронежской Епархии Русской православной церкви и в 1875 году с отличием ее окончил. К этому времени умер отец, и забота о многочисленном семействе легла на его плечи. Год прослужил священником на приходе. Карьера священнослужителя складывалась удачно, но стремление стать врачом с годами не прошло. И в 1876 году, выдержав сложнейшие экзамены, был принят в Харьковский университет на медицинский факультет. Учебу в университете приходилось сочетать с постоянными подработками, так как нужно было содержать мать и младших братьев и сестер.

Быстро пролетели студенческие годы. В 1882 году, выдержав экзамены, Георгий Алексеевич был утвержден медицинским факультетом Харьковского университета в степени лекаря и в звании уездного врача.

Мечта сбылась. Теперь он дипломированный специалист, сможет облегчать участь больным людям. Помните строчки из его стихотворения? /Ни один человек/ Не уйдет от меня / Со слезами горя: / Счастье всем буду нести, / /Это цель жизни всей / / Это моя доля! /

Медицинский департамент Министерства внутренних дел России, в марте 1883 года, определил Прибыткова Г. А. Колысским городовым врачом (Могилевской губернии) и в этом же году, через несколько месяцев, перемещен врачом в Горн-Горецкий.

В обязанности городового врача входило: заведование больницей общественного призрения на 15 кроватей, военным лазаретом на 10 кроватей и судебно-медицинские исследования в пределах города. Жалованье выплачивали небольшое. За всю эту работу городовому врачу полагалось 18 рублей в месяц, в то время как уездный врач получал 900 рублей в год, сельский — 700 рублей.

Георгий Алексеевич обратился в Медицинский департамент с ходатайством о новом назначении, причем просьба его для многих была странной. Он просил направить его в Сибирь, в самую глушь. И в то время выпускники университетов стремились закрепиться в столицах, на теплых местах, рядом с родителями или родственниками, поближе к цивилизации.

Причин, побудивших его к такому решению, было несколько: небольшая заработная плата (ему нужно было еще помогать семье), стремление к самостоятельной работе, женитьба.

В 1883 году Георгий Алексеевич женился. Его избранница, Виктория Викторовна Корсак, родилась в 1866 году.

Дворянка по происхождению, она росла в богатой семье, получила хорошее домашнее воспитание, прекрасно играла на фортепиано, пела, рисовала, писала стихи, знала несколько иностранных языков, литературу. И была чрезвычайно хороша собой.

Что же объединило этих разносословных людей? Я думаю, единство взглядов, убеждений, жизненных позиций и устремлений. В конце XIX века многие молодые люди были одержимы идеей народного просветительства. Их устремление идти в народ, просвещать, сеять разумное, доброе, вечное находило реальное воплощение. Прибытковы были из этого прогрессивного поколения. Их желание уехать в Сибирь не было случайным. Следовательно, и ходатайство о новом месте службы не было случайным.

Ему предложили город Кузнецк Томской губернии. Он согласился. В своем дневнике Г. А. Прибытков пишет: «15 октября 1883 года это место было зачислено за мной. В Кузнецк мы приехали в начале января 1884 года (железной дороги в Сибири в то время еще не было). В Кузнецке ни больницы, ни амбулатории не было. Больные редко обращались за помощью к врачу. В Кузнецком округе, в то время, свирепствовала чума на рогатом скоте. Так как ветеринарного врача не было, то его обязанности возлагались на меня...»

Можно представить, какие заботы и профессиональная ответственность ложились на молодого специалиста.

В августе 1884 года постановлением Томского губернатора Г. А. Прибытков «перемещен для пользы службы в город Бийск городовым врачом». С этого времени и до самого своего ухода, жизнь и деятельность выдающегося врача Георгия Алексеевича Прибыткова и его жены, друга, помощника, единомышленника, просветителя Виктории Викторовны большей частью связаны с Бийском.

О состоянии здравоохранения в нашем городе в те далекие годы можно судить по материалам справочника «Бийский уезд Томской губернии», изданного в 1910 году.

«В состав Бийского врачебного участка входит пять волостей с населением в девяносто две тысячи человек; при этом на медикаменты отпускается около пятисот рублей в год».

Заметим, что участок обслуживал один врач, а в больнице было всего шесть коек.

«Медицинского персонала недостаточно даже для простого констатирования заболеваемости населения... Громадный процент населения хворает и умирает без всякой медицинской помощи».

Автора справочника трудно заподозрить в преднамеренном сгущении красок. Им был бийский полицейский исправник В. Штейнфельд.

Так обстояло дело со здравоохранением в 1910 году. А раньше, в первые годы работы Прибыткова, оно, без сомнения, было еще хуже.

В обязанности городского врача входило посещение больных по их вызову (поликлиник тогда не было) и оказания им бесплатной медицинской помощи. Причем дело было поставлено так: врачебная помощь бесплатно, а лекарства купи на свои деньги. Беднота лекарства покупать не могла. Но тогда какой же смысл имела работа врача? Оставить людей без помощи? Выход был найден самый простой. На рецептах неимущей бедноты писал: «За мой счет». А в конце месяца Георгий Алексеевич по этим счетам выплачивал 40—60 рублей. Сумма по тому времени не малая, а Прибытков жил только на зарплату. Но все же этим не решался вопрос бесплатной медицинской помощи. Городская управа ничего не хотела для этого сделать. Пришлось Георгию Алексеевичу обратиться к частной благотворительности. Видно настойчив и упрям был молодой доктор, если сумел заставить раскошелиться богатых людей. Деньги были собраны. На них он открыл бесплатную амбулаторию для бедняков. Это была первая амбулатория в Бийске. Из собранных денежных средств закупались лекарства для бедноты.

Конечно, эти меры не были радикальными. Они не могли исправить того удручающего положения в здравоохранении, но они показывают Прибыткова во весь рост с его высоким чувством ответственности за порученное дело, с его любовью к людям. Говорят, не было случая, чтобы доктор Прибытков сердито посмотрел на больного или не пришел к нему в назначенный час. В дождь ли, в буран, в любую погоду шел он к людям, ждавшим его помощи. Придет, достанет из саквояжика деревянный старенький стетоскоп, погладит седой клинышек бородки и приветливо спросит, ласково щурясь из-за стекол очков:

— Ну-с, на что жалуемся?

Не менее восторженные отзывы сохранились и об его врачебном искусстве.

— Прибытков спас мне жизнь.

Такую фразу можно было услышать не от одного посетителя.

Начиная с первых лет работы, Георгий Алексеевич живо интересовался всеми достижениями медицинской науки, все свободное от врачебной работы время он проводил за изучением бесконечно развивающихся медицинских дисциплин. Он не отставал от движения науки. Выписывал все российские и несколько иностранных медицинских журналов, новые книги. Ему требовались обширные познания в медицине, так как он был первым и единственным в Бийске хирургом, акушером, глазником, педиатром и терапевтом. И за всем развитием этих специальностей он следил и стремился не отставать. Неоднократно ездил на курсы усовершенствования в Петербург. Так как научных командировок и отпусков для этой цели не было, то ему приходилось приглашать для временной работы кого-нибудь из врачей, оставлять ему свой заработок и на скромные личные сбережения ехать учиться.

Он любил занятия с микроскопом. Часто можно было видеть его дома, склонившись над аппаратом и изучающим вредителей — врагов человеческого здоровья — микроорганизмов. Свои знания он не таил и охотно передавал своим ученикам, которых сумел заинтересовать медицинской наукой.

Заботы, волнения, недоедание в прошлом, переброски с места на место сделали свое дело: Георгий Алексеевич заболевает туберкулезом. Лечиться в то время можно только при исполнении служебных обязанностей и за свои средства. Он вышел в отставку и вместе с Викторией Викторовной уехал в Горный Алтай, став врачом на золотых приисках. Здесь они прожили почти двенадцать лет. Георгий Алексеевич лечился сам и лечил людей.

Дико в то время было на Алтае. Беспросветная темнота царила на приисках. Они располагались в узких горных долинах, кругом суровые горы и угрюмая тайга. Скучна и тяжела была окружающая обстановка. Для рабочих и служащих не было возможности разумного использования свободного времени. После шестидневного, 10—12 часового рабочего дня наступало воскресенье. День отдыха, и вместе с тем широкого, повального пьянства. Свободно и выгодно шла работа спиртоносцев. Очутившись в такой тяжелой обстановке, Прибытковы поняли, что нужно что-то сделать, внести искру света в эту безрадостную жизнь, разнообразить быт и досуг рабочих.

Прибытковы собрали деньги и стали приобретать книги, картины, а самое главное, купили новинку того времени — волшебный фонарь для показа картин на экране. На первые сеансы пришли дети, несколько женщин, а там стали подходить и рабочие. Желающих посмотреть картинки из волшебного фонаря и послушать увлекательные рассказы становилось все больше и больше. И вот уже аудитория не вмещает всех желающих, люди потянулись к светлому и прекрасному. Пьянство резко уменьшилось, прекратились семейные ссоры и драки. Тогда у Прибытковых явилась новая идея. Они создают драматический кружок, где сами и режиссеры, и актеры. В дальнейшем был создан оркестр. Просветительская деятельность Прибытковых дала хорошие результаты.

Общественно-просветительская работа Георгий Алексеевича не мешала врачебной. Была выстроена больница и открыта родильная комната (покой). От знахарок больные, родильницы перешли к акушеру и врачу. Развилось врачебное дело. Но где лечение, там должна быть и профилактика. В то время рабочие жили в бараках (казармах), а часть новоприбывших в шалашах. Загрязнение бараков и почвы было страшное. Доходило до того, что рабочие иногда мочились в углу жилища. Естественно, что вспыхнула эпидемия брюшного тифа. Каждый день сваливалось по не-

скольку человек. Для прекращения эпидемии Георгий Алексеевич потребовал от администрации приисков убрать на аршин глубины почву у бараков в поселке и засыпать свежей галькой, сжечь шалаши рабочих и построить за счет владельцев приисков новое жилище. Администрация отказала, сославшись на то, что это будет стоить им пуд золота. Г. А. Прибытков был настойчив и крепок в своем решении. Дело дошло до Петербурга. Пришел приказ выполнить все требования доктора. Эпидемия прекратилась. Много приходилось Георгию Алексеевичу бороться с другими мелкими эпидемиями. Особенно безнадежной оказалась борьба с оспой. Оспопрививания не было, да и не было детрита. Георгий Алексеевич едет в Петербург, работает в оспенном телятнике, учится сам готовить детрит.

Людское доверие и уважение было завоевано, но не были решены еще многие проблемы жизни людей. Прибытков был единственным врачом на большом географическом пространстве, поэтому нес огромные профессиональные нагрузки. К тому же в 1893 году постановлением Томского губернатора он был назначен руководителем единственного тогда Смоленского врачебного участка с обязательством оказывать медицинскую помощь и на приисках. А прииски отстояли от села Смоленское на 250—400 верст...

У меня хранится уникальный документ, обыкновенный листок, в клеточку, из архива Г. А. Прибыткова, на котором он скрупулезно заносил названия населенных пунктов и расстояния между ними. Так он отмечал маршруты (он их называл прогонами), которые ему приходилось проделывать по вызовам людей. Так вот, с 1 октября 1891 года по 12 августа 1892 года, чтобы облегчить страдания больных, он преодолел 4560 верст. Из них: в летнем экипаже 180 верст, в зимнем экипаже 2868, верхом 1476 и на лыжах 36 верст. Комментарии, что называется, излишни.

Георгию Алексеевичу было приказано построить Смоленскую больницу. Деньги на постройку отпускались скромные и по базарным ценам совершенно недостаточные. Но приказ должен быть выполнен. Больница была построена. Правда, ему самому приходилось в деревнях покупать каждое бревно, каждую плаху. Через год его освободили от работы по Смоленскому участку.

В 1901 году Прибытковы возвращаются в Бийск. Георгий Алексеевич получает назначение заведующего амбулаторией приискового казенного склада, а с марта 1906 года заведующего Бийской городской больницей. Бедна была больница того времени, больница городской Управы. Для того чтобы исправить положение и направить работу, нужна была энергия руководителя, любовь к делу и умение заинтересовать этой работой сознательных граждан города. Ему удалось попечением добрых людей провести в больницу электричество, обеспечить ее необходимой обстановкой. Работал он в больнице утром, днем, работал и вечером. Работал не только много, но умело, вкладывая в нее всю душу. Несмотря ни на какую погоду, будь то жара, буря, дождь, любая непогода, все равно больной знал, в урочный час его встретит Георгий Алексеевич и облегчит страдания. Уцелевшие до нашего времени скорбные листы (медицинские карты) больных остаются для нас образцом преданного отношения к врачебной делу.

Всем была видна добросовестная и честная работа Г. А. Прибыткова. Но нашлись недоброжелатели. По чьему-то навету городская Управа назначает внезапную ревизию больницы. Ревизия не нашла недостатков, но Георгий Алексеевич потребовал более глубокой проверки. И снова все было найдено в полном порядке. Интересен следующий случай. Приезжает в Бийск губернатор. Шептуны докладывают ему о беспорядке и бесхозяйственности в больнице. Губернатор, не предупреждая заведующего и в его отсутствие, делает ревизию. Осматривает все до подвала и кухни включительно, опрашивает больных. Но вынужден был признать образцовое ведение

больничного хозяйства, преданность делу и на редкость хорошее и внимательное отношение к больным.

Эти необоснованные и обидные обвинения заставили Г. А. Прибыткова подать в отставку. Городская Управа просит его остаться, попечители составили глубоко прочувственное письмо с такой же просьбой. Но Георгий Алексеевич непреклонен — слишком глубоко было оскорбление недоверием. На работу он не вернулся, но от мысли работы для бедноты не отказался. В 1913 году он купил дом, оборудовал нижний его этаж под амбулаторию и занялся частной практикой.

Частнопрактикующий врач, да еще такой известный, как Прибытков, мог в то время заработать немалые деньги. Но не таков был доктор Прибытков. Рассказывают, когда один купец оставил на его столе сумму, на несколько рублей превышающую установленную плату за визит, он немедленно послал ему вслед лишние деньги. Бедняков же лечил бесплатно.

Его врачебная деятельность не прекращается и в годы Гражданской войны. К нему шли лечиться «белые» и «красные», духовенство, чиновники, комиссары, офицеры, мещане и крестьяне. Для него не было сословного деления, были просто люди, нуждающиеся в его помощи.

Советскую власть Прибытков встретил на седьмом десятке лет очень спокойно. Его пригласили служить новой власти, он с молодой энергией отдался работе по улучшению здравоохранения в городе.

В марте 1920 года Г. А. Прибытков организовал центральную амбулаторию и стал ее первым заведующим. Вначале в ней был всего один врач — сам Прибытков. Но уже через несколько лет врачей стало четырнадцать, а кабинетов семь: терапевтический, хирургический, невропатологический, гинекологический глазной, детский, урологический.

О таком размахе работы можно было только мечтать!

В 1925 году по состоянию здоровья Г. А. Прибытков уходит с поста заведующего, но до 1938 года, до 84-летнего возраста, продолжает трудиться в амбулатории в качестве врача-терапевта.

Был в жизни Г. А. Прибыткова очень неприятный момент, о котором он часто вспоминал в последние годы с большой горечью.

В 1919 году представители советской власти выдали Г. А. Прибыткову документ, в котором сказано, что учитывая огромные заслуги перед народом, предъявителя сего документа нельзя уплотнять, притеснять, экспроприировать его имущество и т.д. Тем не менее, произошло следующее. В 1936 году в Бийск на новое место службы прибыл какой-то партийный руководитель (его имя история не сохранила).

Ему было дано право выбора места для жительства. Как вспоминает Виктор Георгиевич Прибытков, одет он был очень добротно: в каракулевой шапке, в кожаном длинном пальто, обут в белые бурки. Весь сам очень важный. Долго ходил по городу, приглядывался, заходил в квартиры и выбрал себе для жительства дом Прибытковых. Дом был двухэтажный. На первом располагалась амбулатория, в которой доктор вел бесплатный прием больных, здесь же было несколько коек для тяжелобольных. На втором было пять комнат: гостиная-столовая, спальня, библиотека, кабинет и гостевая. Все рационально, никаких излишеств. Тем не менее, городские власти предложили Прибытковым освободить дом и переехать в домик в переулке им. Фомченко. Г. А. Прибытков принял эту весть удручающе. Ему не хотелось уходить из обжитых комнат, в которых столько лет прожил. В этом доме прошли счастливые и грустные годы: смерть жены и друга Виктории Викторовны, рождение сына Виктора. Расстроенный, весь в слезах, уехал 82-летний Герой труда на новое место жительства.

Никто не вспомнил о его заслугах перед трудящимися и не заступился за ува-

жаемого человека, а он ни к кому и не обращался за помощью. Жить ему оставалось четыре года.

Немало своих коллег научил методам диагностики и лечения. Привил чувство гордости профессией врача-целителя — одной из гуманнейших профессий на земле.

Труд Г. А. Прибыткова отмечен многими наградами. С 1922 года центральная амбулатория носила его имя. Она называлась так: «Центральная городская амбулатория имени доктора Прибыткова». В 1925 году Бийский окрисполком присвоил ему звание «Герой труда» и наградил набором хирургических инструментов. Ему была назначена повышенная пенсия. В городе Бийске его именем названа улица, его портрет находится в галерее «Выдающиеся люди Бийска», на здании бывшей центральной городской амбулатории имени доктора Прибыткова установлена мемориальная доска.

Умер Георгий Алексеевич Прибытков 18 октября 1940 года.

III

Не отставала от Георгия Алексеевичав своей профессиональной и просветительской деятельности его жена, верный друг, помощник и единомышленник, Виктория Викторовна Прибыткова. Она не могла смириться с ситуацией полной неграмотности, невежества и даже дикости местного населения. Организует громкие читки книг на предприятиях (где разрешали это делать хозяева), проводит просветительские вечера с использованием волшебного фонаря и картин, организует кружки самодеятельности, театральные, хоры.

В городе не было доступной библиотеки, и Виктория Викторовна решила ее создать. И создала. Она организатор первой публичной библиотеки в городе Бийске. Сейчас это центральная городская библиотека имени В. М. Шукшина.

В докладе «В правление Бийского общества попечения о начальном образовании» в 1916 году писала: «В январе 1900 года я начала работу. В марте открылась бесплатная читальня (при библиотеке), в июне началась выдача книг, а 10 декабря того же года библиотека была официально открыта. После открытия пошли подписчики разных категорий.

...Многие из них не знали, что такое библиотека, не умели обращаться с каталогами, входили в библиотеку несмело, не знали ни имен писателей, ни названий сочинений. Библиотека вынуждена была рекомендовать книги почти всем читателям.

Прошло шестнадцать лет. Многие десятки тысяч читателей прошли через библиотеку и читальню. Многие десятки тысяч книг прочитаны населением, и картина изменилась. В библиотеку входят смело, знают имена писателей, названия сочинений и высказывают определенные требования. С каталогом умеют обращаться даже дети».

Замечу, что основой книжного фонда стали несколько тысяч книг из огромной личной библиотеки Прибытковых. С 1900 по 1919 год Виктория Викторовна была бессменной ее заведующей.

Очень много сделала Виктория Викторовна для пропаганды книги среди детей и беднейших слоев населения: для них был введен так называемый бесплатный разряд. Поначалу она «сама со своими помощниками возила книги в воскресную школу и непременно всем желающим раздавались билеты на бесплатное получение книг. Вообще были использованы все средства, чтобы сделать библиотеку известной и доступной. Таким образом, было положено начало сближения библиотеки с населением».

В работе с начинающими читателями В.В. Прибыткова полагалась на ответственность библиотекарей: «Пристрастится такой читатель к чтению или, прочитавши пять, десять книг, бросит читать, будет зависеть от выбора книг. Даже в таких случаях, когда подписчик опытный читатель просит библиотекаря дать что-нибудь по сво-

ему усмотрению, приходится обдумывать, принять во внимание развитие читателя, расспросить, что читал и какие авторы больше всего нравятся и т.д. и только тогда дать книгу. Так что библиотечная работа предъявляет своим работникам известные нравственные требования и налагает нравственную ответственность».

Виктория Викторовна не просто основатель первой городской публичной библиотеки и ее первая заведующая, еще она создала теоретическую базу для работы не одного поколения библиотекарей, определила нравственные основы их деятельности и заложила лучшие традиции библиотечного обслуживания населения города. Принципы библиотечной работы, разработанные Викторией Викторовной, современны и сегодня.

В. В. Прибыткова — Почетный член Бийского благотворительного общества. Принимала активное участие в работе общества Красного Креста и была награждена медалью в память участия этого общества во время русско-японской войны 1904—1905 гг.

Умерла Виктория Викторовна в 1919 году.

IV

Георгий Алексеевич и Виктория Викторовна Прибытковы с первый дней прибытия в Бийск озаботились проблемами жизни людей. Везде царила нищета, пьянство, неграмотность, было много неполных семей, множество сирот. В 1888 году они создают Благотворительное общество, цель которого: регулярное оказание помощи беднейшему населению. Им удалось привлечь к работе в Благотворительном обществе состоятельных граждан Бийска. Многие из них почитали за честь быть попечителем общества и жертвовали крупные суммы. Благотворительное общество крепнет и уже имеет собственный дом для приюта (пер. Муромцевский, 2) и большое усадебное место для огородов. Здание приюта для детей-сирот было построено в 1907 году, а сам приют проработал до 1918 года.

Для детей из бедных семей, а также детей, чьи отцы погибли в русско-японской войне, они организуют празднования Рождества и Нового года. Работа большая и кропотливая. Нужно было составить списки таких детей по всему городу. Набиралось до 600 ребят ежегодно. Затем их делили по возрасту на группы, каждому готовились подарки и угощения, концертная программа, украшалась елка. В назначенный день и час они приглашались на праздник, который проходил в доме-приюте для детей-сирот. На первом этаже их встречали, поздравляли с праздником и кормили. На втором этаже, у елки, дети играли и веселились. По окончании все получали подарки. Можно лишь представить, какой заряд душевной теплоты, веры в добрых людей получали эти дети.

Приют Благотворительного общества давал детям не только кров над головой и пропитание, но и трудовые навыки и известное образование. В приют поступали дети в возрасте 3—7 лет, а выпускались в 17—18. Всего, за годы работы, через приют прошло 2207 детей. Все они получали начальное образование, воспитание, трудовые навыки. Мальчики могли работать шорниками, кузнецами, садовниками, столярами. Девочки обучались профессии швеи, повара, вышивальщиц. Способные ребята продолжали обучение в гимназиях и институтах. Были среди их выпускников врачи, учителя, офицеры. А главное, я думаю, то, что из стен приюта выходили честные и трудолюбивые люди. Георгий Алексеевич и, особенно, Виктория Викторовна с головой уходили в любимую работу в Благотворительном обществе и приюте. Не случайно выпускники приюта считали лучшими из людей доктора-гуманиста и его супругу.

Из воспоминания воспитанницы приюта Ксении Павловны Ксенофонтовой:

«Семью доктора Прибыткова знаю с 1902 года. Георгий Алексеевич заведовал больницей, а также бесплатно обслуживал приют, богадельню и монастырь. Он оказывал помощь всему народу этих заведений.

Благотворительное общество по инициативе Прибытковых организовало бесплатную медицинскую помощь, была открыта амбулатория с приемом врачей и бесплатной выдачей медикаментов бедноте. Сам Георгий Алексеевич много лет бесплатно работал в приюте. Были установлены специальные приемные дни посещений детей в приюте, престарелых в богадельне. Он всем оказывал помощь. Доктор Прибытков имел частную практику на дому. Приходили к нему все желающие, весь бедный народ. Всем помогал. Если бедняку не на что было купить лекарств, Георгий Алексеевич выписывал рецепт в Горбунову аптеку, где ставил роспись за его счет. Это был душевный, простой души человек. Часто мы собирались вечерами, и он рассказывал нам о Бийске, о других городах и странах.

Виктория Викторовна заведовала городской библиотекой, участвовала в Благотворительном обществе и вела большую работу в приюте. Учила детей, то есть нас. С ее помощью были созданы кружки рукоделия, вязания, шитья и разных галантерейных изделий. Все реализовывали на содержание детей приюта. Создала общество Красного креста, где следила за семьями солдат и их детьми. Ведь тогда была война с Японией. Помогала им питанием и одеждой. Устраивала праздники «Елка» и другие с бедной детворой. Она отдала себя обществу, очень хочется отметить ее. Она так любила приютских детей и вся была отдана для общества. Я была круглой сиротой, у меня не было ни дяди, ни тети. Может быть, мне поэтому и посчастливилось бывать у этих хороших, душевных людей.

Георгий Алексеевич часто забирал меня к себе, и я неделями жила у них. Помогала разбирать книги в библиотеке, была первой помощницей Виктории Викторовны. Помогала по дому, следила за их костюмами. Я старалась угодить этим людям за их чуткость и доброту. Я была как бы членом их семьи...»

Это лишь некоторые страницы жизни и деятельности двух замечательных людей.

Георгий Алексеевич и Виктория Викторовна Прибытковы были самыми яркими в истории Бийска конца XIX начала XX вв. личностями, профессионалами своего дела, благотворителями и просветителями.

В написании этой статьи мне помогли воспоминания сына Г. А. Прибыткова Виктора Георгиевича, архив доктора, опубликованные и неопубликованные исследования В. Ф. Гришаева, В. А. Богословского, А. Г. Бошкова, Л. С. Домниковой, К. П. Ксенофонтовой.

V

Виктория Викторовна и Георгий Алексеевич Прибытковы похоронены на Вознесенском кладбище Бийска. Их могилы рядом, хотя прожил Георгий Алексеевич на двадцать лет дольше своей жены. Так получилось, что за захоронениями некому было ухаживать, и они потерялись. Оградки пришли в негодность, деревянные кресты сгнили, непогода сравняла холмики. Все наши усилия по розыску места погребения Прибытковых не принесли успеха, ведь прошло семьдесят лет со дня смерти Георгия Алексеевича и девяносто Виктории Викторовны.

Я обратился за помощью к Виктору Георгиевичу, и в который раз пришлось удивляться его крепкой памяти. Он озвучил, а мы записали путь, по которому можно найти места захоронения. Причем этот маршрут описан с мельчайшими подробностями: подняться на гору, от главной дороги направо сделать 97 шагов, повернуть

налево, увидите большой тополь, на тополе вросшая металлическая пластина, рядом с тополем могила такого-то (назвал фамилию), справа Виктории Викторовны и отца. Мы легко по этому плану нашли нужное место. Все совпало. Только вместо могил мы увидели чуть заметные холмики. Время сделало свое дело.

Сделали свое дело и мы, их потомки. Создали «Мемориальное место захоронения выдающихся людей Бийска Г. А. и В. В. Прибытковых». Привели в порядок могилы, очистили территорию, огородили, установили православный крест и информационную доску. На доске написано, что здесь упокоятся благотворители и просветители: Георгий Алексеевич Прибытков — основатель медицинского дела в Бийске и Виктория Викторовна Прибыткова — создатель городской публичной библиотеки.

Мы помним о вас.

Зоя Алешникова (Краснова)
(г. Калининград)

ВОСПОМИНАНИЯ О ДАЛЕКОМ И БЛИЗКОМ...

Зоя Васильевна Алешникова (Краснова) родилась в Сталинграде. Члены семьи дважды подвергалась политическим репрессиям, в 1995 году реабилитированы (отец, мать и брат — посмертно). В 1953 году окончила Московский технологический институт пищевой промышленности по специальности «инженер-технолог хлебопекарного, кондитерского и макаронного производств». Работала в Рязанской области, в Туле, а с 1965 года в Калининграде: начальником отдела производственных предприятий в облпотребсоюзе, заведующей центральной контрольно-производственной лабораторией в управлении пищевой промышленности, заместителем директора горхлебокомбината № 5. В 1995—2003 годах участвовала в организации хлебопекарного производства на частных предприятиях. В 1995 году добилась изменения Закона о реабилитации жертв политических репрессий в Конституционном суде РФ.

Памяти моих родителей, братьев и бабушки Анны посвящается

«Издалека долго
Течет река Волга...»

Слова из песни

Родилась я в 1931 году на Волге, в городе Сталинграде, а жила в Сталинградской области, на селе. Отец мой, Краснов Василий Максимович, по профессии был бухгалтер, а по призванию — музыкант. Он прекрасно играл на многих музыкальных инструментах: в доме были виолончель и концертный рояль. Он был регентом церковного хора, как и его отец, священнослужитель, несколько месяцев не доживший до коллективизации 1930 года. Вместе они сочиняли музыку для религиозных песнопений. Однако мой папа не захотел стать священником, как того хотели его родители, и сбежал из астраханской духовной семинарии.

Семья отца была крепкой, зажиточной. Дом у них был самым красивым в селе Верхний Балыклей. Это в 18 километрах от известного своими арбузами и «золотой пшеницей» села Быковы Хутора, родины известного поэта Михаила Луконина, написавшего в одном из своих стихотворений:

... Быковы Хутора — арбузная столица.

Теперь это село, так же как и Верхний Балыклей, находится на дне Большой Волги. Там же и могилы многих моих родственников.

В Быково мой отец и приглядел себе невесту — первую красавицу, девушку из

большой бедняцкой семьи: отец грузчик на пароходах и баржах, а мать — поденщица. Поженились родители молодыми. Отцу еще не было 18-ти, а маме, Оловянишниковой Акулине Ивановне,— 17-ти. Тогда, в старое время, на селе обычно дело решалось сватовством. Папе хотели сосватать девушку из зажиточной семьи, но мама была до того красивой, что папа, как увидел ее, так ни о ком другом уже и слышать не хотел. На смотрины папа поехал вместе со своим отцом, дедом Максимом. До этого в мамин дом сваты ходили один за другим, но она всем отказывала. Папа был у нее уже одиннадцатым женихом, но он ей понравился сразу. Дед Максим выбор сына одобрил и в своей невестке души не чаял. Правда, поначалу папина мать, бабушка Александра, была недовольна тем, что невеста из бедных. «С лица воду не пить»,— ворчала она. Но со временем все наладилось. Свадьбу сыграли. Венчание состоялось 25 января 1918 года. Этот день для меня особенно дорог, потому что я считаю его днем рождения нашей семьи.

Семья Красновых: Акулина Ивановна, Максим Степанович (сидит), Василий Максимович. 1919 год.

Жили мама и папа в любви и согласии, да вот только дети у них, все мальчики, умирали один за другим — и все от скарлатины. Я у родителей была седьмой, и именем своим я обязана деду Максиму, завещавшему, что, если родится дочь, то назвать ее Зоей, что по-гречески означает «жизнь».

Как уже было сказано, мама вышла замуж совсем молоденькой и поначалу растерялась, когда свекровь, бабушка Александра, стала передавать ей управление домашним хозяйством. Но ее по-отечески поддержал свекор — дед Максим. «Не бойся, Лина,— сказал он,— я тебе помогу». И он терпеливо обучал ее всем домашним премудростям. «Ты, главное, мяса побольше клади»,— говорил дед, когда мама готовила обед. Мяса было вдоволь: жили зажиточно.

Не менее трогательны были взаимоотношения у моего папы с маминой мамой, бабушкой Анной. Ласково обращаясь к ней, папа говорил: «Мамонька, ты ничего не зна-

ешь?» Бабушка тут же отвечала: «Знаю, знаю, Вася. Сейчас вздую...» Это значило, что сейчас она поставит самовар, и будет чаепитие. Они понимали друг друга с полуслова.

Но вот началась коллективизация, грянул 1930 год, и в один момент все рухнуло. Отец моего папы, дед Максим, скоропостижно скончался еще осенью 1929 года, но уже тогда предвидел неминуемые события. Перед смертью он сказал: «Вася, отдай все, чтобы тебя потом не мучили!» Папа так и сделал, но мучения все равно не обошли его стороной. Несмотря на то, что отец все свое огромное хозяйство, доставшееся ему по наследству, добровольно передал в колхоз, тем не менее, по решению собрания бедноты и батрачества это хозяйство (а оно было основательное — дом, мельница ветряная, сто гектаров пахотной земли, два с половиной гектара фруктового сада и пр.) было признано «кулацким». Все имущество объявили «конфискованным», в том числе и граммофон, и рояль с виолончелью (видимо, среди членов этого собрания были и меломаны...). Отца, мать, бабушку и моего двухлетнего братишку Виталика признали «социально опасными», «врагами народа». Не было принято во внимание и то, что отец во время Гражданской войны (1920—1922 гг.) служил в Красной Армии — в 239-м Курском стрелковом полку. Его посадили в тюрьму, а вся семья его выслана за пределы района. И это несмотря на то, что такие жесткие меры по указанию верховной власти предназначались только для тех, кто оказывал активное, в том числе и вооруженное, сопротивление! Да уж, действительно, в нашей семье головорез на головорезе, в особенности 72-летняя бабушка и двухлетний Виталик...

Служебная книжка красноармейца В. М. Краснова

Мою маму вызывали в ОГПУ и уговаривали развестись с отцом: «Ведь ты же из бедняков. Разведись, и все у тебя будет хорошо!» Когда мама пришла к папе в тюрьму на свидание, он сказал ей о том же: «Разведись со мной, Лина. Все равно, когда вернусь, будем жить вместе». Но мама наотрез отказалась совершить такой поступок, который считала низостью. Не поддалась на уговоры и не испугалась угроз. Ведь они с папой женились-то по любви...

Через четыре месяца умер «враг народа» — мой брат в возрасте двух лет и четырех месяцев. А затем где-то в Калмыкии умерла и бабушка Александра 72-х лет, тоже «враг народа».

«Враги народа»: моя мама и брат Виталик 2-х лет от роду, 1930 год...

Какое-то время спустя отца из тюрьмы выпустили (наверное, для того, чтобы на свет появилась я), но затем снова посадили «за уклонение от ссылки». Вновь освободили его досрочно в январе 1934 года «за примерное поведение» и в связи с болезнью, приобретенной в заключении. Вернулся отец, потеряв в тюрьме почти все зубы, с туберкулезом легких в тридцать три года. И начались наши скитания по маленьким местечкам и съемным квартирам. Это я уже хорошо помню, хотя мне тогда не было и трех лет. Но память детская — удивительная вещь. Я помню отдельные эпизоды, относящиеся, по словам моей мамы, к 1933 году — году страшного голода.

В 1935 году родился мой брат — Ростислав. В то время мы жили в Западноказахстанской области на станции Джаныбек. Мне было уже четыре года, и я очень хорошо помню всю нашу жизнь там, даже солнечное затмение, случившееся весной 1936 года. В Джаныбеке мы снимали квартиру у своих дальних родственников. Их старшая дочь частенько ходила с тачкой на станцию к проходящему поезду продавать дыни (у них была большая бахча). Она брала меня с собой, сажая сверху на дыни, что мне очень нравилось. Я как могла «рекламировала» товар: «Покупайте дыни, они сладкие, как помадка!» Хотя, что такое помадка, я в свои четыре года и понятия не имела. Один из покупателей неожиданно спросил меня: «А помадка какая?» Я тут же ответила: «Сладкая, как дыня!» Под общий смех дыни быстро раскупили.

Потом недолгое пребывание в городе Камышине, снова на съемной квартире. Там впервые я побывала на общегородской новогодней елке 1937 года, что было в диковинку не только мне одной: их разрешили проводить лишь с 1936 года.

В 1937 году мы оказались на Быковской опытной станции бахчеводства, где отец работал сначала бухгалтером, а затем и главным бухгалтером. На этой станции трудились ученые-селекционеры. Станция выводила новые сорта арбузов, дынь, тыкв и обеспечивала страну элитными семенами. Кстати, она занимается этим и по сей день. Это была не просто селекционная станция. По масштабам своей деятельности это был фактически исследовательский институт. Штат ее включал не только ученых-агрономов различных профилей, но и агрономов-химиков, ученых-энтомологов, инженеров и даже метеоролога. На опытной станции была своя лаборатория, где еще до войны использовали рефрактометры для определения содержания сахара в различных плодах.

Поселок станции был небольшим, но уютным, зеленым, с множеством цветников. Его строили по проекту. Домашний скот держали в отдалении от жилья: был общий скотный двор, и у каждого хозяина имелся свой отсек для животных. Там же, неподалеку, стояли скирды с сеном. А около дома разрешали держать только кур — в цокольном помещении домов. Дома были высокими, с высоким крыльцом. Наше крыльцо я каждый день надраивала до блеска: между нами, девчонками, постоянно шло негласное соревнование, кто чище вымоет. Был клуб и очень хорошая библиотека с редчайшими изданиями великолепно иллюстрированных книг изумительной красоты, которые взять в руки было одно удовольствие. Среди авторов этих книг — Шиллер, Пушкин, Достоевский, Гоголь, Дарвин и многие другие известные писатели, поэты и ученые. По вечерам отец нам читал вслух. При клубе работали драмкружок и хор. В хор ходила моя мама, а отец — в драмкружок. Там ставили «Женитьбу» Гоголя, где папа исполнял роль Яичницы, но в силу своего малолетства я мало тогда чего понимала. Показывали и кинофильмы, но их крутили в немом варианте: не было звукоусилительной установки. Большие праздники справляли всем поселком: пекли пироги, жарили много свежей рыбы, накрывали столы, пели песни, но пьяных я не видела никогда. Для детей устраивали новогодние елки. Было празднично и весело.

1940 год

Летом к нам в гости приезжало много гостей — родственников из Сталинграда и других мест. Очень хорошо помню дядю Васю — Василия Федотовича Краснова, двоюродного брата папы. С густыми кустистыми седыми бровями и добрыми смеющимися глазами. Мы с ним как-то сдружились. Он брал меня с собой, чтобы накосить немного сена, а я сгребала его в копешки. Именно дядя Вася научил меня косить. Однажды мы спугнули перепелку, и он очень сокрушался. Но все обошлось: ни птица, ни птенцы не пострадали. Дядя Вася был машинистом на паровозе и к тому времени уже вышел на пенсию. А в 1942 году его вместе с женой тетей Груней и внучкой Диной фашисты расстреляли, когда обнаружили в погребе собственного дома, где они спасались от обстрела.

До войны в первый класс шли дети с восьми лет. Мне же было только семь, и родители меня не готовили к школе. Но 1 сентября 1938 года мои подружки (а они все были старше меня на два-три года), возвратившись из школы, сразу прибежали ко

мне и стали говорить: «Если ты не пойдешь завтра в школу, то твоего отца посадят». А в то время ожидать можно было всего. Отец сразу же отправился в райцентр, чтобы купить все необходимое для школы. Но портфелей в продаже не было, как и чернил, и чернильниц. Поэтому 2 сентября меня отправили в школу с узелком. И тот страх за отца долго не отпускал меня.

Школа находилась в поселке Учхоз в полутора-двух километрах от нашего поселка. Осенью и весной мы ходили пешком, а зимой нас возили в школу в специальном вагончике на полозьях, который тянула пара волов. Помню, как скрипел снег под полозьями, а возчик покрикивал на волов: «Цоб-цобэ!» Очень хотелось спать, так как вставали затемно.

Училась я очень хорошо. В 1939 году районо решило премировать отличников всех школ поездкой в Сталинград. Мы побывали на экскурсии во многих места, в том числе и в музее обороны Царицына. Женщина-экскурсовод интересно рассказывала нам о перипетиях героической обороны города от белогвардейских войск. И вдруг она упомянула среди прочих фамилию белого атамана Краснова, непримиримого врага Советской власти. Я готова была провалиться сквозь землю, потому что моя фамилия была тоже Краснова, и мне казалось, что все могли подумать, что я его родственница...

Гораздо позже, уже в 2003 году, когда я в последний раз приезжала в город прощаться с родными местами и Волгой, неожиданно увидела знакомое мне с детских лет красное кирпичное здание. Оказалось, что в нем по-прежнему находится тот самый музей, и он выжил во время жесточайшей Сталинградской битвы и не был разрушен. А совсем рядом находилось то самое трехэтажное здание универмага, в котором капитулировал гитлеровский фельдмаршал Паулюс... Я зашла в музей, походила по залу, рассматривая экспонаты, а потом разговорилась с музейными работницами. Я рассказала им, что была здесь до войны совсем маленькой девчонкой. Мы вместе плакали...

В 1939-м к нам в поселок приехала молодая семья Чумаков — Женечка (вот она-то как раз и была метеорологом) и ее муж, Серж, бухгалтер. У Женечки и Сержа (она просила называть их именно так) было две маленьких девочки — Лиля, которая едва начала ходить, и ползунок Лора. Из любопытства я пришла посмотреть на девочек. Молодые супруги явно не справлялись с домашними делами. Я присела на ступеньки крыльца и увидела, что пол в коридоре очень грязный, а рядом лежал раздавленный помидор. Я потерла помидором пол, и вдруг сквозь грязь проглянула чистая желтая доска. Тогда я сказала Женечке (и что на меня нашло!): «А моя мама всегда моет пол помидорами!» Женечка тут же снарядила Сержа за помидорами в ларек, который был рядом. Там всегда можно было купить и помидоры, и арбузы, и дыни. И все за сущие копейки.

Чтобы поблагодарить за такой «чудесный» способ мытья полов, Женечка пошла к маме. Та удивилась:

— Бог с вами, Женечка! Ничего подобного в жизни я не делала!

Обман раскрылся. Однако, поскольку намерения мои были самые добрые, меня никто не ругал, и все смеялись долго и от души.

На опытной станции засеивалось много новых видов арбузов, дынь, тыкв. Обработке бахчей уделялось самое серьезное внимание. Это была не только высокая агрономия, это была музыка земледелия! Я была совсем еще несмышленой девчонкой, но меня культура земледелия приводила в неописуемый восторг и трепет. Нас, детей,

привлекали к полевым работам: мы обрабатывали бахчевые культуры, в основном арбузы. Какие же они были красивые — с серебристо-голубыми листьями! Вот они зацветают желтыми цветами, наливаются соком и растут, растут... И каждый сорт — по-особому. Самым первым созревал «Победитель», затем шли более солидные — «Красавчик», «Мурашка», «Мелитопольский-142 и 143» и многие другие. Дыни сорта «Колхозница» — это тоже рукотворные плоды ученых-селекционеров. И не только. Еще были дыня «Зимовка с яблочными семенами», тыква «Серая волжская», килограммов на 20—30, а то и более...

Между прочим, большими «ценителями» спелых арбузов были волки. Приходя на бахчу, нередко можно было увидеть выеденные ими плоды: серые разбойники с удовольствием лакомились арбузным соком, почему-то отдавая предпочтение сорту «Мурашка». Причем выбирали они только самые спелые арбузы!

Чтобы получить семена арбузов, был построен специальный заводик, очень простой по замыслу, но с большим экономическим эффектом. Мы его называли медоваркой. Там арбузы, разрубленные ножами-тесаками на специально вращающихся кулачках в виде торпеды с ребрами (из нержавеющего металлического сплава) очищались от мякоти, калгушки (корки) сбрасывались в отсек, а мякоть сливалась самотеком на специальные сита. Там семена пустые отделялись от полноценных, сок, пройдя через несколько сит, стекал в специальные емкости, а отжатая мякоть шла по своему каналу. Из сока варился замечательный мед. Для этой цели строились временные печи (горны) с отверстиями для медных тазов, в которых и производилось уваривание сока до определенной кондиции. Он густел, приобретал светло-коричневую окраску, и готовность его определяли так же, как варенье — по капле. Готовый мед сливали в деревянные кадки, которые плотно укупоривали. Бо́льшая часть сваренного меда куда-то отправлялась: он пользовался спросом. Но немалая часть его оставалась для внутреннего потребления. Для сотрудников он стоил очень дешево. Я этот мед любила больше, чем пчелиный. С ним мы ели домашнюю ряженку (видимо, прототип йогурта, только вкуснее и полезнее, так как в нем было много фруктозы). К сожалению, когда я навещала поселок в 2003 году, медоварки уже не было. В нынешнем Российском государстве как-то больше принято не создавать, а разрушать созданное.

Медоварка, 1940 год

Об арбузе «Мелитопольский-143» стоит упомянуть отдельно. Это очень крупный и сладкий арбуз с толстой коркой, с высокой надежностью транспортировки. Когда его впервые собрали с опытных делянок, то для сбора семян его развезли только по тем семьям, где гарантировали сбор семян. Нам привезли 200 кг, а было их всего 16 арбузов — красавцев-великанов.

Очень хорошо помню, как в 1938 году работавших на опытной станции ученых арестовали, объявив «врагами народа». Их под конвоем провезли по центральной улице поселка. Многие из них сгинули безвестно, такие как Певнев (имя и отчество, к сожалению, не помню) и его жена. Некоторые потом, уже после войны, вернулись.

Итак, мы живем на опытной станции. Отец кашляет и гнется. Вовсю бушует туберкулез. Папа уже инвалид. У нас хорошая семья, небольшое хозяйство, которое ведет мама — домашняя хозяйка. Помогает ей моя бабушка Анна — певунья и неутомимая труженица.

Руки бабушки Анны никогда не бывали праздными. Она вечно что-то вязала спицами и крючком. Этому она обучила и меня. Всю одежду она шила себе сама «на руках», как тогда говорили. Швейной машинки не было. Во время работы она всегда что-то напевала вполголоса своим красивым альтом. Я очень любила бабушку — «бабаньку», так у нас называют бабушек. И особенно я любила, когда она прижимала меня к своей теплой мягкой груди. В эти минуты я растворялась в ее нежности и была счастлива. От этого счастья хотелось плакать.

Бабушка владела уникальной профессией. Она была укладчицей арбузов — одной из лучших в округе. Это сейчас к арбузам потеряли всякое уважение: бросают в фуры и машины, словно камни, как попало. В результате люди теперь даже не знают, каким должен быть арбуз — *настоящий арбуз!* А тогда арбузы укладывали в специальные штабеля, бережно доставляли покупателям такими, какими их скатывали на бахчах. Бабушка владела этим искусством в совершенстве. Я помню, как за ней приходили в сезон отгрузки (1937—1938 гг.), и как у нее после этого болели руки. Ведь отгружали только крупные плоды — весом не менее полупуда!

Бабушка была неграмотной. Умела писать только одну букву «А». Но когда я уехала в Москву учиться, то писала домой два письма — одно маме, второе — бабушке. У меня была потребность поговорить с ней.

Бабушка Анна с одной из внучек, 1930 год...

Моя бабанька родила 11 детей, из которых выжило только трое: мама (старшая), сын — дядя Коля и младшая дочь Зинаида. Остальные умирали в возрасте 8—10 лет. Был у нее приемный сын Саня. Оба ее сына в 1942 году погибли на фронте. Ей положили пенсию в 42 рубля, а вот паек, состоявший из трех килограммов ячменной муки, как оказалось, ей не полагался.

К июню 1941 года я закончила три класса начальной школы круглой отличницей.

В то время папа лелеял мечту купить домик в Красной Слободе на берегу Волги. Это очень живописное место, к тому же расположенное прямо напротив Сталинграда: папа мечтал, чтобы я училась в музыкальной школе. Со Сталинградом у Красной Слободы было хорошее транспортное сообщение: часто ходили маленькие пароходики, которые в просторечии называли «трамвайчиками».

Начались каникулы, и я после завтрака отправилась по своим девчоночьим делам к подружкам. Мы всегда во что-нибудь играли — классики, догонялки, но особенно любили играть в мяч. Его били о стенку, и пока он возвращался, надо было успеть проделать определенные фигуры. Это развивало ловкость. Много играли в лапту. Как только стает снег, сразу набирали команду. Вернее, это делали более взрослые дети — лет 15—16. Но меня в команду брали всегда: я хорошо била лаптой, быстро бегала и хорошо ловила мяч. И вообще я была здоровее и рослее своих подружек, даже тех, что были старше меня по возрасту. Это хорошо видно по сохранившейся фотографии 1939 года... Потом были уж совсем детские игры: «ваша зелень», «замри» и т.п...

1939 год

День, когда объявили войну, был воскресным. Я уже набегалась и, возвратившись домой, сразу поняла, что что-то случилось. Оказалось, что началась война...

Война, которая перевернула жизнь всей страны и нашей семьи тоже... В полной мере я еще не осознавала, что это такое, но сразу почему-то стало холодно.

Потом по радио прозвучала речь Молотова: у нас была «тарелка». Взрослые волновались и плакали. А мы с девчонками вечером смотрели на заходящее солнце, зная, что война там, на западе. И нам казалось, что ветер доносит до нас запах крови.

Мы никак не могли найти способ выразить свой протест против войны, и потом решили написать стихотворение. Детское, неумелое, но искреннее:

Гитлер кровожадный
Рыщет по страна́м.
Ищет он все прибыль
Своим богачам.

Впоследствии в полной мере трагизм того страшного дня и горя, постигшего наш Народ, отразил в своих стихах замечательный советский поэт Константин Симонов:

Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.
Она такой вдавила след
И стольких наземь положила,
Что двадцать лет и тридцать лет
Живым не верится, что живы.

Вскоре появились первые беженцы. Помню пожилую женщину из Одессы, которая очень плакала и приговарила: «Ах, Одесса, Одесса...»

Так рушилась вся устоявшаяся жизнь...

В 1942 году погибает на фронте брат мамы Николай, и бабушка Анна уезжает к его осиротевшим детям, которых было трое. А фронт уже приближается к Волге. Начались бои под Сталинградом. По ночам над нами летают вражеские самолеты. Рядом с нашим поселком, прямо за садом, расположился советский прифронтовой аэродром. До Сталинграда 120 километров. Слышны артиллерийские разрывы. Мы припадали ухом к земле и слушали, как она гудит. На Волге фашисты бомбят пароходы с ранеными и нефтеналивные баржи. Как страшно видеть зарево взрывов, горящую воду! Над Волгой стелился черный дым, который был виден даже из нашего поселка...

В Учхоз привезли какой-то эвакуированный детский дом. Ребята в нем были напуганные и драчливые. В школе появилась чесотка.

Не без помощи «добрых людей» маму призвали на трудовой фронт — рыть окопы под Сталинградом... Работали на рытье окопов под дождем и снегом. Обсушиться было негде... Мама пробыла там около двух месяцев, а потом командир их отделения, узнав, что у мамы дома осталось двое детей и тяжелобольной муж, в конце концов, потихоньку сказал ей: «Пробирайся домой. А то пропадешь...»

В тот день я занималась обычными домашними делами. Пошла надергать бурьян. Мы им топили печь-голландку, а для отопления русской печки использовали еще и кизяки. Покончив с делами, я возвратилась домой и не поверила своим глазам, когда увидела, что за столом сидит мама. Она к моему возвращению уже помылась. На ней была белая кофта, которая ей необыкновенно шла. Мама была очень худой и... очень

красивой!.. Я бросилась к ней и плакала от счастья, что мама вновь с нами. Этот день запомнился мне как один из самых счастливых в моей жизни.

Потом через наш поселок в казахские степи перегоняли скот с оставленных территорий... Скот, в основном, был элитный. Изнурительные переходы и недостаток корма стали причиной большого падежа. Этим пользовались всякого рода «дельцы» из местного руководства. Они завышали процент падежа и под этим предлогом присваивали себе то, что принадлежало Советскому государству. Будучи главным бухгалтером опытной станции, отец не мог не знать об этих «проделках» и, чтобы помешать воровству, написал в районную газету «Большевистское слово» статью «Дела на опытной станции». Мне не известно, была ли опубликована эта статья, но только в начале мая 1942 года из редакции пришел ответ, в котором отца благодарили за информацию и просили писать еще. Это письмо хранилось в архивах отца.

После этого на опытной станции немедленно начали приниматься меры. К моему отцу. Началась травля смертельно больного человека. Папа был инвалидом второй группы, что документально подтверждено справкой районного отдела здравоохранения от 15 мая 1942 года. В ней, между прочим, в соответствии с законом для него была установлена продолжительность рабочего дня не более пяти часов:

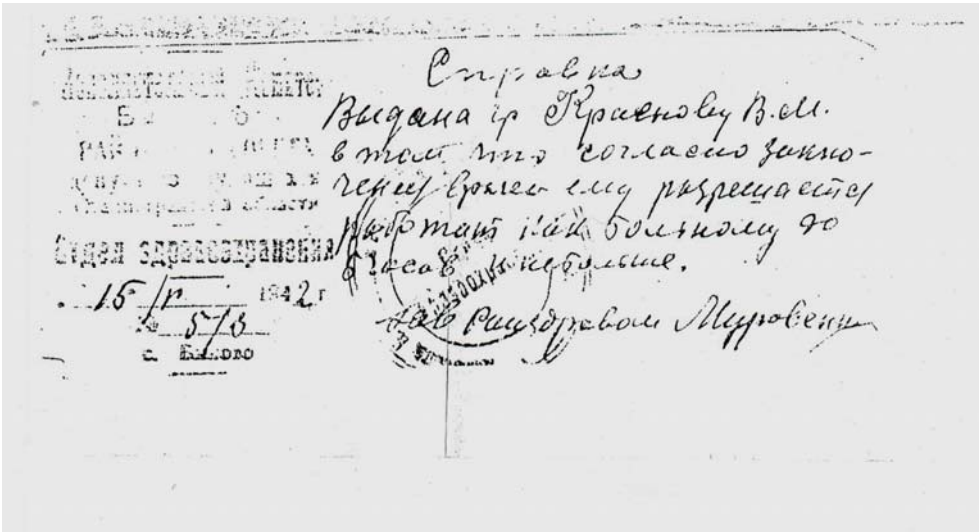
«Быковский районный отдел здравоохранения.

15/V 1942 г. №5/б

Справка

Выдана гр. Краснову В. М. в том, что согласно заключению врача ему разрешается работать, как больному, до 5 часов и не больше.

ПП Зав. райздравотделом Мур[а]вина»


Отдел здравоохранения
15/V 1942 г.
№ 5/б
с. Быково

Справка
Выдана гр Краснову В.М.
в том что согласно заключению врача ему разрешается
работать как больному до
5 часов и не больше.
Зав Райздравом Мурвина

Медицинская справка папы

Аналогичные справки выдавались отцу также и Камышинской окружной врачебно-экспертной комиссией в 1939, 1940 и 20 мая 1942 года. В последнем случае — через пять дней после заключения районной комиссии!

Однако, несмотря на это, директор опытной станции Лебедев своим приказом № 46 от 25 мая 1942 года *отменил (!!!)* установленную для отца продолжительность рабочего дня и потребовал работать все восемь. Если отец уходил домой, отработав

пять часов, на оставшиеся три часа директор каждый раз требовал медицинскую справку. 1 июня отец допустил опоздание на работу на четыре минуты, что, видимо, и переполнило «чашу терпения». 3 июня 1942 года Лебедев издал приказ № 49, который гласил:

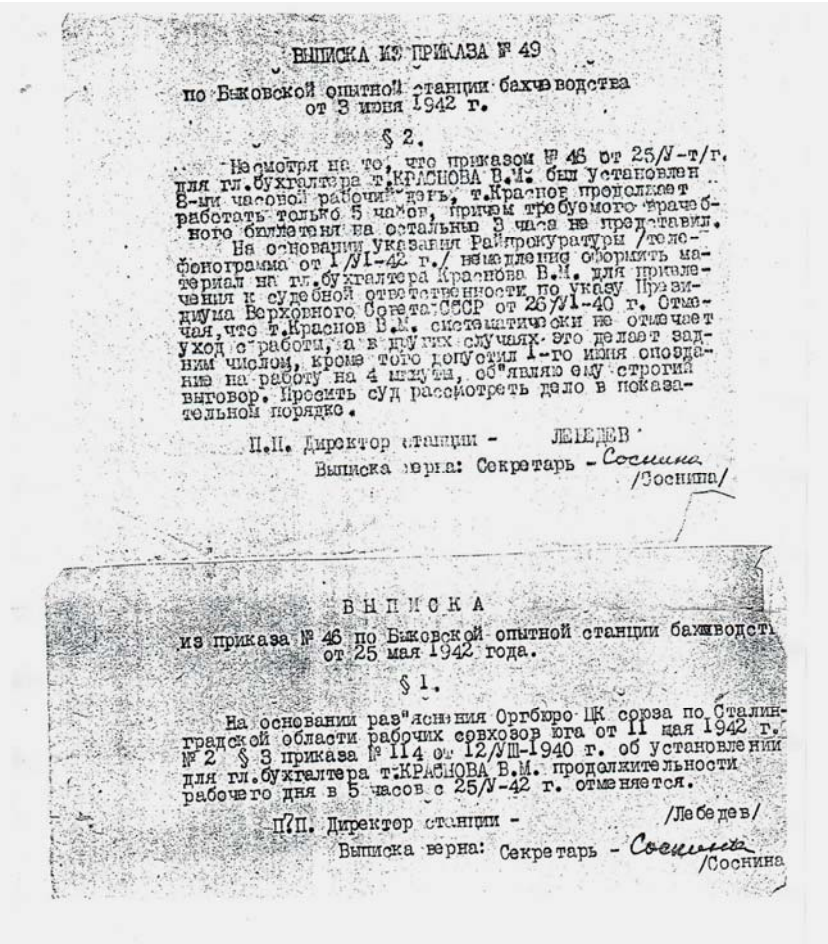
«§2

Несмотря на то, что приказом № 46 от 25/V — т.г. для гл. бухгалтера т. Краснова был установлен 8-часовой рабочий день, т. Краснов продолжал работать только 5 часов, причем требуемого врачебного бюллетеня на остальные 3 часа не предоставлял.

На основании указания райпрокуратуры /телефонограмма от 1/6-1942 г./ немедленно оформить материал на гл. бухгалтера Краснова В. М. для привлечения к судебной ответственности по указу Президиума Верховного Совета СССР от 26/VI-40 г. Отмечая, что т. Краснов систематически не отмечает уход с работы, а в других случаях это делает задним числом, кроме того допустил 1-го июня опоздание на работу на 4 минуты, объявляю ему выговор. Просить суд рассмотреть дело в показательном порядке.

Директор станции — Лебедев. Выписка верна:

Секретарь Соснина»



ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № 49

по Быковской опытной станции бахчеводства
от 3 июня 1942 г.

§ 2.

Несмотря на то, что приказом № 46 от 25/V-т/г. для гл.бухгалтера т.КРАСНОВА В.М. был установлен 8-ми часовой рабочий день, т.Краснов продолжает работать только 5 часов, причем требуемого врачебного бюллетеня на остальные 3 часа не представил.

На основании указания Райпрокуратуры /телефонограмма от 1/VI-42 г./ немедленно оформить материал на гл.бухгалтера Краснова В.М. для привлечения к судебной ответственности по указу Президиума Верховного Совета СССР от 26/VI-40 г. Отмечая, что т.Краснов В.М. систематически не отмечает уход с работы, а в других случаях это делает задним числом, кроме того допустил 1-го июня опоздание на работу на 4 минуты, об"являю ему строгий выговор. Просить суд рассмотреть дело в показательной порядке.

П.П. Директор станции - ЛЕБЕДЕВ

Выписка верна: Секретарь - Соснина
/Соснина/

ВЫПИСКА

из приказа № 46 по Быковской опытной станции бахчеводств
от 25 мая 1942 года.

§ 1.

На основании раз"яснения Оргбюро ЦК ВКП(б) по Сталинградской области рабочих совхозов юга от 11 мая 1942 г. № 2 § 3 приказа № 114 от 12/VIII-1940 г. об установлении для гл.бухгалтера т.КРАСНОВА В.М. продолжительности рабочего дня в 5 часов с 25/V-42 г. отменяется.

П.П. Директор станции - /Лебедев/

Выписка верна: Секретарь - Соснина
/Соснина

Приказы директора Лебедева...

Все эти и другие приводимые здесь документы я нашла в архиве отца почти через полвека после его смерти.

Несмотря на то, что папа был отличным работником, подстрекаемые директором опытной станции Лебедевым местные органы воспользовались случаем и надавили на папино «кулацкое прошлое».

Август 1942 года. Стоит страшная жара. 1 августа папу вызвали в райцентр. Помню, как он вернулся оттуда чернее ночи и сказал маме:

— Нас ссылают. Собери вещи.

На следующий день подошла грузовая машина с вооруженной охраной. Погрузили наши пожитки — 200 кг на четверых, и нас повезли неизвестно куда. Помню, как я кричала и не хотела ехать, вцепившись намертво в спинку своей кроватки... Я уже понимала, что у меня навсегда отнимают мой мир, который мне дорог, что дома у нас больше нет и не будет. На столе остались крынки с молоком (мама утром в последний раз подоила корову), на улице кудахтали встревоженные куры. Вокруг дома стояли ничего не понимающие люди — наши соседи...

И только сравнительно недавно, в 90-х годах, я узнала, на основании каких государственных актов происходило и это выселение, и раскулачивание. Ко мне в руки попал «Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий», изданный Верховным Советом Российской Федерации в 1993 году. Появление этих документов произошло после снятия грифа секретности с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека (Указ Президента РФ № 658 от 23 июня 1992 года). Читать эти документы и сейчас страшно, а каково было людям, к которым применялось это беззаконие и которые прошли все круги ада, заплатив жизнью и кровью за это массовое государственное преступление! Так называемое раскулачивание производилось на основании Приказа Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) №44/21 от 2 февраля 1930 года по разнарядке. Так, по Нижневолжскому краю этой репрессии должны были подвергнуться 10-12 тысяч семейств. В эту разнарядку попал и мой отец со всей семьей. Поразительно, с какой скоростью исполнялся этот приказ: уже 9 февраля 1930 года, то есть *через неделю(!!!)* после его издания, произведено раскулачивание отца с семьей на основании решения собрания бедноты и батрачества!

А выселение нашей семьи в 1942 году происходило в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года (день начала войны!). Пункт 3 его гласил: «... Выселять в административном порядке из пределов местности, объявленной на военном положении или из отдельных ее пунктов, лиц, признанных социально опасными как по своей преступной деятельности, так и по связям с преступной средой...» Вот мы и попали под эту статью — «социально опасные»: смертельно больной туберкулезом легких отец (он уже кашлял кровью), мы с братом — 11 и 7 лет от роду и наша мать. Конечно, в то время, вероятно, мы представляли серьезную «угрозу безопасности и обороноспособности» страны!..

Как впоследствии оказалось, власти на местах «перестарались». Согласно директиве НКВД и НКГБ от 4 июля 1941 года, *нетрудоспособные мужчины выселению не подлежали, а о детях речь вообще не шла!*

И вот 2 августа 1942 года мы тронулись по этапу в долгий путь. Для отца он оказался последним. Ночью нас привезли в село К*и*слово напротив города Камышина, где расположились, кто как мог, на ночлег. А рано утром всех нас погрузили на паром и стали переправлять на правый берег Волги — в Камышин.

Народу на пароме было много. Свезли со всего района стариков, больных, детей. Было тихое и солнечное утро. И вдруг над паромом появился немецкий самолет, который шел на бреющем полете. Я отчетливо видела кресты с белой обводкой на зеленых крыльях и пилота в кабине. Он высовывался из кабины и через свои защитные очки с удивлением разглядывал нас. Видимо, его озадачила переправа мирных жителей на *правый* берег, в то время как все старались с правого берега переправиться на *левый*: фронт был близко! Облетев паром несколько раз, самолет удалился, не сделав ни одного выстрела. Немецкий летчик пощадил нас...

Нас переправили и сгрузили на солнцепеке. Песок на берегу был горячим. Все съестные припасы, которые мы взяли в дорогу, испортились. А вечером была бомбежка, и нам приказали укрываться в траншеях, наспех вырытых в овраге у реки Камышинка.

На следующий день к вечеру нас погрузили в товарные (телячьи) вагоны и всю ночь перегоняли по путям железнодорожной станции «Камышин»: город бомбили.

В ночь следующего дня мы, наконец, тронулись в путь. Куда? Никто не знал. В вагонах кое-как сколотили нары. На семью полагались одни. Нам досталось место внизу, так как отец не поднимался. На тормозных площадках стояли часовые НКВД с винтовками. До сих пор помню их команду: *«По-о-о ваго-о-онам!»* Поезд изредка останавливался, так как людям необходимо было и нужду справить. Как-то попали под бомбежку, но Бог миловал.

И вот мы переправились через Сызранский мост на левый берег Волги. Поезд шел на восток, а навстречу нам шли эшелоны на запад — на фронт. Бойцы, оружие, танки. Где-то в Башкирии уже не было светомаскировки. На остановке можно было что-то купить из еды. Помню, там продавали очень вкусное сливочное масло на капустных листах. Потом проезжали Южный Урал, который покорил мое сердце величавой и суровой красотой. Я же выросла в Заволжской степи, где ковыль, бурьян, катун-трава и вместо леса — полосы лесопосадок.

Затем был Челябинск, Петропавловск (это уже Северный Казахстан). Там нас отправили в баню, а вещи — в санпропускник. В Петропавловске на вагонах появилась надпись мелом «Караганда», а на трех последних — «Кокчетав». Мы были в числе тех трех.

Мы в Кокчетаве. Наши вагоны отогнали в тупик и высадили в чистом поле. Там мы провели несколько дней. По ночам уже были заморозки. Холодно. Жгли костры. Где-то надо было и помыться, но оказалось, что кругом солончак: вода в озерцах соленая.

Потом мы оказались на каком-то конном дворе в огромном ангаре, где стояли телеги и арбы. Вот там, под ними, мы и ютились около недели. Днем мы с мамой ходили на базар. Там продавали очень вкусные соленые грузди. Но население встретило нас весьма неприветливо.

Дальше нас погрузили на машины и отвезли за 120 километров от Кокчетава в какой-то мясосовхоз. Жили в землянках барачного типа по нескольку семей. На нас четверых полагался один топчан. До нас туда уже приехали сосланные немцы Поволжья (Немповолжья, как это называлось). Большим дефицитом была соль. Одна маленькая больная девочка лет семи все время плакала и просила соли. И даже хлеб в пекарне пекли без соли. Маму сразу же определили работать на зерноток. Туда же направили и нас с братом — рубить чурочки для зерносушки. Командовала детворой очень добрая и уже немолодая немка. Она жалела нас. Брату было всего семь лет, но и он рубил чурочки. А однажды топорик соскочил, и он отрубил себе часть пальца.

Невдалеке от места, где была наша землянка, стояли три юрты казахских чабанов. Туда мы с мамой ходили, чтобы в обмен на какие-то вещи (в основном, рубашки отца) брать молоко-обрат, из которого мама готовила простоквашу и творог. Этим мы и питались. В землянке отец задыхался, поэтому спали мы на улице. Утром просыпались, все подернутые инеем.

Вероятно, наша семья была обузой для руководства совхоза и местного НКВД, поэтому неожиданно в ноябре нас без конвоя этапировали в Западную Сибирь — в Алтайский край, под Барнаул. Туда мы ехали, что называется, на перекладных почти месяц.

Приехав на конечную станцию Барнаул, в течение пяти дней мы не могли найти, на чем уехать к месту нашей ссылки — село Лебяжье, в 12-ти километрах от Барнаула. Отца с Ростиком оставляли ночевать в комнате матери и ребенка, а мы с мамой каждый вечер ходили в близлежащий поселок за линией железной дороги проситься на ночлег. Это было унизительно и утомительно настолько, что заходя в дом, я просто падала на пол и засыпала. Сейчас я все это перебираю в памяти, и на ум приходят емкие строчки Михаила Исаковского, точно передающие те наши страдания:

Подходит ночь. Становится темно.
И нет старухе на земле приюта.

Наконец, мама наняла каких-то двух мужичков с тощими лошаденками, и мы, погрузив свой нехитрый скарб, двинулись к вечеру. Дорога была трудная, поскольку под ногами сплошной песок. Колеса увязали в нем по ступицу. Бедные лошадки выбивались из сил, хотя телеги были легкими. Мы с мамой, так же как и возницы, шли пешком, а папа с братом сидели на телеге. Не выдержав, измученный Ростик, которому и было-то всего семь лет, внезапно спрыгнул с телеги и с рыданиями бросился, куда глаза глядят. Он забежал в сосновый бор, обессиленный, упал там, на землю и горько рыдал. Мы с мамой долго его успокаивали и уговаривали. Он никак не мог понять, зачем и куда мы едем, если у нас там, на Волге, остался дом, где всем нам было так хорошо...

Доехали мы 22 ноября 1942 года. Было воскресенье. В одном из поселков, неподалеку от села Лебяжье, нам дали отдельную комнату. В поселке было еще немало ссыльных и среди них много поляков.

Нашим новым местом жительства стал поселок опытной станции овощеводства НИИОХ*. Директор опытной станции Мария Федоровна Куликова старалась привлекать нас, детей, к легкому труду: сбору ягод смородины, клубники и малины. Все это шло в военные госпитали — раненым солдатам и офицерам Красной Армии.

С благодарностью вспоминаю учителей Лебяжинской неполной средней школы. Они нам давали прочные знания по всем предметам. Запомнилась мне учительница немецкого языка — Анастасия Васильевна Данилова, молодая красивая женщина, местная уроженка. У нее были живые черные глаза, черные брови и черные волосы, но по причине какой-то тяжелой болезни ей постоянно приходилось их коротко стричь и повязывать голову белой косынкой. Она умела построить урок так, чтобы всем было интересно. Играли в рифмы и сочиняли стихи по-немецки. Анастасия Васильевна давала первую строчку, а ученики должны были сочинить вторую строчку стишка. Например, она начинала:

* НИИОХ — научно-исследовательский институт овощного хозяйства.

Keine Wiese ohne Graß...
(Какой же луг без травы?)

А мы добавляли в рифму:

Keine Fenster ohne Glas.
(Какое же окно без стекла?)

Кроме того, она заставляла нас учить много стихотворений и слова. Все это мне очень пригодилось впоследствии. К сожалению, после того как мы окончили седьмой класс, Анастасия Васильевна вскоре умерла...

Еще у нас был чудаковатый военрук, демобилизованный по ранению контуженый фронтовик. Он учил нас строевому шагу, мы изучали устройство винтовки, пулемета, гранат. А еще военрук организовывал нас, детей, на суточные караульные дежурства в кабинете военного дела. Почему-то никто из учителей и педагогического руководства на такое чудачество внимания не обращал. Не возмущались и родители. Все, кроме моего отца.

— Как же это так? — недоумевал он.— Как можно детей ночью заставлять нести караул?

Меня же это ничуть не смущало, и я в свои неполные 12 лет с гордостью отвечала отцу:

— Я — начальник караула!

Отец так и не поднялся. У него открылось горловое кровотечение. Когда я шла домой из школы, то никогда не знала, застану ли папу живым. Я шла и считала телеграфные столбы: «Живой... Неживой... Живой... Неживой...»

5 июня, в субботу, папа попросил маму поставить самовар, и мы всей семьей в последний раз пили чай. Я всхлипывала, потому что только что пришла с консультации к экзамену по арифметике, на которой учитель сказал мне, что я неправильно решила задачу. Папа предложил мне показать ему эту задачу и то, как я ее решила. А потом он погладил меня по голове и ласково сказал:

— Дурочка ты моя! Ты все правильно решила, а учитель просто пошутил...

А на следующее утро, 6 июня 1943 года, его не стало. Ему только-только исполнилось 43 года. Смерть отца настолько потрясла меня... Он ведь умер у меня на руках...

Было раннее утро. За окном цвела сирень, и было видно Лебяжье озеро. Мама готовила завтрак на печке-времянке — на дворе, под окном, а я должна была оставаться с папой, обмахивать его газетой, потому что он задыхался. Брат еще спал. Внезапно отец попросил позвать маму. Разбудили брата, и все стояли около кровати, на которой, откинувшись на подушку, сидел умирающий отец. Он попрощался с нами, посмотрев каждому из нас в глаза и каждому сказав одно слово: «Все...» И в это время я увидела, как из его глаз исходят какие-то ярко-белые с нежной желтизной, направленные, пронзающие каждого из нас, неземные лучи. Это уходила из него жизнь... Так он и умер, сидя на кровати, откинувшись на подушку.

Как же горько ему было уходить из жизни с сознанием того, что всю его жизнь и судьбу сломала чужая злая воля и что приходится ему покидать нас на чужбине без средств к существованию, оставляя в наследство несмываемое пятно «врагов народа»...

После того, как он испустил последний вздох, я страшно закричала и выбежала в коридор. Обняв столб, на котором держалась лестница, ведущая на второй этаж, я кричала и бессмысленно кружилась вокруг этого столба, пока не потеряла сознание...

На следующий день отца хоронили. Накрапывал мелкий дождик. Мы с девочками набрали много красивых полевых цветов и украсили гроб папы. Похоронили его в сосновом бору, недалеко от той школы, где я училась...

Смерть папы настолько меня потрясла, что я не ощущала солнечного света и тепла. Мне постоянно было холодно, бил озноб, и я все лето куталась в зимнее пальто. Таким было мое потрясение... С момента нашей высылки с Волги и до кончины отца не прошло и года...

Мы, осиротевшие дети, «враги народа», остались с мамой на чужой стороне. Надо было думать, как и чем жить дальше... Но люди, в основном эвакуированные из Москвы научные сотрудники института овощного хозяйства, не оставили нас.

В октябре я заболела брюшным тифом и была на краю могилы. Поскольку брюшной тиф заболевание инфекционное, меня должны были отправить в Барнаул, в больницу, но добрые люди, наши соседи, среди которых было много эвакуированных ученых, убедили маму этого не делать, так как там меня ожидала неминуемая смерть. «Мы будем вам помогать»,— сказали они. И действительно помогли, делясь всем, чем только можно. Они спасли меня. Среди них был выдающийся ученый-агроном с мировым именем Александр Георгиевич Лорх, который вывел знаменитый сорт картофеля «Лорх». В то время он тяжело болел: у него был гнойный плеврит, и к нему из Барнаула привозили врача. Этот врач по просьбе А. Г. Лорха навещал моего умиравшего отца. А жена А. Г. Лорха, Евгения Ивановна, приносила мне какие-то продукты из своего спецпайка, когда я металась в тифу.

Александр Георгиевич Лорх, советский селекционер, доктор сельскохозяйственных наук

Оправилась я после болезни только в канун 1944 года. Я тогда училась уже в шестом классе.

Вспоминается мне курьезный случай из того времени. С 1 января 1944 года в Советском Союзе начал исполняться новый государственный гимн. Его слова начали разучивать в общеобразовательных школах. Но по какому-то странному стечению обстоятельств Лебяжинская школа нигде не смогла раздобыть его текст на русском языке. Зато кто-то принес текст почему-то на белорусском. Где Алтайский край и где Белоруссия! Однако до сих пор помню начальные слова гимна на белорусском языке (орфография по памяти):

Саюз непарушный рэспублік свабодных
Зъяднала навекі Вяликая Русь...

Летом следующего года мы с братом много работали на выделенном нам участке земли. Пололи и окучивали картошку, сеяли подсолнухи. От голода нас спасали картошка, горох и фасоль, которые мы выращивали на огороде. Ходили и в лес по ягоды.

Вся уборка квартиры была на мне, поскольку мама много и тяжело работала в столовой. Формально она числилась заведующей, но их, работниц, было только две на всю столовую, и им приходилось работать и поварами, и истопниками, и подсобными рабочими, и уборщицами.

...Как поется в песне:

Война нас гнула и косила.
Пришел конец и ей самой.

Наступил 1945 год — год Победы. Весть о ней мгновенно долетела и до Алтая. Радости не было предела. Военрук собрал нас возле школы, и мы шли строем по главной улице Лебяжьего, громко распевая песню «Священная война» с несколько измененным текстом:

Прошла война народная,
Священная война!

Летом, после окончания семилетки, мы с девчонками собрались съездить в Барнаул, чтобы купить книг и поесть мороженого. В Барнаул мы добирались поездом от 18-го разъезда. Приехав в город, мы решили еще и сходить в кино. Показывали фильм-комедию «Тетка Чарлея», кажется, американский. Перед фильмом демонстрировался киножурнал. В нем был сюжет под названием «Майданек» о гитлеровском лагере смерти. На экране происходило страшное. Огромные горы сваленных мертвых тел, в том числе и детей. Показали и печи, в которых заживо сжигали узников. А прямо за оградой лагеря находились капустные поля, удобренные человеческим пеплом. Листья капусты были необыкновенно жирными. Увидев это, мы не могли сдержать рыданий, и нам уже было не до веселого фильма. Мы вернулись домой, будто с похорон близких родственников...

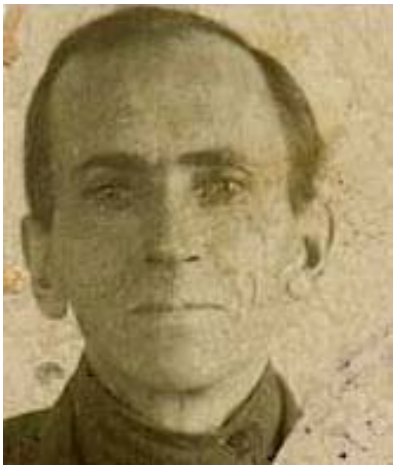
Многие эвакуированные стали возвращаться в Москву. Остались только местные жители и те, кто по разным причинам не мог этого сделать. Среди них были и мы, потому что мы были ссыльными и вернуться домой не имели права.

Помогла нам возвратиться на родную Волгу тетя Маша — папина сестра Мария Максимовна Акимова. Всю Сталинградскую битву она с дочерью и племянниками находилась в городе, неподалеку от Сталинградского тракторного завода. Их поселок был полностью разбит фашистскими снарядами и взрывами бомб. На всей улице Краснодарской, где жила тетя Маша, остался только ее домик, израненный осколками и пулями, как старый ветеран.

Мария Максимовна Акимова (справа) и ее внучка Таисия, апрель 1945 года, Австрия

Когда Сталинградская битва победно завершилась, и Паулюс со своей армией капитулировал, вышедшее из укрытий население стало искать возможность, чтобы выжить. Вот и тетя Маша вместе с дочерью Таисией, сыном дочери Валентином (ему было восемь лет) и старшей внучкой — тоже Таисией — пошли работать в санитарный поезд и с ним дошли до Австрии, где их и застало окончание войны.

Таким был мой папа в 1917 году, 17-ти лет от роду...



Таким он стал в 1937 году после двух безвинных отсидок в тюрьме, смертельно больной туберкулезом...

Тетя Маша, будучи фронтовичкой и имея боевые награды, смогла выхлопотать нам разрешение вернуться из ссылки. Она еще не знала, что отец умер.

Перед отъездом мы в последний раз пришли на все еще свежую могилу папы... С тяжелым чувством я навсегда расставалась с ним. Его светлая любовь, доброта и тепло оставили в моей душе глубочайший след и неизбывно саднящую рану на всю оставшуюся жизнь. В самые трудные ее моменты, когда я падала без сил от голода, я мысленно разговаривала с отцом и обещала ему: «Я выживу!.. Я выживу и все равно буду учиться, как ты того хотел!..»

Прощание с могилой папы... Лебяжье, сентябрь 1945 года.

Когда мы отправились в обратный путь домой, то ехали сначала поездом из Барнаула до Новосибирска, где должны были пересесть на поезд до Куйбышева. С питанием было плохо. В дорогу брали, кто что мог и только то, что не портилось. Вагон был переполнен. Мы с мамой и братом теснились на второй полке. Среди пассажиров была женщина, у которой тоже было двое детей, и они с мамой, как могли, менялись продуктами. На одной из станций в нашем вагоне появился демобилизованный солдат. Это был довольно разбитной парень, который всем предлагал купить у него американскую тушенку, полученную им в солдатском пайке. У пассажирок разгорелись глаза. Все хотели купить эту тушенку, чтобы накормить детей. Внимательно рассмотрев одну из банок, я обратила внимание на слово, написанное крупными латинскими буквами — по-немецки: *“Kohl”!* Консервы были вовсе не американские, а трофейные немецкие! Я знала, что означает слово *“Kohl”,* и сказала парню:

— Что ж ты вместо мяса предлагаешь капусту?

Он вытаращил глаза, начал было спорить, но я предложила ему вскрыть одну из

банок. Парня, как ветром сдуло, а женщины бросились меня благодарить за то, что я спасла их от проходимца. Так неожиданно пригодилось мне знание немецкого языка.

И вот мы вернулись туда, откуда нас выслали — в поселок БОС (Быковкой опытной станции). Но никто нас там не ждал. И тут начались наши мучения по второму кругу, благодаря все тому же директору Лебедеву.

Довершением ко всему была засуха, разразившаяся в 1946 году. Уже в июне листья на деревьях свернулись в трубочки и гремели при порывах ветра. Все бахчи были занесены песком, который ветер пригнал из Казахстана. Это несчастье привело к страшному голоду 1947 года. У нас не было ничего: хлеба «врагам народа» не полагалось. На четверых (с нами еще была наша бабушка Анна) нам на месяц давали 3 килограмма ячменной муки. Это — 100 граммов в день на всех! А между тем корова и прочая наша живность, признанные «бесхозными», находились рядом, в подсобном хозяйстве опытной станции, но нам их не возвращали.

Мой брат с опухшим от голода лицом величиною с решето по страшной жаре ходил в степь ставить капканы на сусликов. Потом он снимал с них шкурки (за них давали какие-то копейки). Бабушка разделывала сусликов и тушила их со всякими специями. Пахло вкусно. Все ели, а я не могла, хотя знала, что суслик — чистый грызун и питается только зерном.

Так получилось, что я познакомилась с ученым-энтомологом Шворневой Анной Михайловной, высокой, статной, красивой женщиной с черными очами и бровями, тогда уже одинокой. Она хорошо пела. Иногда по вечерам мы пели с ней вместе. В молодости за голос, как она рассказывала, ее называли «соловушкой». Я присматривала за соседней квартирой в том же доме, где она жила. У нее было много черных кур, которых она называла по именам и с которыми разговаривала. Анна Михайловна всегда искала повод накормить меня яичницей в тот голодный 1947 год. Была у нее дойная коза. Анна Михайловна предложила мне доить эту козу, а молоко забирать себе домой.

Анна Михайловна Шворнева

Для того чтобы получать дополнительный паек из трех килограммов ячменной муки, по окончании учебного года я на все лето вместе с мамой шла на полевые работы. Самым трудным было полоть просо. Ростки его трудно отличить от сорной травы, поэтому пололи руками. Но работать в наклон сил не было. Пололи, ползая на коленках. Рядки были длинные. Солнце палило нещадно. Закончив рядок, мы просто падали от изнеможения. Периодически подвозили воду в бочке. Пока ее подвозили, вода в ней прогревалась, становилась теплой и пахла тиной. Бочка внутри вся была в водорослях. А еды не было...

Иногда меня приглашали как репетитора к отстающим ученикам, и это было для семьи подспорьем. В качестве гонорара я получала горшочек молока.

Учителя Быковской школы поддерживали меня, как могли, делясь со мной своими хлебными пайками. Особенно я благодарна за это Марии Андреевне Васильевой, учительнице математики, классному руководителю Шмаковой Розантине Михайловне и завучу Елене Сергеевне Быстряковой. Я была в школе одной из лучших учениц, и учителя не хотели, чтобы голод помешал мне успешно закончить школу. Они искренне сопереживали тому, как голодала наша семья и каким гонениям она подвергалась. С Еленой Сергеевной мы встречались потом в Сталинграде в 1991 году, а с Розантиной Михайловной вели переписку до 2000-х...

В 1946 и в начале 1947 года мама ходила по инстанциям с требованием возвратить хотя бы корову, ведь мы страшно голодали: ели траву, горчичный жмых, а хлеба не видели несколько лет! Но вместо возврата мать вызвали в районное отделение МГБ и пригрозили: «Ты уберешься со своими щенками в 24 часа туда, откуда приехала!» В тот день, когда мама услышала эти страшные слова, она хотела свести счеты с жизнью. Вечером она призналась мне: «Знаешь, дочка, я хотела броситься с кручи в Волгу. Но потом вспомнила о вас с Ростиком. Что же будет с вами без меня?» Наверное, подлило масло в огонь и то, что накануне от безысходности я в отчаянии отправила письмо товарищу Сталину, в котором, стараясь не делать ошибок и писать красиво, просила помощи, с горечью и болью описывая наши мучения после возвращения из ссылки. Конечно же, до Сталина это письмо не дошло, и оно осело под сукном в районном отделении МГБ. Вот почему вспомнили про «щенков»!

На семейном совете мы решили, что я должна ехать в Сталинград за документом, подтверждающим наше право на возвращение из ссылки.

Отпросившись у завуча в школе, я поехала в Сталинград. Снабдили меня в дорогу лепешками из горчичного жмыха. Больше ничего из съестного не было. Это был конец апреля 1947 года. Волга широко разлилась, а пристань еще не ставили. Садиться на пароход пришлось с лодки. Было страшно.

Пароход пришел в Сталинград поздно вечером. Кругом развалины, тьма. Откуда-то из подвалов доходил свет коптилок. До войны я часто с родителями ездила сюда в гости к родным, и теперь по памяти нашла трамвайное кольцо. К моему удивлению трамваи ходили, и та же довоенная «четверка» довезла меня до тракторного завода. Оттуда через пустырь добралась до поселка, где жила тетя Маша, папина сестра.

Встреча с тетей Машей была и радостной, и тяжелой. Она обнимала меня, плакала и говорила о том, как я похожа на своего отца.

Наутро, накормив меня молочной пшенной кашей и *ХЛЕБОМ (!!!)*, тетя Маша повела меня в облисполком. «Дальше действуй сама»,— сказала она.

И вот я в приемной. Вид у меня, вероятно, был ужасным. Одежда в заплатках, на ногах какие-то чуни, худая (брат меня дразнил: «Шикилет!»), лицо желтое и опухшее. В приемной находился помощник председателя облисполкома. По наказу мамы

разговаривать я хотела только с «главным». Но когда я просидела в приемной, наверное, уже часа четыре, помощник председателя, бывший фронтовик, нашел ко мне подход, и я ему рассказала, зачем приехала. Он воскликнул:

— Вот видишь! Тебе действительно надо в другое место. Я помогу тебе.

И он позвонил кому-то. Потом объяснил мне, куда и к кому идти. Оказалось, мне надо было обратиться в областное управление МГБ. Оно располагалось недалеко от облисполкома. На вахте мне подсказали, как заказать пропуск. Я позвонила по телефону. Меня уже ждали.

Не знаю, в каком звании был тот начальник, к кому я попала. Это был одетый в штатское высокий худощавый темноволосый мужчина лет сорока с внимательными серыми глазами. Меня он усадил на стул, выслушал мою эпопею и сказал:

— Посиди, я скоро вернусь.

И оставил меня одну в своем кабинете.

Отсутствовал он, как мне показалось, довольно долго. Потом я услышала быстрые шаги по коридору. Этот человек буквально вбежал, крича:

— Девочка! Девочка! Я нашел!

Оказывается, он нашел тот документ, по которому нам разрешили вернуться из ссылки. Дальше он сказал:

— Езжай домой, успокой маму. Больше вас никто не тронет.

Не знаю, возможно ли такое человечное отношение к человеку в наше «демократическое» время...

Я сказала ему:

— Мама велела без справки не возвращаться. Дайте мне справку!

Он засмеялся:

— Не бойся! Теперь с *ними* разговаривать буду я.

С тем я и уехала домой. Точно не помню, но, по-моему, фамилия этого начальника была Воронов.

Накануне Нового1948 года мама добилась возврата коровы и привела ее на виду у всего поселка. Корова была породистая, красно-белая, крупная, рога калачиком. Она оказалась стельной и 29 февраля 1948 года принесла телочку. Новорожденную телочку многие тогда хотели приобрести. Корову мы назвали Жданкой, а телочку — Звездочкой. Радости нашей не было предела! У нас появилось и молоко, и масло, и сметана, и творог! Корова весом в полтонны давала более 20 литров молока в день. И это при том, что у нас не принято отбивать телят от коров!

Когда пастух гнал стадо на выпас, наша Жданка гордо и с достоинством шла впереди всех. Ее лидерство признавалось всем стадом.

Но наше счастье, как и счастье Жданки, было недолгим. Кое-кого душила злоба и зависть. У лучшей коровы на всю округу «ветврачи» и иже с ними вдруг «нашли» бруцеллез. Покрывать не разрешили и отогнали в изолятор. Я ходила туда ее доить. Кроме нее там было еще несколько коров. К осени мама должна была принять решение, что дальше делать с коровой. И маме ничего не оставалось, как сдать корову на бойню. Когда она вела ее туда, то горько плакала. И вместе с нею плакала Жданка, у которой крупные слезы лились рекой. Но самое удивительное обнаружилось потом, при обследовании внутренностей забитой коровы. Заключение ветврача гласило: она была абсолютно здорова!

В 1948 году я закончила Быковскую среднюю школу.

Выпускной 10-й класс Быковской средней школы, сентябрь 1947 года. В первом ряду вторая слева я; во втором ряду вторая слева — Мария Андреевна Васильева; в центре директор школы — Александр Григорьевич Попов; справа от него — Розантина Михайловна Шмакова; в третьем ряду вторая справа — Елена Сергеевна Быстрякова, завуч. Снимок сделан в день празднования 800-летия Москвы.

К этому времени я могла бы закончить еще и заочные курсы переводчиков, на которые мне настоятельно рекомендовала поступить учительница немецкого языка. Но курсы были платными. Нужно было заплатить за обучение 400 тогдашних рублей. Таких денег в семье не было. Пенсия за потерю кормильца составляла 75 рублей. У мамы работа была сезонная, плата за которую составляла менее 100 рублей в месяц. Так что нищета закрыла мне дорогу в этом направлении, и мои большие способности к иностранным языкам остались нереализованными. Но позже мой сын, Владимир, окончил иняз Тульского педагогического института имени Л. Н. Толстого, и кроме основного английского говорит по-португальски, переводит тексты с японского языка и имеет познания в ряде других языков.

Я решила поступать в Московский технологический институт пищевой промышленности. Мне посоветовала это та самая Женечка-метеоролог (видимо, в благодарность за давний совет мыть полы помидорами). К тому же выбор профессии был предопределен многолетним голодом. Дороже хлеба, считала и считаю, ничего на свете нет, поэтому всю свою жизнь связала с хлебопечением.

Приехать в Москву мне снова помогли москвичи, которые были в эвакуации и жили с нами в одном поселке под Барнаулом. Зная о том, как наша семья бедствовала, прислали маме письмо с предложением, чтобы я ехала в Москву для продолжения учебы. Это была семья Куваевых. У них было шестеро детей. Двое старших сыновей воевали на фронте. Оба остались живы. Один из них после войны закончил МГУ, а другой — военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Три сестры окончили биофак МГУ, а четвертая — пединститут имени В. И. Ленина. Мать семейства, Анастасия Ивановна, в царское время была воспитанницей Новодевичьего монастыря. Столько доброты и сострадания было в ее сердце! И надо было иметь мужество,

чтобы приютить у себя дочь «врага народа». Склоняю голову перед ее светлой памятью... С семьей Куваевых я поддерживаю дружескую связь и до настоящего времени, в особенности с младшей дочерью — Соней, с которой я сидела за одной партой.

В верхнем ряду слева направо: Анастасия Ивановна Куваева и моя мама, Алтайский край, Лебяжье, 1944 год.

Мы с Соней Куваевой (слева), Алтайский край, Лебяжье, лето 1945 года

Поступала я в институт, как уже говорилось, окончив сельскую школу. Но уровень обучения в ней был высокий. Знания давались прочные, хотя и учителя, и ученики ходили в школу голодными, учебников не было, вместо тетрадей писали на обрывках газет, на обратной стороне каких-то бухгалтерско-складских документов. Вместо чернил — сок красной свеклы. Не было пресловутого ЕГЭ, но были знания, позволившие мне, сельской девчонке, только в шестнадцать лет узнавшей, что кроме зубного порошка для чистки зубов есть еще и паста, поступить в московский вуз при конкурсе 8 человек на место. Тогда ведь фронтовики шли вне конкурса. На многих вступительных экзаменах меня спрашивали: «Какую школу вы кончали?» Узнав, что Быковскую, удивлялись, что она не под Москвой, а на Волге.

Когда у экзаменатора по немецкому языку я спросила, на каком языке мне отвечать правило, женщина опешила: «Конечно же, на русском!.. А вы что, и на немецком можете?!» А ведь у нас в 9-10 классах уроки немецкого велись только на немецком языке. Тут и речевая практика, и большой словарный запас...

Экзамен по немецкому языку состоял из двух частей — вопроса по грамматике и перевода на русский язык. Первая часть не представляла для меня никакой трудности. Со второй оказалось сложнее. Дело в том, что поступавшим в институт фронтовикам предлагались простейшие адаптированные тексты, часто детские сказки в сокращенном варианте. Мне же достался сложный оригинальный текст сугубо технического содержания. Как сейчас помню его название — «Жидкий кислород». Видимо, подобного рода задания давались с единственной целью — завалить абитуриента. Но я с этим заданием справилась. Когда я отвечала, принимавшая экзамен преподавательница все время говорила: *“Gut... Sehr gut...”* и было видно, что слушать мой ответ доставляло ей удовольствие. В экзаменационный лист она поставила мне «отлично».

Письменный экзамен по математике из потока я сдала раньше всех, потратив на

решение задач и примеров менее часа. Через полчаса после начала экзамена я не только решила свой вариант, но и помогла соседу. Когда я сдавала экзаменационной комиссии лист с решениями, в комиссии меня не поняли и спросили: «Вы что, не будете сдавать экзамен?» Я ответила: «А я уже все решила». И, тем не менее, мне поставили за тот экзамен только «четверку». Наверное, за дерзость. Девчонка из провинции, плохо одетая (сатиновое платье, сделанное из старой бабушкиной юбки, и сыромятные тапочки...), а сдала раньше москвичей!

На устной математике мне достался билет, один из вопросов которого был связан с логарифмами, а они школьной программой не предусматривались. И поэтому по математике я получила общую «тройку». Думаю, что логарифмы также служили инструментом отсеивания «лишних». Ну, Бог им судья...

Перед дверью аудитории, где проводился экзамен по химии, стояли встревоженные абитуриенты. Многие поступавшие выходили оттуда с растерянным видом и «двойками». Я зашла в эту дверь и спокойно взяла билет. Мне досталось производство алюминия. Экзамен принимала высокая светлорусая женщина с большими карими глазами. Она проверила решение задачи, выслушала мой ответ. Потом подошла ко мне, обняла за плечи и сказала: «Какая же ты молодец!»

Я вышла, и меня обступили со всех сторон, спрашивая: «Что?» Я показала им свой листок, где красовалось «отлично». Все в один голос ахнули, потому что моя «пятерка» была единственная.

В институт я поступила. Думаю, что по уровню своей тогдашней подготовки я могла бы поступить не только в этот вуз, но и в МГУ, и в институт иностранных языков. Боюсь только, что клеймо дочери «врага народа» не позволило бы мне взлететь на такую высоту, как это произошло с моей институтской подругой Ниной Герольд...

Нина училась со мной на одном курсе, и мы три года были в одной группе, пока нас не разделили по специальностям. Она была москвичкой и жила вместе с матерью, сестрой и братом в селе Останкино на Малой Кошонкинской улице, что неподалеку от усадьбы того самого графа Шереметьева, который имел свой театр. И вот что интересно: после войны в Москве разрешали держать в хозяйстве корову. И Герольды корову держали. Она содержалась в очень чистом хлеву с деревянным полом, который ежедневно надраивался. Санитарная инспекция очень строго следила за чистотой содержания животных. А она, эта чистота, была такой, что даже мух не было! Мама Нины, Анна Сергеевна, добрая голубоглазая простая женщина, воспитывала детей одна, без мужа, который, как оказалось, сгинул в лагерях за свое немецкое происхождение, хотя был-то всего-навсего водителем троллейбуса... Я частенько бывала в семье Герольдов, особенно когда приходилось готовиться к экзаменам. Мы это делали вместе с Ниной, уходя в Шереметьевский парк. Анна Сергеевна никогда не отпускала меня, не покормив обедом. С Ниной мы до сих пор поддерживаем связь.

Вообще студентам жилось голодно. Стипендия была маленькая — от 220 до 290 рублей. Из этой суммы мы 15 рублей платили за общежитие, 30 рублей отдавали в государственный заем, 75 рублей стоил единый проездной по Москве (никакими льготами студенты тогда не пользовались). Еще два года, с 1948 по 1949-й, я платила за обучение в институте (было и такое!). На питание и прочие нужды ничего не оставалось: пирожок стоил 1 рубль, а килограмм хлеба из муки второго сорта — 4 рубля (хлеб тогда продавали на вес). Обычный обед в студенческой столовой у меня состоял из 250 г хлеба (1 рубль) и двух стаканов чая по 30 копеек (всего 60 копеек). Итого весь обед стоил 1 рубль 60 копеек. В то время в столовых работали официантки. И вот одна из них, простая русская женщина, жалея меня, обычно ставила передо мной тарелку супа или что-нибудь из вторых блюд и отрывисто говорила мне: «Ешь!»

Я всегда ждала писем из Сталинграда от тети Маши, потому что она обычно вкладывала в конверт 10 рублей. И тогда мы с подружками могли попировать, купив по два пирожка.

Учеба в московском институте дала мне не только профессию, но и открыла мир прекрасного. Первый музей, в который меня привела Анастасия Ивановна Куваева, был музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Это посещение меня просто потрясло... Потом была Третьяковка и много других музеев. Я переслушала почти весь репертуар Большого театра и его филиала, который теперь известен, как театр оперетты.

Первая опера, которую я услышала в своей жизни, была «Князь Игорь» Бородина. Попала я на нее при забавных обстоятельствах. Демобилизовавшийся из армии старший сын Анастасии Ивановны Сергей привез в подарок сестрам туфли, но ни одной из них по размеру они, как в сказке, не подошли. Зато они подошли мне. Анастасия Ивановна сказала: «Вот, Сережа, тебе и надо пойти с Зоей. Она ведь в опере еще ни разу не была».

Мне посчастливилось слушать знаменитого баса Ивана Петрова, которому дочь Шаляпина Ирина подарила перстень Федора Ивановича; Сергея Лемешева, Максима Михайлова, Артура Эйзена и многих других. В балете «Лебединое озеро» видела Майю Плисецкую.

Посещала я и драматические театры — Малый, МХАТ, театр Сатиры, им. Пушкина и другие, благо билеты на неудобные места стоили меньше, чем билет в кино. Почти всегда в театры и оперу со мной ходила Нина Герольд.

Вспоминается мне забавный случай, который произошел со мной, когда я училась на втором курсе. Как-то мы с одной из моих подруг, Валей Сулимой, шли по улице Горького к метро «Охотный ряд» мимо гостиницы «Москва». И в этот момент я неожиданно глаза в глаза увидела красавца Владлена Давыдова, киноактера, тогдашнего кумира всех девчонок. Он только что получил всесоюзную известность, снявшись в кинокартинах «Встреча на Эльбе» и «Кубанские казаки». Ему тогда было 25 лет. Он был одет в красивое коричневое драповое пальто, а на голове — зеленая велюровая шляпа. Валя шла дальше, продолжая что-то говорить и не замечая, что я застыла, как вкопанная, разинув рот и уставившись на Давыдова. Он обратил на меня внимание, рассмеялся и сказал: «Да, это я!» И пошел дальше, оглядываясь и по-доброму смеясь. После я получила от Вали нагоняй: как я могла, не сказав ей, одна смотреть на Владлена Давыдова!

Был в нашем институте любительский хор академической направленности, которым руководил в прошлом оперный тенор Михаил Васильевич Преображенский. Он занимался с нами не от и до, согласно положенному ему окладу, а столько, сколько он считал нужным. Он поставил нам голос, научил управлять дыханием и артикуляцией. Хор наш звучал великолепно.

В 1951 году наш институт отмечал свое 20-летие (как и я!), но актового зала не было, так как институт не был еще достроен в связи с прошедшей войной. И руководство института арендовало для торжественного вечера Большой зал Московской консерватории. Наш хор открывал вторую часть вечера. Ребята были одеты в черные фраки с белыми манишками и бабочками, а девушки — в длинных нежно-розовых крепдешиновых платьях с декольте. Все это бралось напрокат. Когда наш хор выстроился на сцене, с балкона донеслось: «Зайчишка, не робей!» Так звали меня однокурсники, и я поняла, что это адресовано мне. Сначала мы исполнили «Патриотическую песню» Глинки. Советские поэты нашли слова к ней в отличие от современ-

ных — «демократических». В результате это торжественно-величавое произведение Глинки не стало, к моему глубочайшему сожалению, гимном новой России. Исполнили мы также «Хор половецких девушек» из оперы «Князь Игорь», «Хор русалок» из оперы «Русалка» Даргомыжского... Успех был ошеломляющий. А после нас выступали профессиональные певцы, в том числе и из Большого театра. Народная артистка СССР Наталья Шпиллер, знаменитое сопрано того времени, слушала нас в кулисах и аплодировала нам, когда мы уходили со сцены.

В мае 1949 года, когда я уже заканчивала первый курс, мама написала, что бабушка слегла и хочет только дождаться меня. И дождалась. Через три дня после того, как я приехала из Москвы на летние каникулы, она угасла...

В том же году мама получила вызов из Калининграда, бывшего Кенигсберга, от своей младшей сестры Зинаиды, и они с Ростиком переехали в город на Балтийском море.

Ехали они через Москву, останавливаясь на несколько дней у Куваевых. Куваевы жили не в самой Москве, а в Битцевском лесопарке, станция «Красный строитель». Я из общежития к ним наведывалась. Маме с братом нужно было приезжать и в саму столицу, хотя бы за железнодорожными билетами на Белорусский вокзал. Я помню, как мы поднимались на эскалаторе, и наверху Ростислав замешкался, поскольку еще не знал, как надо правильно сходить с эскалатора. Как же нещадно, с каким-то непонятным ожесточением начали толкать его, 14-летнего подростка, москвичи! Он буквально кружился под их толчками и даже ударами. На глазах его были слезы, и он говорил: «Давайте, скорее, уедем отсюда!» Бессердечные столичные люди! Как же ненавидите вы тех, кто беднее и хуже вас одет!..

Брат Ростик, г. Калининград, 1950 год

В марте 1953 года, когда я уже оканчивала институт, умер Сталин. Учась в институте, мы регулярно ходили на все демонстрации, но мне так ни разу и не довелось увидеть Сталина на трибуне Мавзолея. Наш институт находился в Ленинградском районе, а этот район почему-то всегда проходил по Красной площади последним, где-то часов в 5 вечера. К тому времени Сталин уже уходил. День 7 ноября 1952 года выдался очень холодным. Шел мокрый снег. Я долго зябла в своем пальтишке и, на-

конец, не выдержала и ушла в общежитие. А вечером я узнала от своих подруг, что на этот раз они видели Сталина на трибуне. Я очень горевала по этому поводу...

7 марта согласно графику я поехала в институт для плановой консультации по поводу дипломной работы. Но в связи со смертью Сталина все консультации были отменены. И тогда мы, три подружки (со мной были Нина Герольд и Тома Пахомова), решили пойти в Колонный зал Дома Союзов, где находился гроб с телом Вождя. Но для этого нам надо было прибиться к какой-нибудь организации. Чтобы попасть к Колонному залу, надо было пройти на Пушкинскую улицу, а на нее можно было выйти только через Трубную площадь. К этой площади со всех сторон сходилось множество улиц, по которым непрерывным потоком, сплошной массой шли люди. И никто не пускал нас в свои шеренги. В конце концов, толпа нас прижала к стене какого-то дома на углу Трубной площади, и уже протиснуться было невозможно никуда. Нас сдавили так, что никаких других мыслей уже не было, кроме как выбраться из этого кошмара живыми. При этом на самой Трубной площади наблюдалась такая картина. Группа здоровенных, атлетичных молодчиков в штатском, обнявшись за плечи, раскачивали толпу, придавая ей движение. Люди начали падать и давить друг друга. А тут еще конная милиция врезалась в толпу. Кони поднимались на дыбы и опускали свои копыта на головы шедших проститься с Вождем. Началась страшная паника. Мы каким-то образом, уже без пуговиц на пальто, вырвались в какие-то дворы, стучали в окна домов и просили жильцов открыть парадные подъезды и пропустить нас... Слава Богу, удалось вырваться из этого ада и разойтись по домам. Потом я узнала, что на Трубной площади было много погибших.

Я отправилась в свое общежитие Алексеевского студгородка на троллейбусе и запомнила картину того, как карманники обшаривали карманы пассажиров... Добралась я до своей комнаты, еле живая от страха...

На похороны Вождя пройти было невозможно. И Москву, да и всю страну охватил какой-то массовый психоз. Толпы обезумевших людей стремились все к тому же Колонному залу. Убитые горем люди хотели отдать последний долг Вождю любыми способами, не отдавая себе отчет в том, что это может стоить им жизни.

Я на пятом курсе, Москва, 1953 год

После окончания института меня направили на работу в Рязанскую область на Скопинский хлебокомбинат — сразу главным инженером, потому что кадров тогда катастрофически не хватало. Мне тогда было 22 года. Интересно, что именно в это время начался перевод советского хлебопечения с военных норм производства на нормы государственного стандарта. Несмотря на недавно закончившуюся войну, для хлебопечения выделялось натуральное животное масло, как правило, топленое, поскольку холодильников не было. Маргарин же выделялся в небольших количествах. Мед пчелиный натуральный, а также куриные яйца, тоже выделялись по потребностям производства, поэтому сдобные булочные изделия и пряники были вкусными.

На Скопинском хлебокомбинате состыковались две эпохи хлебопечения — начала XX века и периода индустриализации страны. На нескольких пекарнях комбината замес теста производился вручную в больших деревянных ящиках типа колод. Описание такого производства есть у Максима Горького в рассказе «Двадцать шесть и одна». Это тяжелый, изнуряющий труд, особенно когда замешивается тесто из пшеничной муки. И в то же время были хлебозаводы с современным технологическим оборудованием: установленными просеивательными и тестомесильными машинами. Там были даже тестоделители. Мне потом пришлось заниматься заменой устаревшего дореволюционного оборудования этой новой техникой.

На освоении новой машины по производству бубликов,
хлебозавод № 4, г. Тула, 1957 год

Я хорошо помню пекарей старшего поколения, работавших в пекарнях. Им тогда было уже лет по семьдесят, они начали свою трудовую жизнь еще при царе. Эти старички были не только опрятны внешне, но и чисты душой. Я любила с ними вместе разделывать сдобные изделия, и просто беседовать. Почти все они были неграмотными и вместо росписи в ведомостях и документах ставили крест. Но сколько мудрости, сколько такта и уважения они проявляли по отношению ко мне, как к главному инженеру, ведь я годилась им во внучки! Меня они ласково называли не по имени-отчеству, а просто «Розочкой». Я на всю жизнь осталась им благодарна и за доброе отношение, и за то, что они научили меня понимать тесто...

Вообще, по разработанным в разное время рецептурам можно проследить развитие не только хлебопечения, но и экономики страны в целом...

Горький след в хлебопечении оставило освоение целины, так как в связи с ним резко ухудшилось качество муки. Выращенное на целине зерно ссыпалось прямо на

землю под открытым небом, ибо заблаговременно подготовить необходимую инфраструктуру не удосужились. Хрущевское руководство страны не просчитывало последствия. На мелькомбинаты приходили обыкновенные вагоны, загруженные сырым зерном. Во время пути следования оно прорастало, и в нем поднималась высокая температура. Разгружали такие вагоны в валенках, ватных брюках — ломами. Все шло на огневую сушку, после чего о качестве зерна говорить не приходилось...

Нельзя без боли вспоминать 1963 год, когда великая страна осталась без собственного зерна, и начались его закупки за рубежом — в Канаде, Аргентине... Эти закупки продолжались очень длительное время. Вышли правительственные постановления для обязательного исполнения по добавке в хлеб гороховой муки, а также кукурузной и ячменной. Были установлены пониженные требования к качеству хлеба за счет перечисленных добавок.

Из-за бескормицы осенью начался массовый забой крупного рогатого скота. Мне никогда не забыть ужасной картины, которая предстала передо мной на Тульском мясокомбинате. Обезглавленные туши коров плыли по рельсовому транспортеру, и с них стекала кровь пополам с молоком. А рядом лежали вынутые из чрева телята — уже большие, с копытцами и покрытые шерстью, которым злая воля так и не позволила родиться. Вот так руководили оказавшиеся у власти хрущевские волюнтаристы!.. Впрочем, это тема особая, которую в двух словах не раскроешь.

К тому времени мама и Ростик уже несколько лет жили в Калининграде. Мама пошла работать поваром в столовую при молодежном общежитии целлюлозно-бумажного комбината № 1. График работы был тяжелым: сутки через сутки. Условия работы — не менее тяжелы: плита топилась углем, а подсобная работница была только одна. Еще в штате столовой имелась одна официантка. Завтрак, обед и ужин надо было приготовить вовремя.

Л. И. Краснова (слева) за работой в столовой при молодежном общежитии ЦБК № 1 г. Калининграда, 1951 год

Подсобной рабочей в столовой трудилась тетя Рая. В войну она потеряла всех родных. Оставшись совсем одна, она жила в маленькой комнатке. Сердце у нее было чуткое, доброе, не озлобившееся. Наверное, потому тетя Рая удочерила сиротку — немецкую девочку Ирму. Я очень хорошо ее помню: голубоглазая, белокурая, лет

пяти-шести. Она тогда уже бойко говорила по-русски. За проказы тетя Рая, бывало, в сердцах говорила ей: «У, Гитлер!» А в ответ получала: «Ты сама — Гитлер!» Конечно, девочка не понимала смысла этого слова...

Питание в столовой, как уже сказано, было трехразовым, и готовить приходилось всю ночь. Мама уходила на работу в 10 часов вечера и возвращалась домой в это же время на следующий день. Часто, присев в кресло, она тут же засыпала от усталости. А в следующий вечер — снова на вахту. «Страна зовет!» — шутила мама.

Она до самой пенсии проработала в столовой, пользуясь уважением и любовью молодых ребят, которые приходили к ней со своими проблемами, просьбами и просто за материнским советом. Хотя коллектив столовой был маленьким, его отличало взаимное уважение и желание во всем помогать друг другу.

В 1950 году Ростик, окончив семилетку, поступил в Клайпедское мореходное училище на судостроительное отделение. Окончив его, он вернулся в Калининград и поступил работать на один из военных заводов. Позже он перешел в конструкторское бюро рыбной промышленности и там преуспел. За разработку производственной линии обработки рыбы он был удостоен бронзовой медали ВДНХ. За всю недолгую жизнь он получил много авторских свидетельств за инженерные изобретения. При необходимости Ростислав выезжал на предприятия Советского Союза, где занимался отладкой производственных линий,— в Астрахань, бухту Ольга на Дальнем Востоке и многие другие места.

Брат Ростик, курсант Клайпедского мореходного училища, 1955 год

Сначала я приезжала к маме и брату на студенческие каникулы, затем в отпуск, а в 1965 году переехала в Калининград совсем.

В 1974 году в возрасте семидесяти трех лет после очередного инфаркта мама умерла. Жизнь оставила глубокие зарубки на сердце... За ее плечами было всего два класса церковно-приходской школы, но она много читала, обладала прекрасной памятью. У нее была правильная речь, и никто никогда не мог подумать, что эта женщина не получила надлежащего образования. С ней легко было говорить буквально на любые темы. Все свои доводы она правильно и доходчиво аргументировала. Помню, как папа, однажды сказал ей: «Эх, Лина, если бы тебе дать образование, ты могла бы быть министром!» У них с мамой всегда был лад...

Мама прекрасно готовила и была хорошей хлебосольной хозяйкой. Она умела замечательно обустраивать быт. В ее доме царил уют и порядок. Мама всегда говорила, что работу в доме надо делать по плану. «Каждый день недели должен быть отведен для какой-то определенной работы. Например: стирка — в четверг, глажение — в пятницу, приготовление пищи и уборка — в субботу. Но воскресенье обязательно должно быть свободным!» Эту заповедь мамы я усвоила навсегда.

Через восемь лет после мамы на 47-м году ушел из жизни мой брат Ростислав. У него остались две дочери — старшая Елена и младшая Екатерина. Теперь у них уже свои взрослые дочери...

Ростислав Краснов, 1972 год

Когда в 1991 году был принят Федеральный Закон «О реабилитации жертв политических репрессий» (была прямая трансляция с заседаний Верховного Совета РСФСР), я плакала, потому что никто из нашей семьи, кроме меня, не дожил до этого дня...

В 1992 году я послала в Волгоград, где репрессировали нашу семью, документы на реабилитацию. Каково же было мое удивление, когда в 1993 году я получила оттуда четыре справки о реабилитации моих родителей по репрессиям 1930 и 1942 гг.! Изумление вызвало то, что нас с братом признали не подлежащими реабилитации. В письме Минюста РФ за подписью министра Калмыкова издевательски утверждалось, что по своему малолетнему возрасту, мы с братом, якобы, в соответствии с тогдашним законодательством не могли быть подвергнуты репрессиям, а, следовательно, не подлежали реабилитации!

Конечно, с таким утверждением я согласиться не могла. Я изучила Конституцию РФ 1993 года и международные правовые акты. Вела переписку со многими властными инстанциями, в том числе и с Советом Федерации, была на приеме у председателя Совета Федерации В. Ф. Шумейко, который был депутатом от Калининградской области, и в 1994 году обратилась с жалобой в Конституционный Суд РФ.

В конце концов, мне пришло приглашение из Москвы, и в мае 1995 года я поехала на заседание Конституционного Суда. Как я волновалась! Дочь дважды репресси-

рованных родителей, находившаяся с ними в ссылке и прожившая свою жизнь с клеймом «дочери врага народа»,— на трибуне Конституционного Суда!

Моими оппонентами выступали представители Президента, Госдумы, Генеральной прокуратуры и доктор юридических наук.

Стояла звенящая тишина, когда я говорила о том, что пришлось пережить, и о том, что дети, находившиеся с родителями в ссылке, в местах лишения свободы, должны быть признаны репрессированными по политическим мотивам и подлежащими реабилитации со всеми вытекающими последствиями, поскольку терпели все невзгоды репрессий наравне со своими родителями. Судьи слушали меня, затаив дыхание, и ни разу не прервали мое выступление, которое длилось более получаса.

И суд услышал меня! В своем постановлении он отметил, что «положение части первой статьи 21 названного закона о том, что дети, находившиеся вместе с родителями в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении, признаются лишь пострадавшими от политических репрессий, противоречит статье 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации о равенстве всех перед законом и судом, а также статьям 46 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации, поскольку не охраняет в равной мере с правами лиц, признаваемыми жертвами политических репрессий, права потерпевших от злоупотребления властью, не обеспечивает им доступ к правосудию и компенсацию за причиненный ущерб... Это подтверждается и требованиями статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах, установивший, что все люди равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона. В соответствии с Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 года, под термином «жертвы» также понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, еще не представляющего собой нарушения национальных уголовных законов, но являющегося нарушением международно признанных норм, касающихся прав человека».

Таким образом, в статью 2 Федерального Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» была внесена поправка, и миллионы детей репрессированных получили право на реабилитацию. Президент Ельцин был вынужден подписать новую редакцию закона «О реабилитации...», где часть статьи 2 была изложена в моей формулировке и с учетом моих требований!

Полагаю, что изменив закон в пользу детей репрессированных, я сделала самое главное дело своей жизни. Очень хотелось бы надеяться на то, что такие массовые преступления, совершенные государством против своего народа, никогда не повторятся. А наши потомки пусть помнят, через какие круги ада пришлось пройти миллионам ни в чем не повинных людей... И сейчас это уже, увы, уходящая натура...

Как уже говорилось, в 2003 году я навестила Быково и опытную станцию. Тогда я там встретилась с Клавдией Павловной Синчой*, которую знала еще с 1945 года. Она жила в той же квартире, в которой в 1938 году жили мы всей семьей и откуда я пошла в первый класс начальной школы в Учхозе. Она знала и помнила мою маму, брата Ростислава и особенно бабушку Анну (ее в поселке все любили). Меня же она не помнила,

* Синча́ Клавдия Павловна (р. 1921), селекционер, сотрудник Быковской бахчевой опытной станции Волгоградской области.

хотя по разговорам знала. Встреча наша была очень теплая, трогательная. Клавдия Павловна упрашивала меня остаться у нее ночевать, но нахлынувшие воспоминания довели меня до рыданий, всколыхнули все прошлое — тяжелое и горькое. Сердце мое буквально разрывалось, и поэтому остаться в этом доме я не могла. Клавдия Павловна проводила меня до околицы. Она прихрамывала после перелома ноги, которая все еще болела. Некоторое время мы с ней еще переписывались...

К. М. Синча́ (за столом) на Быковской опытной станции, 1946 год

К. М. Синча́, кандидат сельскохозяйственных наук, заслуженный агроном Российской Федерации

Таланты моего отца не пропали даром. Они перешли к его внукам и правнукам. Все они получили музыкальное образование. Некоторые связали свою жизнь с музыкой. Внучка Екатерина, дочь Ростислава, одна из ведущих скрипок Запорожского симфонического оркестра. Правнук Всеволод, мой внук, музыкант Тульского муниципального оркестра народных инструментов «Ясная Поляна», талантливый аранжировщик и пишет интересную музыку. И еще он унаследовал от прадеда Василия, моего отца, высокий рост и писаные черные брови. А внучка Ростислава Даша окончила финансовую академию и пошла по профессии прадеда, стала хорошим бухгалтером. Он бы гордился такими потомками!

И все-таки не дают мне покоя вопросы. Кто же в ответе за все страдания, причиненные государством своему народу? Почему государство, пусть теперь это уже и другая Россия, так и не повинилось перед своим народом, не попросила у него прощения?

Когда в конце декабря 2013 года прогремели, один за другим, взрывы в Волгограде (и далеко не первые!), унесшие десятки жизней и покалечившие сотни людей, мое сердце будто разорвалось на части. Для меня Сталинградская земля святая и священная. Когда я ступаю на эту землю, мне кажется, что под ногами сочится кровь — это плачут кровавыми слезами те, кто погиб, защищая Сталинград. И они все еще стонут... Вспоминается та девушка «в заштопанной шинели» из стихотворения поэтессы Юлии Друниной:

Обнимались, плакали и пели,
Шли в атаку.
Прямо на бегу

Девушка в заштопанной шинели
Распластала руки на снегу.

Мама, мама! Я дошла до цели...
Но в степи, на волжском берегу,
Девушка в заштопанной шинели
Распластала руки на снегу...

И как же меня не только удивило, но и покоробило то, что государство, не выполнив своего конституционного долга по обеспечению безопасности своего народа, не объявило даже однодневного государственного траура! Новогодние чумовые пляски с песнями, кривляния смехачей,— этот «пир во время чумы» транслировался по всем телеканалам. И ни слова скорби по погибшим! Я это восприняла как кощунство и неуважение к Городу-Герою и его жителям, ветеранам Сталинградской битвы. Столько жертв и — в мирное время!

Оглядываясь в прошлое и всматриваясь в день нынешний, я с тревогой замечаю, как в нашей стране постепенно начинается то, чему я была свидетелем в юные годы. Ужесточаются гонения на инакомыслящих, сопровождающиеся полицейским произволом и неправедными судами. Неужели уроки прошлого ничему не учат?!

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ДИСКУССИИ «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» В ОЦИФРОВАННОМ ЧЕЛОВЕЙНИКЕ

От редакции: *Тема очередной, уже ставшей традиционной для нашего журнала, всероссийской и международной дискуссии, вынесенная выше в заголовок, была объявлена «Колонкой главного редактора» в № 4, 2013 «Приокских зорь». Кроме того, этот текст еще до выхода в печати № 4, 2013 был разослан всем постоянным авторам журнала циркулярным письмом.*

Редакция «Приокских зорь» рекомендует читателям перед ознакомлением с материалами настоящей дискуссии «полистать» ранее разосланную нашим постоянным авторам в электронном варианте книгу: Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Струнный квартет, или аналоговое и цифровое мышление.— Москва-Тверь-Тула: ООО «Изд-во «Триада», 2014.—513с. (Книга вышла и в «бумажном» виде, но современная система распространения изданий...)

Итоги дискуссии, также традиционно, будут опубликованы в «ПЗ» № 1/2015 в статье зам. главного редактора Натальи Квасниковой.

В следующем году мы планируем провести всероссийскую и международную дискуссию по теме «Колонки главного редактора» в настоящем номере журнала; название дискуссии: «Лермонтов и истоки русского критического реализма: К 200-летию великого поэта». Как видите, тема дискуссии намного шире содержания названной «Колонки...». О начале дискуссии будет дополнительно объявлено в циркулярном письме, но уже сейчас редакция готова начать прием материалов.

О ГЕРОЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Откликаясь на призыв приобщиться к дискуссии известного ученого и писателя, главного редактора «Приокских зорь» Алексея Афанасьевича Яшина, на тему о «герое нашего времени», да еще в «оцифрованном человейнике».

Прежде чем писать о «герое нашего времени», наверное, надо осмыслить понятие «герой» и «наше время».

«Герой» — это человек, жертвующий собой ради продолжения жизни своего народа, жертвующий своей жизнью ради продолжения жизни другого. Герой — это человек подвига. «Подвиг» — очень русское слово. Совершить «подвиг» — «подвигнуть» себя на свершение какого-то дела, кажущегося невыполнимым в глазах других. Подвиги бывают воинские, но и бывают духовные. Поэтому и герои могут быть как героями мирного времени, героями труда, героями духа, так и героями, проявившими себя на войне. Не случайно в СССР были такие высшие государственные почести и награды соответственно, как «Герой Советского Союза» и «Герой Социалистического Труда», которые имели свои знаки отличия — «Звезду героя» (у Героя Социалистического Труда» был еще символ «Серпа и Молота») и «орден Ленина», который сопровождал награждение «Звездой героя».

Конечно, лермонтовский «Герой нашего времени» — это, во-первых, типичный литературный персонаж, не лишенный своих недостатков, в котором отразились какие-то критические «узлы» в логике развития того исторического времени, в котором живет такой герой, но и который обладает значительным числом положительных качеств, которые и позволяют его назвать «героем». Такими «героями нашего времени» были Чацкий в «Горе от ума» Грибоедова, Евгений Онегин в известном романе Пушкина, Печорин в «Герое нашего времени» Лермонтова.

Понятие «литературный герой» расширило понятие героя, появились и отрицательные герои; иными словами, «герой» в художественном произведении (или «герои»), то ли в романе, то ли в повести или поэме, это действующее лицо (действующие лица), судьба которого (судьба которых) связывает художественное произведение в единое целое и определяет смысл, художественную идею, которые автор — писатель, поэт — хочет донести до читателя.

Поэтому когда А. А. Яшин ставит вопрос о «герое нашего времени», то в этом вопросе, как он его раскрыл, уже представлены два слоя бытия современности, к которым он сознательно или несознательно апеллирует: первый слой — социальный, в котором живут человек и общество, и развитие которого, с учетом его противоречий, несправедливостей, трагедий, ставит вопрос перед человеком в духе вопроса Гамлета «Быть или не быть?», а второй слой — литературно-художественный, отражающий так или иначе первый слой, но по-своему, причем или удачно, или неудачно, в зависимости от проницательности писателя, его художественного таланта, его образованности, философичности, даже научной ангажированности, с одной стороны, и его опыта, погруженности в саму «толщь» этого социального бытия, в саму практику жизни, человеческих трагедий и человеческих подвигов, с другой стороны.

В дальнейшем, чтобы быть правильно понятым я буду использовать слово «герой» в положительном смысле, в смысле человека, способного совершить подвиг ради жизни других, любви, при защите Отечества, в труде, в создании, в воспитании детей и т.д., и т.п., и главное — в смысле человека, готового к самопожертвованию, и «антигерой» — как нечто противоположное, как человек, который любит только «себя любимого», эгоист, как человек алчный, готовый предать любого, переступить ради наживы любой нравственный барьер, предать товарища, родину, семью, супружницу и т.п.

Теперь о «нашем времени», т.е. об исторической эпохе, которую переживает человечество, и, конечно., об «историческом времени», в котором живут Россия, русский народ и другие народы России, в котором совершается плохо или хорошо творчество, созидание, в котором живут русская литература и поэзия, русский язык, русская живопись и русская музыка. Дает ли «наше время» оптимизм человеку, дает ли основания для его прогресса, для возвышения человеческого в человеке, для утверждения добра, любви, духовности, оставляет ли место для подвига? Или нет? И на место личности приходит ли безликий представитель «биомассы человейника», как пишет А. А. Яшин, который, я добавлю, является продуктом переработки Глобальной Капитал-Мегамашины*, или все ж таки, человек, личность живут, творят, созидают, становятся воинами, революционерами, воюют со злом, с нечестностью, с воровством, с несправедливостью, утверждают духовно-нравственную систему, делающую человека человеком, ведут научный поиск не просто ради любопытства, а ради прогресса человечности, гуманизма, ради очеловечивания жизни и через очеловечивание человеческой жизни привнесение добра, красоты, гармонии в Биосферу Земли, в пространство Космоса, с учетом, конечно, законов Гармонии, законов гомеостатических механизмов Биосферы, Земли, Солнечной системы, возможно — Галактики? И, вообще, наступил ли Конец человеку, а на его место придет технизированный, рационализированный «человек-капиталоробот» или «человек-деньги», манипуляционно управляемый мировыми властителями мирового финансового капиталовластия (мировой финансовой капиталократии), одним из «инструментов» которого является так называемое «мировое тайное правительство», МВФ, ВТО, Бильбербергский клуб, ФРС и т.д., и т.п.?

Отвечая на эти непростые вопросы, я опираюсь на свои теоретические достижения и открытия, на свою научную картину мира, которые, хотя и имеют «ноосферный вектор» внутри себя, все ж таки отличаются от представленной логики и картины мира А.А.Яшина, в том числе и А. А. Зиновьева, который создал метафору «человейника».

Попытаюсь охарактеризовать «наше время» в моем представлении по пунктам, в форме положений, вместе образующих определенную «систему», лежащую в основе моей научной картины мира.

Первое. Эпоха или «наше время», в котором оказалось человечество и, соответственно,— Россия, есть Эпоха Великого Эволюционного Перелома. Она определяется тем, что наступила первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы. Наступили Пределы прежним механизмам цивилизационного развития человечества, в том числе институту частной капиталистической собственности, рынку, системам ценностей, «вращающихся» вокруг прибыли, наживы, частной формы присвоения капитала (богатства). *Задержка капитализма, частной собственности, рынка на Земле блокирует усилия по переходу человечества на «рельсы» устойчивого — ноосферного — развития и ускоряет процессы экологической гибели человечества в XXI веке.* Б. Коммонер еще в 1973 году в работе «Замыкающийся круг» вынес вердикт: технологии на базе частной собственности уничтожают самое главное богатство человечество — экосистемы. За прошедшие 40 лет этот «круг», а вернее — «петля» на системах жизнеобеспечения человечества (в которую входят почва, чистая пресная вода, кислород в атмосфере, леса, планктон в приматериковых водах мирового океана и т.д., и т.п.), еще больше сжались. Конференция ООН в Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию в 1992 году, затем саммиты глав правительств по проблеме устойчивого развития — в 2002 году (в Йоханнесбурге) и в 2012 году (в Рио-де-Жанейро), только продемонстрировали неспособность глав стран мира, из-за разрыва в экономических интересах между развитыми рыночно-капиталистическими страна-

* Субетто А. И. Капиталократия. — СПб.: 2000.— 226с.

ми (метрополия глобального империализма) и странами развивающимися, по сути являющимся мировым колониальным анклавом, решить проблему перехода на стратегию устойчивого развития.

Более того, *сложилась Глобальная Интеллектуальная Черная Дыра,* возможно — из-за своекорыстной слепоты интеллекта развитых стран, несмотря на то, что там — наиболее мощный научный и информационный потенциалы. Что собой означает это «Дыра»? *Она означает, что человечество в своем сознании и сознании политической элиты большинства стран мира не осознает эти процессы уже развивающейся Глобальной Экологической Катастрофы, не осознает, что переход «точки невозврата», когда экологическая гибель человечества станет уже неотвратимой, может произойти уже в 2030 — 2050 гг.*

Возник «императив выживаемости» человечества, требующий перехода к «Ноосфере Будущего» в форме управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества, на базе Ноосферного Экологического Духовного Социализма.

Второе. Эпоха Великого Эволюционного Перелома, таким образом, означает, что закончилась Стихийная История человечества, в которой доминирующими были закон конкуренции и механизм отбора. *Как бы не случилось, чтобы Конец Стихийной Истории не стал Концом жизни Человечества на Земле? Для этого нужно перейти к новой, Управляемой парадигме Истории, но в новом, более расширенном пространстве, а именно — как Управляемой — социоприродной или ноосферной — эволюции.*

Таким образом, императив выживаемости человечества есть ноосферный императив, в центре которого — императив управляемости, причем управляемости не только в социально-экономическом (в узком историческом) формате, что предвидел К.Маркс, связывая его с управляемой, «подлинной историей», которая устанавливается на Земле, и это он и назвал коммунизмом, но и в социоприродном (социобиосферном) формате.

А. А. Яшин пишет якобы об управлении историческим процессом, имеющим место быть, и якобы реализуемым через процесс «глобализации», раскидывание «паутины управления» тайным мировым правительством над всемирным человейником. Это «иллюзия управления», потому что оно, такое «управление», игнорирует законы «метафизического коммунизма мироздания» (о нем писал С. Н. Булгаков в «Философии хозяйства» в 1912 году), т.е. законы гомеостатических механизмов Биосферы и Земли, возможно космических систем более высокого ранга как суперорганизмов, обладающих собственной гомеостатикой.

Первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы — это уже приговор рынку и капитализму, стихийной истории, в том чисел приговор Анти-Разуму капиталократии, думающему, что «управляет» глобальными процессами.

Да, оно «управляет» с точки зрения сохранения строя эксплуатации, выкачивания ресурсов из недр на территориях своих экономических колоний; да, оно пытается с помощью стратегий «управления хаосом» и каскада локальных войн сократить на 4/5 население Земного Шара в течение XXI века, с учетом неомальтузианской империалистической идеологемы, но этот вид «управления» со стороны мировой капиталократии только «возгоняет» разрушительную энергию рыночно-капиталистического «хаоса» на «вершину» строя капиталократии, чтобы там произошел «взрыв» страшной силы, разносящей вдребезги «карточный домик» («принцип домино») такого строя.

В самом таком «взрыве», череда которых характеризует Эпоху Конца Рынка, Капитализма и Либерализма, начинает говорить на своем языке с человечеством Правда Истории или Онтологическая Правда, развенчивая онтологическую ложь капитализма, как своеобразную «мутацию истории», подлежащую искоренению.

Третье. За первой фазой Глобальной Экологической Катастрофы *скрывается растущая неадекватность человечества, или человека как рода, окружающему миру, которая обусловлена тем, о чем писал Н. А. Бердяев в 1918 году* («своекорыстие таит в себе безумие»), — *безумием своекорыстия. Я утверждаю: своекорыстие превращает Разум в Анти-Разум, т.е. в «разум», экологически самоуничтожающийся, а объективно необходимое ноосферное движение, связанное с переходом Биосферы в Ноосферу, по своей сути превращает в антиноосферное движение, т.е. препятствующее такому переходу.*

Философскую концепцию конфликта «Разума» и «Анти-Разума» в мире господства Капитала я раскрыл в монографии «Разум и Анти-Разум (Что день грядущий нам готовит?» (2003), а затем в монографиях, продолжающих эту тему: «Свобода». Книга первая. Критика «либерального разума» (2008) и «Критика экономического разума» (2008).

Чтобы осознать категорию разума и на ее основе — категорию ноосферы («нус» — по древнегречески «разум»), нужно ответить на вопрос, как он появляется в прогрессивной эволюции Космоса, в частности — на Земле? Мною предложена *теоретическая система универсального эволюционизма, обобщающая дарвиновскую парадигму* (автор — Ч. Дарвин; наследственность, изменчивость, отбор, доминирование закона конкуренции), *кропоткинскую парадигму* (автор — П. А. Кропоткин; доминирование сотрудничества, в моей оценке — закона кооперации) и *берговскую парадигму* (автор — Л. С. Берг; наличие законов эволюции, канализирующих ее или направляющих ее по определенному руслу). *В чем она состоит?*

В том, что любая прогрессивная эволюция (для нее подходит образ «сходящейся спирали» или «конуса», на поверхность которого навита такая сходящаяся спираль) — атомная, молекулярная, клеточная, эволюция многоклеточных организмов, антропная, социальная, этническая и т.д., в том числе и всей видимой Вселенной, — как эволюция, связанная с ростом сложности (кооперативности) структур эволюционирующих систем, — подчиняется *метазакону сдвига от доминанты закона конкуренции и механизма отбора к доминанте закона кооперации и механизма интеллекта.* Это означает, что *кооперация систем в виде новой, более сложной системы закрепляется в эволюции, если в ней происходит скачок в интеллекте системы, как механизма управления будущим.*

Иными словами, любая прогрессивная эволюция интеллектуализируется в том смысле, что наблюдается рост управления будущим со стороны все более и более сложных систем.

Разум — это высшая ступень интеллекта. *Закон интеллектуализации «конуса» любой прогрессивной эволюции позволяет говорить о законе «оразумления» Вселенной и о неслучайности появления человеческого Разума на Земле.*

Социальная эволюция или История также подчиняется этому метазакону. *Переживаемая Эпоха Великого Эволюционного Перелома означает, что наступили Роды действительного человеческого Разума.*

Вся социальная эволюция, по крайней мере — после неолитической революции, т.е. та История, которую мы связываем с последними 10-тью тысячами лет (100 веками) и которые мы изучаем так или иначе по учебникам истории, есть «перинатальный период» развития человеческого Разума в «утробе» Биосферы. «Рождение» человеческого Разума и Конец Стихийной Истории совпадают. *Наступила Эпоха Перехода от доминанты Закона Конкуренции и механизма отбора — к доминанте Закона Кооперации и механизма интеллекта, т.е. «управляющего разума».*

Ноосфера — это новое состояние или качество Биосферы, в котором Человеческий Разум, встраиваясь в гомеостатические механизмы Биосферы, начинает

управлять биосферной — ноосферной (а это и есть социоприродная) эволюцией, подчиняясь законам-ограничениям ее гомеостатики и гомеостатики планеты Земля, в будущем — Солнечной Системы, Галактики.

Но чтобы это произошло, должно произойти расширение пространства сознания человека до космопланетарного сознания, а в человеке должен восторжествовать альтруизм, принцип Альберта Швейцера — благоговения перед любой жизнью на Земле, чтобы Человек осознал себя Ответственным за сбережение, сохранение и прогрессивную эволюцию всего Живого на Земле, всего разнообразия форм жизни.

Неадекватность рыночно-капиталистического «разума», одержимого «безумием своекорыстия», и делает его «Анти-Разумом», ведущим человечество по пути экологического самоуничтожения.

Преодоление «неадекватности человека, а в этой характеристики есть и объективные причины в форме резко возросшей сложности мира, требует нового качества и науки, и образования, которое я склонен назвать ноосферным. Переход к этому новому, ноосферному качеству и составляет суть «вернадскианской революции» в научно-образовательном пространстве, анализу которой и была посвящена коллективная монография «Вернадскианская революция в научно-образовательном пространстве России», изданная по материалам докладов на одноименной конференции в сентябре 2013 года, проведенной в честь 150-летию со дня рождения В. И. Вернадского.

Н. Н. Моисеев, размышляя о механизмах перехода к «эпохе ноосферы», назвал такую необходимую систему ноосферного образования «Системой Учитель».

Четвертое. А что же, на фоне такой общей оценки «нашего времени», происходит с Россией? Россия, в результате так называемых рыночных, а вернее — рыночно-капиталистических реформ, которые я склонен охарактеризовать как рыночно-капиталистическую контрреволюцию (почему я ввожу понятие «контрреволюция», потому что в моей понятийной системе «революция» двигает историю вперед, а «контрреволюция» — направлена против нее и поэтому обречена на историческое поражение), вскочила в «поезд» капитализма, вернее — системы глобального империализма, мчащегося под откос, к своей экологической гибели, причем «на правах» не равноценного члена стран метрополии глобального империализма — стран США, Канады, Австралии, Великобритании, Западной Европы, Японии, а «экономической колонии», от которой требуется стабильный вывоз «на Запад» энергии и ресурсов. ***Россия переживает рыночногенную****, — усугубленную строем олигархической колониальной капиталократии, выращенным на схеме приватизации по А. Чубайсу — Саксу и на почве «плоской», 13-процентной шкалы налогообложения, способствующей ускорению перехода национального богатства, концентрации капитала в руки «долларовых миллиардеров», по числу которых (более 130) Россия приблизилась к США, —* ***системную катастрофу****.*

Поэтому императив выживаемости России все более приобретает содержание императива преодоления нынешнего состояния, через переход к планово-рыночной ноосферной экономике и к строю Ноосферного Экологического Духовного Социализма.

У России для этого есть все: опыт советской истории, ноосферное учение, русский космизм, опыт космического прорыва, и, наконец, — в целом опыт русской и российской истории, который показывает, что тупиков в истории не бывает, они бывают только в «головах» заблудившихся в «лесу» ложных ценностей людей.

А как же быть с «оцифрованным человейником»? Есть ли такая угроза? Как быть с «цифровым мышлением» и «цифровыми ценностями» по Дж. Соросу, о которых он как о необходимости писал в книге «Кризис мирового капитализма» (1999)?

Является ли глобализация и компьютерно-цифровой глобальный «концлагерь» необходимым этапом в истории человечества, и тем более необходимым, пусть и «темным» периодом, на пути трансформации Биосферы в Ноосферу, как следует из логики А. А. Яшина в его эссе (в «Колонке главного редактора») «Герой нашего времени» в оцифрованном человейнике»?

Нет, конечно, не является.

«Оцифрованный человейник» — это, конечно, не вся реальность, но некоторый аспект существующего «процесса — попытки», поскольку он не может завершиться победой, по созданию «Строя Денег» или «Цивилизации Рынка», о которых писал Жак Аттали еще в начале 90-х годов XX века. В этом «строе» предполагается, что человек есть компьютерно-оденьженный человек-неокочевник, привязанный компьютерными («цифровыми») деньгами к банковской системе, более того — «очипизированный» с момента рождения и находящийся под контролем «всевидящего Ока» в форме компьютерной системы слежки со стороны АНБ и ЦРУ США (которая подверглась разоблачениям со стороны Сноудена) и спутникового мониторинга за передвижениями такого «чипизированного неокочевника», призванного перемещаться туда, куда «зовут» мировые перемещения капитала в Глобальной Капитал-Мегамашине.

И такая тенденция в форме «монетарной» и «электронной» революции в мире бытия Капитала имеется, и она является частью становления глобального империализма мировой финансовой капиталократии. Фактически речь идет о становлении глобального технотронного фашизма, как формы установления диктатуры мировой финансовой капиталократии.

Но эта тенденция, этот идеал мировой финансовой капиталократии — утопичны, они терпят крах, «разбиваясь» как о законы развития Природы, порождая Глобальную Экологическую Катастрофу, так и о законы социальной Истории, законы становления человека в человеке, процесс которого не остановить. Вот почему появляются все новые и новые герои нашего времени, вступающие в борьбу с человеконенавистнической системой глобального империализма, какими бы красивыми словами о «демократии», «свободе», «правах человека», она ни прикрывалась, и сколько бы «антигероев» она бы ни рождала.

Немецко-фашистские «носители свободы», вероломно вторгшиеся в СССР 22 июня 1941 года, и которые были побиты в своем логове — фашистской Германии Гитлера в 1945 г., имели на ремневых пряжках слова «С нами бог». Таковой будет судьба и всей системы глобального империализма.

Мы живем в героическую эпоху, может быть в самую трагическую и в самую героическую эпоху во всей истории человечества. Происходят «Роды» человеческого Разума и действительного, ноосферного человека.

При этом Разум не есть редукция ума только до уровня рационального.

Речь идет о действительном Разуме, качество которого тестируется постоянно через качество управления будущим. А это требует синтеза Истины, Добра и Красоты, в котором Истина обретает свое необходимое этическое, духовно-нравственное основание, а Разум обретает смысл «Разума», когда он включает в себя духовно-нравственные основания и является тем Началом Бытия, которое продолжает развитие всего разнообразия Жизни на Земле по пути прогрессивной Эволюции (т.е. роста сложности).

Разум — тогда только разум, когда он «Разум управляющий», причем «управляющий» ради прогрессивного развития Биосферы, с учетом действующих законов ее эволюции.

Да, я согласен с Алексеем Афанасьевичем Яшиным, «оцифровывание» ума и мышления — это вытеснение аналогового, правополушарного мышления, но вытеснение

как тенденция, которая не может окончиться полным вытеснением, хотя практика «церкви Сайентологии» показывает большие успехи в процессах элиминации правополушарного интеллекта, отвечающего за обмен «разнообразиями» с окружающей средой и наиболее связанного с «бессознательным» человека. В этом контексте «оцифровывание» мышления человека только усиливает его неадекватность миру и является одним из важных источников Глобальной Интеллектуальной Черной Дыры.

Что можно противопоставить этому? Культуру, творчество, тренаж интуиции, общение с природой и т.д., и т.п., в том числе и опыт педагогической системы Михаила Петровича Щетинина, которая дает новое направление в обучении и обеспечении становления гармоничного человека. На мой взгляд, и я об этом написал, его школа-лицей в поселке Текос Краснодарского края есть прообраз будущей ноосферной школы.

Героическая эпоха «нашего времени» уже рождает «героев нашего времени». Это и сам главный редактор «Приокских зорь» Алексей Афанасьевич Яшин, чей творческий темперамент и русскую размашистость характера я чувствую на расстоянии, будучи знаком с ним заочно, это и академик РАО М. П. Щетинин, который создал действительно русскую инновационную педагогическую систему, выращивающую гениев-творцов, это и полковник В. В. Квачков, для которого честь и будущее Родины — России не пустые слова, это и православный мыслитель-патриот К. Душенов, это и патриарх Русской Православной Церкви Кирилл, это и генерал Л. Г. Ивашов, заботящийся о геополитической системе безопасности России, это и воины из Псковской воздушно-десантной дивизии, вставшие грудью на пути движения чеченских бандформирований в 2000 году, это и безвестные ученые, учителя, рабочие, крестьяне, офицеры, врачи, честно, каждый на своем месте выполняющие свой профессиональный долг, — и несть им числа. На них стоит Русь — России, их делами и подвигами укрепляется и противостоит «валу» «процветающих мерзавцев» в России, о котором предупреждал еще в XIX веке М. Е. Салтыков-Щедрин.

Писатель XXI века — это не только писатель, но и писатель-мыслитель, в каком-то смысле ученый. Данная характеристика приложима к любому деятелю искусства XXI века. В качестве примера, к которому стоило бы приблизиться, думая о писателе, деятеле искусства XXI века, я бы назвал Николая Константиновича Рериха.

Мы живем в сложное время. В Эпоху Великого Эволюционного Перелома, в Эпоху, обращенную к Онтологической Правде или Правде Истории.

Она имеет «ноосферный вектор». Мы живем в Эпоху Русского Возрождения, обращенную к космоноосферному Прорыву человека. А этот прорыв и требует ноосферного человека, в котором все богатство человеческого, в единении духовно-нравственного и интеллектуального начал, раскроется в полной мере.

Повторяю вослед А. А. Яшину слова: через тернии к звездам.

И звезды ждут от нас гуманистической Вести с Земли, — такой Вести, в которой сам разум Человеческий предстает перед ликом Космоса, как достойный его.

А это означает, что человек XXI века как бы итожит собою всю человеческую историю, чтобы перейти в новое качество — ноосферное и социалистическое одновременно, чтобы подняться на уровень Человеческого Достоинства, измеряемого будущей ноосферной эволюцией, в гармонии социального и природного начал, с соблюдением экологических ограничений и правильного использования тех практически безграничных источников энергии, который таятся в тех фундаментальных основах бытия мира, которые называются по-разному, и которые только-только мы начинаем познавать.

Александр Субетто, президент
Ноосферной общественной академии наук, СПб

* * *

С наилучшими пожеланиями из Ростова-на-Дону — Ваш автор Федор Ошевнев. Благодарю за новую публикацию, журналы получил. Качество печати, как всегда, на высоте. Постараюсь побыстрее познакомиться с произведениями Ваших других авторов. Последнюю редакторскую колонку также получил, изучаю. Как всегда, много интересной информации, начиная от ранее мне неизвестного термина «человейник». Действительно, удачное и точное словообразование. А когда читал про человека ноосферного, вненационального, сразу вспомнилась Екатерина Фурцева, поощрявшая, по мере своих возможностей, смешанные браки в СССР и с личной колокольни полагавшая, что если всех женить именно так, то через ряд поколений (но точная цифра не называлась), все нации сольются в единую, наднациональную. Как-то так, в общем, в памяти отложилось. И насколько это неосуществимо на практике... Будучи в командировке в Ингушетии в 1993-м году и выполняя там обязанности «Цензора Республики», задал однажды сотрудникам телерадиостудии вопрос: насколько у них часты случаи, когда ингуш женится на русской. Да пожалуйста! Сосед напротив русскую жену имеет, и за углом сосед, и через улицу супружескую пару лично знаю... Ну а насколько ли часто бывает, чтобы русский был на ингушке женат? Общее молчание, потом чуть ли не крик: «Это по Корану не положено! А если какая-то девушка позорно к русаку сбежит, и ее род найти не сможет, то отвергнет и из своего числа вычеркнет навечно!» И еще. После резни ингушей и осетин в ноябре 1992-го детей от смешанных браков ни одна нация не принимала за своих. Ингуши кричали: «Это дети осетинки! Значит — уже неверные!» То же самое говорили по поводу детей ингуша осетины: «Не нашего рода!» То есть, уже исходно дети врага... Такие вот поверхностные впечатления при изучении Вашей новой колонки возникали. И по армейским своим впечатлениям, когда взводным восемь лет был, утвердился в мысли, что всякая национальность себя все равно над остальными ставит. А чеченцы даже так говорили: мол, национальностей всего три. Чеченцы, русские и нерусские — все остальные... Всех благ и особенно творческих удач Вам лично и коллективу «ПЗ»

Федор Ошевнев, Ростов-на-Дону

К ДИСКУССИИ

Из всей истории человечества, из текстов Священного Писания, из произведений всемирной и отечественной литературы известно, что человек обладает свободой воли, вплоть до того, что и небесные, и юридические законы в момент совершения греха или уголовного преступления не действуют, а все начинается только после реализации задуманного. Это в высшей степени закономерно и справедливо, так как в противном случае не было бы личной ответственности за свои поступки, проще говоря, если все предопределено, то и не с кого спрашивать. Таким человек был создан и, судя по всему, останется, даже во время «*действия эволюционного перехода от человечества биосферы к человечеству ноосферы» (А. Яшин, «Колонка главного редактора «Герой нашего времени» в оцифрованном человейнике», «Приокские зори» №4, 2013 г.).*

Но если «грешный» человек обладает такóй свободой, то не большей ли обладает Господь Бог или, говоря *научным языком,* Высший Космический Разум? Думается, на этот вопрос и отвечать не нужно...

Возвращаясь к человеку, следует сказать, что воля его проявляется и в неограниченном полете мысли, в частности, в создании теорий и планов. Сколько же их было

за всю историю цивилизации! И что осталось от всего того, что противоречило Высшей воле? Поэтому верна поговорка «Если хочешь рассмешить Бога, расскажи о своих планах».

Творец любит многообразие. Достаточно оторваться от своих дел и посмотреть на звездное небо или цветущую поляну, обратить внимание на флору и фауну Земли, на обилие расовых и национальных типов людей, этносов и культур.

После величайшей катастрофы XX века, когда рухнул СССР и на Земле утвердилась политическая и прочая монополия США, думаю, Господь Бог огорчился. Ну, представьте на миг, что у вас на даче вдруг везде стали расти одинаковые цветы, или уродилась только картошка, а все иные овощи и фрукты с ягодами погибли. Или ваш кот ежедневно, с утра до вечера, стал произносить «мяу» на одной и той же ноте, в той же тональности и с одинаковой интонацией,— без каких либо вариаций. Или, вообще, вся жизнь ваша изо дня в день стала серой лентой одних и тех же событий и действий...

Если же обратиться к теме конспирологии... то кто же сильнее Бога? И подумать смешно.

Давайте представим следующую ситуацию. Скучно Ему стало, и возьми Он, да и внеси сумятицу в стройные ряды тайных мировых правителей с тем, чтобы начались трения, а затем и противоборство, ну, например, между двумя самыми мощными финансовыми кланами. И раз один из них хочет жестко, и даже жестоко, глобализовать человечество, то другому станет выгодно противопоставить первому многополярный мир — ну, хотя бы только ради того, чтобы не дать другому установить свой глобальный деспотизм над всем и вся.

Возвращаясь к переходу *от человечества биосферы к человечеству ноосферы* и учитывая, что *«законы истории, как и всей эволюции жизни, овеществляются методом проб и ошибок, выявления правильных и тупиковых ходов»* и что *«новая, ноосферная биогеохимическая живая оболочка Земли, в прошедшем веке проверила возможные варианты создания социально ориентированного мирового сообщества» (Cit. Or. А. Я.*), и в силу сказанного выше, вполне закономерны два вопроса: а) почему и пути перехода к ноосферному человечеству не будут выявляться также методом разных проб и ошибок? и б) может быть, и ноосферное человечество будет многополярным и многоэтническим?

И вот перед Россией, ее цивилизацией, наукой, культурой и, в частности, литературой появляется выбор — сложить крылья и безвольно склонить голову перед жестким глобализмом или все же воспользоваться свободой воли, Высшей предрасположенностью к многообразию и ситуацией поиска и «*выявления правильных и тупиковых ходов»* и встать на позиции многополярного мира? И хоть сказано: «паны ссорятся — у мужиков чубы трещат», в этом противостоянии мы, впрочем, как и другие страны и народы, даже те же американцы (практически полностью потерявшие свою независимость после убийства Д. Кеннеди), можем и свои выгоды обрести, например, в деле отстаивания своего традиционного, с учетом всего хорошего в разные периоды нашей истории, пути развития и своей культуры.

И если говорить о будущей ноосфере,— а о ней не говорить невозможно, так как каждому разумному и наблюдательному человеку очевидна истинность теории В. И. Вернадского, развитой далее современными учеными, в частности А. А. Яшиным, А. И. Субетто и другими,— то следует определиться, прежде всего, что же такое самое ноосфера будущего. Это «коммунизм» золотого миллиарда или, того хуже, кучки «золотых семей», или же это единый организм Земли, биосферы и сохраненного во всем его многообразии, но объединенного, человечества, где оно будет мозгом этого организма? Иначе говоря, если перейти на философские термины,

бытие определяет сознание, или все же сознание — бытие? Если верно первое и все уже предопределено, то жесткая (вернее жестокая) глобализация сделает свое дело, создаст ноосферу для «золотых», а «остальные» перейдут в «виртуальную реальность». Потому «пей и гуляй», как говорится, «поигрывай в шашечки под водочку с селедочкой», потребляй наркотики и удовольствия — все одно пропадать, так как от нас, как бы мы ни напрягались в мысли (а ведь дана человеку мысль, наверное, не только для того, чтобы констатировать?), ничего не зависит. А вот если верно второе, то наступает эпоха «живой», творческой истории, где роль человека неизмеримо качественно меняется, где роль каждого народа, каждой страны в мировом многоцветии стран и народов неизмеримо растет и где есть будущее у каждого человека и этноса.

Потому и перед писателем сейчас, как никогда, стоит вопрос — встать на позиции пессимизма, мол, все одно жестокий глобализм всех «причешет своей жесткой гребенкой», или рождать своим творчеством сострадание к нашим современным униженным и оскорбленным гражданам, показывать путь выхода, который, если мы истинно верующие (независимо от конфессии), состоит в Любви к людям, в превалировании совести над желаниями, в постоянной памяти о том, что цель и смысл жизни человека — постижение Божественной истины и следование ей, забота о ближних, то есть о других людях и человечестве, личное духовное совершенствование и помощь в этом другим. Думается, что писателю — приверженцу нового русского критического реализма, — как никому другому, ближе второе.

Отсюда и образы, которые он призван создавать в своих произведениях, в противовес вселяющим безграничный пессимизм, возбуждающим низменные инстинкты, являющимся прямо или косвенно некими *инсталляциями* и *перфомансами*, между которыми, перефразируя Н. С. Михалкова, разница только в том, *когда нагадить на площадке, — до звонка в квартиру или после,* образам, культивирующим в людях нелюбовь, раздражение, злобу и ненависть. Герои произведений писателя должны продолжать традиции оптимистического созидания лучшей жизни, Любви и Красоты, возрождать в людях доброту и сострадание к человеку, находящемуся в тяжелых жизненных обстоятельствах, но не прекращающему быть таковым.

Яков Шафран, член Союза
писателей и переводчиков МГО СПР,
лауреат Всероссийской литературной премии
«Левша» им. Н. С. Лескова

НООСФЕРА В ПОНИМАНИИ ОДНОГО ПИСАТЕЛЯ

Ноосфера — слово это в моем сознании появилось давным-давно как нечто недосягаемое в понимании простого человека, с наукой не связанного, законами биологии не владеющего.

Тогда это слово вызывало во мне какие-то неясные предчувствия перемен в человеческом мире.

Теперь-то мне известно, что это волшебное, в молодости непонятое, слово связано с новым развитием человечества на основе разума, который, взаимодействуя с природой, даже первенствуя перед ней, вносит в жизнь общества мудрость, ум, смысл, силу и волю.

Профессор математики Эдуард Леруа, писавший о мыслящей оболочке, наполненной человеческим сознанием, и философ Тейяр де Шарден, поддержавший эту идею как прямую возможность слияния человека с Богом, развивали то, что сформировалось в 20-е годы прошлого столетия в учение Владимира Ивановича Вернадского.

Не вдаваясь в научные тонкости, отметим те позиции учения В. И. Вернадского, которые представляют, на наш взгляд, особый интерес.

— единая информационная система;

— единая форма контроля над человеком;

— новые источники энергии;

— подъем благосостояния людей;

— победа демократических сил общества;

— равенство всех людей перед законом (и не только перед ним);

— единое планетарное государство.

Удивительно, насколько быстро развивается в практическом преломлении научная теория. Сегодня, например, сложно любому педагогу строить свою деятельность, поскольку он оказался не единственным и не самым мощным источником знаний. Загляни в Интернет, и найдешь ответ на любой вопрос (или почти на любой). В таких условиях очень трудно быть для обучающихся (детей, подростков, студентов) первооткрывателем мира. Однако в этих условиях и быть человеком необразованным — стыдно. Есть единая информационная система, благодаря которой тот, кто захочет, узнает и образует себя сам.

Трудно не только педагогам. Политикам почти невозможно скрыть от народа, от своих избирателей сведения о том, что происходит в мире, какие глобальные общественные проблемы захватывают его и надвигаются, как энергично требует народ исполнения обещаний народных избранников о создании общества великого благоденствия и расширения демократического участия в решении важнейших вопросов.

Человечество семимильными шагами движется к объединению в единую огромную структуру, несмотря на то, что существуют сегодня разные государства и национальности, что из-за религиозных различий и интересов не прекращаются в мире жестокие столкновения. Все это будоражит матушку-планету, однако формируются силы, стремящиеся к тому, чтобы объединить людей в подвластную себе массу исполнителей воли меньшинства. Причем не только слепых исполнителей чужой воли, а тех, кто желает такого развития, в котором одни действуют в интересах других.

В. И. Вернадский, одержимый возникшей в его голове идеей, ясно видел, как человечество превратится в скором будущем в мощную геологическую силу, преобразующую мыслью и трудом планету Земля.

Плохо ли? Нет. Человечество в своем развитии стремится к тому, чтобы жизнь двигалась дальше на основе разума, охватывая собой всю планету и энергично выходя за ее просторы.

Тогда почему ученый и писатель А. А. Яшин выступает в журнале «Приокские зори» с редакторской статьей, в которой каждое слово — предостережение надвигающейся угрозы?!

Для начала главный редактор разослал авторам журнала «Меморандум о принципах развития науки ноосферологии», тем самым вводя их в обозначенную проблему. В Меморандуме кратко освещены принципы развития ноосферологии, сформулированные в рамках работы Тульской научной школы биофизики полей и излучений, а также биоинформатики. Вместе с тем, там же отмечено, что наука эта развивается исключительно в России, частично на Украине, тогда как на Западе она не признается, поскольку не способна, по мнению западного мира, приобрести прагматического значения.

Затем А. А. Яшин связал предложенную им на обсуждение научную проблему с развитием литературы и общества, осветив свой взгляд в редакторской статье «Герой нашего времени» в оцифрованном человейнике» [Приокские зори, 2013, № 4].

Не имея научно-специальной подготовки, мы не можем в достаточной степени

провести анализ взглядов ученого А. А. Яшина и представить научную картину, однако попробуем взглянуть на проблему с точки зрения человека, который, хотел бы — нет ли, все же участвует в создании общества разума. Каждый писатель стремится показать новый взгляд на описываемые им события, подметить и раскрыть характерные для общества явления, художественно преобразить освоение существующего мира, тем самым действуя на развитие всемирного разума.

Не бывало ли с вами, дорогой читатель-писатель такое, когда, казалось бы, ниоткуда возникает в голове сюжет, формируются события и неожиданные повороты, укладываются характерные черты персонажей? Можно сказать, что все перечисленное берется писателем из жизненного опыта, из приобретенных знаний, из того, что он услышал и подсмотрел. Не станем спорить. Так и есть. Однако предложим и другой ответ, возможно, кем-то оцененный как «сказочный»: мозг творческого человека насыщается информацией, которая льется в него из информационного поля Земли. Не из Интернета, а из той оболочки знаний-взглядов-мыслей-надежд, что окружает планету и подпитывается человеческим разумом.

А бывало ли так, что описываешь событие прошлого и откуда-то знаешь, как оно происходило, более того, чувствуешь своего героя как себя, проживаешь его жизнь будто собственную? Не играет ли с нами информационная оболочка Земли? А может, и помогает? Дает писателю сведения и требует, чтобы тот передал эти сведения землянам.

Михаил Булгаков, Иван Ефремов, Аркадий и Борис Стругацкие не из этого ли источника обогащали творческие силы? Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Николай Гоголь, Федор Достоевский, Лев Толстой, Антон Чехов и другие гении художественного слова не оттуда ли напитывались темами, сюжетами, образной палитрой и словесным самовыражением?

Однако мы увлеклись и значительно отступили от того, с чего начали очерк.

Впрочем, не отвлеклись. За все, и за творчество тоже, надо платить. И цена бывает порой неподъемной. Так информационное поле, питающее творческих людей любой сферы искусства и деятельности, требует величайшей отдачи.

Человейник, глобализм, интернетовское сообщество, усиливающийся со всех сторон контроль над личностью, расширение возможностей и вместе с тем невыносимо-жесткий, даже жестокий, ритм жизни, новые источники энергии и энергетическая сила, с которой зачастую невозможно справиться человеческому организму, объединение людей в общеземном масштабе, новые связи между континентами, странами, нациями и в то же время глобалистическая зависимость, в которой не каждый способен выстоять и сохранить собственную индивидуальность (личности, нации, расы, континента, земного шара).

Усиливается осознание уникальности и стремление ее сохранить, а наряду с этим усиливается стремление уничтожения уникальности, приведения всех в единую форму, к единым условиям существования, к единомыслию, которое способно уничтожить людское разнообразие.

Попытки человечества оцифровать происходящее — еще одна проблема, подходы к разрешению которой не могут быть однозначными. Цифры — предмет математики. Можно сказать, что математика — наука о цифрах. Однако математика — это наука о количественных отношениях и пространственных формах существующего мира. Потому, представляется нам, цифра, способная выразить в разных формах земные процессы, вносит в нашу жизнь новые условия. Это и точный расчет, и надэмоциональное конструирование, подчиненное логике.

А. А. Яшин отмечает: отринуто «аналоговое, творческое в своей основе, мышление», происходит переход к утилитарному, цифровому мышлению, молодые литера-

торы ушли в извращенно-вымышленный, сугубо утилитарно-цифровой (то есть компьютерный) мир «фэнтези».

Тем не менее, в любом процессе всегда присутствует две стороны — позитивная и негативная. И если мы рассматриваем компьютер как предмет необразного «цифрового» мышления, то что нам мешает посмотреть на это мышление как на логично-оформленное, четкое и точное, без лишнего «растекания мыслью по древу»?

А заодно осознать, насколько в современном мире вырастает значение литературы, назначением которой является образно-художественное раскрытие человеческой жизни. При таком подходе можно обнаружить, что и в описании «морфологии фантастических ящеров» может быть заложено все то же раскрытие жизни человеческой, а «вольнолюбивые фантазии» являются попытками открытия нового знания о человеке.

Мы солидарны с глубочайшим переживанием автора редакторской статьи по поводу «функциональной безграмотности», охватившей современное общество и способной привести к удручающим последствиям. Однако учитывая, что создание глобальной сети и цифрового выражения земных явлений является новым этапом развития человечества, который вряд ли удастся повернуть вспять, надо потратить силы и умственный потенциал не на то, чтобы этот процесс остановить, а на то, чтобы извлечь пользу, чтобы выйти из нового явления с наименьшими потерями.

Какой путь избрать из возможных путей развития человечества, чтобы минимизировать негативные последствия ноосферного этапа — это задача нашего поколения, которая должна решаться человеческим сообществом. Она стоит и перед учеными, и перед преподавателями разного уровня и направления, перед врачами, психологами, социологами, правоведами, техническими работниками, перед деятелями культуры, словом — перед всеми творческими личностями. Эта задача стоит и перед творцами художественного слова. Так нам, по крайней мере, видится.

На наш взгляд, следует обратить внимание на следующие особенности современного развития человечества.

1. Все более мощно проявляется сила небольшого числа людей, которых нередко называют «мировым правительством», стремящаяся установить тотальный контроль над человечеством.

2. Тотальный контроль за обычным человеком выражается не только в том, что усиливаются слежка, прослушивание, фиксирование его действий на всевозможные видеокамеры. Происходит также ограничение роста народонаселения — любыми средствами. В ход идут организация войн, появление новых болезней, с которыми человечество еще не в силах справиться, рост межнациональной вражды, доходящей до открытых вооруженных столкновений и террористических актов, терпимость к однополым семейным союзам.

3. В любой стране происходит установление для человека узкофункциональных рамок. Он сам превращается в функцию и обязан, чтобы остаться на привычном уровне комфорта и достатка, выполнять только то, что ему предписано. Как говорится и даже демонстрируется ежедневно в телевизионной рекламе, человек становится «белкой в колесе».

4. Для современного общества характерны еще две важнейшие проблемы: профанация образования и профанация медицинского обслуживания.

Все более открыто заявляет о себе стремление заменить высококачественное образование народных масс узкопрофессиональными навыками. Приобретая ограниченные знания, необходимые для выполнения конкретно-узких операций, человек становится «винтиком» большой государственной машины. Мы бы отметили и так: не государство служит обществу и личности, а только личность обязана отдавать себя на потребу государства.

Под различными предлогами (дороговизна образования, нехватка специалистов, перевод на новую образовательную систему, которая представляется нам как более совершенная) уничтожается возможность формирования высокообразованных специалистов, обладающих широким спектром знаний в своей области и в пограничных с нею. Резко сокращается кругозор современного человека.

5. Профанация медицины проявляется в том, что, с одной стороны, появляется уникальное оборудование, на котором возможно лечение сложнейших, даже неизлечимых до недавнего времени, заболеваний, создаются новые виды лекарств. И, с другой стороны, у подавляющего большинства населения любой страны все меньше и меньше возможности использования уникальных медицинских технологий, лекарств, оборудования.

6. Растет быстрыми темпами разобщенность людей. Например, современные дети и подростки все чаще общаются друг с другом через компьютер и Интернет, что вызывает у них стремление жить «в своем коконе». Этот процесс приведет к тому, что общество в скором времени может превратиться в существование отдельных единиц, мало связанных между собою.

Несомненно, такое положение сразу скажется на возможности развития творческого «Я», ибо оно возможно, когда человек находится среди людей — гениев, талантов, специалистов, ремесленников, а также среди технарей и гуманитариев, среди тех, кто больше знает и меньше, кто предпочитает уединение или любит быть в окружении друзей, товарищей и коллег. Разнообразие общения, разность взглядов и интересов, различие условий жизни, национальных традиций создает то многообразие, в котором развиваются личность и общество.

А. А. Яшин своей статьей, в основе которой лежит творческо-научное видение современного развития человечества, а также необходимый критический анализ событий и явлений, происходящих как в российском обществе, так и на всем земном пространстве, справедливо «бьет тревогу», ибо от осознания людьми процессов современного развития зависит дальнейший путь человечества.

В настоящее время решается глобальный вопрос: каким человечеству быть через пятьдесят-восемьдесят лет.

Ирина Кедрова, прозаик и драматург,
член Союза писателей России,
Академии российской литературы, Москва

НРАВСТВЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СОЗНАНИЯ (К ДИСКУССИИ «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»)

Пусть то, что я скажу, не так уж мудро,
Но мудрость друга — выслушать меня...

Расул Гамзатов

Новая дискуссия «Герой нашего времени или о чем писать романы», вызванная всемирным процессом перехода «от слов к цифре», заставила меня вспомнить великого Льва Николаевича Толстого, который был одержим идеей «нравственной революции сознания».

Компьютерно-цифровое мышление, ворвавшееся в ноосферу нашей планеты, построенной изначально, по выражению того же Толстого, «на цепочке питания», пожирания друг друга, последовательно разрушает не только человеческую психику и

нормы поведения, но и приводит к иному художественно — стилистическому литературному методу, меняя прежние нравственные мировоззренческие понятия и стереотипы. Соавторство с компьютером изменяет отношение к написанию текста, который становится многословным, маловыразительным, бессознательно уходит уважение к родному языку, речь становится небрежной, засоренной штампами, уличным жаргоном, искаженными на русский лад иностранными словами. Бесспорно, что мысль можно передать разными способами: знаками, картинками, цифрами. Зачастую мысль опережает ее изложение, да и не всегда возможно равнозначно перевести ее на бумагу. Но, несомненно, что только Слово — самый яркий носитель человеческой мысли.

Так какого же героя нашего времени ждать читателю «из-под компьютерного пера»? Да и отличается ли он от нынешних персонажей бумажной литературы. И каким будет литературный герой эпохи после повсеместного внедрения компьютера с искусственным интеллектом (искинта), о непредсказуемости которого столько споров. Среди технологических программ искусственного интеллекта, есть и возможность для любого пользователя создавать художественные произведения любого жанра, даже не обладая ни в малейшей мере знаниями о процессе творчества, так как окончательный выбор информационного материала, ситуаций, героев, манеры изложения будет за искусственным разумом, о «моральных принципах» которого в ходе эволюции компьютерной техники только приходится гадать.

Эксперты Института психологии РАН, оценив изменения психологического облика россиян за прошедшие годы, отмечают, что *«нация стала агрессивнее, злее, наглее».* Все это следствие морально-нравственного падения общества, почти античная трагедия, которая находит свое прямое отражение в современной культуре, и особенно в современной литературе, в чем в немалой степени повинна и интернетовская паутина. Даже патриарх Кирилл в своем недавнем выступлении отметил, что погружение в компьютерные сети порабощает, как сознание, так и волю, искажая мышление и мировосприятие. А литературный герой любого времени «вырастает» из реалий действительности. Положительный герой формируется из сложной истории государства, из отечественной культуры, из родного языка, из атмосферы семьи, из созидательной обстановки в обществе, которая подкреплена достижениями страны, улучшением жизни народа. А сегодня в сознании стираются понятия сострадания, патриотизма, гуманности, и «воспитание» подрастающего поколения на произведениях с преобладанием сцен жестокости, насилия, грубости, цинизма дало свой результат. По данным ООН Россия в пятерке лидеров по детской жестокости!!!

Мы стали свидетелями того, как «порвалась связь времен», а литература, как и культура в целом, отреклись от традиций преемственности, а как следствие, не способны в полной мере раскрыть общечеловеческие проблемы, в том числе, нравственно-эстетические и социально-политические.

Аксиома, что каждое время имеет своих героев, тех которых заслужило общество. Есть две формулировки о необходимости героев. Согласно одной, счастлив народ, у которого есть герои. А по другой, несчастлив народ, который нуждается в героях.

Российская словесность всегда разделяла судьбу страны, впитывала и отражала социальные коллизии эпохи, духовный климат общества, заставляла мыслить. А такая «мыслящая литература» всегда современна, она не устаревает, как и ее герои.

Новый виток геополитических, исторических, экономических, социальных, идеологических катаклизм и противоречий резко поменял общекультурную ситуацию, привел к разрушению сложившейся мировоззренческой системы, к переоценке духовных, морально-нравственных ценностей, вторгся не только в человеческие судьбы, но и в человеческое сознание. Новая социально-культурная среда, обесценила

наследие прошлого, разрушила целостный образ классической литературы, отправив огромную часть культурного наследия в архив Истории. Органического продолжения традиций классической литературы и литературы советского периода не произошло. Литература оказалась отлученной от больших идей и светлых идеалов, от нравственной ответственности писателя за написанное, перестала быть «учебником высшего духовного познания жизни».

Снова вспомню слова великого Л. Н. Толстого: «*Нет идеи, нет ценностей. Зачем писано»*. Общеизвестно, что в своих героях писатель выражает собственную индивидуальность. Но когда борьба за чистоту идеи подменяется борьбой за чистоган, демократия превращается в демократизацию, озлобленность и духовное оцепенение ведут к духовной катастрофе. Живой ум тоскует, так как не может жить без нравственного сознания, без ярких мыслей и сомнений, без внутреннего зрения. Думающий читатель не забыл жанр интеллектуального романа, городской и деревенской прозы, предполагающие своих положительных героев, с кого «делать жизнь». Только высшие гуманистические идеалы и цели делают людей духовными единомышленниками.

Но сейчас часто говорят об отсутствии в обществе идеологии.

В книге известного философа А. Ф. Лосева «Работа духа» совершенно четко и правильно отмечено, что не только общества не существует без идеологии, но и отдельного человека. Даже совершенно не способный к последовательному мышлению человек — носитель определенной идеологии. Личность положительного литературного Героя определяет мировоззрение писателя, его идеологическое кредо, идеология интеллигентности, носитель которой не может не видеть всех «свинцовых мерзостей жизни», ее несовершенства. Понятие «культура» в переводе с латинского имеет несколько значений, среди которых и «возделывание», т. е. сознательная работа духа, направленная на совершенствование окружающего мира.

Сегодня же нас окружает идеология наживы, стяжательства, постоянный прессинг (так теперь говорят) телевидения, где сцены насилия, агрессии, распутства стали нормой. То же и в произведениях многих авторов нашего времени. И это при том, что каждого здравомыслящего человека по-прежнему волнуют вечные вопросы, сформулированные классической русской литературой, как «что делать» и «кто виноват». По-прежнему актуальны сомнения литературных героев советского периода, звучавшие у Шукшина, как «что с нами происходит», а у Распутина «почему мы такие».

Литература без положительного героя нонсенс.

На Востоке есть поговорка «Пожар кровью не заливают». Нельзя спасти и наш разрушенный дом бульварной литературой.

Я часто выступаю в библиотеках, в культурных центрах и вижу, что у подавляющего большинства читателей есть непреодолимое желание прочитать яркое современное произведение художественной литературы, масштабное по содержанию, увлекательное по изложению, герой которого не вымышленное или историческое лицо, а наш современник. Читатель ждет серьезных и увлекательных, глубоких произведений, в которых подняты в художественной форме острые социальные, общественные, нравственные проблемы. Читатель ждет произведений, в которых напряженные конфликтные ситуации, осуждены пороки и их причины, а герой, критически мыслящий, общественный человек, умный, духовно сильный, личность которого выписана точно, ярко, сочным русским языком. Но читателей обильно потчуют описаниями жизни олигархов, чиновников, банкиров, менеджеров, киллеров, куртизанок, торгашей, наркоманов. Они стали «героями» многотомной бульварной литературы, обильной «женской» прозы и прочих изданий, заполонивших полки книжных магазинов, уличные прилавки.

Не преувеличение, что настоящий герой любого времени явный или потенциаль-

ный борец за справедливость, так как в жизни и отдельного человека, и общества в целом не бывает постоянных мирных периодов и в обывательской ежедневной жизни всегда подстерегают тревоги, опасности, потери. И ведь такие люди есть, они реальны, они могут стать прототипами, стать положительными героями нашего времени. Это те же учителя и врачи, военные и рабочие, которые были героями стольких замечательных произведений русского критического и социалистического реализма. И они никуда из реальной жизни не исчезли.

Конечно, утверждать, что на нынешнем историческом витке глобализации литература приближается к своему гибельному финалу рано.

Но общение с читателями, убеждает, что пошатнулся авторитет современного писателя, измельчала личность пишущего, ведь зачастую за перечисляемыми званиями, членствами читатель ощущает полное отсутствие истинной интеллигентности, интеллекта, широты эрудиции, чувствует, что «*званных много, да мало избранных».*

Положительный, а может, и идеальный герой нашего времени появится, когда писатели осознают свою ответственность за эпоху, за свое время, научатся уважать прошлую историю страны, любить не человечество в целом, а человека. Совесть писателя формируется мудростью веков и собственным жизненным опытом в любое время.

Среди современных писателей серьезные читатели, в основном среднего и старшего поколения, называют не более двух десятков имен тех, чьи произведения знают, ждут. Не буду перечислять эти имена. Их можно встретить в многочисленных шорт — листах всевозможных премий, но задам риторический вопрос. Неужели перевелись на русской земле талантливые писатели, владеющие пером не хуже своих предшественников — классиков русской и советской литературы, способные создать произведения, реальные герои которых — наши современники — способны совершить «нравственную революцию сознания» в наше смутное время и отвести человечество от пропасти всемирной катастрофы, сохранить цивилизацию и саму жизнь,

Уверена, что это под силу литературе нового критического реализма, которая призвана вернуть заблуждающихся, озлобленных, обманутых на путь добра. Будут ли это компьютерно-цифровые издания или бумажные, покажет время. Лишь бы не опоздать, чтобы не было «мучительно больно» потомкам.

Людмила Авдеева, член Союза писателей России,
Международной федерации журналистов, Москва

* * *

Благодарю Вас за инициативу провести в Приокских зорях дискуссию на ВАЖНЕЙШУЮ тему в эпоху, когда нравственно-гуманистическое понимание отечественного и поколенческого Героизма вытесняется суррогатами «звезд» общества потребления, сверхпотребления, тупиковой сексуальной революцией, выражающей глобальную этническую депопуляцию, духовное обнищание лидеров так называемой цивилизации. В ответ на Ваши инициативы я готовлю для Приоксих зорь — 2014 эссе с рабочим названием «Вызовы глобализации и ноосферный реализм XXI века».

Уже наметились части:

— Глобальные формационные конфликты и ценностный кризис жанра.

— Л. Н. Толстой и В. И. Вернадский: титаны ноосферного реализма.

— Перспективы жанра: поиск форм ноосферного реализма.

— Ноосферная цивилизация России: Кто он — Герой XXI века!?

Надеюсь, будет продолжение, потому что работаю над книгой «Ноосферная глобалистика и ноосферология гражданства», слайды которой я Вам выслал.

Вы правы: спасти человечество от его *оцифровывания,* превращение поколений в безмозглые объекты потребления человейника может только понимание, осознание Личностями-Героями собственной ноосферной природы, ноосферного статуса, ноосферной миссии в сферах жизни природы, общества, структур цивилизации.

В очерке приводится полемическое письмо В. И. Вернадского Толстому (1901), «подтолкнувшее» автора к научно-мировоззренческому поиску выхода из нравственного тупика, который так и не нашел *человечище* второй половины XIX, начала XX века. Вернадский этот выход нашел, предложил его человечеству.

Переход от понимания императивов «вернадскианской революции» к основам ноосферного мышления, ноосферным принципам политического, массового, научного, эстетического, иных форм сознания, целям деяний дорого, видимо, долгая. Но без героев мысли в образах литературы, освещающих путь поводырям общества, видимо, трудно выйти из тупиков заблуждений и слепого потребления.

В общем, уважаемый коллега, работа идет, что получится — Вы, надеюсь, узнаете первым. Я застал Вернадского живым.

Василий Василенко, доктор философских наук,
главный редактор электронного журнала
«Ноосфера XXI века», Волгоград

HOMO NOOSPHERES: РАЗМЫШЛЕНИЯ О «ГЕРОЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Современная русская литература наполнена различными героями, включая самых аморальных и отрицательных, но если проанализировать наличие подобных героев в классической отечественной и мировой литературе, то, в общем, мало что изменится в представлении об «эволюции» Героя и закономерно прозвучит вопрос о том, кого же следует считать истинным героем, а кого — ложным, второстепенным, проходным и т.д. При этом также целесообразно обозначить проблему отсутствия вообще какого-либо «героя нашего времени» в литературных произведениях, исходя из значимости этого героя для человечества или хотя бы для отдельно взятой страны. В определенные эпохи время требовало своих лидеров, решений, событий, а следовательно, и литературных героев. Но если, например, сравнить Будду или Иисуса Христа по их влиянию на развитие цивилизации, то любой революционер, ярый ленинец, пахарь, бравый вояка или космонавт бесследно померкнут перед этими фигурами, хотя, по сути, в условиях древнеримского «фашизма» и кризиса древнегреческой демократии мысли и действия Христа были поистине революционными, а в рамках закона тех времен их можно было квалифицировать как вредные и преступные.

На протяжении двух тысячелетий миру не было явлено почти ни одной грандиозной личности по уровню влияния на сознание и духовность Человечества так, чтобы за ней, за этой личностью, пошли миллионы, а теперь — миллиарды людей. Выдающиеся лидеры были в истории XII—XX веков, но они противоречивы, а кровавый след тянется за ними длиннее, чем рукава Млечного Пути, т. е. личности эти были глубоко сомнительные по духовному, моральному, интеллектуальному и пр. влиянию на «толпы» (Чингисхан, Наполеон, Ленин, Гитлер, Сталин и др.). Не рассматривая скачков в уровне научно-технического прогресса в связи с разработкой нового оружия, можно сказать, что тираны, завоеватели и попросту злодеи в качестве

героев нашего (любого) времени не годятся. Подтверждением этому могут служить недавние теракты в Волгограде, но об этом следует говорить отдельно, касательно нашей страны и современной мировой политики...

Сразу же обозначу очерченную принципиальную проблему: на какой идеологии должен создаваться «герой нашего времени» и какие мысли он должен нести в массы, являясь или не являясь отражением событий, своего века или эпохи? А может, он должен быть универсальным — приемлемым для любых времен и народов. Если герой — гуманист, то каков он? В настоящее время можно предложить сложную классификацию гуманизма (религиозный, светский, научный, биологический, медицинский, радикальный и пр.), современный профессор В. Н. Финогентов предлагает в качестве основного *гуманизм трагический*, согласно которому человек и человечество, осознавая свою смертность, должны суметь оставаться человечными. К сожалению, на сегодняшний день (за исключением опыта Южной Америки) нет полноценной концепции универсального гуманизма, как будто не было ни трудов лауреата Нобелевской премии А. Швейцера и его универсальной этики, ни учения о ноосфере В. И. Вернадского, ни космической этики К. Э. Циолковского (список можно продолжить).

Нет универсального гуманизма и универсального героя нашего времени, во-первых, потому, что и без того в сложном и ежечасно усложняющемся мире нет единых рамок и законов для Человечества; а во-вторых, для того чтобы создать этого «героя» необходимо обладать огромным багажом знаний по литературе, социологии, политология, психологии, биологии, физике, не говоря уже об элементарных правилах знания родного языка и стилистики художественной речи, этики, эстетики, истории и т.п.

Сторонникам божественного происхождения Человека (на планете Земля) в тех интерпретациях, которые ныне существуют, следует обратить особое внимание на достижения современной генетики, а именно: человек не произошел от обезьяны, все гораздо сложнее или хуже, ибо до 50 % генов человека «унаследовано» от бактерий и червей (в том числе Нобелевской премии были удостоены исследования по зоопсихологии, в которых авторы доказали наличие одинаковых генов, отвечающих за обоняние, у человека и мышей). Вот это действительно трагично, но нет также смысла отрицать наличие жизни на других планетах и даже рукотворное происхождение Вселенной, ибо только в галактике Млечный Путь около 400 млрд. звезд, а масштаб Космоса настолько велик, что его нельзя представить человеческим умом. Возможно, существуют сверхмиры, способные запускать эволюцию вселенных, закладывая в неживую материю запрограммированный ход всего, что будет впоследствии наполнять галактики и их Разум. Отсюда возникает вопрос: если Бог создал Землю, то кто создал Вселенную?.. Ответ на этот вопрос лежит в той плоскости, если бы муравьи или мухи неожиданно открыли ДНК и разгадали бы тайну происхождения человека. К сожалению, даже мы сами пока не можем ответить на этот вопрос.

Из всего этого возникает вывод о том, что человечество, с одной стороны, по-прежнему утопает в крови локальных и крупномасштабных войн, а с другой — стремится к осознанию самого себя, к разгадке своей сущности, тайны происхождения, к открытию все более и более умопомрачительных, неземных (на первый взгляд) законов, за которыми скрывается разгадка всего мироздания. При этом с каждым годом технические возможности людей становятся все более и более необычными, не за горами те времена, когда человек будет жить полноценной жизнью в среднем на 20—30 лет дольше. Наряду с этим возрастает и конкуренция на планете, сконцентрированная в полярных цивилизациях (например, США, Китай, Россия, Европа). В случае наступления преждевременной «гармонии» исчезнет фактор противостояния, а следовательно, отбора и эволюции. В этой связи в продолжение к размышлениям главного редактора журнала «Приокские зори», профессора А. А. Яшина хочется доба-

вить, что *глобализация*, проповедуемая США, скорее всего, будет обречена, и только после падения всемогущества США (а может быть, и третьей мировой войны) мир выйдет на полноценный путь развития как единый, т. е. вся планета станет этим центром, а не отдельное государство.

В этой связи, скорее всего, религии в действительности потеряют свои преимущества и будут нивелированы, а научно-моральное (научно-духовное) общество заменит их сводом общепринятых планетарных законов или правил, которые возьмет в качестве образца все человечество. Не исключено также, что в процессе длительной эволюции (сотни тысяч лет), в случае отсутствия глобальных катастроф, замедления развития и вымирания человечества, земляне действительно самостоятельно разовьются в принципиально новый вид людей — *homo noospheres (по А. А. Яшину).* Какими качествами будет обладать человек будущего, не считая его тесного взаимодействия с инновационными техническими решениями? Честностью, порядочностью, сверхинтеллектом и пр. Но, однако, сложно не согласиться с профессором В. Н. Финогентовым в том, что человеческий путь на планете Земля *не гарантирован*. Возможно, развитие человечества и вправду обречено из-за этих 50 % (от червей и бактерий) и нуждается в преобразовании на генетическом уровне (в силу развития науки и в рамках морального закона).

Если так называемый «Бог» не заботится о сохранении и защите своего детища в том ракурсе, которого теперь требует человек, а высокоразвитые «гуманоиды» к нам все летят и летят, то приходится рассчитывать только на самих себя. Но на что опираться человечеству в своем дальнейшем духовном развитии? Пожалуй, классические, базовые религии для этого вполне годятся. Я категорически не согласен с А. Г. Невзоровым, называющим христианство агрессивной религией (очевидно, он не разделяет православие и католицизм, а также не рассматривает вопрос взаимодействия религий в историческом аспекте). Если монах с Афона или эфиопский христианин-затворник — агрессоры, то *кто* тогда радикальные мусульмане и ваххабиты, шахиды, террористы, сепаратисты в своей сущности?.. Можно подумать, что православные священники или послушники способны заложить бомбу на железнодорожном вокзале или в троллейбусе. Нет, что-то путает некогда популярный ведущий передачи «600 секунд». Вопрос состоит в том, что религия не должна слишком активно вмешиваться в светскую жизнь, но с другой стороны, как не вмешиваться, если в некоторых странах уже разрешены однополые браки, да еще и детей им дают на воспитание. Геи и лесбиянки отстаивают свои права, но мало кто знает, что у мухдрозофил тоже встречаются половые извращения, научно доказана взаимосвязь этих извращений с умственной отсталостью данных насекомых. Хотите быть геем? Очевидно, вам просто надо долго лечиться в психиатрической больнице.

В ситуации всемирного падения нравов православие не может не вмешиваться в устранение вездесущего разврата и слабоумия, ведь есть очень деликатные вопросы современной жизни. Например, эвтаназия. Если огульно развязать политикам, чиновникам, правителям и депутатам руки, устранить нормы, в том числе религиозные барьеры, то завтра будет узаконена и педофилия, и сексуальное насилие, и пр. В классической литературе (от Ф. М. Достоевского в «Бесах» и А. И. Куприна в «Морской болезни») и прозе современных лет это подробно обрисовано до высшей степени отвращения. Хотите еще более жестоких «бесов»? Они явятся, если их вовремя не удержать.

Другой вопрос состоит в чувстве такта, и, если слово «Бог» употребляется при каждом удобном или менее удобном случае, этому слову цена невысока. Куда более сложно обстоит дело с перспективами религий: возможно, в связи с новыми глобальными потрясениями миру будет явлен очередной «Спаситель», более актуальный и прогрессивный, но с учетом тенденций в научно-техническом развитии вера в чудеса с годами будет только слабеть. Требуется что-то принципиально иное. Попытки

формирования новой религии были (это и советский коммунизм, и идея сверхчеловека Ф. Ницше). Участь религиозного изгнанника была уготована и Л. Н. Толстому. Что может полноценно заменить религию?.. Пожалуй, только какая-то идея. Не исключено, что это может быть и концепция *ноосферы*. Идея глобализации, однополярного мира, как я уже отметил, изначально ущербна. Не исключено также, что все-таки упомянутые выше гуманоиды к нам когда-нибудь прилетят, и, дай Бог, чтобы они не устроили высшего суда по результатам оценки моральной ценности каждого отдельно взятого землянина.

Наука тоже, следует полагать, не может полностью избавиться от религии, особенно в вопросах новых методов генетики, биотехнологии, медицинских технологий, клонирования, получения генетически модифицированных организмов и т. п. Нужен качественно слаженный синтез, основанный на знаниях моральных норм. Без научного прогресса же дальнейшее существование Земли, выражаясь словами В. Н. Финогентова, *не имеет гарантий*, оно трагично, однако что могло бы произойти с человечеством, если бы оно овладело источниками сверхэнергии (научилось управлять термоядерным синтезом, плазмой и пр.), научилось склеивать любой генотип из существующих фрагментов (генов и лоскутков ДНК), отыскало наконец-таки неземной разум и позаимствовало у него идеи, знания, философию, технологии и т. д.

В этой ситуации роль ученого и творца-писателя (гуманиста, моралиста, интеллектуала и пр.), выводится на первый план, прозаики (и особенно поэты) больше не могут быть безответственными «бумагомарателями», в перерывах между сочинительством занимающимися употреблением спиртных напитков и поиском очередной «музы». Роль писателя возрастает до космических высот, он больше не может быть голодающим маргиналом, взявшимся за перо от безысходности или по причине желания попробовать себя в чем-то новом ближе к пенсионному возрасту. Творческая работа должна быть сопряжена с каждодневным каторжным трудом не только над текстами, но и над самим собой, иначе как писать о нравственности, если, как стало модно говорить, нет «соответствующих компетенций». Герой нашего времени должен начинаться в самом себе, а потом уже — появляться на бумаге. Создать такого героя по силам только человеку посвященному, глубокому, богатому духовно и интеллектуально, прозорливому, чувствующему других людей, а может быть, даже умеющему читать нечто коллективное из *ноосферы*, из космического информационного поля, человеку, знающему коды и пароли при подключении к «небесному разуму», как фантастично это ни звучит. Настоящее творчество — всегда Тайна.

Из всего этого складывается один большой и важный вывод: героем нашего времени может быть только Гений, который впитает в себя десятки прототипов — ученых, поэтов, сподвижников, гуманистов и т.д. Герой этот должен быть *универсальным*, а с учетом объединения государств в единую планетарную силу он все-таки ни в коем случае не должен быть националистом, нигилистом (такой пример уже был у И. С. Тургенева). Любовь, Добро, Разум — основные благодетели, которые следует отстаивать в своих произведениях, усиливая и облагораживая их в ракурсе современных коммуникаций и возможностей. Новый герой должен быть наделен многими качествами, свойственными для высокоразвитого человека, но он, в силу уже упомянутых обстоятельств деградации и развращения общества, должен как-то пронести свою душевную чистоту и человечность через трагический, «негарантированный» мир. Хотя, может быть, кто-то скажет, что герой нашего времени и вовсе никому ничего не должен: он самодостаточен, как «вещь в себе». Как бы то ни было, в современном романе должно быть несколько главных героев, подчиненных четко выраженным градациям, а возможно, даже идеологиям: абсолютно злой, промежуточный (или промежуточные) и абсолютно добрый, положительный герой. Кроме того, малая проза не обязательно должна вбирать в себя сложные психологические типы и сюже-

ты, философские концепции и только положительных героев. Через образ отрицательного персонажа автор отчасти может ярко показать: *так* или *иначе* поступать нельзя. Современный рассказ, написанный по классической схеме, может излагать какое-то небольшое событие или историю. В этой ситуации, в зависимости от жизненного опыта автора, можно вообще придерживаться принципа «без героя», но в этом случае речь уже идет о лирическом герое, вопросе весьма сложном для современной поэзии с теоретической точки зрения, и чем сложнее и богаче внутренний мир автора, тем сложнее этот лирический герой, тем многограннее и глубже его концептуальные метафоры (подробно о концептуальных метафорах можно прочитать в монографии профессора Л. В. Калашниковой*). Так или иначе, вопросы героя нашего времени и лирического героя пересекаются.

Мной неоднократно делались попытки высказывания сложных вещей в достаточно простой поэтической форме на тему планетарного преобразования и нового Космоса, лирического героя и предназначения литературного творчества. По сути, стереотип «*жечь сердца людей*» тоже в определенной степени устарел, о чем уже было сказано в моем творчестве (слишком часто сердца людей страдают и без поэтического огня, а разрушать — не строить, тем более целую планету). Однако в современной русской поэзии *космизм* встречается крайне редко (стоит вспомнить С. Есенина и его «*Земля — корабль! Но кто-то вдруг...*», вспомнить известного только узкому кругу специалистов ученого и поэта А. Л. Чижевского, автора *гелиобиологии*). При этом современная проза уже не может существовать без объединения усилий по сохранению жизни и совести на Земле, без проблемы сохранения экологии, поскольку от нее напрямую зависит спасение всей планеты (оно, как уже было отмечено, зыбко и сомнительно), без утверждения этичного отношения не только человека к человеку, но и ко всему живому и неживому миру.

Именно на человеческом добре зиждется смысл литературного творчества и на том, чтобы донести его до каждого сердца. Впрочем, нет единого мнения о принципах написания ни романа, ни повести, ни стихотворения. На то мы и люди, чтобы отстаивать свое мнение, а новый вид (тип) людей, независимо от названия (*homo noospheres, homo morales)*, все-таки рано или поздно появится. Вопрос только в том, каковы в этом будут гарантии в связи активизацией литературного творчества и поиска героя XXI века...

Андрей Шендаков, профессор,
член Союза писателей России, Орел

НА ПУТИ ОТ ЧЕЛОВЕКА

«Искусство... соткано из хитросплетений диалектически противоположных начал — материального и духовного, рационального и иррационального, объективного и субъективного, логичного и алогичного, сконструированного и сотворенного, рассчитанного и угаданного...»

А. В. Волошинов

Древние математики, открывшие таинственный, влекущий и загадочный мир чисел, надо думать, были бы поражены современной дискуссией об оцифрованном че-

* — Л. В. Калашникова Метафора и когнитивно-дискурсивное моделирование действительности.— Орел, 2008.— 304 стр.

ловеке. Такая мистика им и не снилась в самых божественных откровениях. Неужели пифагорейское учение о числе, направленное к человеку и открывающее его, пройдя многотысячелетнюю историю, собралось в обратный путь?

Или, как писал Л. Н. Гумилев: конец — и вновь начало? Просто, мы на этапе перехода от биосферы к ноосфере. И там уже будет царство разума, отпадут все мелкие и крупные недоразумения. Жаль только жить в эту пору прекрасную... Как-никак, а топать еще лет восемьдесят-полтораста. И дойдем ли?

А. А. Яшин в своих статьях не раз подчеркивал: *«История человечества... творится по общим законам мироздания, действие которых, особенно в части прогностики, человеку знать не дано... и никогда не будет дано».* Не только двумя руками за это положение, но даже предлагаю ввести в общие законы мироздания. Но тогда откуда уверенность в будущем ноосферного человека? Человечество, как отмечает А. А. Яшин, в своей истории уже не раз мечтало об идеале и подкрепляло мечту очень солидными и убедительнейшими теориями. Человек религиозный, человек социалистический, человек нацистский... Правда, последнего вряд ли можно назвать человеком, но теории были.

Мне нравится учение Вернадского. Убедительная и очень красивая теория — а есть ли лучший критерий истинности? И, думаю, вернее, верю, что ноосферное будущее человечества обязательно настанет. Но не сидеть же, сложа лапки на груди, и не ждать же! Как-то надо жить здесь и сейчас, что-то же надо делать. Собственно этому извечному русскому вопросу и посвящена статья А. А. Яшина «Герой нашего времени» в оцифрованном человейнике», предлагающая широкую дискуссию, затрагивающую самые различные сферы бытия, науки и искусства. Ох, в какое сложное время мы живем! Как бы хотелось чего-нибудь попроще. Но нынче эта несвятая простота спускается разве что на цифруемого всякими сетями человека, а таких уже 92 % (оценка А. А. Яшина). Остальным 8—9% приходится думать и сжиматься сердцем в тревоге не только за отдаленное будущее.

В данной статье хотелось бы поразмышлять о литературных аспектах происходящих процессов. А. А. Яшин считает, что переход в ноосферу начался и его осязаемым признаком является глобализация. Оставив в стороне экономические, административные, религиозные и другие социальные стороны этого явления, в том числе и принудительное оцифрование, попробуем представить, что принесло и несет эта почти неуправляемая стихия русскому языку и литературе. Понятно и миру, но меня, прежде всего, волнует судьбы моей родной культуры.

Единое человечество — единый язык. И мы уже с вами догадываемся, о каком именно идет речь.

Интересно, что в начале социалистической идеи вопрос о едином языке возникал, но понимался как искусственный, сконструированный лучшими полиглотами и лингвистами. В детстве я еще застал кружки эсперанто и даже переписывался. Языки эсперанто и другие, более продвинутые модели, представлялись мне верхом совершенства, вобравшими все лучшее из мировых языков, и, казалось, вот-вот завоюют мир. Не получилось. Более того, попытки эти напрочь забыты и вряд ли к ним когда-нибудь вернутся.

На дворе, крепко опираясь двумя ногами на землю, стоит со всеми своими достоинствами и недостатками совершенно естественный, никем не придуманный и не навязанный, английский. Как мощное средство, а в какой-то мере и цель, глобализации. Пока еще в основном используется в межнациональном общении. Но тенденции очевидны и, ох, недалеко время... Так ирландцы, несмотря на сильные националистические настроения, упорно говорят на английском.

А в русской литературе все чаще появляются обороты типа «Я буду обратно че-

рез полчаса». Или того почище: «Мы взяли рейс на восемь тридцать». Согласитесь, рожденный в русском языке никогда так не скажет, но, прочтя такое и не один раз, может быть, так и заговорит. Или даже начнет мыслить не по-русски?

А может быть, ничего страшного? Не слишком ли сильно наказал Господь строителей Вавилонской башни? Сейчас на Земле бытует около шести тысяч языков и проблемы с пониманием явно существуют. А то — один на всех и никаких недоразумений. И оцифрование пройдет значительно легче.

Почему же мы так отчаянно сопротивляемся любой языковой экспансии? Что бережем? Что так боимся потерять?

Я сказал «мы», объединяя народ. Но, увы, мы далеко неоднородны. И уже немалая часть так называемой интеллигенции, слабо связанной с родной культурой, Советская власть их называла космополитами, с легкостью переходят на иной язык и меняют родину не испытывая особой ностальгии — а что? Родина — это там где мне хорошо. Правда, согласитесь, они и здесь были не слишком своими. (В статье «Нечтение — угроза национальной безопасности», ПЗ № 4 2013 г, автор касался проблемы апатридов).

Но основная часть истинной национальной интеллигенции упорно держится своего языка, своей культуры, своих обычаев — в общем, своего. И, чувствуется, не отдаст ни за какие материальные блага.

Почему? Почему рассматривает незавершенность Вавилонской башни не как наказание, а как божий дар?

Понятно, язык формирует народ, его национальное мышление. Если бы не существовало проблемы перевода, если бы один язык легко укладывался в другой, то особой проблемы введения единого языка просто не было бы. И мыслили бы все одинаково. И литература была бы однородна. Однако проблема существует, и адекватного перевода мы, по всей видимости, не дождемся никогда.

В чем же дело? Почему, не задумываясь, переводим стол — table, а вот «*Куда как весело! Вот вечер: вьюга воет*...» перевести, наверное, так никогда и не удастся. Ну, как вы переведете этот божественный звук «в», позволяющий буквально услышать и ощутить завывание родной зимы?

Еще раз подчеркну: мы касаемся очень широких вопросов, даже целых наук. Но сейчас нас будут интересовать в основном литературные и языковые аспекты.

В любом языке, с той или иной развитостью, литературоведение различает три составляющих с очень широкой амплитудой пересечений.

На первом месте, конечно же, *естественный* язык на котором и производится акт коммуникации. Другими словами тот самый язык, на котором мы с вами разговариваем. Русский, английский, французский... И еще несколько тысяч. И хотя естественный язык, живой и довольно быстро меняющийся, захватывающая тема, задерживаться не будем, интуитивно вроде бы ясно.

Второй вид — *искусственный*. То есть язык созданный человеком для обозначения неких явлений, понятий, построений выделяемых его мышлением. Прежде всего, это язык науки с формулами, аксиомами, леммами, теоремами. Не будем останавливаться и на нем, хотя тема не менее захватывающая. Отметим только, что языки науки всегда и явно стремятся к интернационализации и независимости от естественного. Влияние искусственного языка на человеческий менталитет огромно, но именно в связи с его интернациональностью рассматривать не будем.

И, наконец, самый таинственный и сложный, — *вторичный*, надстраивающийся над естественным и образующий множество смыслов, реализуемых при прочтении в меру знания этого языка. Это язык *художественный*, который может и должен непрерывно развиваться, а мы поспевать его учить.

Но как учить язык, существующий только в нашем воображении?

Прежде всего, каждому следует убедиться, что он существует. Ибо умеющий читать на естественном языке не испытывает особой недостаточности, так как *содержание* прочитанного более или менее уясняет. Но содержание можно передать куда короче, чем это делают писатели. Как-то в интернете наткнулся на пересказ «Илиады» Гомера — что-то около странички. Так стоит ли читать утомительно-однообразные гекзаметры? И «Войну и мир» можно одолеть минут за пять-семь.

Но у прочитавшего оригинальное произведение никогда не возникает вопрос, зачем он это сделал. Более того, он чувствует себя куда богаче, чем был. А вот тот, кто ознакомился с содержанием, такой вопрос себе вполне может задать — ну, и на кой черт мне все эти одиссеи с илиадами? Разве что в разговоре блеснуть...

Особое значение приобретает вторичный язык в поэзии, с которой начинается литература, да, пожалуй, и все искусство. В стихах приобретает значение каждое, даже самое незначительное слово и может переиначить *содержание* стихотворения даже на противоположное. Недаром сказано — для прозы слово средство, для поэзии — цель. Поэзия — школа и лаборатория слова. И не прошедшие эту начальную и одновременно самую высшую школу вряд ли глубоко проникнут в художественный язык.

Попробуем привести пример. Е. Баратынский:

Недаром ты металась и кипела,
Развитием спеша;
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа!

И тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь: а оно

Бессмысленно глядит, как утро встанет,
Без нужды ночь сменя,
Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,
Венец пустого дня!

Центром стихотворения безусловно является незначительное в обычной речи неопределенное местоимение «*оно*». Первым, насколько я понимаю, обратил внимание на это потрясающее *оно* Е. Эткинд («Материя стиха»).

На примере стихотворения наглядно видно, что без вторичного языка не поймешь и первичный, то есть не прочтешь и содержание стихотворения. В самом деле — что значит *оно*? Что *оно*? А ведь Баратынский применил, по-моему, все средства выделения этого слова в стихе. *Оно* и акцентированная рифма, и отделено от следующей строфы двойной паузой — концевой и межстрочной, и, поскольку в русском языке безударное *о* читается как *а*, приходится делать паузу и впереди — иначе *а* сольются. Кроме того, в нарушение синтаксического и смыслового единства строчек всего стихотворения, здесь предложение ломается и переносится даже не на следующую строчку, а в следующую строфу.

Так что же это за *оно*? Придется внимательно перечитать и, может быть, не один раз. И откроется.

Поскольку в предыдущей строфе противопоставлены душа и тело, а тело средне-

го рода, то очевидно, что *оно* это тело. Но местоимение отстоит от существительного почти на пять строк и за это время начинает жить уже самостоятельно, вбирая в себя множество значений, вплоть до фрейдистских. Противопоставленное обращением «*ты*» к душе, *оно* приобретает и пренебрежительный и отстраненный характер, почему и затрудняет мгновенное понимание. Становится понятен и трагический разрыв между плотью и духом, так характерный для нашей поэзии, и бессмысленность жизни тела после смерти души уже свершившей свой подвиг в подлунном мире, то есть прожившей земную жизнь.

Оставим читателю прочтение этого стихотворения. Художественный язык есть совместное творчество писателя и читателя и смысл стихотворения всегда индивидуален. И читателю совсем необязательно вдаваться в тонкости литературоведения. Развитый читатель поймет и выделение, и акцентирование, и самые глубокие чувства и мысли. И испытает ни с чем несравнимое наслаждение.

Нам сейчас важно понять, что вторичный язык существует и составляет основу национального мышления и речи. Я совершенно не представляю, как можно перевести Е. Баратынского, скажем, на английский, вообще не знающего родов.

Чтобы понимать язык его надо знать. Как же быть с художественным? Выучить его нельзя, но понимать можно. Для обычного читателя — если таковой бывает; чтение всегда индивидуально, а значит и уникально, — этот путь познания начинается с «Мойдодыра», «Дяди Степы», Агнии Барто и, постепенно усложняясь, продолжается всю жизнь. Тот, кто заразился чтением — лучше в детстве, но не поздно никогда, — любовью к нему компенсирует многие незнания. Кстати, большинство в той или иной мере обращаются к критике и литературоведению хотя бы на уровне предисловий и послесловий, расширяя свое понимание. И, как сказал кто-то из великих, находят в литературе друзей в пространстве и времени.

Однако с художественным языком не все так просто. Соавторство читателя делает его трудноуловимым. Каждый понимает по своему и, естественно, высказывается на том или ином уровне — на кухне или в журнале «Вопросы литературы». Иногда разночтение даже высочайших читателей столь огромно, что даже как-то и не верится.

Приведу пример довольно резких мнений, высказанных такими корифеями как Владимир Набоков («Лекции по русской литературе») и Иосиф Бродский («Катастрофы в воздухе»). И тот и другой касаются таких, казалось бы, незыблемых авторитетов как Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский.

Толстым В. Набоков восхищен. Изысканной метафорой с внезапным раскрытием штор и ярким освещением аудитории, Лев Николаевич буквально становится светочем русской и мировой литературы, с чем трудно не согласиться.

А вот Федор Михайлович... Набоков решительно требует считать романы Достоевского детективами, иначе он с нами и разговаривать не хочет. И в дальнейшем всемирно известный и признанный писатель предстает не слишком умелым с мрачным христианством и какой-то неудобоваримой философией. Вот вам и художественный язык, который в таком разборе уходит куда-то за пределы произведения. Я даже кинулся перечитывать «Бесы» — неужели так ошибался? Но через пару страниц отлегло — необыкновенная проза захватила вновь.

Не будем спорить с литературоведом Набоковым, но будем с его мнением считаться — все-таки, прежде всего, Владимир Владимирович большой и оригинальный писатель, классик двух литератур — русской и английской, и после его лекций мы глубже поймем его собственную прозу. Остановимся только на одном моменте его построений.

Мне кажется, что В. Набоков путает литературный прием с литературным жанром. В детективе главное все-таки расследование, которое у Достоевского присутст-

вует фактически формально. Ну, какое расследование ведет Порфирий Петрович? Он даже и не пытается доказать, что Раскольников убийца. Нет, Порфирий Петрович скорее не следователь, а мудрец, философ, помогающий Раскольникову встать на путь очистительных страданий.

Даже в наиболее «детективном» романе «Братья Карамазовы», в котором убийца обнаруживается в самом конце, вдруг оказывается, что вся эта фабула лишь антураж, а главное все тоже — очищение через страдание. Набокову мешает острота фабулы, но в тех же лекциях он говорит, что настоящее чтение — перечитывание. Очень точная и мудрая мысль. А романы Достоевского хочется перечитывать, даже хорошо зная, чем все кончится. Вряд ли вы еще раз возьмете в руки детектив, с первых строк зная убийцу.

В. Б. Шкловский отмечал, что литература есть сумма приемов. И путать жанр с приемом довольно опасно. Так можно объявить «Золотой осел» Апулея, «Гамлет» Шекспира, «Фауст» Гете фантастикой или даже фэнтази. Представляете, вы покупаете «Мастер и Маргарита» в серии «Сто лучших фантастов мира»! Каково будет ваше читательское ожидание? И так ли вы прочтете книгу?

Но мы отвлеклись. Итак, по Набокову Толстой это хорошо, а Достоевский...

Иосиф Бродский совершенно противоположного мнения. Его не устраивает реализм Толстого как ведущий литературу явно не в том направлении, которое видится Бродскому. И очень сожалеет, что русская и советская литература следует в основном за Толстым: «Она пошла вниз по извилистой истоптанной тропе миметического письма и через несколько ступеней — через Чехова, Короленко, Куприна, Бунина, Горького, Леонида Андреева, Гладкова — скатилась в яму социалистического реализма».

А вот по трудному пути бездонного языка Достоевского, считает Бродский, пошел разве что один Андрей Платонов. Я с юности восхищался и «Котлованом», и «Чевенгуром», и «Рекой Потуданью», но никогда в голову не приходило противопоставлять Платонова Чехову и Бунину. Они разные, но все гениальные. Опять-таки не следует судить один жанр с точки зрения другого. Автор сам устанавливает правила своего произведения. Воля ваша принимать их или нет, но отрицать?

Но мы опять отвлеклись. Да можно ли не отвлекаться, говоря о любимом предмете, составляющим значительную часть человеческой жизни!

Итак, я попытался доказать то, что давно и хорошо всем известно — художественный язык существует, хотя воспринимается, как мы видим очень по-разному. И что он глубоко национален, так как развивается на естественном языке народа, создавшего собственную литературу. Обратным ходом вторичный язык возвращается в естественный, меняя и обогащая и наше мышление, и лексику, и нашу речь. И это происходит не только при чтении родных книг, но и зарубежной литературы в переводе или оригинале. Постоянное сравнение с национальным опытом значительно расширяет и обогащает собственный язык — как естественный, так и вторичный. Другими словами знание иностранных языков и литературы еще никому не повредило.

Но как быть с разночтением?

Дело усугубляется еще и тем, что все писатели пишут по-разному, если не считать эпигонов и графоманов. Критикам ужасно хочется все многообразие привести к какому-то знаменателю и выделить что-то общее, позволяющее сопоставлять. Обычно дело сводится к *методу*. И вдруг совершенно обоснованно оказывается, что в те или иные времена господствовали классицизм, романтизм, реализм, критический реализм и так далее сменяя друг друга. В настоящее время А. А. Яшин в ряде статей призывает к *новому критическому реализму*, на смену социалистическому. Трудно не согласиться с этим предложением. Я даже никаких альтернатив в настоящее, очень противоречивое, время просто не вижу.

Но одно дело критик, пишущий по уже написанному, а другое — писатель перед чистым листом.

Безусловно, писатель должен глубоко разбираться в процессах, происходящих в литературе и жизни и, уж конечно, знать и понимать методы писаний, их историзм и насущные требования времени. Но писать должен только то, *что* хочет и *как* может, то, что его глубоко волнует и как он ощущает трение собственной души о время. А что получится... Тут уж будут рассуждать читатели и критики. И если писатель в наше время написал от души, то я уверен, с удивлением или без обнаружит, что писал именно методом критического реализма, который до написания должен был хорошо понимать. И писания его будут исключительно национальны, на том самом вторичном языке, свойственным русской литературе. Все это он должен *знать*, но заранее задаваться методом, темой, стилем никак не может. Что уж получится... Более того, написанное должно быть неожиданностью не только для читателя, но и для него самого.

Свидетельством сказанному является переписывание, а то и неоднократное.

Блез Паскаль хорошо сказал: «Только кончая задуманное сочинение, мы уясняем себе, с чего нам следовало его начать». И Пушкин в конце своего бессмертного романа признавался: «И даль свободного романа / Я сквозь магический кристалл / еще неясно различал».

Тут читателю следует разобраться, с каким писателем и с каким произведением он имеет дело, иначе художественный язык может быть неправильно воспринят. Разговор идет о профессионализме. Не в том смысле профессионал или любитель перед ним, это-то как раз определить не слишком сложно — достаточно прочесть несколько страниц. Речь о разнице между самыми серьезными писателями.

Слово «профессионал» звучит солидно и симпатично. То есть автор знает свое дело и ему можно доверять. Но в искусстве не все так просто.

Первое определение профессионализма я получил весьма комичное, но характерное для тех времен. В самом начале девяностых в Москве (я тогда жил на Украине, в Донецке) были опубликованы мои стихи. Для провинции это событие, и один член Союза советских писателей откликнулся местной достаточно благожелательной заметкой, но которая начиналась так: «В то время, когда даже нам, профессионалам, редко удается опубликовать хотя бы несколько строчек...» Я кинулся к телефону: «Ты что же, не считаешь меня профессионалом?» И получил чеканный ответ: «Но ты же за это деньги не получаешь!» Сегодня, когда большинство серьезных писателей не только не получают, но еще и выкладывают свои, по данному определению профессионалов будет довольно трудно отыскать.

Но если говорить серьезно, следует различать профессионалов и художников, весьма ответственно относящихся к своему труду. В чем разница? Профессионал знает, *что надо писать и как надо писать.* А вот художник не то чтобы совсем не знает, но сильно сомневается и «даль свободного романа» ему видится в довольно «смутном сне». Тема эта восходит к Белинскому, который еще в 1845 году сетовал, что в русской литературе «больше гениев, нежели талантов», а таланты, читай профессионалы, «имеют большое влияние на толпу». Уверен, что литературе нужны и те другие, но различие все-таки делать надо.

Мы сильно отвлекались, но все-таки основная мысль прослеживается — естественный и художественный языки — именно вкупе! — самым существенным образом определяют национальное мышление. Особенно важно осознать это нам, которым русский язык родной. В нашем народе литература, начиная с Ломоносова, а то и ранее, всегда занимала особое и очень значимое место, по большей мере определяя и менталитет, и политику, и даже экономику. Да что там говорить — революции делала!

Но занимает ли сейчас? Увы, интерес к чтению стремительно падает. Мы уже далеко не самая читающая страна мира.

Думается, что снижение объема чтения современным человеком процесс естественный, и я совсем не призываю вернуться в советские времена. Появились многопрограммное телевидение, интернет, разнообразные игры — да мало ли чего. Но, по всей видимости, существует некоторый предел снижения чтения, ниже которого нельзя опускаться. Вначале было Слово, оно же остается и сейчас и на все времена. Без художественного слова упрощается и огрубляется речь, что мы уже наблюдаем особенно у молодежи, и, конечно же, снижается мышление.

Но причем здесь глобализация и оцифрование? — спросите вы, вспомнив начало статьи. Думается связь здесь есть и, может быть, более глубокая, чем кажется на первый взгляд.

Нас, конечно, будет интересовать, как глобализация касается России. Держа в уме политические и экономические стороны процесса, сосредоточимся на гуманитарных процессах ибо, по моему глубокому убеждению, именно искусство определяет процветание, а не экономика. Бытие, безусловно, определяет сознание, но прежде все-таки сознание определяет бытие.

Для меня процесс осознания глобализации начался с одной передачи радиостанции «Свобода» в перестроечные годы, когда мы слушали уже без идеологического глушения. Я не поверил своим ушам, когда приятным и радостным баритоном Борис Парамонов во всеуслышание заявил «Русская литература умерла!».

До этого заявления я привык слушать, даже через завывания глушилок, «Свободу» как носителя свободного слова, никак не связанного с идеологией. Парамонов заставил задуматься и многое пересмотреть.

Здесь невозможно не коснуться политики, но что поделаешь, литература давно стала общественным явлением, и она, и ее затрагивают все стороны человеческого общежития.

Противостояние Запада и России наблюдаем уже лет пятьсот и в основном в одностороннем порядке. Россия, во всяком случае, на Запад не напирает. Более того, так уж устроена Россия, таков ее вековой менталитет, что вбирается все лучшее, предлагаемое другими народами. При этом все мгновенно становится русским. А. А. Яшин отмечает, что русская литература началась несколько позже западной и что ей не привыкать и догонять, и перегонять. Но никогда серьезная русская литература не подражала. Говоря о М. В. Ломоносове, первом нашем поэте, Н. В. Гоголь («В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность»), отмечая, что Ломоносов «Впопыхах занял у соседей немцев размер и форму, какие у них на ту пору случились...» Но! «Изумительнее всего то, что, заключив стихотворную речь свою в узкие строфы немецкого ямба, он ничуть не стеснил языка...» и даже: «Изумительно то, что начинатель уже явился господином и законодателем языка». Русского литературного.

Запад же не всегда, мягко говоря, адекватно воспринимает русскую культуру и русский народ. Почему? Ответ мне, мне кажется, не лежит в плоскости геополитического положения России, ее просторах, неисчерпаемых ресурсах и тому подобное, хотя все это имеет огромное значение, в том числе и для формирования менталитета российских народов. Не лежит он и плоскости веры. Все это поводы. Прежде всего, Запад всегда ощущал: мы не такие, как они. Причем это отличие настолько непонятно, что порой воспринимается как угрожающее. Конечно, Запад не однороден — французы не немцы и не англичане, а те в свою очередь не американцы, хотя их и породили. Однако различия между ними не носят непроходимого характера — так, обычаи, ритуалы, некоторые особенности ландшафта и так далее. В основном, несмотря на неизбежные противоречия, они друг друга понимают. А вот русских — не всегда. И виновата здесь культура или, если хотите, *художественный язык и мышление* народа.

Тема эта слишком сложна, обширна и противоречива, чтобы обсуждать в данной статье. Остановимся на способах этой непрестанной борьбы.

В принципе способов два: силовой — разрушение, насаждение своих порядков, культуры, веры и так далее, — и идеологический, то есть разрушение изнутри. Силовые попытки были, но явно провалились — Россия становилась только крепче. А вот попытки решительно повлиять на нашу культуру и наше мышление не прекращались никогда. При этом Запад применяет двойственную тактику — общение на высшем уровне и воспитание собственных народов и нашего. На это, по-моему, первым, обратил внимание поэт и дипломат Ф. И. Тютчев в статье «Россия и Германия», писанной по-французски в Мюнхене в 1844 году. Статья Тютчева ныне полузабыта, вспоминается разве в связи с наследием великого поэта — а жаль! Размышления, на мой взгляд, совершенно не потеряли актуальности.

Тютчев отмечает: «...вот два направления, вполне противоположных (разъединение очевидно и возрастает ежедневно): с одной стороны, у вас государи, правительство Германии, с их строгою обдуманною политикою, с их определенным направлением; с другой, этот второй владыка нашего времени — общественное мнение, которое склоняется туда, куда влекут его ветры и волны». И куда же? «То государство, которое великое поколение 1813 г. приветствовало с благодарным восторгом... удалось с помощью припева, постоянно повторяемому настоящему поколению при его нарождении, почти удалось, говорю я, эту же самую державу преобразовать в чудовище для большинства людей нашего времени, и многие уже возмужалые умы не усомнились вернуться к простодушному ребячеству первого возраста, чтобы доставить себе наслаждение взирать на Россию, как на какого-то людоеда...»

Эта политика продолжается до сих пор и, надо признать, довольно успешно. На удочку попадаются и наши либералы, и наши руководители. Разве Советский Союз развалился только из-за цен на нефть, низкой производительности труда и других экономических показателей? А не прежде ли всего потому, что Горбачеву ужасно нравились «дружеские» отношения с западными лидерами, похлопывания по плечу и одобрения типа «рус карашо»? А население так и продолжает относиться к нам как к дикарям.

Бог бы с ним, с Западом, пусть бы резвился, сочиняя о нас дикие мифы и легенды, не брезгуя самым откровенным враньем. Чем бы дитя (недаром Тютчев говорит о «возмужалых умах», вернувшихся к «простодушному ребячеству») не тешилось, лишь бы не воевало. Но ужас заключается в том, что это «ребячество» находит довольно многочисленных сторонников внутри России! Очень даже желающих покончить с непонятным им *художественным языком*, с нашими гениями и обратиться к западным «талантам». И вот — наконец! — «Русская литература умерла!» А ведь если наша умерла, то какая-то осталась? Какая?

Не будем обращаться к вековому противостоянию западников и славянофилов. Тема видимо никогда не исчерпается, если только запад не победит. В этом противостоянии, как мне кажется, ни те, ни другие не стяжали себе особой славы. Западники понятно почему, а вот славянофилы... Обратимся еще раз к статье Тютчева: «Что же касается... до так называемых защитников России, то они, конечно, искренние, ... но они уж слишком просты...» Федор Иванович считает: «Истинный защитник России — это история; ею в течении трех столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которыми подвергает она свою таинственную судьбу».

В последней цитате очень примечательно неупоминание Запада — всем испытаниям Россия *сама* «подвергает свою таинственную судьбу». И я не склонен видеть в наших литературных и не только бедах, сложных и тяжелых перипетиях нашего времени, «происки Запада», искать «агентов влияния», «пособников» и тому подобное. Не лучше ль на себя оборотиться?

Давно пал «железный занавес», Россия не изолирована, границы открыты, и мировые процессы глобализации не могут нас не затрагивать. Мы уже понимаем по-английски, привлекаем инвестиции, гранты и в какой-то степени интегрируемся в Европу. Но в том-то и дело, что Европа не примет нас такими, *как мы есть*, а только если мы станем такими, *как они*, и если с отличиями, то не больше чем французы от англичан. Разговор не об экономике — пусть интегрируется, глобализируется и, главное, поднимается до передовых; будем только приветствовать, — а об искусстве и, прежде всего, о литературе, ибо поэзия в основе всего. Можем ли мы пойти на глобализацию нашего искусства? Ответ на этот вопрос ох как не однозначен и требует глубоких размышлений. На любом пути мы что-то выигрываем и что-то проигрываем.

Не секрет, что наша литература уже неоднородна. Есть писатели, обласканные на Западе, и есть не слишком известные в своей собственной стране, несмотря на довольно качественные тексты. Трудно смириться с тезисом о смерти русской литературы, но то, что она больна практически очевидно. О чем свидетельствуют и дискуссии, проводимые «Приокскими зорями».

Трудно, очень трудно поставить диагноз нашей больной, ибо болезнь явно не одна. Но попытаемся хоть с чем-то определиться.

Прежде всего, вопросы, поднятые А. А. Яшиным в теме дискуссии о сбрасывании Пушкина с парохода истории. Просто удивительно, сколько «доброхотов», а вернее, злопыхателей муссируют эту тему. Чего стоит только «Перпендикуляр» Веллера! Мажутся грязью личности наших гениев, подвергаются уничижению великие тексты. Например, безапелляционно утверждается, что в пьесах Чехова ничего не происходит. Чтобы не повторяться сошлюсь на свою статью «Перпендикулярная плоскость Веллера» («Московский Парнас» № 6, 2013 г.), в которой я попытался разобраться в этом «перпендикулярном» литературоведении. Замечу еще, что кроме Веллера «сбрасывателей» хватает. Очень опасная тенденция, расшатывающая основы и традиции русской литературы. Практически разрешающая молодому поколению не только не читать классику, но и не стыдиться этого.

Очень тяжелое положение складывается в нашей поэзии, атакуемой с разных сторон.

Борьба с поэзией ведется со дня ее появления противопоставлением прозы как естественного языка. Слова, загнанные в определенный формальный порядок, у некоторых порождают, как у Штирлица, идиосинкразию к рифме. Отрицательно высказывались даже большие прозаики. Например, М. Е. Салтыков-Щедрин считал, что писать и читать стихи также неестественно как приседать на каждом четвертом шаге. При этом фаршированная голова или премудрый пескарь казались ему в литературе совершенно естественными.

Не будем вмешиваться в этот вековой спор. Тем более что он носит несколько схоластический характер. И сам Салтыков-Щедрин писал стихи, прежде чем понял, что это не его. Но школу слова прошел, и поэтика присутствует на каждой его странице.

Обратимся к дню сегодняшнему.

С одной стороны наша поэзия атакуется верлибром. Тут мы еще раз отвлечемся и попробуем почувствовать разницу между верлибром и русским свободным стихом. Конечно же, я хорошо понимаю, что верлибр в переводе и есть свободный стих, и чтобы избежать тавтологии снабдил определением «русский».

Русский свободный стих у нас всегда воспринимался как неотъемлемая часть всей поэзии, сохраняющей ее достижения. По Лотману в белом стихе отсутствует рифма там, *где она должна быть*, а в свободном стихе отсутствуют метр и рифма опять-таки там, *где они должны быть*. То есть русский свободный стих существует на фоне и в глубокой связи с рифмой. При этом внимательное чтение обнаружит и скрытый метр,

и — главное! — звук. Достаточно почитать Блока, или «Град на Первой Мещанской» Арсения Тарковского, или шедевр Михаила Кузьмина «Александрия».

Верлибр же понимается как отрицание рифмованной поэзии, как нечто, существующее отдельно от нее. Другими словами отрицающее вековые традиции, как бы начинающее на голом месте. А в таком случае отсутствуют какие-либо обоснованные критерии оценки и восприятия. Хорошо или плохо? Решают сами верлибристы и критики. И, пожалуй, главное, — а кто так не умеет? Особого таланта вроде не требуется, разве только наглость и умение толкаться локтями. Верлибр прекрасно переводится на любые иностранные языки и Западом очень даже одобряется.

Но верлибристкие наскоки, я думаю, русская поэзия выдержит, уж больно прочна ее основа.

Более серьезная опасность — так называемые «пародии», начавшиеся еще в шестидесятые годы. Телевизионно-эстрадные номера, вышучивающие неудачные, или показавшиеся таковыми, строчки неизвестных стихов и никакого отношения к собственно пародии не имеющие. Зачинатель этого жанра Александр Иванов, весьма, кстати, остроумный человек, придумал «пародии с эпиграфом». Чтобы читателю было понятно, что вышучивается, ибо стихи, как правило, неизвестны. Но пародироваться должны, прежде всего, стиль поэта, образность, звучание. И, в общем-то, пародия не обязательно должна быть смешна, хотя комизм, конечно, усиливает эффект. Великая школа русской пародии развивала именно этот путь и достигла немалых успехов. Вот, например (Б. Кежун):

Спит Земля и силы копит
чтобы были у нее.
Спит различное млекопит-
ающееся зверье.

Читатель мгновенно узнавал стиль Николая Заболоцкого, который пародист довел до гротеска с целью обозначения его пределов. И никаких эпиграфов не требовалось — знаменитое стихотворение знали все.

Для того чтобы пародировать стиль он должен быть. Как некий шаг в литературном процессе. Как же можно пародировать то, чего нет. Можно только смеяться...

Я был бы совершенно не против этих, порой очень остроумных шуток. Опасность заключается в том, что читатель привыкает смеяться над стихами, которые *не читал*. А это перекидывается на отношение ко всей поэзии. Это тоже инструмент глобализма, ибо умерщвление русской поэзии его цель.

Но и «пародии», и насмешки русская поэзия, думаю, тоже выдержит.

Главная опасность идет со стороны огромного и жуткого, практически не контролируемого потока стихотворного, и уже не только, графоманства, грозящего просто смыть поэзию. Слом советской системы открыл свободу печати и за свой счет или спонсоров появилось море печатной продукции массового читателя не имеющее, но заполняющее библиотеки, различные «литературные» объединения, кружки и тому подобное.

Да, советская печать была в тисках цензуры, литования и прочих рогаток на пути к читателю, и пробиться могли не слишком многие. И слава Богу, что эта система канула. Но кроме идеологической цензуры была и негласная цензура самих писателей — *мастерства*. То есть планка была поднята достаточно высоко, и ниже которой не опускались. Вот исчезновение этой «цензуры» просто беда.

Замечательный поэт Андрей Вознесенский в очень давней статье в «Литературной газете» насчитал в Советском Союзе что-то около миллиона любителей поэзии. Думаю, что поэт немного преувеличил, но имел в виду любящих и умеющих *читать*. Сегодня же миллион, если не больше, любителей *писать*. При этом очень не многих

из них можно назвать любителями поэзии. Вдруг оказалось, что писать значительно легче, чем читать. В конце концов, на поверхностный взгляд техника стихосложения не слишком сложна и доступна каждому грамотному человеку. А поскольку формальное объединение строчек всегда порождает дополнительный смысл, восхищению собой нет предела. «Вот стоит стол, Он опирается на пол...» — нет, ну как я сказал! И пишут, и пишут, и пишут... И печатаются.

И. Бродский говорил, что должен знать всю мировую поэзию, чтобы хотя бы не повторяться. Слова Бродского не следует понимать буквально, то есть прочитать все. Именно мировой поэзии не так уж и много, и ее обязан постичь тот, кто посвящает себя священнодействию. Должен же стихотворец знать и понимать, что до него были Данте, Пушкин, Блок, Пастернак, Рубцов. И что он просто обязан найти, пусть и неширокий, пусть совсем узенький, но свой путь, открыть себя.

К сожалению графоманство поощряют и литературные начальники. Несколько лет назад в каком-то телевизионном ток-шоу один редактор «толстого» журнала заявил: «В русской литературе сейчас около 15000 хороших поэтов. И каждый год появляются штук триста новых». Но что такое «хороший поэт» не пояснил. Видимо не делающий грамматических ошибок и умеющий считать слоги. Очень хотелось бы спросить у этого редактора — может ли быть собрание огромного количества редкостей? Поэт редчайшее явление, в чем нас убеждает собственная и мировая история и потому так ценно это звание. Еще Платон писал: «Поэт — существо легкое, крылатое и священное; и он может творить только тогда, когда сделается вдохновенным и исступленным и не будет в нем более рассудка...» Многие ли обладают этими качествами? А когда стихи не пишет только ленивый, а может быть именно ленивый и пишет от нечего делать, то и читатели, и критики перестают отличать ничтожное от великого. Недаром подборки стихов называют братской могилой.

Этот чудовищный поток представляет серьезную опасность и не стоит его недооценивать. Здесь мы сталкиваемся не столько с глобализацией, а с «оцифрованным человейником», собственно тоже порождение глобализации.

Можно разобрать еще множество симптомов болезни нашей литературы, но достаточно. Вернемся к главному вопросу — так допускать глобализацию в нашу литературу или охранять ее?

Боюсь, что от нашего с вами мнения мало что зависит. Жизнь бурлит и стремительно куда-то движется. Или катится. Остается уповать на слова Тютчева, что «Истинный защитник России — это история». Но историю творим мы сами и каждый должен сделать свой выбор.

Лично я свой выбор сделал давно. Я люблю русскую литературу, мне дороги ее традиции и достигнутый ею высочайший уровень. И думаю, что я не одинок. И никакая глобализация нас не переубедит. В конце концов, лет восемьдесят-полтораста еще есть. Русская литература всегда была направлена к человеку и «чувства добрые» в нем лирой побуждала. Сейчас, как мне кажется, она поворачивает на путь от человека, побуждая совсем другие чувства. Может быть, временно?

И закончить мне хотелось бы, как и предыдущую статью «Бумажная душа, компьютерное тело...», призывом А. А. Яшина, приобретающим в свете сказанного глубокий смысл:

«*...Пока есть возможность, (выделено мной) уважаемые авторы и читатели, сохраняйте и вы ценности традиционной художественной литературы».*

Иосиф Рухович, член Союза писателей России,
академик Академии российской литературы,
Томилино Московской области

«ЕСТЬ О КОМ ПИСАТЬ, БЫЛО БЫ КОМУ»

На одной из состоявшихся в ушедшем году встреч Владимира Путина со студентами, президенту из зала был задан такой вот вопрос: «Как вы считаете, стране сегодня нужны герои?» Ну, казалось бы, вопрос, как вопрос, ничего особенного. Президент, конечно же, ответил на него, как посчитал нужным, и продолжил диалог с молодежью на другие темы. Однако если хоть немного вдуматься в смысл вопроса, остается ощущение, прекрасно иллюстрируемое фразой из гайдаровского «Мальчиша — Кибальчиша»: «И все бы хорошо, да только что-то не хорошо». А что, собственно, тут нехорошего? С чего это аз грешный вдруг прицепился к реплике студенческой? А с того, уважаемые, что такая постановка вопроса и является, на мой взгляд, яркой иллюстрацией того самого «оцифрованного» или утилитарного мышления, о котором, в частности, идет речь колонке уважаемого главного редактора. Сразу оговорюсь, что тот, кто сию фразу изрек, ни в чем не виноват. Нынешние студенты — вчерашние дети, наши с вами дети, их жизнь сегодня — результат наших вчерашних «стараний», и, обвиняя их в чем-либо, мы автоматически предъявляем иск себе самим. Да и вообще, обвинять молодое поколение в некоей деградации не порядочно. Поэтому оставим наших детей, в том числе и студентов, в покое. Их образ мышления — продукт нынешнего времени. Но насколько же утилитарна сама конструкция реплики! И в самом деле, ведь она предусматривает как положительный, так и отрицательный ответы. И в случае последнего получается, что все самоотверженные поступки, совершаемые в повседневной жизни обычными рядовыми гражданами — дурь и блажь, не более. И слава Богу, что независимо от того, нужны государству такие люди или нет, их появление обусловлено самой жизнью, в реалиях которой человеку практически ежедневно приходится совершать морально-нравственный выбор по самому широкому кругу вопросов.

И хорошо, что это именно так, а не как-нибудь иначе. Ибо злосчастный вопрос можно и должно однозначно перефразировать: «Должна ли страна (точнее, все-таки,— государство!) создавать героев, нужных для достижения тех или иных целей?» Только так и никак иначе. Вот об этом спрашивать — еще куда ни шло. Таковых символических образов в свое время было создано немало, но эта тема, достойная отдельного разговора, а возможно и отдельного исследования, выходит за рамки данной статьи. А мужественные, смелые, благородные, сострадательные и просто добрые люди, вне зависимости от пола и возраста были, есть и будут, желает официальная власть того или не желает, нужны они ей или не нужны. Но образ мыслей множества современных людей уже построен так, что на первое место среди критериев оценки любого процесса, явления или конкретного шага, выходит «нужность», а точнее — целесообразность.

Вот ведь словечко! Скользкое такое, длинное, свистящее. Червяк белесый мне при его произношении представляется. Отчего? Да оттого, что прагматизм — дело конечно хорошее, но не до такой же степени! Понятно и бесспорно, что спасением людей, в частности, должны заниматься профессионалы! И пользы от действий специалистов больше! Но ведь бывают ситуации, когда любое промедление смерти подобно, когда счет идет на минуты, если не на секунды. Или самое разумное — снимать «горячее» видео на мобильник, оставаясь в остальном сторонним наблюдателем, а потом выкладывать ролики на You Tube? И в самом деле, никакой целесообразностью не измерить подчас конкретные действия конкретных людей: местных жителей, спасавших пассажиров самолета, упавшего в петрозаводском аэропорту «Бесовец», ивановских байкеров, бросившихся без раздумий на выручку жителей жилого дома, охваченного пожаром, семилетнего мальчика, спасшего, ценой собственной жизни, свою еще более малолетнюю сестру от рук грабителя и маньяка, де-

вятнадцатилетнего пограничника Жени Родионова, отказавшегося отречься от православной веры и принявшего мученическую смерть в плену от рук бандитского отребья во время войны в Чечне... Примерам этим несть числа, и никакой необходимостью государственной этот героизм не обусловлен. Слава Богу, доблесть и мужество, самопожертвование и отзывчивость, и еще множество благородных черт, свойственны нашим людям по-прежнему. И меркантильные расчеты, и резоны тут бессильны. И потом, даже во время оно т.е. когда так называемые «герои» могли быть, и порой бывали, очень даже «заказными», настоящие, тем не менее, появлялись вполне спонтанно, без руководящих указаний соответствующих партийно-советских структур.

Ведь не по указке горкома КПСС трижды спасал попавших в беду тот же Шаварш Карапетян, человек воистину героической биографии, и на горной дороге из Цахкадзора в Ереван, и на Ереванском водохранилище, и в спортивно — концертном комплексе столицы Армении. Конечно, неоднократный чемпион и рекордсмен мира по подводному плаванию всегда очень вовремя оказывался на месте трагедий, но ведь на то была, если угодно, воля Божья, и очень здорово, что именно такой профессионально тренированный человек помогал терпящим бедствие. Но это нисколько не умаляет заслуг Шаварша Карапетяна, проявившего лучшие качества души человеческой в столь внезапных и трагических обстоятельствах.

Однако, если честно, я вовсе и не об этом хотел говорить. Каюсь, намеренно утрировал рассуждения, сгустил краски. А все ради того, дабы понятно стало, что в любой исторический период, невзирая на происходящие коллизии, и даже — на отсутствие таковых (если сие возможно!), «герой нашего времени» объективно существует и в обыденной жизни присутствует. И зачастую он, такой вот «герой нашего времени» вовсе ничего экстраординарного не совершает. А приведенные выше размышления — лишь попытка проиллюстрировать действительно утверждающийся все более способ «оцифрованного» или утилитарного мышления и его абсолютной беспомощности при необходимости осмысления и обобщения того или иного явления, происходящего в человеческом обществе. И ведь, что интересно, подобный образ мысли отнюдь не прерогатива молодежи. Он распространен сейчас независимо от возраста и социального статуса. Можно развести руками, мол, «о времена, о нравы», и успокоиться. Но лучше все-таки попытаться разобраться в том, что и почему с нами происходит. Но прежде считаю нужным еще раз оговорить вот что: литературный «герой нашего времени», о коем у нас пойдет речь в дальнейшем, чаще всего разительно отличается от человека, совершившего некий героический поступок. Совпадения вполне возможны, правомерны, но, увы, совершенно не обязательны. Это уточнение необходимо как раз по причине господства утилитарного мышления, дабы меня не понимали буквально, ибо терминология — штука коварная и путаница в ней грозит участникам любой дискуссии взаимной глухотой.

Как-то раз, в разговоре с приятелем я, было, начал произносить невинную фразу: «Помнишь, как сказал Сократ...» Закончить мне не удалось, ибо товарищ мой тут же переспросил: «Кому сказал?» Вот так, — что произнес Сократ, его не интересовало, важнее оказалось, кому именно сия реплика была адресована. Налицо еще один пример абсолютно утилитарного образа мысли. Только данный диалог состоялся не вчера, а в довольно уже далекие восьмидесятые годы прошлого века. И ничего удивительного в этом нет. Меркантильность и утилитарность, а также, если угодно, излишняя предметность мышления в той или иной степени, были свойственны людям во все века и времена. Оно бы и ладно, в конце концов, каждый вправе по тому или иному поводу мыслить, подобно Конкордии Ивановне Монахтиной из романа В. Пикуля «На задворках великой империи». Сия деловая женщина, узнав, что на поездах устанавливают новые тормозные механизмы системы Вестингауза, первым делом задалась вопросом: «А какая мне от этого польза?» Но в том-то и дело, что человеку, да-

бы таковым оставаться, не всегда и не в любой ситуации приходится руководствоваться соображениями личной пользы, выгоды и прочая. Да простится мне лирическое отступление, но без него трудно было бы продолжать размышления на заданную тему.

Итак, начнем с того, что можно признать бесспорным. На дворе XXI век, эпоха всеобщего потребления и так называемой массовой культуры, ничего впрочем общего с действительно культурой не имеющей. Лучше уж назвать это явление шоу — бизнесом, девиз коего «Все на продажу!» Во имя прибыли, конечно же, или даже — сверхприбыли. Причем понятие шоу — бизнеса всеобъемлюще, это способ организации не только индустрии развлечений. Точнее — способ превращения любой отрасли человеческих занятий в индустрию развлечений. Ну, разве профессиональный спорт не шоу-бизнес?! А сама политика?! А телевидение? Повсюду гладиаторские бои на потребу толпы. И толпа на потребу бойцов. И те, и другие прекрасно дополняют друг друга, не могут друг без друга, кормят друг друга. И да здравствует потребление! Немудрено, что соответствующим образом, сообразно сути и характеру эпохи, изменились и мышление человека, и его сознание. Это как раз тот случай, когда именно «бытие определяет сознание», и не стоит по этому поводу ломать копья с материалистами. Ибо отсутствие системы четких нравственных установок на персональном уровне, ранее передававшейся из поколение в поколения и являвшейся важнейшей составляющей этнопсихологии, сегодня очевидно. Оттого и трансформация мыслительных и поведенческих стереотипов человека в современном мире обусловлена самой объективной реальностью, царящей в обществе потребителей материальных благ.

Только не стоит думать, что аз грешный против повышения уровня материальной обеспеченности человечества. Я очень даже за. И в самом деле, только записной ханжа или убежденный сторонник манихейства будет поносить эти самые материальные блага. Ну, разве плохо, если больше людей смогут позволить себе жить в комфортабельных домах, ездить в удобных и качественных авто, отдыхать на первоклассных курортах, хорошо питаться и одеваться, лечить свои хвори в достойных клиниках, обеспечивать детям обучение на должном уровне? Да мало ли, что еще! Ведь сплошная польза и никакого негатива, ни капли вреда. А ежели так, то и конкретные действия, совершаемые ради извлечения пользы, вполне обоснованны. Разве не так? А ведь это и есть основа утилитаризма т.е. направления в этике, считающего пользу основой нравственности и критерием человеческого поведения. Тезис применим как в индивидуальном, так и в общественном смысле. Только вот нигде не сказано о способах достижения этой самой пользы. Ибо императивом, искупающим все, является конечный результат т.е. польза. Неважно, что и как мы там творили, в итоге пользу принесли всем... или почти всем... ну, хоть кому-то, да принесли... А куда прикажете девать Федора Михайловича с его «слезой ребенка»? Правильно. Не стоит о такой малости и вспоминать. И не вспоминает почти никто. Некогда, пользу нужно извлекать. На выходе получаем стенания о бездуховности, о потере нравственных основ, о жестокосердии человеческом, и прочая, и прочая.

Приведенные рассуждения, безусловно, никакой не абсолют, имеется множество частных случаев и нюансов, но в общем и целом дело обстоит именно так. Разве кого-то сейчас очень интересует, каким именно путем сколочены громадные состояния наших олигархов? Если и есть такие любознательные исследователи, то особенной поддержки их усилия не находят, а возможные «открытия» на данную тему сенсациями не станут. Понятное дело, что тогда, в «лихих девяностых», все были не без греха, все пользовались прорехами в законодательстве, а что не запрещено, считалось разрешенным. И «чистеньких» среди этих толстосумов и воротил нет и быть не может. А сказочки о «непосильных трудах» сказочками и останутся. Никто не в силах был в период бандитского капитализма заработать огромные деньги честно, тем паче,

развивая производство и создавая тысячи рабочих мест. О производстве можно было говорить только в добывающей и перерабатывающей отраслях. В остальном же — торговля, финансовые операции, если не «махинации» вообще, при наличии нужных связей во властных в структурах всех уровней и мощных лобби в законодательных органах, федеральном и региональных. Но теперь миллионеры и миллиардеры — уважаемые люди, финансово-экономическая элита (прости, Господи!) общества. А о том, что «экономика определяет политику» с автором тезиса, т.е. с Ф. Энгельсом также спорить не стоит, ибо он прав и его правота наглядно подтверждается буквально ежедневно.

Поэтому и явление глобализма в современном мире вполне объяснимо и естественно. Начало этому процессу было положено в годы образования транснациональных корпораций и мировой финансовой системы. (Кстати, необходимо подчеркнуть, что и большинство ведущих финансово-промышленных кланов той же Америки, да и Европы, состоялись далеко не праведными путями и способами. Большие деньги всегда — обман, кровь и смерть. Если не впрямую, то опосредованно. Но всегда!) С тех пор воды утекло порядочное количество и в результате мы имеем глобализм, как способ управления мировыми процессами, политическими, экономическими, общественными и прочими, в интересах международной финансово-промышленной олигархии. Когда некоторые историки называют Великую депрессию 20—30-х годов прошлого века крахом олигархического капитализма, очень хочется, согласившись с аргументацией данного утверждения, заметить в ответ, что нынешний капитализм еще более олигархический и в этом смысле сей «феникс» восстал из пепла после всех трагических коллизий минувшего столетия обновленным и окрепшим, «аки змий многоглавый». Конечно, беда большинства «драконов» в том, что они, в конце концов, начинают пожирать собственный хвост. Последний финансовый кризис — яркий тому пример.

И ладно бы только он. Налицо комплексный кризис западной общественно — политической системы, кризис духовный, нравственный. Либеральный мир в тупике и на пороге вырождения. Кажущееся благополучие жизни взаймы, как на личностном уровне, так и на уровне народов и государств, породило самообман нескольких поколений, уверовавших было в собственной незыблемое благополучие и основанное на этом благополучии превосходство над «отсталым» остальным миром. Ничего, впрочем, нового. Было уже и, к сожалению, случится не раз и впредь. Я не могу назвать альтернатив капиталистическому способу производства, альтернатив частной собственности, но я точно могу сказать, что западный образец жизнеустройства народов и государственных систем ведет в тупик, если вовсе не в пропасть. Оттого — то и трещит Евросоюз. Счастья для всех не получается. Вдобавок ко всему проблема ксений — чужеродных диаспор, множащихся на территориях «просвещенных» стран и несущих с собой свою этнопсихологию, не имеющую ничего общего с романо-германской, например. И где тут стройное и гармоничное сообщество людей, объединенных общей моралью и поведенческими доминантами? Нет и нет... и не предвидится.

И в этой связи «переход человечества в единое ноосферное земное сообщество через глобализм, жесткий и даже жестокий» выглядит более, чем проблематичным. Равно неубедителен пример СССР, как государства «с социальной ориентацией, наиболее адекватной качествам ноосферы». Изуверские опыты над людьми во имя достижения всеобщего счастья в обоих случаях преследовали и преследуют совершенно иные цели, а именно — сосредоточение абсолютной власти в руках очень узкого круга лиц, объединенных неодолимой жаждой все той же власти, во имя собственного благополучия. И как в итоге человек и человечество, следуя подобными путями, ста-

нет «разумной геологической силой» мне, например, вообще непонятно. Возможно я ошибаюсь, но создание ноосферы насильственным путем не произойдет никогда. К тому же необходимо учесть еще одно существенное обстоятельство, о коем частенько забывают приверженцы теории эволюции.

Сей процесс чаще всего трактуется как безостановочный, непрерывный и непременно идущий по восходящей. Но, друзья мои, разве это на самом деле так? Любой процесс имеет точки наивысшего взлета и максимального упадка, он может прерываться и начинаться вновь на ином уровне, т.е. быть поэтапным. Естественно, под «разрывами» следует понимать прежде всего то состояние системы, когда старые процессы сходят на нет, затухают, а новые — только набирают силу, но ни те, ни другие не являются доминирующими. А это и есть «разрыв». Тем более, если это связано с таким сложным явлением как «взросление» человечества до уровня создания ноосферы. Во всяком случае, опять-таки, на мой взгляд, говорить о переходе к ноосферным человеку и человечеству еще очень и очень рано. Слишком много на этом пути побочных факторов, влияние которых на указанный процесс порой невозможно прогнозировать и учитывать заранее... Если и есть в наше время некий «коллективный разум», то он весьма и весьма неразумен, уж простите за невольный каламбур. О нравственности и упоминать не следует. «Коллективному разуму» она не присуща ни в коей мере (см. определение утилитаризма, приведенное выше).

А ведь согласно третьему биогеохимическому принципу В. И. Вернадского «мысль не является формой энергии, но производит действия, как будто ей отвечающие». И какое биоэнергетическое пространство создается современным способом мышления? Едва ли позитивное. Успокаивать себя изречением «Когда б вы знали, из какого сора...» не очень уместно в данном случае, ибо тогда остается сидеть и ждать желаемого результата, имея в запасе одну лишь надежду на лучшее. К тому же нельзя не учитывать и этнологический аспект, поскольку без теории этногенеза Л. Н. Гумилева, сколько бы ей ни манкировали в свое время, уже не обойтись. Иное дело критическое к ней отношение, корректировка и дальнейшее развитие. Но заслуга Льва Николаевича прежде всего в том, что он открыл и развил качественно новый подход к изучению истории человечества в непосредственной взаимосвязи с историей самой планеты и ее биосферы. Один только принцип диахронии дал возможность абсолютно нового исторического анализа, необходимого для прогнозирования будущего. К тому же пассионарный толчок по Гумилеву является флуктуацией биосферы и явлением природным.

А тогда каков механизм прогресса биосферы в ноосферу? Словом, все очень непросто с переходом к ноосфере, но наверняка так и должно быть. Задачка-то попалась, мягко говоря, весьма масштабная. И крайне сложно, хоть и столь же заманчиво, представить себе психологический портрет Homo noospheres, ставшего, наряду с остальными, себе подобными, «реальной геологической силой». И как бы, все-таки представив, не перепугаться до смерти. И еще одно замечание, по поводу Великой Французской революции, как знакового события перехода всемирному управлению — ускорению эволюции. На мой взгляд, ценность процесса эволюции как раз в том, что он не поддается ускорению в принципе. И кровавая «замятня», устроенная во Франции в конце XVIII века и явившаяся, по сути, геноцидом французского народа, никакой пользы не принесла и не могла принести. Это общественно — политическое явление из разряда тех, о которых говорят, что «лекарство страшнее болезни». Полтора миллиона загубленных жизней, патологические личности, убивавшие другу друга, у власти, карательные экспедиции в мятежные провинции, Директория, кровопролитие в Париже, Итальянская и Египетская кампании, далее консулат и империя Наполеона, и еще полтора десятилетия войн, полностью выбитое в этих войнах муж-

ское население страны, вплоть до шестнадцатилетних мальчишек... Прогресс, ничего не скажешь. Ускорились, не приведи Господи... Не зря в департаменте Вандея до сих пор не празднуют день взятия Бастилии и не жалуют республиканцев. И я полностью солидарен с такой позицией. И мои симпатии и уважение отданы навсегда Вандейским шуанам и Жоржу Кадудалю, а не резвившимся и масонствующим энциклопедистам и революционным сектантам, не понимавшим, что ящик Пандоры, однажды открытый, уже не закроешь. Все-таки способ достижения той или иной цели имеет для человека и общности людей решающее значение.

И кровь убитых никогда никого счастливым не делала. И ничего не ускоряла, кроме процессов деградации. А уж к преобразованию биосферы в ноосферу кровопролитие и революционные скачки не имеют никакого отношения. Точнее — они могут только вредить и мешать этому. Человеческий разум вне нравственности невозможен. А значит, он не приемлет насилие и кровопролитие даже в самых благих целях. Поэтому я и считаю ноосферологию очень серьезной и ответственной философской дисциплиной. А процесс трансформации биосферы в ноосферу — сложнейшим и нелинейным, и делом очень неблизкой перспективы, даже если бы нам очень хотелось иного. Можно, конечно, утверждать, что человек нынче управляет эволюцией. В том и опасность, что ускорение эволюции приведет в предельном варианте опять-таки к революции. И только Господь ведает, что в итоге получится. К тому же не забудем о законе не убывания энтропии...

Но вернемся к волнующей нас теме, а именно — к «герою нашего времени» в современной литературе. Я как — то беседовал с сотрудником нашей городской библиотеки, весьма эрудированной и современной дамой, и коснулся данного вопроса. И в ответ услышал: «Герой? А он разве есть? Да и возможен ли он сейчас?» И в самом деле, как обстоят дела с этой, пусть и книжной, личностью? Каким он должен быть? Что обязан делать? Какого вообще рожна ему надобно? Но, дабы найти ответы на прозвучавшие возгласы, вначале необходимо разобраться с самим господином литератором. Попробуем. Пусть не вообще, но в некоторых определяющих аспектах, приведенных в статье уважаемого главного редактора. Во-первых — оппозиционность и нонконформизм к власти. На мой взгляд, универсальную форму сосуществования художника и власти нашел Василий Аксенов в романе «Скажи изюм». Помните, там Макс Огородников изрек однажды: «Художнику глупо бороться с властью, еще глупее — лизать ему...»

Я полностью с ним согласен. То есть литератору вполне достаточно оставаться самим собой, не более. Но и не менее. Конечно, не скрою, что: «Нонконформизм! Хоть имя дико, но мне ласкает слух оно...» (не удержался, перефразировал Владимира Соловьева). Но в раскрытой ранее позиции это как раз присутствует... Только ненавязчиво и не агрессивно. Вполне достаточно, «еже писах — писах», в том твое предназначение, прежде всего. Не смыкается ли это с классикой Марка Аврелия: «Делай что должно, и будь, что будет»? Да напрямую! Во — вторых, сострадание к «униженным и оскорбленным». Это даже не обсуждается. Ни одно реалистическое направление без оного сострадания не обходится, ибо истинное сострадание естественно, объективно и спонтанно. И ни в коем случае не механистично то есть это не сострадание ради сострадания, но глубокое понимание и органичное проникновение в конкретную описываемую ситуацию. Короче говоря, предельно подробное знание предмета. Тогда сострадание становиться искренним. Ибо «понять, значит — простить». В-третьих, политизация. Она смыкается с «во-первых», поскольку очень многие фразы и умозаключения в литературном произведении выражают нравственную и общественную позицию автора и, значит, вполне могут толковаться, как идеологемы. А от идеологии до политики путь короток.

А что, собственно, с самим героем-то? А вот что: никто и никогда не сможет указать настоящему литератору, поэту и писателю, о ком он должен писать и кого в герои производить. Это выбор сердца, выбор, диктуемый позицией самого художника. А если я или кто-то другой в своем творчестве будет по данному поводу руководствоваться «под козырек» чьими-либо рекомендациями, то никакого истинного героя нашего времени не получиться. И пусть будет коммерческий успех, премии всевозможные. Хоть бы и пресловутая «Нобелевка» (вот тоже беда для литературы, и беда истинная — критерии ея присуждения — явная прихоть членов одноименного комитета) и прочая, слава и почет, а герой умрет не родившись. И оттого, по поводу «героя нашего времени» я вправе высказать лишь свои соображения и свою позицию. Можно сколь угодно долго рассуждать, кто нынче и во что конкретно горазд на литературной или, особенно, на около литературной ниве. Но любая системная коммерциализация образа героя нашего времени есть путь к его уничтожению, точнее — к несозданию. В частном случае, не намеренно, подобное возможно, как и вариант с конкретной героической личностью, упомянутой в начале моей статьи. Но иначе, увы... Связь кандидата в герои нашего времени с массой ему подобных, с характерностью, обязательна далеко не всегда. Это все равно, что представлять пассионария непременно этаким пламенным революционером, с детства мечтающим пойти перед строем с флагом в руках и увлечь за собой сомневающихся, и, в конце концов, погибнуть на баррикадах за дело правое, во имя торжества идеалов гуманизма и всеобщего благоденствия. Да ничего похожего! «Свободный атом» в общественной структуре ощущает себя и на деле является абсолютно чужим, и попросту не может, и не хочет мирится с установленным и ему не подходящим, иногда смертельным для него, порядком вещей. Вот только сопротивляться можно по-разному. И в итоге, наиболее ярким пассионарием может оказаться совершенно невзрачный и непрезентабельный на вид человек, по общему мнению — маргинал, исследующий среди бела дня мусорный бак. Я просто хочу еще раз подчеркнуть, насколько все непросто. И механические аналогии ошибочны, ибо, игнорируя диалектику, приводят к скоропалительным выводам, желаемым, но неверным. Оттого я могу говорить только о том, кого сам считаю героем нашего времени. Постараюсь быть предельно конкретным.

«Маленький человек (далее без кавычек), если присмотреться и подумать, на самом деле никогда не был ничтожным по масштабу литературным героем. Прежде всего, это — человек, а кто еще может быть более интересным и традиционным персонажем отечественной литературы? И какой человек! (В чем-то все такие «человеки» схожи, но на деле ведь разные, очень и очень разные!) К тому же он всегда поставлен в те или иные, но всегда предлагаемые, обстоятельства. И в этих обстоятельствах ему волей-неволей приходится существовать, жить, бороться, проигрывать, побеждать, грешить, искать путь к покаянию... Что характерно и для реальной жизни во все времена. И в любом случае он вынужден «работать вторым номером», да простят мне боксерский термин, ибо сам не имеет возможности кардинально менять окружающую обстановку. И даже мало-мальски влиять на нее. Он должен в предлагаемых обстоятельствах выживать или погибать. И сегодня маленький человек, надо заметить, делает это. Не всегда эффектно, но порой просто блистательно. Например, в рассказах Александра Кирова. Я познакомился с Александром и его творчеством несколько лет назад, во время нашего регионалного писательского фестиваля «Поморская лОдья», когда мы приехали на родину Александра в старинный русский город Каргополь. Рассказы Кирова я принял сразу же, с первых строк, ибо все, о чем он пишет, знаю не понаслышке и целиком солидарен с автором в восприятии, изображении и оценке сюжетных коллизий и ситуаций, а также понимая и принимая абсолютно естественное, не нарочито литературное, поведение и мироощущение героев

его повествований. Люди из «залесенной губернии», одиночки, имя коим — легион, посреди бандитских девяностых и слепых «нулевых», без средств к существованию, без надежды на лучшее... Казалось бы впереди только нищета, деградация и гибель, гибель от пьянства «с горя», от безысходности, от отсутствия духовных ориентиров.

Да, где-то далеко, в столицах идет некая жизнь, что-то происходит, но там никому нет дела до провинциалов дремучих. Они для либерального центра — отработанный материал, в лучшем случае — «подопытные кролики» для постановки политических и экономических экспериментов. Молодежь? А тоже самое: пушечное мясо в чеченской войне, в бандитских разборках... Безнадега... Безверие... Мрак. А люди живут и не просто выживают, но сохраняют или же вновь обретают в самые драматические моменты своей судьбы духовный стержень, самоуважение и веру, веру в лучшее, веру в Бога, веру в Свет, умеют сострадать бедам ближнего и помогать слабому. Да, герой рассказа «Митина ноша» умирает, но свою ношу, свой крест он терпеливо несет до последнего вздоха. И это не забитый бессловесный раб обстоятельств. Это в прошлом — герой войны, сохранивший лучшие качества русского крестьянина, трудолюбие, некрикливость, терпение и надежду. Это хранитель колоссальной по значению национальной традиции, лишить которой нас пытались то красные комиссары, то фашистские подонки, то либеральные доброхоты. И вот, что интересно — парнишка, проведший детство практически в аду, в конце сочинения на тему «Кого я в этой жизни уважаю» заявляет в конце: «А себя я уважаю. Почему себя? А потому, что пора бы и себя зауважать. Не давать мешать с грязью...» («Седьмая тема»). И это не бравада гопника «оторви, да выброси». Это позиция юноши, разбирающегося в жизни лучше своих учителей, пытающегося честно отыскать свой путь и быть самим собой. И никакая огульная хула-напраслина к нему не прилипает, ибо он — добрый и порядочный парнишка с прямым позвоночником. И его даже сломать нельзя. Убить — можно, а победить, увы, не получиться. Почитайте, сами убедитесь.

И еще один человек, вырезающий из дерева птицу и знающий, что ежели она выйдет такой, как он задумывал, то и у автора «вырастут крылья» со всеми, как говорится, вытекающими. И еще, и еще, и еще. И никаких сказок, все происходит в абсолютно реальной обстановке, не располагающей к благим перспективам. Впрочем, достоинство произведений еще и в том, что Киров никогда намеренно не сгущает краски. Не упирает на «чернуху». Повторяю, у меня было ощущение, что я читаю о своей жизни, я все это видел, вижу, знаю, ощущаю. И вот это — Россия истинная. И вот эти герои — настоящие. Из нашего времени. Повторяю, у Кирова все далеко не просто, но реальность ситуаций и поведения героев не вызывает сомнения. И песенку «Хорошо! Все будет хорошо!» никто из них (персонажей рассказов) не поет. Некогда им, да и незачем. Почему? А почитайте, например «Троянос Деллас», там очень все доходчиво изображено.

Между тем дело обстоит так, что даже художественно интерпретированная реальность близка не всякому искушенному читателю. Многие не готовы согласиться с тем, что и они жили и во многом продолжают жить в ситуациях героев Кирова. Трудно порой признаться себе: «Это же я, о Господи...» Желание держать дистанцию и нежелание посмотреть на себя со стороны это ведь тоже элемент утилитарного мышления в эпоху усиленного потребления максимально материализованных ценностей, изначально духовных в том числе. Мол, это не обо мне, не о нас, мы не такие... Господа, а возможно вы и вовсе никакие! А русская литература никогда не была пустым развлечением. Взялись читать, знайте, что это — труд нелегкий. Могу привести иной пример, роман «Мурманцы» моего коллеги по областной писательской организации Дмитрия Коржова. Трилогия охватывает период истории нашей страны и Кольского Севера с 1918-го по начало шестидесятых годов. Две части романа уже

увидели свет, издание третьей, надеюсь, не за горами. Это художественно — историческое полотно с вполне реальными героями. Причем здесь наше время? А притом, что многие персонажи Коржова обладают и демонстрируют как раз те же качества, что присущи и современным героям Кирова. Литература ведь — явление комплексное, все в ней взаимосвязано. В этой же обойме и повествование Алексея Витакова «Меркурий», тоже историческое произведение, с вышеупомянутыми, кроме прочих, достоинствами. И роман Николая Колычева о Феодорите Кольском. А сильная и достойная проза, публикуемая журналом «Север», да разве только им одним? А самими «Приокскими зорями»? Выстраивается своеобразная временная вертикаль с очень разными, но все-таки очень схожими типажами, несущими и реализующими прекрасные человеческие качества, присущие русскому народу. И никакая коммерциализция им не грозит.

Истинные герои нашего времени вне пространства наживы. Как и вне поля идеализации и нанесения сусальной позолоты. Герой нашего времени ничуть не идеал, тем он и актуален. Причем, яркие исторические личности из числа государственных, общественных и военных деятелей переломных эпох были и будут оставаться среди героев литературный произведений, но... Разность идеологизированных оценок в таком случае неизбежна, как минимум. Кроме того есть еще и личная комплиментарность автора. Столыпин — кому вешатель, а кому — спаситель Отечества, павший от рук врагов России, Победоносцев — кому мракобес, а кому слуга престола, государственник, настоящий патриот империи, для одних генерал Каппель — белогвардеец, с которым успешно воевали чапаевцы (согласно версии бр. Васильевых), а для меня, например, истинный православный русский рыцарь без страха и упрека, как и граф Келлер, между прочим. (И пусть немецко-шведские фамилии никого не смущают. Равно, как Эссен или Тотлебен, или Шильдер). Перечень таких дуализмов бесконечен. А есть еще иные, отличные от приведенных, оценки. В данном случае, по-моему, важен сам факт обращения литераторов к историческим темам, ибо такие произведения в любом случае способны пробудить интерес к более чем трагическому и героическому прошлому нашей страны. Яркий тому пример — творчество Валентина Пикуля. Можно сегодня соглашаться или оспаривать его оценки конкретных личностей или описываемых событий, можно вообще не принимать позицию автора, но талантливо созданные им полотна о «белых» пятнах российской истории актуальны и по сей день. И будут актуальны в будущем. А сколько замечательных произведений блестящих авторов таится по медвежьим углам нашей империи?!

Не так давно, будучи в Мончегорске, Евгений Попов, один из «метропольцев», известнейший сегодня столичный писатель, лауреат «Большой книги» и не только, произнес примерно ту же фраз, приведя конкретные примеры о сибирских прозаиках. Какой же, собственно, напрашивается вывод? По-моему, следующий: есть в современной литературе истинный герой нашего времени, это — простой человек с очень непростой судьбой и сложным характером, со всеми слабостями и грехами людскими, но способный на проявление лучших своих качеств в обыденной и такой, казалось бы, не героической жизни, имеющий реальные цели, идущий к ним, порой вопреки неодолимым обстоятельствам и препятствиям, не зная точно, что его ожидает, поражение или триумф. Но иного способа, кроме движения, у него нет. В движении этом и дорога к себе самому, и дорога к храму, и к Богу, и к Родине. Абсолютно очевидно, что явлением массовой культуры подобные герои и произведения никогда не будут. Однако не стоит огорчаться, тем паче стенать и посыпать голову пеплом. Вениамин Слепков, заведующий отделом публицистики журнала «Север», замечательный журналист, критик и поэт, в беседе со мной как-то с горечью обмолвился, что литература не может бороться с пошлостью. Истолкуйте эту фразу утилитарно, буквально, и что получиться?

Представьте Николая Васильевича Гоголя борющимся против того же Нестора Кукольника. Или Александра Сергеевича Пушкина, силящегося и только и мечтающего одолеть Греча с Булгариным. Ответы на выпады конкретного оппонента в свой адрес и полемика — не в счет. Ведь не ставил же Пушкин целью «Евгения Онегина» победу над оппонентами. В том-то и дело, что литература, как и прочие виды и жанры искусства, самим своим существованием, наличием, присутствием, уже неагрессивно борются с разного рода поделками на сиюминутную потребу заказчика. И другого способа для искусства нет. В глобальном, конечно же, смысле. И весьма существенное и удручающее обстоятельство — отсутствие множества достойных литературных произведений провинциальных авторов в широком информационном пространстве. Интернет здесь не столько подмога, сколько наоборот, ибо в этом заболоченном пространстве утонуть порой бывает легче, нежели дать о себе знать. И создается впечатление, что нет в отечественной литературе героя нашего времени. Но прежде, столичные, даже очень уважаемые и талантливые, критики и литературоведы вздохнут, буквально или в очередной статье, де — нет у нас авторов достойных. Вот, ушел XX век, а с ним — литераторы той поры, имперские, а наследовать им некому. Ой ли, уважаемые? А это вы откуда взяли? А вы из столиц выезжаете в Россию-то? А сами давно ли столичными стали, из глуши появившись? Вот и вся недолга.

Вся, да не вся, конечно же. Герой нашего времени не может быть навязанным и навязчивым. Главное его качество — органичность, с коей он вписывается в литературные, но вполне жизненные, обстоятельства, т.е. в коллизии конкретного произведения, и входит в сознание читателей. И потом, я упомянул только одну его ипостась. А он — многолик, ибо — представитель своего народа в конкретном времени. И литератор просто обязан знать своего героя, понимать его или спорить с ним, видеть его в реальной жизни, хоть и не в буквальном смысле. А коммерческий синтетический процесс, отчего-то считающийся литературным, явление из другой оперы, как говорится. Мы об этом явлении уже упоминали. Есть о ком писать, господа мои, уверяю вас. В частности и о тех, кто упоминался в начале статьи. Было бы кому писать, со знанием и осознанием, о чем повествует и зачем. Было бы кому выдерживать и выдержать в итоге чудовищный соблазн возможного коммерческого успеха ценой предательства литературы как таковой. Не желая осмысливать и на уровне эмоций ощущать реальность, не зная потенциала своего народа, диапазона качеств человеческих, прекрасных и отрицательных, ему присущих, не числя себя в данном народе, пусть и наособицу, никакого героя из «пальца высосать» нельзя. Сказки можно пробовать изобретать, но приличных не получится. Только глянец снаружи и жеванная промокашка внутри. С чем и приходится сталкиваться, ежели не на каждом шагу, то весьма нередко. А жаль.

Вадимир Трусов, член Союза писателей России,
Мончегорск Мурманской области

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Наш уважаемый главный редактор Алексей Афанасьевич Яшин снова и, как всегда, в заостренно дискуссионной форме предлагает обсудить все то, что связана с глобализацией, якобы знамением последнего времени, и где найти положительного героя в литературе в этот злосчастный период. Трудная тема, особенно в той части, которая касается «героя нашего времени». Русская литература не раз бралась за нее, и почт всегда возникало неоднозначное отношение к предлагаемым ею персонажам. Рискну высказать свое мнение.

Думать, что глобализация феномен последних десятилетий или столетия, вряд ли правильно. Если понимать под этим термином захват одной культуры другой, представляя под словом «культура» — и образ жизни, языковый стереотип, художественное творчество и многие другие виды бытия человека, то можно полагать, что глобализация началась как минимум с завоевательных походов Александра Македонского. Он принес греческую культуру как на Восток (ближний), так и на Запад (до Египта). Далее Римская империя «глобализировала» всю Западную Европу вплоть до Британских островов. А потом Колумб, Испанская империя, Британская, СССР, принесший своеобразную культуру в свои Среднеазиатские республики и, преодолевая сопротивление, в «республики» Прибалтики и Закавказья. Наконец, пришествие заокеанского гиганта — Северо-Американских Соединенных Штатов, его расцвет и обретение им невероятной военной и экономической силы.

Что делают пришельцы завоеватели — всеми доступными способами внедряют в сознание и быт завоеванных свою культуру. Разными способами — силой оружия, обращением в свою веру, экономическим подчинением.

В наше время способы почти не изменились. Оружие применяется — бомбежки республик распавшейся Югославии, свержение неугодных режимов по всему миру. Обращение в «свою веру» путем распространения своей культуры в музыке (по преимуществу, в легкой), кинематографе (европейские фильмы не дублируются, демонстрируются с субтитрами, что делает их малопривлекательными для американского зрителя), языке (американизмы и англицизмы практически во всех видах деятельности). И, конечно, экономический диктат, когда экономика Штатов определяет экономический и финансовый климат во всем мире.

Влияла ли глобализация, в приведенной интерпретации этого термина, на искусство? Да. Затрудняюсь сказать, как это отразилось на литературе. Хотя следует помянуть греческих и древнеримских героев, ставших, правда, не сразу, героями европейских баллад, романов, драматических произведений в эпоху Ренессанса. Да, и теперь тоже. Ярче это отразилось в изобразительном искусстве — живописи и скульптуре. Появившиеся на свет из археологических раскопок герои Эллады оказали огромное влияние на искусство древних и не очень римлян. А те, свою очередь практически на все изобразительное искусство Западной Европы.

А христианство? Какое огромное количество героев литературы, живописи и скульптуры оно предложило европейским творцам. И те воспользовались этим предложением и пользуются им до сих пор.

Выбирать было из чего. Не будь этого «перемешения» культур, сколь бы бедна была мировая культур и каждая национальная. Каких великолепных и великих героев дало это «перемешение», читай глобализация.

Все ли национальные культуру приняли эту мировую культуру? В разной степени — да. Одни в силу слабости, неразвитости собственной — в большей степени, почти копируя. И, наоборот, самые сильные и развитые приняли наиболее «подходящее», приемлемое национальному самосознанию, традиции, а то, что приняли, «переварили» и сделали частью своей культуры.

Так было всегда, на протяжении всей истории человечества, так происходит и сейчас.

Что происходит сейчас? Глобализация.

Где искать «героя нашего времени»?

Вокруг себя. Раньше в центре внимания творцов были боги, гиганты, полководцы, цари и царедворцы. В богах и гигантах было мало «человеческого». Поэтому интерес к ним быстро угас. В царях и царедворцах стали искать чувства и страсти, присущие человеку. О них, а не о подвигах стали создавать свои творения художники и писатели. Простые люди, главные потребители искусства, в том числе и литературы, хотели видеть и находить в произведениях литературы и искусства самих себя, прочитать и увидеть самих себя, о себе.

Русская, да и вся европейская, вкупе с ней американская литература всегда были «человеко-центричными». И самые лучшие образцы и творцы ее остаются такими до сих пор. В меньшей степени это относится к изобразительному искусству. Оно все дальше уходит от человека, и люди это чувствуют и «голосуют ногами» — какие длинные очереди выстраиваются, чтобы посмотреть, например, недавно на Тициана?!

Теперешняя глобализация с чрезвычайно развитой системой коммуникаций и информатики вызвало к жизни людей все более зависимых от этих двух «бед» нашего времени. Люди всех языков и национальностей связались в один колоссальный клубок, все знают друг о друге все или практически все. Поскольку указанные технологии завязаны на «цифре», сей клубок получил у современников обозначение, как «оцифрованный человейник». Яркий образ, запоминающийся.

И в этом человейнике-муравейнике по мысли уважаемого Алексея Афанасьевича трудно найти героя. «Не о ком писать!» — восклицает он.

Писать есть о ком всегда. Можно даже об оцифрованном представителе человейника. Каков он, чем дышит и как дышит.

Но наш уважаемый главред озабочен поиском положительного героя. Не всякий, абы какой герой представляет интерес для литературы. Нужно ли сетовать о том, что героями литературы перестали быть «...ученые и конструкторы-изобретатели, сталинские наркомы и руководители ведомств 50—80-х годов, создавшие целые отрасли промышленности... земские и советские врачи, рабочие и крестьяне и так далее». Думаю, что для сегодняшней русской литературы остались самыми интересными именно рабочие и крестьяне и особенно те, кто «и так далее». Слава Богу, Алексей Афанасьевич видит, что кроме оцифрованной литературы осталась и аналоговая, то есть та литература, которой интересен человек, любой человек, а не только положительные сверхгерои. Которая пишет нормальным литературным русским языком, каковой перенесет все невзгоды оцифрования. Он настолько велик, что останется таковым, приняв многие англицизмы, переварит их и сделает понятным любому, кто говорит по-русски.

И, наконец, мне кажется, что для литературы, а стало быть, и для читателя, наиболее интересен «отрицательный» герой. Григорий Печорин, Евгений Онегин, Илья Ильич Обломов, Левша, князь Лев Николаевич Мышкин, Хлестаков и Чичиков, Сатин... Они наиболее точно отображают эпоху, ее достоинства и недостатки, более, конечно, недостатки, что полезно знать каждому из нас. А наркомы и руководители ведомств — только если о них пишут как о людях, а не как о наркомах и руководителях ведомств.

Рудольф Артамонов, профессор,
лауреат Всероссийской литературной премии
«Левша» им. Н. С. Лесков, Москва

В заключение от редакции. *Полагаем, что представленные материалы позволяют сказать: дискуссия состоялась на достаточно широком представительском уровне. Но что нас особенно порадовало и ободрило, так это совершенно иное, намного более высокое качество — по сравнению с предыдущими дискуссиями — полученных нами материалов. Если в 2011—2012 гг. преобладали «телеграфные» сообщения: одобряем-с, мол, то сейчас мы имеем дело исключительно с обстоятельными очерками, концептуальными, завершенными, информационно содержательными, написанными высоким художественно-публицистическим слогом. Штилем, как говорили в XIX веке, когда создавался сам феномен русской литературы.*

Другой существенный момент: среди авторов публикуемых выше материалов представлены лауреаты всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Значит, редколлегия и редакция «Приокских зорь» не ошиблись в выборе лауреатов, ибо присуждение премии ориентируется не только на (высокое) качество публикаций в журнале или в серии «Приложение к журналу «Приокские зори», но и на активное участие претендентов на звание лауреата в современном литературном процессе. Формой такового мы, прежде всего, полагаем участие в объявляемых «ПЗ» ежегодных дискуссиях. Радует и активное участие членов Академии российской литературы, под эгидой которой издается наш журнал.

...И в этом же аспекте — наши «стандартные» упреки и пожелания. Как всегда и уже традиционно — за единичными исключениями — промолчали Тула (истинно: сапожник без сапог), где издается журнал, и все огромное пространство «от Волги до Амура», хотя в журнале имеется постоянная рубрика с таким же названием. Повторим слова нашего классика: «Во глубине сибирских руд храните...» — например, гордое молчание. Не радует нас и Литературный институт им. А. М. Горького, хотя в «ПЗ» также имеется рублика «Тверской бульвар — 25 в «Приокских зорях». Увы.

Обращаемся к главе тульских писателей, заместителю главного редактора «ПЗ» Виктору Федоровичу Пахомову, зав. отделом литературы Сибири Сергею Прохорову и зав. отделом литературы Поволжья Сергею Лебедеву с настоятельной просьбой «расшевелить» своих подопечных литераторов к началу следующей дискуссии. А всем принявшим участие в нынешней дискуссии — большое спасибо!

ПОЭЗИЯ СОЛНЕЧНОГО СВЕТА

Самый темный час — перед рассветом,
Самый светлый час — когда заря...
Мы с тобой живем на свете этом,
И я думаю, что мы живем не зря.

В. Сапожников

Недавно из печати в издательстве «Полиграфинвест» вышел сборник избранных стихов Владимира Григорьевича Сапожникова, члена Союза писателей России, профессора, доктора медицинских наук, лауреата литературной премии им. Л. Н. Толстого. Эта книга стала результатом многолетней серьезной работы автора.

Ему дан дар чувствовать прекрасное и отражать увиденное в поэтической строке.

Что-то есть в его стихотворениях, что затрагивает душевные струны и заставляет задуматься о нашей жизни, о стране, в которой родились и живем. В них присутствует поэтически меткое и ясное выражение мысли, жесткая правда жизни, прямое и непосредственное проявление души, живая интонация речи, переданная с легкостью и свободой, восклицание, вздох. Речь звенит, пружинит, в ней заключена сила — сила Слова! Она разнообразна и красочна. Накал эмоций, нежности искренен до предела.

Как окно избы заброшенной
Чуть светлеет глаз луны,
Все кругом, как приморожено
Синим взглядом тишины.
Далеко летит, разносится
Скрип шагов твоих, моих —
Словно половицы в горнице
Под ногами в этот миг.
Небо темное, тяжелое...
А в душе легко-легко,
Потому что ты, веселая,
К нам приехала в село.

В. Сапожников

За годы жизни он побывал в разных уголках нашей огромной страны, приобрел богатый профессиональный и житейский опыт. Поэтому, наверное, его поэзия во многом автобиографична.

Он не терпит в людях подлости и предательства.

На свете есть люди и ироды,
Есть стервы, но женщины есть.
Когда улыбаются выродки,
В душе закипает месть.

Им грезится безнаказанность,
И гадят, этим гордясь.
Надеясь на недоказанность,
Припрятав под ней боязнь.

Но ошибаетесь, льстивые,
Безмозглые подлецы...
Расплата придет обязательно.
Не спрятать в воду концы.

В. Сапожников. О подлости.

Полнота, стройность и законченность — характерная черта произведений Владимира Григорьевича.

Ничего лишнего. Все в меру. Все просто, все исполнено внутренней гармонии. Такой и бывает настоящая поэзия. Слов немного, но каждое слово в точку. Каждое слово необъятно, в нем бездна чувств и смысла.

Опять нашло, опять навеяло,
Опять не спится до утра...
Взошло, что так давно засеяно,
Пришла поэзии пора.

И стих в душе сквозь боль рождается,
Не гаснет снова мой ночник...
И озаренье продолжается,
Не оставляя не на миг...

В. Сапожников

Язык произведений В. Г. Сапожникова отличается богатством словаря, ясностью, простотой и точностью слова. Ему чуждо словесное трюкачество.

Его стихи выдают человека не только тонкого, но и просвещенного.

Строгая форма его стихотворений как нельзя лучше подходит к четким и ясным мыслям, заложенным в них.

Одной из отличительных черт поэта является искренность. Это искренность во всем — в разговоре с самим собой, в переживаниях о близкой женщине, в любви к своей Родине, о творчестве и поэзии. Свое отношение к творчеству он выразил в стихотворной форме:

Стихи — болезнь души поэта.
Он плохо спит иль много пьет,
Или не гаснет сигарета,
Пока страданье не сойдет.

Не обижайтесь... это метка.
И ей отмечена судьба.
Болезнь, встречаемая редко.
Неизлечима навсегда.

В. Сапожников

Стихи из ран душевных льются,
Как избавление от них.
Поэты любят и дерутся,
Страдают... и рождают стих.

В. Сапожников

Владимир Григорьевич настоящий художник, его текст дышит, живет. Природа у поэта часто дана во взаимодействии с людьми. Пейзажи раскрывают его взгляды на место человека в жизни. Образные элементы, тональность стихов вызывают многообразные ассоциации, пленяют своей красотой и мелодией.

Всему есть место в них: сердечным переживаниям, красоте земли. Сколько удовольствия может подарить только одна единственная строчка, сверкнувшая звездочкой среди черноты бескрайнего небосвода!

Автор владеет творческой фантазией, способностью мыслить, рассуждать и чувствовать образами.

Некоторые из его стихов прямо просятся в песню, а часть из них уже положена на ноты и исполняется. Их звучание не утомляет, а дает жизненный заряд.

Он поэт больших чувств, воспевающих любовь («Моя сибирская жена», «Сон», «Пришла пора», «Думал я, что не стало любви», «За окном», «Сыплет бисером пурга», «Бабье лето», «Грешница»).

Всесильно женщины тепло.
Оно спасет того, кто тонет,
Печаль в душе мужчин разгонит,
Развеет лишь оно одно.

В. Сапожников

Ромен Роллан утверждал, что «любовь стоит ровно столько, сколько стоит человек, который ее испытывает». Владимир Григорьевич знает непреодолимую силу страсти, могучие порывы этого великого чувства. В его стихах с большой психологической правдой рассказывается история любви, с ее переживаниями, болью и страданиями.

Живы мы пока любим и ждем,
Мы нетленны, покуда мы рядом...
По аллее тихонько бредем,
Слившись вместе душою и взглядом...

В. Сапожников

Через все его творчество проходит красной нитью ощущение чистоты помыслов, человечности.

Он — Человек с большой буквы, поэт и врач, чувствующий боль и страдания пациента.

И жизнь его сейчас в твоих руках.
Ты перед совестью своей в ответе...
Как трудно сделать этот первый взмах,
Чтоб человека защитить от смерти.

В. Сапожников. Первая операция

В паутине тревог, в паутине обид
Было что-то забыто и кто-то забыт.
Нет возврата назад. И того не прошу.
Просто мелкого в сердце своем не ношу.

В. Сапожников. Паутина

Его пейзажная лирика проникнута чувством гармонии («Ветер», «Велегож», «Дяде Мише», «В утренней Оке», и другие).

Поэт ощущает колорит грусти в картинах природы.

Через отбор образов и эмоциональных эпитетов создается ощущение пейзажа: «небо синее на рассвете», «зыбка гладь бегущей вдоль реки», «нежной дымкой ласковый туман».

Меня всегда привлекала в его творчестве изрядная порция солнечной энергии, энергии света.

Какая ты красивая Россия!..
Синеют бесконечные поля,
И горизонт от леса синий-синий,
И не понять, где небо, где земля...

В. Сапожников. Россия

Мне не надо заморских причуд,
А приятней — пуская не в первой! —
Посмотреть, как по небу плывут
Стаи птиц над родной стороной.

В. Сапожников

Он кровно связан со своей Родиной, народом, семьей. Глубоким чувством патриотизма проникнуто все творчество поэта.

Высшее свое назначение он видит в служении России.

Я помню — мне сказал отец:
— Чего бы в жизни не случилось,
Не изменяй стране, малец,
Мы за нее на фронте бились...

Отец теперь в сырой земле
Лежит на кладбище далеком...
А тот наказ — всегда при мне,
Без срока давности... Без срока!

В. Сапожников

Я не крашу свою седину,
От врагов не скрываю глаза.
Надо будет — уйду на войну,
Если грянет над Русью беда.

В. Сапожников. Сыну Сереже

Главная наша сегодняшняя беда — недостаток властной воли. Много говорится и мало делается. Говорильня становится опасным негативным фактором для страны.

В России понятие «справедливость» испокон веков является фактически национальной идеей.

Народ хочет устойчивых правил игры, порядка в государстве, а не громких обещаний когда-то, что-то улучшить.

Медлить с решением этих проблем невозможно. Их нужно срочно решать уже сегодня, сейчас.

Жизнь быстротечна и надо многое успеть сделать за этот небольшой промежуток времени, отведенный тебе.

Все мы ходим по лезвию бритвы,
Нынче живы — а завтра нет.
Жизнь, как поле великой битвы,
Хотя грохота вроде нет.

В. Сапожников

По своему опыту знаю, как может удивить и пронизать слово писателя или поэта и в особенности сказанное им о современности.

Темы любви к Родине, долга и чести являются неотъемлемой частью творчества В. Г. Сапожкова.

Разве можно спокойно читать строки, написанные Владимиром Григорьевичем, о России? В них отражена наша, порой шокирующая, реальность.

Как мы низко упали...
Докатились-то как?
В этой жизни дурацкой
каждый умный — дурак.
Каждый грешник — безгрешен,
каждый падший — герой...
Что же мы сотворили
со страной и собой?

В. Сапожников

Тоска берет, душа страдает
От воровства и беспредела...
Какой-то вор нам обещает
Спасти Россию... Надоело!

В. Сапожников

А спасение придет только благодаря нашему благоразумию и труду — кропотливому и созидательному. Не нужно только мешать народу строить свою жизнь и укреплять государство.

Не могу я измениться,
Стать бездушным и слепым.
Не удастся примириться
С миром пошлым, подлым, злым.

Не испью водицы мутной,
Не умру в чужой земле...
За Россию стану грудью,
Если надо, как и все!

В. Сапожников

История показывает, что народ наш в трудные времена становится более собранным, целеустремленным, единым. Нет худа без добра. Мы еще покажем «кузькину мать» всем врагам и злопыхателям.

Люди должны быть уверены в справедливости общественного строя, что станет залогом успеха всех политических и экономических начинаний, реформ.

Необходима сплоченность общества, наличие цели, понимание вызовов и задач, стоящих перед ним.

Нужно сделать государственным приоритетом инвестиции в человека. Прекратить насаждение невежества и варваризации нашего общества.

Для этого во главу угла должно быть поставлено развитие медицины, образования, науки, культуры, соцобеспечения, воспитание подрастающего поколения в патриотических традициях.

«Простота, правдивость и естественность — вот три великих принципа прекрасного во всех произведениях искусства,— писал К. Глюк.

Творчество Владимира Григорьевича Сапожникова полностью отвечают этому требованию.

Он настоящий мастер Слова. Желаю ему дальнейших творческих успехов.

Евгений Трещев, член
Союза писателей России, Тула

Александр Сорокин
(г. Тула)

ТАЙНА ВЕРЫ, ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ИГОРЯ ВАСИЛЬЕВИЧА И ВСЕ, ВСЕ, ВСЕ. ПРИСТРАСТНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ИЛИ ЧТЕНИЕ В СЕРДЦАХ

Автор является доцентом Медицинского института Тульского госуниверситета, врачом-гомеопатом. Он счел необходимым выступить как литературовед, потому что, во-первых, одним из орудий врача, особенно гомеопата, является слово, а во-вторых, потому, что литературоведение не в почете в современной России. Работы, представленные в этом жанре, немногочисленны и по качеству не могут удовлетворить автора.

В издательстве «Московский Парнас» вышел роман известного русского писателя Алексея Яшина*. Вместо предисловия — рассказ А. П. Чехова «Хамелеон». Вообще-то это еще не Чехов, умудренно взирающий с портрета на первой странице книги, а совсем юный Антоша Чехонте с непритязательной сценкой.

Раскроем книгу и присмотримся к героям. Это Вера, появляющаяся на первых страницах романа. О ней мы узнаем, что она «особым умом не блистала, работала в аптечной сети». Она же, «но только с мужем, ибо фигурой не очень вышла, уже облетала в отпускное время все курорты Европы и Северной Африки». Кроме этих сведений Вера упоминается и во второй, и в четвертой, и в пятой новеллах. В сюжетных линиях новелл она никак не участвует, от себя ни о чем не высказывается. Так ведь для нас это прекрасное увеличительное стекло, через которое мы посмотрим на автора. И сразу поймем — это добротный бытоописательный критический реализм Глеба Успенского и Салтыкова-Щедрина. Замужние бабы, не блещущие умом, злые незамужние, мздоимцы чиновники. Ничего не изменилось на Руси за прошедшие полтораста лет, если, конечно, смотреть глазами автора. Здесь мы не найдем сатиры с элементами фантастики, как, скажем, у Синявского, нет психологических изысков Гоголя или Булгакова. Все это само по себе не плохо и не хорошо. Более того — это естественно. Синявский, например, очень не любил Салтыкова-Щедрина. Это только нормативная критика (уже и термин такой забылся) в советские времена предписывала автору, о чем и как писать, а о чем лучше промолчать.

Возвратимся к тексту. Увлекательно описывается война главного героя Прокофьича с налогами и поборами, толкотня по чиновничьим кабинетам. И все это возникло вроде бы только в последние годы. Запамятовал Прокофьич налоги на плодовые деревья, на пчел, на скот в пятидесятые годы. А ведь война тогда уже была далеко позади, и народное хозяйство было восстановлено. И само собой возникает в новелле слово «горбачевщина». «Народ сейчас,— рассуждает Прокофьич,— жестоковыйный пошел, бессердечный, люто всем и всея завидующий и очень мстительный».

* Алексей Яшин. Административный восторг, картинки с выставки: Роман-новеллино / Вместо предисловия: А. П. Чехов. Хамелеон: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2014.— 327с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

Да уж действительно, иметь бы элементарную благодарность М.С.Горбачеву за прекращение афганской войны, за спасенные жизни. Как-то автору этих строк довелось отдыхать на юге с молоденьким лейтенантом из Нижнего Новгорода. Он был всерьез убежден, что армия в Афганистане строила дороги и дома и, если бы не Горбачев, достроила она бы все, что хотела. Бедный мальчик! Я даже не стал его спрашивать, как, прожив в Нижнем Новгороде всю жизнь, он не удосужился заглянуть в музей А. Д. Сахарова, не задумался, какой ценой оплачены протесты против той войны. Ни Англия, ни наша страна, ни Америка ничего там не завоевали. А жизней наших ребят мне жалко. В карельской глубинке видел я лица родственников, получавших похоронки. Кроме глубокого горя бросалась в глаза еще и растерянность, и непонимание — за что нам это. Глубоко запало мне в душу, не вытравить.

Да, видит Прокофьич, «человек за эти годы стал совершенно другим с форштевня до кормовой банки, как говорят флотские». И думают людишки, продолжает Прокофьич, «что твои труды и траты — это новомодные инвестиции во что-то им пока неведомое, но явно высокодолларовое». А у нашего генерального секретаря дошло до того, что пиццу пришлось рекламировать. Так и это лыко ему в строку поставили. Во многом можно винить Горбачева — и в нерешительности, и, порою, в топтании на месте, но у нас речь о другом, о том, чего у него никому не отнять.

Беседую с бывшим парторгом крупного предприятия. «А теперь ты бы вступил в наисправедливейшую компартию?» — спрашиваю его. «Нет, ни за что»,— заверяет он. И вскоре, забыв этот разговор, доверительно сообщает: «А ты знаешь, Горбачев, оказывается, сознательно разрушал идеологию». Ну, освободили тебя от партсобраний, от блокнота агитатора, от всей этой мути, подступающей к горлу. Имей же хоть толику благодарности к тому, кто тебя освободил. Куда там! «Так ведь он же сдал агентов Штази»,— сокрушается еще один обличитель. В современной Германии есть два музея позора. Один из них посвящен Штази, второй — Берлинской стене. Есть гильотина, работавшая аж в середине двадцатого века. Да и без нее каково это — стрелять в безоружных, все куда-то зачем-то бегущих людей, своих сограждан?

В новелле прекрасно показано превращение идеи в абсурд, расхождение живой жизни с партийным реноме (С. 141). Повествование обретает цельность, освобождается от ненужных деталей, когда автор описывает парторга, принюхивающегося, не несет ли от собеседника парами алкоголя, или, еще того хуже, идеологической нестойкостью. И каноны партсобраний тех лет автору известны не понаслышке. (С. 75). На наш взгляд, эти страницы, равно как и злоключения Прокофьича, являются лучшими в романе.

«Надежда наша, шанс последний наш, ужели ты Россию им отдашь?» — писал В. Корнилов в те годы. Им — это подобным парторгам, чиновникам. Они ничего не забыли и ничего не простили. А уважающему себя человеку не пристало лепить ярлыки. Неизжитая партийность, как чирий на шее мешает человеку и обществу свободно двигать головой. Один уперся вправо и видит пятую колонну, другой смотрит влево и видит нашистов и тех, которых в романе зовут коммуняками. А общество — это все мы, без изъятия. Как мы распорядились плодами перестройки, открывшимися перспективами — это вопросы уже не к Горбачеву, а ко всем нам.

Во второй новелле на сцене появляется Игорь Васильевич. Этому предшествует воистину библейский зачин: Авраам родил Исаака и т.д. Не могу отказать себе в удовольствии привести его целиком. «У Веркиного мужа, то есть зятя Прокофьича, Витьки имелся старший брат. Витек был из многодетной семьи: сам он, ровесник Веры, готовился отпраздновать свое сорокалетие и являлся младшим в семье Скородумовых. А вот Игорь Васильевич самый старший, тоже только встретил шестидесятилетие». Игорь Васильевич, будучи научным работником (описание регалий в тек-

сте длиннее, нежели его родословная) видел, что образовалась огромная масса «скороспелых докторов наук». Будучи членом двух диссертационных советов он сам принимал в этом процессе участие, прикрывая свои тылы, как он, ничего не скрывая, признается, завкафедрами и деканатскими начальниками (С. 60). К сожалению, из текста не узнаешь активным или пассивным было его участие. Хорошо уже хотя бы то, что Игорь Васильевич не кивает по российской привычке на указания начальства. Так или иначе все защитились под его председательством, а то и вовсе руководством. «при невысоком научном, да и ином уровне докторских диссертаций». Содержание некоторых «напоминало дипломные и курсовые студенческие работы». Тут бы и впору сказать: «Ты сам виновник всех своих несчастий, смиряясь с тем, чего терпеть не должно». Или вспомнить нелюбимого Солженицына: «Если нас мало уважают, надо подумать, правильно ли мы живем». Но подобные размышления не омрачали чело Игоря Васильевича. Подоплеку всех возникающих претензий к нему он объяснял элементарной завистью к его научным достижениям и научным ничтожеством коллег. Не будем цитировать эти многостраничные раздумья. Герой, попав на больничную койку, не совсем верно различал состав этого, как он выразился, змеиного гнезда. Глаза ему застилал туман незаслуженной обиды и почти физического отвращения. Позвольте, но не до такой же степени, чтобы повествовать о толстомясых деканатских бабах (С. 74). Отец автора этой рецензии, тоже, кстати, профессор Сорокин Сергей Сергеевич, однажды и на всю жизнь сказал мне: «Никогда, запомни, никогда не используй в полемике в качестве аргумента физические недостатки оппонента».

Но где же наш автор, почему он устранился от повествования о змеином гнезде, идентифицировавшись с потрясенным героем? Не различаем мы, где в этом гнезде кобра, где королевский питон, а где несчастный суслик, которого угораздило сюда попасть? Может быть, материала недостаточно? Или творческая фантазия не разыгралась, не получилось проникнуть в души людей?

А повествование тем временем приобретает черты гротеска. Лететь на заработки в Америку разжалованному Игорю Васильевичу не с руки. Конечно, подложить бомбу в самолет «услужливые» коллеги не в силах, а подбросить полфунтика героина — это за милую душу. Главное — полфунта. Герой, видимо, понимает, что если подсунут меньше, то американцы могут и не найти. А ведь говорил, говорил ему декан: «Да кому т-ты нужен!» Декан ошибался. Игорь Васильевич нам очень нужен. Это фигура интересная. Себе он представился могучим дубом на равнине. Из описания автора, не знаю в согласии с его волей или вопреки, но этого не ощущается.

Роман не хроника, но все же есть прототипы, а значит, чтобы соблюсти объективность, если говорить высоким стилем, и из любопытства, если низким, довелось мне не раз и не два бывать в описанном змеином гнезде. Так ведь ни одна змея не высказалась об Игоре Васильевиче плохо. И не захочешь, а сравнишь с тем, как он их честит. Сожалели о ситуации — да, не проявляли интереса к его трудам — да, а вот чтобы что-нибудь злокозненное из них вытянуть — это ни под каким видом. Сколько ни провоцировал — результат нулевой. Понимаю, впрочем, что я сам скатился к нормативной критике, пытаясь вставить в роман то, чего в нем нет, но что очень хочется увидеть. Оправдание мое только в том, что любопытство — не порок.

Обидно Игорю Васильевичу, что его том с привлечением многозначной комплексной логики А. А. Зиновьева мало читают коллеги. Видимо, согласен он с тем, что А. А. Зиновьев во всеоружии своей логики написал: «Жизнь Брежнева будут изучать по дням, а Солженицына забудут». Неинтересна мне лично эта логика, если автор такое декларирует. Видимо у него вообще с логикой не в порядке. Ну, это уже мое глубоко личное, допускаю и другие мнения.

Обратимся, однако, еще к одной новелле. О главе области, выправившем себе

чин полковника и на все остальные департаменты, включая здравоохранение, образование и соцзащиту поставившем полковников. И даже директора объединения городских парков. А в водоканал, правда, только капитана, прежде командовавшего водолазами. И полковники-политотдельцы во всех колледжах — бывших училищах и техникумах... Очень интересно такое прочесть. Авторская сатира во всем своем блеске.

Но приостановимся ненадолго. Вот, например, Маяковский в своем творчестве не считал возможным подняться выше газеты. Но зачем же тогда литература? Ведь писатель — наставник других людей, если вспомнить классическую литературу. Антоша Чехонте стал Чеховым, когда, презрев стереотипы, замахнулся на «святое», показав в «Трех сестрах» каким уродливым может быть материнство, когда поехал на Сахалин.

А тут такая благодатная тема, подсказанная самой жизнью. Раскрой, что теряем мы в душах, пока вышагивают наши парады. Автор же пытается «простить и то, чего нельзя простить». Тетеря — такова фамилия главы области — «лишенный чувства фронтового братства», не вступается за «проштрафившегося в многомиллионной афере полковника». «Не только отрекся, но и уволил еще двух зарвавшихся полковников. И от других подобных отрекся и не вступился в защиту». Автор как бы намекает фамилией. Ну, Тетеря ты, глухая Тетеря, надо было разруливать ситуацию, может, и сам бы на губернаторстве остался. Такое вот понимание жизни, нравственный даже не уровень, а уровенек.

Еще раз повторюсь. Новелла — не газетный очерк. Фамилии людей изменены. Так какая вожжа тебя сдерживает, пиши, вникай в души людские. Что же ты подобно гоголевской тройке проносишься мимо, так, что в глазах рябит. Не дает ответа автор. И может быть он прав. Пусть читатель додумает. Но по гамбургскому счету думать над текстом — это одно, а домысливать за автора — совсем другое.

Говорят, что дьявол кроется в деталях. Обратимся к ним. Автор очень не любит, когда собеседники в книге выражаются по-американски (С. 149). Зато уважает латынь. Читаем на первой странице про «выход префекта в городской районной управе (от лат. Perfectum mobile)» и сразу спотыкаемся. Во-первых, не perfectum, а praefectus и не проще ли — начальник. А может, автор имел в виду perpetum mobile, то есть вечный двигатель. Но все равно концы с концами не сходятся. Мене такел фарес — декларирует Игорь Васильевич, что означает, по его мнению, дни твои сочтены, грехи подсчитаны (С. 172). Так и хочется воскликнуть: «Уважаемый дважды доктор, трижды профессор, это изречение переводится как «взвешен и найден слишком легким». Других переводов этого выражения я не встречал, да и смысл разнится. Задумайтесь об этом». Первый вариант для Игоря Васильевича, конечно, приятнее, но в таком случае это не перевод, а его собственная трактовка.

Задумаемся и мы. Может быть, автор просто проверяет нашу образованность, чтобы свиное рыло не лезло в калашный ряд. Ну что же, дальше попроще. Автор, конечно, не случайно пишет «сходу добился открытия» (С. 56), «подстать малосолнечным дням» (С. 75), ну различает же он, где наречие, а где предлог. Наверное, это своеобразный ЕГЭ по русскому языку для читателя. Автор всерьез убежден, что Аз — это означает русский (С. 115). Неясно в таком случае, как понимать эпиграф к Анне Карениной. Да все элементарно проще. От аз — первой буквы алфавита до я — последней буквы. Упоминаемая в примечаниях к роману книга так и называется — Аз и Я.

Непонятно, кто такие античные вестовщицы (С. 217), разыскать таковых нам не удалось. Из текста романа ясно, что это не весталки. А как все же правильно — девять грамм (С. 215) или девять граммов, ну как тут не вспомнить песню Булата Окуджавы? Понятно, что русский мужик помыслит про сто грамм водки, а Окуджава про

девять граммов сами знаете чего. Контекст — великое дело. Вольно было классикам писать, как придется, а тут лауреату отдувайся за всех них. Даже будучи лауреатом 11 премий, как аттестован автор романа на обложке. А с другой стороны ногу сломишь с этим языком, когда на С. 74 встречаешь банку не шпрот, а шпротов. Тут уж без бутылки виски, лежащей рядом с банкой, никак не разобраться. Можно, конечно, списать все на корректора, который две лишние буквы добавил, да по своей ли воле, а то может и здесь не обошлось без какой-нибудь змеи? Но так мы далеко зайдем, а если серьезно, то книга просто изобилует опечатками, большинство из которых я просто не привожу. Работа корректора оценена мною очень низко. А если шире, то надо ли было отдавать важное дело корректуры в равнодушные руки, ликвидировав институт корректуры.

Автор бесстрашно вызывает читателя на размышления фразой «борьба с отрепьем российского человечества: пьющим, курящим» (С. 71). Поневоле долго будешь чесать затылок — отрепье это или отребье. Но это интересный неологизм, если только не очередная опечатка.

Зарубежье автор пишет с прописной буквы. На «Гэ-Вэ-Эр Гегеля» (С. 144) нашлись четыре прописные буквы. На слова бог и господь, поминаемые часто, заглавных букв не нашлось, зато Спаситель — это с большой буквы (С. 134), на всякий, видимо, пожарный случай. Рождество, кстати тоже с прописной буквы. Попробуем все-таки учитывать контекст. Но вот незадача, на С. 96 «видно господь бог опекает меня понемногу» и все-таки маленькая буква. Интересно, что на С. 208 появляется Антихрист с большой буквы и с этой же страницы и до конца романа Бог тоже пишется с большой буквы.

Дни у автора идут парами, вроде ботинок или перчаток. Недели кстати тоже (С. 199). Да даже академии и то парами. Понимаю институтскую привычку считать учебные часы парами. Это допустимо, поскольку это одно занятие, в которое уложилась пара часов. Но язык в этом случае сам протестует, педагоги так и говорят — пара, а не пара часов.

Интересен и контекст. Главный герой доверял отцу, в частности потому, что тот «появился на свет через пару дней после трусливого отречения Николашки Кровавого (С. 54). А если бы за два дня до отречения, тогда что, доверия было бы меньше? И попутно — или уж Николашка, или Николай Кровавый. А Николашка Кровавый — такого больше нигде не встретишь. Так и просматривается через неприкрытое презрение героя его психический склад, отразившийся и в его последующих злоключениях. Очень интересно пишет автор в кульминации романа, отражая напряженность момента: «январь следующего наступающего нового года» (С.75). Вообще, время в романе исчисляется по звездам, и не просто по звездам, а по звездам Брежнева. После второй звезды закрылась шахта (С. 9), после четвертой звезды возник джентльменский договор (С. 69).

Автор не в ладах с предложным падежом в словах этикетка и качество: «На наклеенной в правом нижнем углу торговой бумажной этикетки он увидел...» (С. 90). «Узнал о своей умственной неполноценности и других схожих качеств» (С.197). Нет слова коммуняк, а есть слово коммуняка, как нет слова забияк, а есть слово забияка. Поэтому, если был ярым, то коммунякой, а не коммуняком как на С. 186. «Супруга Гена воспитывала двух дочерей» (С. 190). Мужа тоже звали Геной. И это не просто супруга, а супруга-казачка через дефис. Автор любит эти дефисы. У него Потемкин-Таврический (С. 187).

Создается впечатление, что читателям предлагают своеобразное испытание, а на последней странице все разъяснится и будут выставлены оценки за прилежание, усердие в чтении романа и знание народного языка.

Кроме русского языка роман требует от читателя осведомленности в литературе, своего рода еще один ЕГЭ. Приводится цитата из нелюбимого главным героем сочинителя Солженицына. Цитата эта, впрочем, из лагерного фольклора, а не сочинена автором и обнаруживается она не в «Одном дне», как считает герой, а в «Архипелаге». Ну, что делать, нелюбимый, он и есть нелюбимый, тут и не такое подмахнешь. То ли дело Николай Шпанов, которого герой читал, по его признанию, раз двадцать, не меньше. Так это же тот самый, который написал актуальный для героя роман «Поджигатели». Они, поджигатели, то дачу у героя грозятся поджечь, то героин подкинуть. Ну, вообще-то, это дело вкуса, кому нравится осетрина, а кому свиной хрящик. Хренком приправишь все, а вкус все равно разный.

Все могу понять, но, честное слово, не понимаю, когда на С. 16 Прокофьич сообщает, что уже двадцатый год подряд все обещают и обещают спустить со стапелей Северодвинска одну и ту же атомно-ракетную подлодку, а на 151 странице безымянный моряк и опять про Северодвинск, и про двадцать лет, и про единственную лодку. Дальше у Прокофьича — американцы ввели тридцать штук, у моряка — американцы тридцать штук соорудили. Интересно все-таки, моряк от Прокофьича услышал или сам из газет узнал. Оба, конечно, моряки и душа у них изболелась, но читателя тоже надо пожалеть или хотя бы уважать. «Жал-лаю опохмелиться! — встал моряк». Нам бы тоже остановиться и перевести дух. «Будем держаться до последнего, как героический Варяг, до последнего снаряда», до последней, стало быть, страницы добрались.

Будем же благодарны автору. Иную книгу прочитаешь и сказать о ней нечего, ну, к примеру, чтоб современников не обидеть, поинтересуйтесь книгами члена Союза писателей СССР Камила Яшена. Кстати тоже очень Солженицына не любил. За мрачность. Так ведь понурая свинка глубок корень роет.

«Не пиши на себя анонимки»,— говорил мне парторг в прежние времена. А наш автор ничего не побоялся. Всего три новеллы из девяти разобрали, а мыслей — вагон. Вот этого у автора не отнимешь, это любому настоящему писателю можно пожелать.

От редакции. «Приокские зори» свято следуют традициям русской литературной журналистики, что идет еще от «Современника» А. С. Пушкина и «Отечественных записок» Н. А. Некрасова, а, значит, уделяют особое внимание отзывам и рецензиям на вновь выходящие книги, коль скоро те являются заметным вкладом в современный литературный процесс. Редакция журнала приветствует появление на его страницах рецензий и отзывов с качествами объективности.

При этом мы учитываем, что в русской литературной критике всегда были и есть два основных направления. Первое идет от Белинского (вспомните его великолепные статьи о творчестве Пушкина — целый том статей!) — это конструктивная доброжелательная критика. Второе — от Добролюбова и писателей разночинцев, «резких» критиков.— Все это от специфики их бурсацко-семинарского воспитания. Как в наше время говорят: нет более яростных борцов с винопитием и табакокурением (при всей их вредности, конечно), нежели бывшие любители зеленого змия и травки-никотианы. Но — это все к слову.

Мы как-то привыкли, что рецензии и отзывы в «толстые журналы» пишут по преимуществу профессиональные критики или литераторы, стремящиеся к такому статусу; главное — те и другие смотрят на автора рецензируемого произведения как на коллегу... по счастью или по несчастью, что, впрочем, неважно.

...Иное дело — «взгляд со стороны», как в данном случае: отзыв пишет читатель. Это намного интереснее и для автора произведения, и для журнала, и для его читателей. Во-первых, «жив курилка!» (это из «Кола Брюньона») — то есть остался-таки ныне редкостный подвид homo sapiens — читатель! Во-вторых, еще интереснее слышать или читать мнение о произведении читателя того же профессионального звания, что и герои произведения. Действительно, в книге события происходят в среде вузовских преподавателей, а автор отзыва тоже профессиональный «препод», как сейчас непочтительно говорят студенты. Более того, Александр

Сорокин — потомственный работник высшей школы; он сам указывает: отец его был профессором вуза. А всякий рыбак рыбака видит издалека, и могут они до тонкостей обсудить тему ловли язей в мутной воде... то есть роли администрации в деле интенсификации учебного процесса в университете.

И, вообще говоря, дело второстепенное, что главный персонаж «Административного восторга» и рецензент этой книги порой диаметрально противоположны в своих отношениях к делам, событиям и личностям былых и нынешних дней истории нашей страны. Главное — писатель пишет, а читатель читает; перефразируем известное и несколько легкомысленное... Здесь наиболее важен другой момент: рецензент опять же не профессиональный литератор, но профессиональный педагог, а это каста настолько своеобразная, что понять ее сущность и мироощущение «посторонний» вряд ли сможет.

Отсюда и их, педагогов, пресловутая сверхтолерантность и наглухо «замкнутые души»; как в старой лагерной песне: «У начальника Березкина что за гонор, что за понт, и душа крест-накрест досками...» Рецензент видит — и слишком прямолинейно — основу несчастий главного героя книги в зависти коллег, но как-то мимоходом, скороговоркой это произносит. Но зависть — очень сильное чувство — прочтите «Зависть» Юрия Олеши. Там все сказано.

...Чтобы редакционное примечание не превратилось в «рецензию на рецензию», закруглимся, только упомянув многочисленные «грамматические» пометы автора отзыва. Это, во-первых, от профессиональной педагогической дотошности; во-вторых, от хорошей грамотности рецензента, но вот в-третьих... он не литератор и не знает, что писатель имеет право и на свой, своеобразный язык, порой даже не вписывающийся в строгие грамматические нормы. Опять же сейчас исчез институт корректоров, а автор, сколько ни корректируй свое произведение — все одно толку не будет. Это давно уже подмечено классиками: себя грамматически точно не прочтешь, ибо мысли автора совсем о другом...

Редакция «Приокских зорь» благодарит Александра Сергеевича Сорокина за содержательный, своеобразный отзыв.

СЛОВО — ДУША НАРОДА
(интервью по просьбе читателей)

*Леонид Васильевич Ханбеков — президент Академии российской литературы**, *член Союза писателей СССР и России, руководитель Творческого клуба «Московский Парнас», человек, открывший многим авторам пути в литературу. Сегодня он делится своими мыслями и планами с читателями «Приокских зорь»...*

Л. В.— Так уж случилось, что общественная Академия российской литературы — небольшая, скромная, однако целеустремленная и работящая организация, возникшая в пору всеобщего культурного и хозяйственного разброда и разлома, все больше и больше привлекает к себе внимание литераторов, живущих и работающих не только в Москве и Подмосковье, что естественно, но и в дальних российских городах и весях, а то и за рубежом. Живет, не имея ни государственных грантов, ни спонсорных вливаний, как иные от Газпрома и Транснефти, а лишь объединяя усилия самих литераторов. Живет, опираясь на товарищескую складчину, на самоокупаемость каждой из задуманных и выпущенных книг. Живет, не жалея ни сил, ни времени на информирование о своих идеях столичных и провинциальных литераторов и любителей литературы. Без малого десять лет предоставленная самой себе, Академия сумела осуществить выпуск почти двадцати томов антологий современной литературы.

Н. В.— Леонид Васильевич! Может быть, в порядке исключения, мы нарушим все правила ведения интервью и приведем список членов Академии, а затем, в процессе разговора, если возникнет такая необходимость, коснемся важных мыслей о творческом лице, почерке, личности кого-то из членов Академии, руководителей коллегий, членов правления?

Л. В.— С радостью. Думаю, это давно надо было сделать, так как на обложке журнала «Приокские зори» бренд Академии, а в составе редсовета несколько ее членов. До своей безвременной кончины в нее входил и первый президент Академии известный прозаик Владимир Мирнев.

Н. В.— Расскажите, пожалуйста, о сотрудничестве альманаха «Московский Парнас» с Академией российской литературы.

Л. В.— Читатели «Московского Парнаса» заметили нашу постоянную рубрику «Книжная полка», где мы сообщаем о новых книгах членов Академии российской литературы, а затем, как правило, публикуем и рецензии на эти издания. Практически в каждом выпуске альманаха, в дружественных нам изданиях, круг которых медленно, но неуклонно расширяется, появляются отклики, рецензии, статьи.

Н. В.— А какие издания Вы могли бы отнести к числу дружественных на данный момент?

Л. В.— Прежде всего, безусловно, те, в которых трудятся члены нашей Акаде-

* Состав Академии и ее структура были опубликованы в № 3, 2014 «ПЗ».

мии. Газета «Слово», которую боевито и страстно ведет член правления публицист Виктор Линник, «Независимая газета», где работает поэт и опытный журналист Виктор Широков, «Советская Россия» — в ней сотрудничает обозреватель, прозаик Евгений Бузни; два красноярских издания — журнал «Енисей» и альманах «Новый енисейский литератор», в редакционных советах и коллегиях которых состоят около десяти членов нашей Академии — прозаики и поэты: Тамара Булевич, Алексей Мещеряков, Виталий Пшеничников, Галина Дубинина, Алексей Третьяков, Виктор Ермаков... Замечу, добротный рецензионно-критический отдел в «Приокских зорях». К нам в «Московский Парнас» и в Академию долетают отзывы на выступления Алексея Корнева, Виктора Кашкина, Ирины Кедровой... Весьма благодарны мы и быстрым откликам газеты «Московский литератор», в котором сразу три заметных публикации в связи с новыми книгами членов Академии — поэтов Анатолия Ковалева, Нины Поповой, Бориса Рябухина... На мой взгляд, это лучшее доказательство того, что Академия российской литературы — живой, пульсирующий организм.

Н. В.— Какие вопросы намечаете Вы для обсуждения на «круглых столах, рабочих встречах членов Академии?

Л. В.— Из оперативных, рабочих — обсуждение новых выпусков антологий современной литературы — восьмого тома антологии поэзии «Созвучье слов живых», третьего выпуска Антологии детской литературы «За горами, за долами» и лишь второго выпуска Антологии критики и литературоведения «Поле битвы — людские сердца»... Жизнь, как всегда, преподносит разные сюрпризы. Мы намеревались уже в конце февраля устроить нечто вроде презентации двух очередных выпусков антологий — поэзии и критики. Обсуждение этих изданий, по моему мнению, должно было показать остальным коллегиям — прозы, публицистики, драматургии, сатиры и юмора, что не боги горшки обжигают. В нынешнее время, очень нелегкое для российской литературы, ориентированной на исконно народные нравственные ценности, все-таки можно собраться с силами и средствами и осуществить эти, так сказать, не модные, не рыночные, но убежден, крайне необходимые издания. Они нужны нынешнему преподавателю литературы для ориентирования старшеклассников и студентов гуманитарных вузов в море современной отечественной словесности. Но так случилось, что тираж 8-го выпуска «Созвучья слов живых» ушел, а молодые руководители коллегии поэзии Борис Рябухин и Юрий Богданов не смогли, как должно, воспользоваться ситуацией и, уже с публикой, обсудить возможный состав авторов следующего тома. А обсуждение второй книги Антологии критики и литературоведения пришлось отложить на несколько месяцев, так как скоропостижно скончался критик Леонид Молчанов, недавно утвержденный в должности руководителя соответствующей коллегии.

Н. В.— Да, это скорбная весть для всех членов Академии и «Московского Парнаса»...

Леонид Васильевич, на одном из собраний Академии зашел разговор о создании ее филиалов в некоторых регионах страны. Есть ли уже осязаемые результаты?

Л. В.— Дело, как Вы понимаете, архисложное, тем более, сейчас, когда бывшие отделения Союза писателей России в иных областях рассыпались на две-три, а то и более, группы или ячейки, часто соперничающие, а то и враждующие друг с другом. Областные отделы культуры, имевшие возможность как-то поддерживать писательские организации, выплачивая аренду помещений, выделяя пусть и незначительные средства на издание литературных журналов и газет, сейчас столкнулись с этой разобщенностью, мелочным соперничеством — и вовсе отказали им в поддержке. Но в уцелевших, достаточно крепких, давно сложившихся писательских организациях, в составе которых оказалось на данный момент по 4-5 членов Академии, мы надеемся сформировать и утвердить такие филиалы. Прежде всего, речь идет о дружественных нам сообществах, объединенных вокруг изданий журналов и альманахов.

Н. В.— Где именно существуют такие союзы?

Л. В.— Во многих городах и регионах России и за ее пределами. К примеру, в Туле и Красноярске, на Алтае и в Сургуте, в Краснодаре и Новосибирске, а также в Болгарии, в Варне.

Н. В.— Всегда ли взаимодействие Академии и «Московского Парнаса» с другими аналогичными организациями происходят в направлении позитива? Помнится, на одном из общих собраний, в конце октября прошлого года, прозвучала реплика члена Академии, мол, он уже не раз замечал, как у изданий Академии и альманаха «Московский Парнас», который с завидной регулярностью выходит свыше 10 лет, «поворовывают» рубрики, названия серий, творческие приемы... Было сказано, что надо бы как-то оградить названные издания от любителей поживиться литературными находками. Вы тогда отшутились. Цитирую: «Пусть воруют! Это всего лишь означает, что к нам приковано внимание литературных новичков. А читатель, пусть и не сразу, разберется, чей тут приоритет!»

Л. В.— Я отшутился, но и готов порассуждать об этом серьезно. Нам приятно, что вслед за «Московским Парнасом», которому, кстати, без малого двенадцать лет, появился в Подмосковье «Одинцовский Парнас». Не могу сказать, насколько регулярно он выходит, так как новый альманах пока не предлагает нам взаимообмена. А недавно в «Литературной газете» прочел интервью редактора «Пражского Парнаса», о выпуске уже трех сборников. Это, конечно, радует. Но совсем иные чувства мы испытываем, когда одна из партий чуждого нам политического направления именует себя «Парнас». Подобная эксплуатация названия заставляет нас негодовать, так как иной читатель может решить, что наши авторы имеют к площадным акциям Немцова какое-то отношение.

Н. В.— Я убеждена, — вдумчивый, интересующийся читатель не ошибется. Примите искренние пожелания дальнейших успехов Академии и альманаху «Московский Парнас», терпения и творческого вдохновения всем авторам. Вам лично, Леонид Васильевич, здоровья и литературного долголетия. Большое спасибо за то, что уделили нам время.

Беседу провела Наталья Валентинова,
внештатный корреспондент
журнала «Приокские зори»

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, почитать и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует и ободряет все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится на второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются бесплатно, преимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, Тульскую областную библиотеку работников образования, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, Культпросветучилища (ныне — колледж), Лицея на Пушкинской, Областного общества «Мемориал», музеев Тулы и Тульской области, в редакции общегородских газет, в ИПО «Лев Толстой» и в редакции альманахов «НЛО» (г. Новомосковск) и «Тула», в библиотеки тульских филиалов московских вузов.

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

— Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого — абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);
— Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);
— Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201);
— Библиотека № 4 (ул. Металлургов, 34);
— Библиотека № 5 (ул. Металлургов, 2«а»);
— Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);
— Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);
— Библиотека № 20 (ул. М. Горького, 20);
— Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36);
— 14 филиалов названных выше библиотек.

По системе областного библиотечного коллектора ТОУНБ журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может знакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала 2007 года аудитория читателей потенциально многократно возросла, поскольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на сай-

те www.pz.tula.ru Интернета, а также на сайте «Русское поле»: priokskie.ruspole.info. То есть журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры ведущих фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы и Администрации области, редакции ведущих литературно-публицистических газет России: «Литературной газеты», «Дня литературы», «Российского писателя», «Общеписательской литературной газеты». Доставляется журнал в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одноименный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж), редакция журнала «Истоки» (Красноярск). Журнал получают центральные библиотеки Москвы, Орла, Калуги, Петрозаводска, Курска, Сургута, Фрязино, Новосибирска, Красноярска, СПб и ряда других городов. Журнал получают престижные библиотеки США: Библиотека Конгресса США и библиотека г. Сиэтла, а также Национльная библиотека Израиля в Иерусалиме.

Определенное число экземпляров (до пятидесяти) предназначается для организаций-издателей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети Интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего, начального, периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедшее время он увеличился до 500 экз. Но это и немало, учитывая, что сейчас тиражи ведущих всероссийских «толстых» литературных журналов не намного больше.

В планах редколлегии на ближайшее время значится доведение тиража до 1000 экз., присвоение международного классификационного номера *ISSN* и включение в подписной каталог «Роспечати». С 2009 года журнал имеет госрегистрацию.

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культпросветучреждений: если вы хотите регулярно получать (безвозмездно) наш журнал — сообщите об этом письменно зав. редакцией (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или *e-mail*. Начиная с предыдущих номеров журнал уже доставляется в ряд школ города Тулы. К сожалению, большинство школьных библиотек проявляет стойкую апатию...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., ***является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»***. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

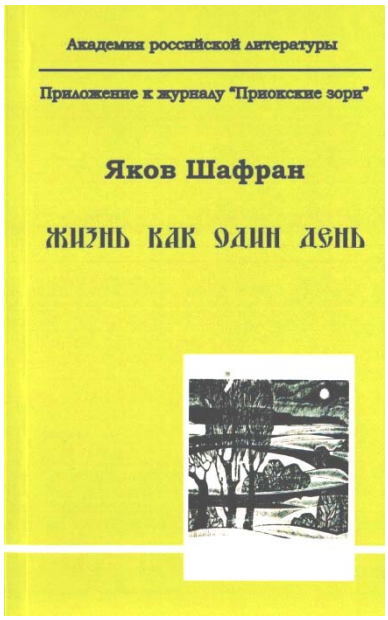
Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России (см. информацию в начале рубрики «Хроника литературной жизни»). Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала, или прислать по почте.

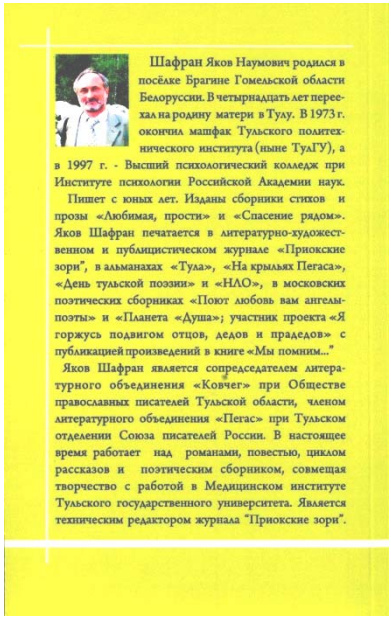
И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставле-

нием этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:





Шафран Яков Наумович родился в посёлке Брагине Гомельской области Белоруссии. В четырнадцать лет переехал на родину матери в Тулу. В 1973 г. окончил машфак Тульского политехнического института (ныне ТулГУ), а в 1997 г. - Высший психологический колледж при Институте психологии Российской Академии наук.

Пишет с юных лет. Изданы сборники стихов и прозы «Любимая, прости» и «Спасение рядом». Яков Шафран печатается в литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори", в альманахах «Тула», «На крыльях Пегаса», «День тульской поэзии» и «НЛО», в московских поэтических сборниках «Поют любовь вам ангелы-поэты» и «Планета «Душа»; участник проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов» с публикацией произведений в книге «Мы помним..."

Яков Шафран является сопредседателем литературного объединения «Ковчег» при Обществе православных писателей Тульской области, членом литературного объединения «Пегас» при Тульском отделении Союза писателей России. В настоящее время работает над романами, повестью, циклом рассказов и поэтическим сборником, совмещая творчество с работой в Медицинском институте Тульского государственного университета. Является техническим редактором журнала "Приокские зори".

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частно-меценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к Академии;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 10 экз., если хочет, чтобы книга рассылалась вместе с очередным номером журнала по адресам обязательной рассылки.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2014,— №№ 3, 4.

2. *Бийский Вестник*: Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края). — 2014.— № 3

3. *Общеписательская литературная газета, 2014.*— №5 (54).— 12 с.

4. *Путь к здоровью:* Информационно-аналитический журнал «Актуальный диалог. Путь к здоровью».— М.: Издатель ООО «Пласо», 2014.— Июль-август.— 68 с. (В номере опубликован цикл стихов «Украинская тетрадь» (с. 64—65) нашего постоянного автора, председателя Правления Московской городской организации Союза писателей России Владимира Бояринова. Также в «Слове главного редактора» (член Союза писателей России Владимир Пожарский) рассмотрена ситуация в связи с «антиникотиновым» законом о борьбе с курением в России: «...Сейчас борьба с курением превратилась в ординарные гонения на курильщиков. То есть на 40 % населения страны...»).

5. *Субетто А. И.* Глобальная патология и глобальное здоровье в контексте императива ноосферной гармонии / Под ред. Н. П. Фетискина.— СПб: Астерион, 2014.— 114 с.

6. *Субетто А. И.* Жизнь как единство творчества, здоровья и гармонии человека и общества / Под ред. В. Т. Пуляева.— Кострома: НОУВПДО «АСППАМ», 2013.— 254 с.

7. *Субетто А. И.* Юрий Алексеевич Гагарин — символ ноосферно-космического прорыва в будущее России и человечества / Под ред. В. Т. Пуляева.— СПб: Астерион, 2014.— 232 с.

8. *Субетто А. И.* Ноосферно-космическая гармония / Под ред. В. В. Лукъянова.— СПб: Астерион, 2014.— 20 с.

9. *Макаров Н. А.* Лето в деревне: Рассказы для детей.— Тула: б/у изд-ва, 2014.— 80 с., ил.

10. *Мых-Степняк Н. А.* Дорогами великого Кобзаря: Документальная повесть.— Тула: Антара, 2014.— 160 с.

11. *Лукьянов И. В.* Высшая мера: Стихи из четырех десятилетий.— Воронеж: ИД ВГУ, 2014.— 154 с.

12. *Жуков Н. А.* Поэтические мысли и откровения: пятистрочия / Предисл. В. Ф. Пахомова.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2014.— 45 с.

13. *Куликов В. В.* Помнишь ли, Родина? О туляках-оружейниках.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2013.— 282 с.

14. *Куликов В. В.* (составитель) Тульск. гражданпроекту — 70.— Тула: Гриф и К, 2012.— 68 с.

15. *Соленая подкова.* Авторский литературно-публицистический альманах Петра Ткаченко. Вып. 1.— М.: «Эслан», 2006.— 256 с., ил.

16. *Соленая подкова.* Авторский литературно-публицистический альманах Петра Ткаченко. Вып. 3.— М.: «ООСТ», 2007.— 340 с., ил.

17. *Соленая подкова.* Авторский литературно-публицистический альманах Петра Ткаченко. Вып. 5.— М.: «ООСТ», 2008.— 332 с., ил.

18. *Соленая подкова.* Авторский литературно-публицистический альманах Петра Ткаченко. Буклет (б/г изд., б/у изд-ва).— 28 с., ил.

19. *Ткаченко П. И.* Когда же произойдет смена вех?— (Новая смена вех).— М.: «ООСТ», 2009.— 144 с.\

20. *Сотрудники* лечебного факультета Медицинского института Тульского государственного университета: Биографический справочник 1994—2014 гг.— К 20-летнему юбилею / Предисл. М. В. Грязева.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2014.— 117 с. (В справочнике приведены биографические данные многих членов редколлегии и редакции «Приокских зорь», авторов журнала: А. А. Хадарцева, А. А. Яшина, В. Г. Сапожникова, В. А. Хромушина, А. С. Сорокина и др.).

21. *Макаров Н. А.* Артиллеристы-туляки / Предисл. председателя правительства Тульской области Ю. М. Андрианова.— Тула: Антара, 2014.— 154 с., ил.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Ковчег*: Литературно-музыкальный альманах: поэзия, проза, публицистика, критика и литературоведение, произведения о детях и для детей, песни. Вып. 4.— Тула: Изд-во «Папирус», 2014.— 328 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

2. *Алексей Яшин*. Дэкаф: Северные повести (Шестая книга рассказов Николая Андреяновича) / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2013.— 299 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— Книга номинирована на Бунинскую премию 2014-го года.

3. *Владимир Сапожников.* Избранное. Стихи.— Тула: «Полиграфинвест», 2014 г.— 134 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

4. *Алексей Яшин.* Административный восторг, или картинки с выставки: Роман-новелино / Вместо предисловия: А. П. Чехов. Хамелеон: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2014.— 327 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— Книга номинирована на премию «Золотой Дельвиг».

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» — Приложение к журналу «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Лебедев С. А.* Чтобы память не гасла: Стихи и проза / Предисл. А. А. Яшина.— Тольятти: Типография ОАО «Куйбышев Азот», 2013.— 240 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

2. *Яков Шафран.* Льется жизни стих: Стихотворения / Предисл. Г. Г. Мирошниченко.— Тула: Изд-во «Папирус», 2014.— 108 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

— проза, включая драматургию;

— поэзия;

— публицистика, включая историко-политическую;

— литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звание лауреата — по номинациям — удостаиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-ой стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2013-го года уже объявлены в № 1, 2014 «Приокских зорь». Также имена лауреатов объявляются в «Литературной газете». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс за 2015-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

О НАС ПИШУТ, НАМ ПИШУТ

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ: ПИСЬМА НАШИХ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ В «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

НАЛАЖИВАЕМ ТВОРЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО — В РОССИИ, БЛИЖНЕМ И ДАЛЬНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ

«Общеписательская литературная газета» (главный редактор Владимир Федоров) решила установить творческое содружество с журналом «Приокские зори», в частности, учредить на своих полосах постоянную «страничку», посвященную нашему журналу. А в № 1, 2014 «ПЗ» был опубликован литературоведческий очерк Нины Поповой «Единение судеб — перекрестка строк (Гумилевские традиции в творчестве Владимира Федорова)».

Налаживаем творческое содружество с Белорусским писательским союзом «Полоцкая ветвь» (председатель Олег Николаевич Зайцев), г. Минск). В частности № 1, 2015 «Приокских зорь» планируется «белорусским».

«Приокские зори» и книги в каталоге Национальной библиотеки Израиля в Иерусалиме.

Сообщает из Израиля (г. Иерусалим) член нашей редколлегии Ефим Аронович Гаммер: Алексей Афанасьевич! См. линк журнала «Приокские зори» в электронном каталоге Национальной библиотеки Израиля в Иерусалиме

Если линк отткрывается на иврите, сверху слева есть опция на англ. Внизу этого письма я ее поставил.

С уважением Ефим Аронович Гаммер

http://primo.nli.org.il/primo_library/libweb/action/display.do?tabs=detailsTab&ct=display&fn=search&doc=NNL-Journals003722773&indx=2&recIds=NNL-Journals003722773&recIdxs=1&elementId=1&renderMode=poppedOut&displayMode=full&frbrVersion=&dscnt=0&scp.scps=scope%3A%28NNL%29&frbg=&tab=default_tab&dstmp=1407170736383&srt=rank&mode=Basic&&dum=true&vl(freeText0)=%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BE%D0%BA%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D0%B7%D0%BE%D1%80%D0%B8&vid=NLI&gathStatIcon=true

Приокские зори: ордена Г. Р. Державина литературно-художественный и публицистический журнал

Тульский государственный университет;199?

Тула Тульский государственный университет

Priokskie zori

Title: Приокские зори: ордена Г.Р.Державина литературно-художественный и публицистический журнал

Author: Тульский государственный университет

Publisher: Тула Тульский государственный университет

Creation Date: 199?

Added Place3: Priokskie zori

Subjects: Russian literature — Periodicals

Notes: выходит 4 раза в год

Format: том : иллюстрации, портреты; 26 см..

Source: The National Library of Israel

Permalink:

http://primo.nli.org.il/primo_library/libweb/action/dlDisplay.do?vid=NLI&docId=NNL-Journals003722773 System Number: 003722773 Links This item in the Library Catalog

http://www.yefim-gammer.com

Приокские зори: ордена Г. Р. Державина литературно-художественный и публицистический журнал

מחבר/יוצר: Тульский государственный университет

מוציא לאור: Тула Тульский государственный университет

שנת פרסום: 199?

כותרים נוספים: Priokskie zori

נושאים: Russian literature -- Periodicals

הערות: выходит 4 раза в год

תיאור: том : иллюстрации, портреты ; 26 см..

מקור: The National Library of Israel

קבוע קישור:
http://primo.nli.org.il/primo_library/libweb/action/dlDisplay.do?vid=NLI&docId=NNL-Journals003722773 מערכת מספר: 003722773 קישורים הספרייה בקטלוג הפריט

В каталоге Национальной библиотеки Израиля имеются библиографические данные книги А.А. Яшина «Квадратная пустота» и Я. Н. Шафрана «В пути»:

Квадратная пустота: роман-новеллино / Алексей Яшин ; предисл. Л. В. Ханбекова.

מחבר/יוצר: Алексей Афанасьевич Яшин
Академия Российской литературы
מוציא לאור: Москва: Московский Парнас
שנת פרסום: 2012
כותרים נוספים: Kvadratnaia pustota
הערות: Перед загл.: Академия Российской литературы, Библиотека журнала «Приокские зори»
С автографом автора.
סדרה: Библиотека журнала «Приокские зори»
תיאור: 333 с.; 18 см.
מקור: The National Library of Israel
קבוע קישור:
http://primo.nli.org.il/primo_library/libweb/action/dlDisplay.do?vid=NLI&docId=NNL_ALEPH003508144 מערכת מספר: 003508144 קישורים הספרייה בקטלוג הפריט

В пути: рассказы / Яков Шафран.מחבר/יוצר: Яков Наумович Шафран
מוציא לאור: Тула: Изд-во ТулГУ
שנת פרסום: 2012
כותרים נוספים: V puti
נושאים: Short stories, Russian — 21st century
סדרה: Библиотека журнала «Приокские зори»
תיאור: 98 с.; 21 см.
מקור: The National Library of Israel
מזהה: ISBN9785767921959
קבוע קישור:
http://primo.nli.org.il/primo_library/libweb/action/dlDisplay.do?vid=NLI&docId=NNL_ALEPH003508141 מערכת מספר: 003508141 קישורים הספרייה בקטלוג הפריט

ПИСЬМО ИЗ БЕЛОРУССИИ

Здравствуйте, уважаемый Алексей Афанасьевич! Журнал «Приокские зори» № 2 получил с большим удовлетворением. Что касается Вашего журнала, то он мне понравился своей солидностью, добротным содержанием и, здесь уместно будет привести чисто человеческое качество, большой уверенностью. Мне есть с чем сравнивать, потому что печатался не только у себя в Беларуси, но и в России, Украине, Польше, Австрии, Германии. Поэтому примите мои самые искренние поздравления с тем, что «Приокские зори» по-настоящему носит звание Журнал. Был бы рад увидеть свои произведения на страницах «ПЗ». В настоящее время я готовлю к выпуску небольшую книгу стихов для детей о животных. Если Вы не против, хотел бы напечатать эти стихи и у Вас. С уважением.

Дмитрий Виноградов,
г. Узда, Белоруссия

...И ПИСЬМО ИЗ ЛАТВИИ

Здравствуйте, Алексей Афанасьевич!

Решила Вам написать о нашей жизни в Латвии, но тут на глаза попалась эта статья. По-моему, лучше уже не напишешь. Такова наша сегодняшняя реальность.

Совсем недавно в сейме выдвинули закон об ужесточении штрафов за нарушение норм использования гос. языка. Теперь, если русскоговорящему человеку надо будет обратиться в госучреждение, он вынужден будет разговаривать и понимать латышскую речь.

Самое смешное, что до сих пор все старательно нарушали этот запрет. Сами латыши, обычный народ, не связанный с властью, очень добродушны и вежливы, и всегда готовы прийти на помощь. Мы неоднократно с Виталием сталкивались с этим. И вспоминаем только с благодарностью. Пока приходилось бегать с документами на оформление Вида на жительство, много препятствий преодолевали. И если бы не латыши, работающие обычными клерками в госучреждениях, мы не справились бы с нашими проблемами. Но вот парадокс — власть в Латвии, словно с другой планеты. Старательно «закручивают гайки». Но давление, медленно, но верно растет...

Олеся Янгол, художник редакции «Приокских зорь», Юрмала, Латвия

Наступление на русское образование в Латвии продолжается. В годы песенной революции НФЛ обещал жителям Латвии гражданство. Обещал, мол, отделимся от СССР и через пять лет будем жить, как в Швеции и Дании. Обещал сохранить и развивать систему среднего образования на русском языке...

Уже более 20 лет у власти в ЛР находятся наследники НФЛ — обманули по всем пунктам! По-прежнему в нашей стране более четверти миллиона неграждан. Они ущемлены в экономических и социальных правах; полностью лишены политических прав.

Мы и сегодня живем в украденной стране — самой бедной из 14 стран Еврозоны, одной из самых бедных из 28 стран Евросоюза.

Пожалуй, самый большой обман — в сфере образования. С 1998 года в Латвии ликвидированы 12 % от общего количества латышских школ и почти 50 % школ русских. Это непотребство нельзя оправдать ни демографической ситуацией, ни нехваткой средств. Я убежден, что государство, которое уничтожает школы, раньше или позже начнет сжигать книги. Первые попытки в этом направлении уже делаются. Недавно министр образования И. Друвиете запретила подаренную школам книгу доктора педагогики В. Бухвалова «И время ставит обелиски». Сейчас проводится проверка, а соответствуют ли идеологии Латвии книги известного писателя В. Пикуля, подаренные послом РФ в ЛР резекненцам. Кощунственно, ведь общеизвестно, что цензура в Латвии запрещена конституцией!

Но вернемся к боли моей — образованию. К сожалению, свобода выбора языка образования родителями-налогоплательщиками не вписывается в этнократическую реальность правящих партий. Наступление на русскую школу началось аж в 1995 году,

когда в закон «Об образовании» без предварительных исследований была введена норма о том, что в основной школе не менее двух, а в средней школе не менее трех предметов должны преподаваться на латышском языке. МОН ЛР не интересовали ни ход «эксперимента» над нашими детьми, ни его результаты. В 1998 году Сейм принял закон «Об образовании», который определил полную ликвидацию среднего образования на русском языке с 1 сентября 2004 года. Только беспрецедентные акции протеста, организованные Штабом защиты русских школ и поддержанные школьной молодежью и родителями, позволили сохранить, пусть в урезанном виде, русскую школу.

По данным правозащитника Владимира Бузаева с 2003 по 2005 год было проведено 198 акций прямого действия; 39 из них сопровождались задержанием полицией их участников или административными судами против организаторов. В 35 акциях приняли участие от 1 000 до 30 000 человек!

Пропорция 60 % : 40 %, как в водке — не научна, привела к снижению качества знаний и ухудшению здоровья наших детей, но лучше, чем «только на госязыке» — так планировали нацрадикальные депутаты.

После почти десятилетия относительного затишья, в 2012 году, наступление на русскую школу продолжилось с введением единого с латышскими школьниками выпускного экзамена по госязыку. Думаете, правящих интересует улучшение знаний нашими детьми латышского языка? Нисколько. Их интересует, чтобы они знали свое место. Очередной «эксперимент» привел к тому, что значительная часть выпускников русских школ лишилась возможности поступать на бюджетные места в вузы.

Русскую школу гнобят, а она все жива. Нацики этого терпеть не могли и в 2013 году выступили с инициативой — ликвидировать обучение на русском языке, начиная с младших групп детских садов. Эту людоедскую инициативу поддержало правительство вроде бы умеренной Л. Страуюмы. Коалиционный договор предусматривает государственно финансируемое образование на языках меньшинств ликвидировать с 2014 до 2018 года.

Казалось бы, 7 акций протеста, организованные возрожденным Штабом защиты русских школ и Конгрессом неграждан, дали ясно понять правительству, что сами меньшинства и прежде всего русские Латвии не приемлют их волюнтаристских решений.

Однако, несмотря ни на что, наступление на русскую школу продолжается. 12 августа нынешнего года КМ ЛР тихой сапой принял правила № 468. В 25-м приложении изложена новая программа обучения для 1—9 классов школ нацменьшинств. Настораживают и возмущают задачи программы. Например, обеспечить овладение госязыком на таком уровне, чтобы воспитанники на латышском языке могли продолжать среднее образование! Об улучшении качества знаний и уровня воспитанности детей, к сожалению, правящие не думают.

Кабмин предлагает четыре модели, по два варианта учебных планов к каждой; разрешает школам разрабатывать и свою модель, но, во-первых, все модели отводят в 7—9 классах на изучение латышского языка и литературы пять уроков в неделю, а на изучение русского языка — лишь три урока в неделю!

Во-вторых, пресловутые 60:40 вводятся теперь и для 7—9 классов! По моему мнению — это насильственное олатышивание, т.е. ассимиляция, противоречащая букве и духу Всеобщей декларации прав человека; Гаагским рекомендациям в отношении прав на образование нацменьшинств; Европейской хартии региональных или миноритарных языков и другим международным документам.

Доколе мы будем терпеть издевательства над нашими детьми? Ведь ни одна общественная организация нацменьшинств Латвии не просила правительство принимать столь изуверские правила.

Я призываю родителей быть бдительными. Если нововведения КМ ЛР ухудшат самочувствие и качество знаний ваших детей обращайтесь с заявлениями в правительство, МОН ЛР, Штаб защиты русских школ.

Увы, с нами обращаются так, как мы позволяем с собой обращаться.

Яков Плинер,
доктор педагогических наук,
спикер Штаба защиты русских школ

...ПИШУТ ИЗ АМЕРИКАНСКОГО СИЭТЛА

Многоуважаемый господин Яшин!

Огромное Вам спасибо за журнал «Приморские зори», который, благодаря Вам, читают в Сиэтле многие русские читатели.

Many thanks for your generous gift of the literary journal, Priokskie Zori.

Quite a few of our Russian-speaking patrons indulge in reading your journal and wait impatiently for each and every issue.

They delight reading the poetry and stories each time they receive a new copy.

On behalf of many happy Russian readers, please accept the most sincere thanks!

Truly Yours, Leszek Chudzinski, Sr. Librarian, The Seattle Public Library,
1000 Fourth Avenue, Seattle, WA 98104, Tel. # 206-684-0849,
leszek.chudzinski@spl.org

* * *

В газете «Тульская правда» № 26 (812) от 9 июня 2014 г. на 4-й полосе дан анонс № 2, 2014 «Приокских зорь»: фото обложки (1-я и 2-я стр.), фото из текста, содержание и изобразительный ряд Якова Шафрана, посвященный 90-летию старейшей писательницы России, члену редколлегии нашего журнала Наталии Диомидовны Парыгиной.

НАШЕГО ПОЛКУ В «ВИКИПЕДИИ» ПРИБЫЛО!

В электронную энциклопедию «Википедия» включена статья об альманахе «Ковчег», выходящем в серии «Библиотека журнала «Приокские зори».

КОВЧЕГ (АЛЬМАНАХ)

[править | править исходный текст]

Материал из Википедии — свободной энциклопедии

Перейти к: навигация, поиск Ковчег

Специализация: литературно-музыкальный альманах

Периодичность: 1 раз в год

Язык: русский

Адрес редакции: bonyans@yandex.ru

Главный редактор: Яков Шафран

Учредители: Журнал "Приокские зори"

Издатель: Издательство "Папирус", Тула

Страна: Россия

Дата основания: сентябрь 2011 года

Веб-сайт: [1]

«Ковчег» — российский ежегодный литературно-музыкальный альманах журнала Приокские зори, издающийся в Туле с 2011 года.

Содержание [убрать]

1 История
2 Авторы
3 Редакционный совет
4 Примечания
5 Ссылки

История[править | править исходный текст]

Альманах «Ковчег» был основан в сентябре 2011 года. Редакционный совет состоит из семи человек: главного редактора, заведующих отделами прозы, поэзии, литературоведения и публицистики и трех членов редколлегии — все из Тулы, Калининграда и Щекино.

«...Альманах (...) посвящен «Православию в наших душах», потому, видно, и открывается вступительной статьей ученого, богослова и литературоведа М. М. Дунаева, в которой рассматриваются роль и значение Православия в русской литературе XVII—XX веков. Оттуда, по словам автора, идет «признание совести мерилом всех жизненных ценностей». Статья задает тон содержанию альманаха, подтверждение чему читатель найдет в произведениях авторов. Ну, к примеру, у патриарха русской поэзии Виктора Пахомова. В подборке его стихотворений — героизм и стойкость туляков, отстоявших родной город от нашествия гитлеровских полчищ, сочувствие людским страданиям (...) а в стихах В. Савостьянова — боль за милую сердцу природу, будь то дерево или травинка, за малую родину и большую с ее непарадной красотой (...) В разделе «Проза» публикуются рассказы А. Яшина, Г. Маркина и других авторов, так же, как и поэты, затрагивающих нравственные и бытовые стороны жизни людей, разных по возрасту, профессиям и социальному положению. Они дополняют раздел поэзии с его зримой попыткой признания совести мерилом жизненных ценностей...» Алексей Корнеев[1][2][3]

В «Ковчеге» семь разделов: «Духовная страница», «Поэзия», «Проза», «Публицистика», «Литературоведение, литературная критика, рецензии» и другие.

«...Данное издание вполне состоявшееся и зрелое, с каких бы позиций его ни рассматривать, даже с позиции композиционного построения материалов и художественного оформления видно, что делался он с любовью, с душой (...) Главным образом душа человека, его внутренний мир во взаимодействии с окружающим миром — вот главные объекты осмысления и исследования посредством литературных художественных средств — в центре внимания авторов этого (...) издания...» Людмила Алтунина, член Союза журналистов России[4]

«Ковчег» — это удивительный мир, объединяющий творческих людей по духу». Елена Гаденова, член Союза российских писателей[5]

Первоначально альманах «Ковчег», как областной, ориентировался на авторов Тулы и Тульской области. Однако вскоре он приобрел статус всероссийского и международного издания. Среди постоянных авторов альманаха — литераторы России из Москвы, Тулы, Самары, Тольятти, Серпухова, Алексина, Донского, Щекино, Волгоградской области, а также Болгарии и Республики Мозамбик.

Учредителем альманаха является журнал «Приокские зори». Он издается при

всесторонней поддержке известного русского писателя и ученого Алексея Афанасьевича Яшина.

Авторы[править | править исходный текст]

Имена авторов, сотрудничающих с «Ковчегом» все годы издания, приведены в порядке первых публикаций в альманахе.

Валерий Ходулин[6], Валерий Савостьянов[7], Виктория Ткач[8], Татьяна Леонова[9], Яков Шафран, Елена Гаденова[10], Ольга Бугримова[11], Геннадий Мир[12], Светлана Люкшина, Эдуард Георгиевский[13], Евгений Залесский[14], Мария Михайлова, Галина Лялина[15], Любовь Самойленко[16], Игорь Боронин[17], Сергей Никулов[18], Вячеслав Алтунин[19], Надежда Первухина[20], Наталия Силаева[21], Михаил Тулуевский[22], Елизавета Баранова, Олеся Маматкулова[23], Михаил Дунаев, Людмила Алтунина, Геннадий Маркин, Виктор Пахомов[24], Марк Дубинский, Олег Пантюхин[25], Виктор Иванов, Сергей Резвяков, Владимир Гудков, Татьяна Шелепина[26], Алексей Яшин, Сергей Одиноков, Владимир Пашутин[27], Нина Попова[28], Ольга Пономарева-Шаховская[29], Елена Семенова[30], Сергей Лебедев[31], Валерий Демидов[32], Ваня Георгиева-Ангелова, Елена Соколова, Валерий Маслов[33], Рудольф Артамонов, Игорь Карлов, Сергей Крестьянкин[34], Татьяна Рогожина, Андрей Можаев, Марина Баланюк, Людмила Пенькова и многие другие.

Редакционный совет[править | править исходный текст]

Яков Шафран — главный редактор и составитель

Алексей Яшин — составитель

Валерий Ходулин

Сергей Крестьянкин — зав. отделом прозы

Людмила Алтунина — зав. отделом публицистики и литературоведения

Владимир Резцов — зав. отделом поэзии

Геннадий Маркин

Примечания[править | править исходный текст]

↑ Показывать компактно

↑ Алексей КОРНЕЕВ (г. Чехов). «Плыви, „Ковчег“, и не сбивайся с курса!» Содружество литературных проектов «Русское поле».

↑ http://www.pz.tula.ru/2013_3/12.pdf Алексей Корнеев. «Плыви, „Ковчег“, и не сбивайся с курса!» Журнал «Приокские зори» № 3 за 2013 г. Раздел «ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ», с. 265.

↑ А. Корнеев. «Плыви, „Ковчег“, и не сбивайся с курса!» «МОСКОВСКИЙ ПАРНАС». Независимый альманах. М., 2013, № 02 (81), 200 с.— с. 182.

↑ http://www.mrwolf.ru/Kultura_i_iskusstvo/Literatura/16964 Л. Алтунина. «Вполне народный альманах „Ковчег“.

↑ http://www.71ru.info/arsenal/culture/1051-novoe-slovo-kovchega-elena-gadenova.html «Новое слово „Ковчега“». Елена Гаденова.

↑ http://www.tula.ru/activity/society/honorary-citizens/hodulin_valery_g/ ХОДУЛИН Валерий Георгиевич

↑ http://www.ru-pisateli.ru/sav/index.html Писатели русской глубинки. Феномен Валерия Савостьянова

↑ http://ru.science.wikia.com/wiki/Ткач,_Виктория_Юрьевна Наука. Ткач, Виктория Юрьевна

↑ http://leo.genmir.ru/ Наша литература. О Татьяне Леоновой

↑ http://poet.poetbratstvo.ru/ Поэты клуба «Поэтическое братство». Гаденова Елена Геннадьевна

↑ http://www.mylitera.ru/poeziya/soyuz-pisatelej-rossii/1482-bugrimova-olga.html Бугримова Ольга

↑ http://mir.genmir.ru/ Сайт Геннадия Мира

↑ http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/33442/Георгиевский Большая биографическая энциклопедия. Георгиевский, Эдуард Павлович

↑ http://www.tiflo.tosbs.ru/tula/tula-personalii/85-evgeniy-zalesskiy.html Персоналии. ЕВГЕНИЙ ЗАЛЕССКИЙ

↑ http://shkola3.3dn.ru/index/galina_ljalina/0-281 Персональный сайт

↑ http://www.chitalnya.ru/users/lubovvv/ Любовь Самойленко. Литературно-художественный портал

↑ http://www.pz.tula.ru/2013_3/12.pdf Алексей Корнеев. «Плыви, „Ковчег“, и не сбивайся с курса!» Журнал «Приокские зори» № 3 за 2013 г. Раздел «ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ,ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА,РЕЦЕНЗИИ», с. 265.

↑ А. Корнеев. «Плыви, „Ковчег“, и не сбивайся с курса!» «МОСКОВСКИЙ ПАРНАС». Независимый альманах. М., 2013, № 02 (81), 200 с.— с. 182.

↑ http://www.mrwolf.ru/Kultura_i_iskusstvo/Literatura/16964 Л. Алтунина. «Вполне народный альманах „Ковчег“.

↑ http://www.71ru.info/arsenal/culture/1051-novoe-slovo-kovchega-elena-gadenova.html

«Новое слово „Ковчега“». Елена Гаденова.

↑ http://www.tula.ru/activity/society/honorary-citizens/hodulin_valery_g/ ХОДУЛИН Валерий Георгиевич

↑ http://www.ru-pisateli.ru/sav/index.html Писатели русской глубинки. Феномен Валерия Савостьянова

↑ http://ru.science.wikia.com/wiki/Ткач,_Виктория_Юрьевна Наука. Ткач, Виктория Юрьевна

↑ http://leo.genmir.ru/ Наша литература. О Татьяне Леоновой

↑ http://poet.poetbratstvo.ru/ Поэты клуба «Поэтическое братство». Гаденова Елена Геннадьевна

↑ http://www.mylitera.ru/poeziya/soyuz-pisatelej-rossii/1482-bugrimova-olga.html Бугримова Ольга

↑ http://mir.genmir.ru/ Сайт Геннадия Мира

↑ http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/33442/Георгиевский Большая биографическая энциклопедия. Георгиевский, Эдуард Павлович

↑ http://www.tiflo.tosbs.ru/tula/tula-personalii/85-evgeniy-zalesskiy.html Персоналии. ЕВГЕНИЙ ЗАЛЕССКИЙ

↑ http://shkola3.3dn.ru/index/galina_ljalina/0-281 Персональный сайт

↑ http://www.chitalnya.ru/users/lubovvv/ Любовь Самойленко. Литературно-художественный портал

↑ http://www.stihi.ru/avtor/boroni Игорь Боронин Стихи.ру

↑ http://kongress-intelligencii.ru/Nikulov.htm Сергей Никулов Конгресс интеллигенции

↑ http://www.kongress-intelligencii.ru/altunin.htm О СЕБЕ, О ТВОРЧЕСТВЕ, О СЕМЬЕ

↑ http://www.bukvaved.net/avtor_filter/%CD%E0%E4%E5%E6%E4%E0+%CF%E5%F0%E2%F3%F5%E8%ED%E0/ Надежда Первухина. Все книги автора

↑ http://stihi-natali.ru/ СТИХИ НАТАЛИ

↑ http://www.proza.ru/avtor/tuluevsky Михаил Тулуевский

↑ http://www.stihi.ru/avtor/mamatkulova Олеся Маматкулова

↑ http://www.ya-zemlyak.ru/avtpoesia.asp?id_avt=731 Русская поэзия. Виктор Пахомов

↑ http://poet.genmir.ru/pan/ Поэзия Олега Пантюхина

↑ http://aleksinlit.ru/sample-page/tatyana-shelepina/ АЛЛО. Татьяна Шелепина

↑ http://tspr.genmir.ru/2.htm Владимир Пашутин — член Творческого Союза Песенников России (ТСПР)

↑ http://www.bard.ru/cgi-bin/frameset.cgi?kind=clips&name=%CF%EE%EF%EE%E2%E0_%CD. Попова Нина Викторовна. «Авторская песня»

↑ http://www.stihi.ru/avtor/calimalinda Ольга Шаховская

↑ https://www.proza.ru/avtor/etna28 Елена Владимировна Семенова

↑ http://www.stihi.ru/avtor/vetluga Стихи. Ру. Сергей Лебедев 4

↑ http://pisarewa.ru/index.php/2013-04-03-09-35-40/417-2013-11-05-06-49-11 ВАЛЕРИЙ ДЕМИДОВ член Союза журналистов СССР.

http://creationlab.ru/poetry/DemidovVG/DemidovVG.html Стихи Валерия Григорьевича Демидова

↑ http://writer-maslov.narod.ru/biblio.html Библиография писателя Валерия Маслова http://writer-maslov.ucoz.com/ Сайт писателя Валерия Маслова

↑ http://www.proza.ru/avtor/gfynthf Сергей Крестьянкин. Проза. Ру

Ссылки[править | править исходный текст]

Л. Алтунина. «Вполне народный альманах Ковчег» (2013).

Елена Гаденова. Новое слово «Ковчега» (2011).

Альманах «Ковчег» (2011).

ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ НА ВЫХОД СТАТЬИ О «КОВЧЕГЕ В «ВИКИПЕДИИ»

Ольга Евсюкова *(поэт, художник, гл. редактор газеты «Тульский художник», г. Тула)*

Выход статьи о «Ковчеге» в Википедии произошел в светлые Пасхальные дни. И это, конечно же, не случайно. Ведь именно в эти дни Господь обходит землю, благословляет поля, леса, озера, реки, птиц, человека. Я искренне верю, что Он благословил всех, кто честно трудиться на благое просветительское дело. И пусть Благодатный Огонь сошедший в Великую Пасху осветит своим божественным сиянием благочестивый путь «Ковчега».

Анатолий Пережогин *(член Союза писателей и переводчиков России, кандидат физико-математических наук, профессор МГОУ, г. Москва)*

ОТ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЮ!!!

Ольга Борисова *(поэт и переводчик поэзии с болгарского и французского языков. Член Российского Союза профессиональных Литераторов, г. Самара)*

От всего сердца поздравляю! Да, это очень интересно! Молодцы! Успехов и процветания!

Резцов Владимир *(поэт, член Союза писателей и переводчиков России, зав. отделом поэзии журнала «Приокские зори», г. Калининград)*

Очень, очень приятно.

Елена Соколова *(художник, поэт, руководитель отдела воспитательной, художественно-творческой работы и общественных связей детской художественной школы им. В. Д. Поленова, г. Тула)*

Спасибо большое за информацию о «Ковчеге» — в самом деле, очень радостно!

Ольга Пономарева-Шаховская *(поэт и прозаик, член Международного Сообщества Писательских Союзов и Союза Писателей России, г. Москва)*

Горячо поздравляю редакцию в целом и тебя, Яков, лично с этим событием!!! Следующий шаг — страничка с электронной копией Альманаха в интернете. С пламенным приветом!

Светлана Даниэль Дион *(балерина, поэт и прозаик, член Союза Писателей России, президент Международной Ассоциации Граждан Искусства, гг. Мадрид — Санкт-Петербург — Нью Йорк)*

Pozdravlayu!

Сергей Лебедев *(химик-технолог, поэт, член Российского союза профессиональных литераторов, г. Тольятти Самарской области)*

Это здорово, почетно и волнующе! Вам спасибо за все, Яков Наумович! Плыть «Ковчегу» и дальше под Вашим началом! Семь футов под килем! Спасибо и самому знаменитому североморцу — Алексею Афанасьевичу Яшину! Неизменно ваш С. Лебедев.

Рагим Мусаев *(подполковник юстиции, преподаватель, драматург, член литературного союза «Полоцкая ветвь», г. Тула)*

Поздравляю с «пропиской» альманаха в самой популярной энциклопедии Интернета.

Светлана Люкшина *(поэт, ведущий специалист Центральной городской библиотеки им. Л. Н. Толстого, г. Тула)*

Очень рада за наш альманах!

Татьяна Рогожина *(прозаик, г. Тула)*

Спасибо за хорошие новости.

ОБЪЕКТИВНОЕ МНЕНИЕ

Получила № 4 «ПЗ» за 2013 г. и № 2 за 2014 г. (одновременно). Огромное спасибо. Признательно за публикацию моих рассказов и интервью с ВВЖ.

Во втором номере немало интересных материалов, но особенно захватывающей оказалась Ваша колонка редактора. Дважды прочитала сама, а на следующий день вслух на студии и решила Вам написать.

Приступая к чтению колонки, исходила из заголовка, который, вроде бы предполагает разговор о государственнике Пушкине и пророке Льве Толстом. А оказалось крупномасштабное, аналитическое литературно-философское, социологическое исследование, научная монография, охватывающая времена от Екатерины и Радищева до падения Империи, до наших дней, за которыми развал страны, культуры, нравственности, появление закулисного Мирового правительства.

Вы называете А. Пушкина «патриотическим государственником», но это определение, как нельзя точно, характеризует и Вас, удивляющего своей титанической работоспособностью и всеохватной деятельностью.

Анализ творчества Пушкина, его роли в становлении русской литературной периодики, как публициста, журналиста, издателя, исследование «загадочного» стихотворения «Воспоминание», которое «в бездействии ночном» вспоминал не только Толстой, но и многие из нас, настолько емок, что не уступает лучшим работам известных пушкинистов.

А столько фактического материала, столько имен, среди которых Достоевский, Некрасов, Тургенев, Лермонтов, Дельвиг... Да всех и не перечислишь и каждому посвящена не одна строка.

Очень интересны Ваши размышления, посвященные «пророку в своем Отечестве», теоретику общинной идеи Льву Николаевичу Толстому и И. В. Сталину, которого Вы называете, «гениальным практиком» в связи с исторически близкой Руси общинной идеей, интернациональная суть которой воплотилась в многонациональном государстве. Мне эта часть колонки была интересна, так как в Иране, о чем я Вам писала, прошла целая серия мероприятий, посвященных жизни и творчеству Л. Толстого с участием его внука, ныне советника президента, Владимира Толстого. А теперь иранцы, знающие, любящие творчество русского писателя, многие книги которого переведены на фарси, готовят литературную программу «Лев Толстой и Иван Бунин» в Культурном представительстве при Посольстве в Москве и я как раз читаю сейчас в сотый раз «Освобождение Толстого», книгу, которую Вы упоминаете. Причем для своего выступления выписала тот же отрывок о «ненавидящих строй и разрушающих его, но не понимающих, что дело не в смене правительств». Короче, Толстовская теория общины, нравственные принципы писателя, отношение к образованию и воспитанию, а так же увлечение восточными философиями найдет отражение в моем выступлении, и сошлюсь и на Ваш материал в «ПЗ». И, конечно, напрашиваются параллели с высказываниями иносказательно названного Вами Вермонтским отшельником лжепророка А. Солженицына, обучавшего «Как обустроить Россию». Думаю, что эта часть Вашего материала заинтересует не только иранцев, но и непальцев, которые после публикации в «ПЗ» моей статьи «Лев Толстой, Иван Минаев и неварская литература» тоже просят давать им, если не журнал, то хотя бы ксерокопии материалов по близкой тематике. Я Вам писала ранее подробно, как отметили 200-летие непальского поэта, основателя национального языка и литературы Ачарья. Всемирная федерация непальской литературы наградила меня за книгу о Непале, переводы и мою новую поэму «Почетным дипломом», выполненным из ценных пород дерева с серебряными надписями, а так же фигуркой Будды.

Уважаемый Алексей Афанасьевич, уверена, что эта Ваша колонка редактора вызовет многочисленные неоднородные отклики, серьезную полемику, тем более что Вы и ранее встречали неодобрительные отзывы на Ваши противопоставления Радищева и Пушкина. Позволю высказать свои мысли и в отношении этой части колонки.

Что касается «Путешествия из Москвы в Петербург» А. Пушкина, то действительно, оно практически не знакомо даже большинству гуманитариев. Я помню, что на филфаке в МГУ о нем, так же как и об очерке « Александр Радищев» сообщалось вскользь, без разбора глав, как о своеобразной реакции великого поэта на творчество своего предшественника. А вот «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева и в школе, и университете изучалось почти построчно и, безусловно, в сознании он остался великим писателем, опередившим на века свое время, беспощадно критиковавшим власть и за это пострадавшим. И от такой оценки Радищева очень сложно за один раз избавиться, необходимо очень серьезно вновь прочитать очерк Пушкина и вдумчиво вникнуть в Ваши комментарии и аргументы.

Думаю, что оппонентов будет немало не только среди журналистов, как вы пишите, но и среди литературоведов, преподавателей, историков и прочих, в чем я убедилась, даже читая этот материал на студии. У одних — удивление, у других — осторожное согласие, третьи — полное отрицание.

Не все согласятся с оценкой Радищева как духовного предтечи масонов, западников, хотя то, что именно он «разбудил» декабристов, а они последующих, заложено изначально, по крайней мере, в нашем поколении, а нынешнее и имени такого не знает, да и имена тех же декабристов не назовет (это я знаю по встречам со школьниками в разных школах).

Тем более, вряд ли филологи, как языковеды, так и литературоведы, а тем более

поэты (не нынешние «модернисты», не признающие ничего, кроме собственных форм) согласятся с высказываниями Александра Сергеевича, что влияние Ломоносова «на словесность было вредное». И первым аргументом будет реформа русского стихосложения, носящая имена Тредиаковского и Ломоносова, в которой именно Ломоносов завершил усовершенствование теоретически основ русского стиха, написав «правила российского стихотворства», ритмической основой которого стало правильное чередование ударных и безударных слогов. Ломоносову мы обязаны системой тонического стиха, стихотворными размерами, органически присущими русскому языку, которыми пользуется истинная поэзия и сегодня. Кроме того, Ломоносов был ярым противником заимствований, искусственной пересадки на русскую почву силлабического стиха. Да и своей практической деятельностью стихотворца он внес неоценимый вклад в развитие русской поэзии. Так что написанные Радищевым, пусть «слогом надутым и тяжелым», по словам того же Пушкина, многочисленные страницы о Ломоносове — поэте, ораторе, реформаторе, грамматике и пр., думаю, читателями воспринимаются более благосклонно, даже, если у Радищева и были какие-то тайные мысли ослабить славу Михайло Васильевича. Это мои соображения в отношении оценки Ломоносова Пушкиным и Радищевым.

А в целом, очень благодарна Вам, Алексей Афанасьевич, что Вы раскрываете новые грани и творческого, и исторического процесса, и заставляете возвращаться к чтению произведений, давно отложенных или казавшихся полностью изученными.

Хотела написать Вам еще о некоторых мероприятиях, последних недель, но не буду занимать Ваше время. До следующего раза. Скажу только, что 23 июля в гостинице «Космос» прошел Международный круглый стол «Алгоритм действий в условиях надвигающейся катастрофы», цель которого — формирование социальной платформы для содействия прекращению текущих военных конфликтов, в частности на Украине. Если бы Вы присутствовали, то полемического материала у Вас было бы немало на очередную колонку редактора. Выступали послы нескольких государств, аккредитованных в РФ, представители дипломатических корпусов, национальных диаспор, специалисты по проблемам безопасности.

Узнала из «ПЗ», что Владимира Вадимовича Резцова приняли в творческий союз при МГО СП. Напишу ему поздравление. Он отправил Вам мои стихи к 200-летию Лермонтова и стихи по Украине.

Людмила Авдеева, Москва

НАШИ ЛЮДИ В «МОСКОВСКОМ ПАРНАСЕ»

В № 4, 2014 дружественного «Приокским зорям» Независимого альманаха «Московский Парнас» опубликован материал Татьяны Шелепиной об алексинском литературном объединении «АЛЛО», с которым у «Приокских зорей» давние и плодотворные творческие связи. С разрешения редакции «Московского Парнаса» даем перепечатку данного материала.

ПРИМИТЕ НАШ ПОКЛОН И СЛОВО

Алексин — один из старейших исторических городов Тульской области, основан в 1348 году.

Он гордо раскинулся на обоих берегах красавицы Оки с ее многочисленными притоками, с лесными массивами вековых сосен.

Наше литературное объединение является одним из старейших. Оно было создано при газете «Знамя Ильича» ее редактором Иваном Владимировичем Сотниковым в феврале 1931 года.

В разные годы в ЛитО сотрудничали известные писатели: Н. А. Козлов, И. А. Венников, А. Н. Ванышев.

На протяжении своего существования литобъединение несколько раз переименовывалось. Оно называлось «Окская волна», «Поэзия», «Лира», сейчас Алексинское литературное объединение «АЛЛО».

Представители разных поколений алексинских литераторов публикуют свои произведения на страницах местных газет, издают свой литературно-музыкальный альманах «АЛЛО», публикуются в тульских альманахах: «На крыльях Пегаса», «Пегасик», «День тульской поэзии», журнала «Приокские зори», а также в московских изданиях — «Созвучие», «Спутник» и других.

Члены нашего объединения уделяют большое внимание контакту с читателями. Они постоянно выступают в различных аудиториях, участвуют в ежегодных городских поэтических конкурсах, фестивалях — раз в два года.

Очень хочется познакомить читателей «Московского Парнаса» с нашими поэтами, которые живут и творят на чудесной алексинской земле.

Татьяна Шелепина,
руководитель ЛитО «АЛЛО»

РАЗНЫЕ НОВОСТИ И НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

* * *

Дорогие коллеги!

Подведены итоги международного конкурса журналистики «Неизвестная Россия».

Среди победителей номинации «Мастерство» ГАММЕР Е. А. (Иерусалим),— очерк «Разминуться со смертью» о сибиряке Никодиме Корзенникове, отважном защитнике Ленинграда, единственном во время Второй мировой войны глухонемом от рождения солдате.

* * *

Я только что вернулась из поездки по Италии, Швейцарии, Сан-Марино и в Ватикан. А Рим прекрасен! Он по-прежнему вечный и молодой!

В сентябре планирую посетить фестиваль МГП «Русский стиль» в старинном городе Шпаере / Германия/. Приглашаю и Вас присоединиться к нам. Как пишет Михаил Семенович Серебро, это будет просто «достойно русского стиля».

С уважением, Тамара Булевич

* * *

Русское географическое общество (Пенза)

Итоги литературного конкурса имени Лаврентия Загоскина «Вслед за путеводною звездой». Номинация «Проза» Место Ф.И.О.

1. Гаммер Ефим, Иерусалим.
2. Баранов Дмитрий, Пенза.
3. Стеценко Галина, Пенза.

Председатель Пензенского регионального отделения Русского географического общества Игорь Пантюшов озвучил итоги литературного конкурса имени Лаврентия Загоскина «В след за путеводною звездой». Этот конкурс изначально планировался, как региональный, однако привлек такое пристальное внимание в интернет-пространстве, что сразу стал международным. Более пятисот авторов из России, бывших республик СССР, а также Италии, Германии, США, Австралии прошли предварительный отбор и стали участниками интернет-конкурса в 6 номинациях. 50 из них стали лауреатами конкурса — их произведения вскоре будут изданы в подарочном фолианте «Вслед за путеводною звездой».

http://pantyushov.livejournal.com/77090.html

* * *

Алексей Афанасьевич, добрый день!

Это Владимир Федоров из Москвы. Несколько дней назад Нина Попова передала мне вашу бандероль с журналами и книгой — огромное спасибо и за публикацию, и за ваш присланный роман! Книгу непременно прочитаю по возвращению с Камчатки, куда я улетаю сегодня до середины августа — использую ситуацию с вынужденным отпуском — нас отправили в него до 1 сентября. Часть отпуска уже провел в родной Якутии, вернулся в Москву — и снова в неоплачиваемый отпуск... Одна радость — давно мечтал побывать на Камчатке, а тут добрые люди подвернулись, и время теперь сколько хочешь.

Конечно, очень жаль, что газета за июнь, июль и август свет не увидела, и полетели все планы. Срок рассмотрения Устава МСПС Минюстом — 15 августа, тогда и наступит полная ясность — или отменят приостановку деятельности МСПС, или продлят... Наши надеются на благоприятный исход, мы в газете, конечно, тоже. Так что, Бог даст, сентябрьский номер выйдет. В этом случае будет в нем и статья о вашем журнале, что зависла по столь неприятным обстоятельствам. Мне, конечно, неловко за это, но поделать пока ничего не могу...

Еще раз большое спасибо за все!

Вернусь в Москву — сообщу о ситуации с газетой.

Всего Вам доброго!

Владимир

* * *

Алексей Афанасьевич! Вашу кандидатуру в СП России на награждение медалью Шукшина, одобрили. Все решено.

Виктор Буланичев, Бийск

* * *

Дорогой Алексей Афанасьевич!

Мы с мамой сердечно поздравляем Вас с Днем Военно-Морского Флота Совет-

ского Союза! Желаем Вам крепкого здоровья, везения и грандиозных творческих удач!

Ваш В. Резцов, Калининград

* * *

Дорогой Алексей Афанасьевич! Поздравляю Вас — североморца с главным праздником всех военморов России — Днем Военно-Морского Флота! Желаю Вам неиссякаемой физической и творческой бодрости, крепкого здоровья, личного счастья. К моим поздравлениям присоединяется выпускник Архангельского моручилища Геннадий. С уважением,

Людмила Авдеева, Москва

* * *

Поздравляем нового члена редакции «Приокских зорь» Игоря Мельникова с приемом в Союз писателей и переводчиков Московской городской организации Союза писателей России и желаем дальнейших успехов в творчестве!

* * *

21 декабря 2014 года исполнилось 135 лет со дня рождения генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина (Джугашвили).

...Не зря незомбированный пока еще в своем большинстве русский (и вообще — российский) человек, оглушенный всемирным движением звероподобного глобализма, повторяет в сердцах: «Сталина на вас нет!».

Поздравляем с Юбилеем Вождя всех, кто помнит отечественную историю и роль Сталина — создателя сверхдержавы СССР!

* * *

Орден М. Ю. Лермонтова,
учрежденный МГО СП России

Юбилейная медаль
«200 лет М. Ю. Лермонтову»

Редколлегия и редакция «Приокских зорь» поздравляет своего главного редактора Алексея Афанасьевича Яшина с награждением по представлению Московской городской организации Союза писателей России орденом М. Ю. Лермонтова и с награждением — по представлению журнала «Приокские зори» — юбилейной медалью «200 лет М. Ю. Лермонтову» за верное и творческое служение русской литературе и в связи с 200-летием со дня рождения гордости русской поэзии Михаила Юрьевича Лермонтова. Творческих Вам успехов!

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ЮБИЛЕЯМИ

Журнал «Приокские зори» в лице главного редактора, редколлегии и редакции сердечно поздравляет Академию российской литературы с 10-летним и Независимое литературное агентство «Московский Парнас» с 15-летним юбилеями! Особые наши поздравления основателю и бессменному руководителю АРЛ и «Московского Парнаса», известному российскому критику Леониду Васильевичу Ханбекову!

Президент Академии российской литературы Леонид Васильевич Ханбеков вручает удостоверение члена Академии известному русскому поэту Борису Рябухину — руководителю, совместно с Юрием Богдановым коллегии поэзии Академии (Фото Сергея Бочарова — поэта и фотолетописца «Московского Парнаса» и Академии российской литературы)

Редколлегия и редакция журнала «Приокские зори» с чувством невосполнимой утраты сообщает: 17-го ноября 2014 года на 52-м году жизни скоропостижно скончалась заместитель главного редактора журнала «Приокские зори», член МГО Союза писателей России и Академии российской литературы, лауреат литературных премий «Левша» им. Н. С. Лескова и им. А. С. Грибоедова, член Творческого клуба «Московский Парнас» Наталья Валентиновна Квасникова.

Наталья Валентиновна родилась в г. Абакане в 1963 г. Она автор четырех книг и многочисленных публикаций в журнале «Приокские зори», альманахах и антологиях поэзии и прозы, которые снискали ей известность российского поэта и прозаика, произведения ее запомнятся российскому читателю. Она была прекрасным сотрудником, мастером своего дела, достойной гражданкой и истинным патриотом.

Мы выражаем искреннее сочувствие родным Н. В. Квасниковой, для которых она была любящей дочерью и матерью.

Светлая память о Наталье Валентиновне навечно сохранится в наших сердцах!

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

Литературно-художественный и публицистический журнал

Редакторы: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Корректоры: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Компьютерный набор: авторы, И. Мельников
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для детей старше 16 лет.

ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 30.12.2014
Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 250 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издателя: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издается он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете посильно помочь редколлегии — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решаема каждым из вас: наверняка у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-RW с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Cir, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала. Все материалы, исключая поэзию, представляются в редакцию по «бумажной» почте: 300025, Тула, а/я 920, Яшину А. А. Поэзия представляется по e-mail: sensei419@yandex.ru зав. отделом поэзии Резцову Владимиру Вадимовичу.

С признательностью — редколлегия журнала

ДЕСЯТОГО ОКТЯБРЯ 2014 ГОДА В ТУЛЕ, В НОВОМ ЗДАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ОРУЖИЯ СОСТОЯЛОСЬ ЗАСЕДАНИЕ ИЗБОРСКОГО КЛУБА

(Фото Андрея Лыженкова)

Сопредседатели заседания руководитель Изборского клуба, главный редактор газеты «Завтра» Александр Андреевич Проханов и губернатор Тульской области Владимир Сергеевич Груздев ознакомились со свежими номерами «Приокских зорь»

ДЕСЯТОГО ОКТЯБРЯ 2014 ГОДА В ТУЛЕ, В НОВОМ ЗДАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ОРУЖИЯ СОСТОЯЛОСЬ ЗАСЕДАНИЕ ИЗБОРСКОГО КЛУБА
(Фото Андрея Лыженкова)

Рабочий зал заседания (среди приглашенных — заведующая редакцией «Приокских зорь» Марина Баланюк)

«Не в силе Бог, а в правде»